ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

Т. 17
№ 4
2025

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2025. Т. 17. № 4

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)
Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:
история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru
Сайт: https://mongoloved.kigiran.com/

© Калмыцкий научный центр
Российской академии наук, 2025
© Коллектив авторов, 2025

MONGOLIAN STUDIES
Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.
Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)
Issued since 2002

The ***Mongolian Studies*** is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly ***aims*** to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:
History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —
Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:
8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru
Web-site: https://mongoloved.kigiran.com/

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2025
© Collective of authors, 2025

Главный редактор
канд. филол. наук ***В. В. Куканова***, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук ***Э. П. Бакаева***, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук ***А. Алимаа***, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук ***Б. В. Базаров***, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
канд. филол. наук ***А. Т. Баянова***, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);
д-р филол. наук ***А. Бирталан***, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);
д-р филол. наук ***И. В. Булгутова***, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);
д-р филол. наук ***Л. С. Дампилова***, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
д-р ист. наук ***С. В. Джунджузов***, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);
д-р ист. наук ***Н. Л. Жуковская***, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);
д-р ист. наук ***Д. Н. Музраева***, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р филол. наук ***В. Н. Мушаев***, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук ***Л. В. Курас***, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
д-р ист. наук ***У. Б. Очиров***, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук ***К. В. Орлова***, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук ***А. М. Плеханова***, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
д-р филол. наук ***Г. Ц. Пюрбеев***, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук ***К. Хамфри***, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);
д-р ист. наук ***Н. Хишигт***, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук ***А. Д. Цендина***, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук ***Р. М. Ханинова***, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);
канд. филол. наук ***Г. М. Ярмаркина***, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: И. Б. Манджиева

Editor-in-Chief:
V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:
E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Russia, Elista)

Editorial Board:
A. Alimaa, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
B. V. Bazarov, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
A. T. Bayanova, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
A. Birtalan, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
I. V. Bulgutova, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
L. S. Dampilova, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
S. V. Dzhundzhuzov, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical Unversity (Orenburg, Russia);
C. Humphrey, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
R. M. Khaninova, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
N. Khishigt, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
L. V. Kuras, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
V. N. Mushaev, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
D. N. Muzraeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
U. B. Ochirov, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
K. V. Orlova, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
A. M. Plekhanova, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
G. Ts. Pyurbeev, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
A. D. Tsendina, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
N. L. Zhukovskaya, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
G. M. Yarmarkina, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova
Page layout: A. N. Kogdanov
Executive Secretary: I. B. Mandzhieva

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Бакаев В. Э. Банда Маслакова в 1921 г. 624

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Джагрунов С. В. Олёт, тёлёс, зюн-гар: к истории и корреляции этнонимов 646

Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц. Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти 678

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Кокорина Ю. Г. Алтын-ханы и Россия: новые данные (по материалам коллекции рукописей С. К. Кузнецова (1854–1913)) 691

Аюшеева М. В. Наследие Вандана Юмсунова в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН 712

Музраева Д. Н. «Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом» из ойратского рукописного сборника D 22 (по материалам коллекции А. М. Позднеева, хранящейся в Институте восточных рукописей РАН . . . 725

Ван Чжихуэй. Вклад Русской духовной миссии в Пекине в историю русского монголоведения 738

Цыремпилова В. Э. Тибетский буддизм в работах китайских исследователей первой четверти XXI в. (на материалах научной электронной библиотеки Wanfang Data) 763

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Манджиева И. Б. Калмыцкий словник в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ согласных 779

Бабаева С. В. О диалектном соответствии э → ө в калмыцком языке (по данным исторической лексикографии) 808

Кириленко С. В. Языковые установки и межпоколенческая динамика кодового смешения в условиях билингвальной среды среди носителей калмыцкого языка 822

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Хабунова Е. Э., Виктор Янжиндулам. Главный герой и событийный охват в ойратских эпопеях (на примере эпопей «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени») 834

Манджиева Б. Б. Ойратский джангарчи Перлян Рампиль и его репертуар 847

CONTENT

NATIONAL HISTORY

Bakaev V. E. Maslakov's Hord in 1921 624

ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

Dzhagrunov S. V. Olot, Tölös, Züün-gar: Some Remarks on the History and Correlation of the Ethnonyms 646

Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Cz. Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism, and Politics of Memory 678

SOURCE STUDIES

Kokorina Yu. G. Altyn Khans and Russia: New Data (Based on the Materials of S. K. Kuznetsov's Manuscript Collection (1854–1913)) 691

Ayusheeva M. V. The Written Heritage of Vandan Yumsunov in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). 712

Muzraeva D. N. "The Shastra Preached by Usun-Debiskertu Khan" from the Oirat Manuscript Collection D 22 (Based on Materials from the A. M. Pozdneev Collection, stored at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS). 725

Wang Zhihui. The Contribution of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing to the History of Russian Mongolian Studies 738

Tsyrempilova V. E. Tibet Buddhism in the Works of Chinese Researchers of the 1st Quarter of 21st Century (Based on the Materials of Scientific Online Library Wanfang Data) 763

LINGUISTICS

Mandzhieva I. B. Kalmyk Dictionary in the Work of P. S. Pallas: Grapho-Phonetic Analysis of Consonants 779

Babaeva S. V. The Dialectal Correspondence *e* → *ö* in Kalmyk: Evidence from Historical Lexicography 808

Kirilenko S. V. Language Attitudes and Intergenerational Dynamics of Code Mixing in a Bilingual Environment among Native Speakers of the Kalmyk Language 822

FOLKLORE STUDIES

Khabunova E. E., Victor Yanjindulam. The Main Character and Event Coverage in Oirat Epics (using the Example of the Epics "Kigiyin-Kiytyun-Keke-Temur-Zewe" and "Bum Erdeni") 834

Mandzhieva B. B. Oirat Dzhangarchi Perlyan Rampil and his Repertoire 847

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 624–645, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-624-645

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

CC BY NC ND

УДК 94(47)

UDC 94(47)

Банда Маслакова в 1921 г.

Вячеслав Эртнеевич Бакаев[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант

0009-0008-3782-8254. E-mail: bakaevve[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025
© Бакаев В. Э., 2025

Maslakov's Hord in 1921

Vyacheslav E. Bakaev[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Postgraduate Student

© KalmSC RAS, 2025
© Bakaev V. E., 2025

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена сложному явлению периода Гражданской войны в России — мятежу, поднятому бывшим красным командиром, комбригом Г. С. Маслаковым. *Цель* статьи — реконструировать события, связанные с бандой Г. С. Маслакова, возникшей в феврале 1921г. и окончательно разгромленной к осени того же года. *Материалы и методы*. К исследованию привлекаются неопубликованные материалы из Национального архива Республики Калмыкия и сведения, опубликованные в сборниках, а также данные специальной литературы. В работе применяются такие методы исторического анализа, как историко-сравнительный, историко-генетический, а также описательный метод. *Результаты.* Показаны этапы службы Г. С. Маслакова в царской и Красной армии, причины, побудившие его к принятию советской власти и затем — к мятежной борьбе «против коммунистов, но за советы». Описаны основные события, произошедшие с бандой Маслака в 1921 г. Сделан вывод о том, что мятеж Маслака, поднятый в начале 1921 г., стал выражением контрреволюционных взглядов части населения, разоренного Гражданской войной и реквизициями продразверстки. Потому численность банды Маслака и объединенных отрядов поначалу увеличивалась. Но после принятия в стране нэпа банда Маслака, несмотря на богатейший боевой опыт и солидную огневую мощь, была обречена. Такие крупные формирования в условиях степи могут существовать только при наличии солидной базы боепитания с запасами боеприпасов, продовольствия, фуража, госпиталя, которой у банды, конечно, не было. В какой-то мере эту базу могла заменить поддержка местного населения, однако после X съезда РКП(б) маслаковцы ее утратили. После этого отряд Г. С. Маслакова – Бровы[1]

[1] Как отмечает А. Н. Грищенко, «*достоверно не известно даже его имя. Иногда его называют Михаилом, но это непроверенные сведения. Во всех источниках он упоминается без имени-отчества*» [Грищенко 2016: 209].

ждал закономерный финал: он стал превращаться в уголовную банду, живущую грабежами, пусть даже и под прикрытием «зеленых лозунгов».
Ключевые слова: Г. С. Маслаков, Брова, Гражданская война, Красная армия, кавалерийский корпус, кавалерийская бригада, Калмыкия, мятеж, бандитизм
Для цитирования: Бакаев В. Э. Банда Маслакова в 1921 г. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 624–645. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-624-645

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to a complex phenomenon of the period of the Civil War in Russia — the rebellion raised by the former red commander, brigade commander G. S. Maslakov. *The purpose* of the article is to reconstruct the events related to the gang of G. S. Maslakov, which arose in February 1921 and was finally defeated by the autumn of the same year. *Materials and methods.* The research involves unpublished materials from the National Archives of the Republic of Kalmykia and information published in collections, as well as data from specialized literature. The work uses such methods of historical analysis as historical-comparative, historical-genetic, as well as descriptive method. *Results*. It shows the stages of G. S. Maslakov's service in the Tsarist and Red armies, the reasons that prompted him to accept Soviet power and then to rebel "against the communists, but for the Soviets". The main events that happened to the Maslak gang in 1921 are described. It is concluded that Maslak's rebellion, launched in early 1921, was an expression of the counterrevolutionary views of a part of the population devastated by the Civil War and the requisitioning of surplus land. Therefore, the number of Maslak's gang and the combined detachments initially increased. But after the adoption of the NEP policy in the country, Maslak's gang, despite its rich combat experience and solid firepower, was doomed. Such large formations in the conditions of the steppe can exist only if there is a solid base of ammunition, food, fodder, and a hospital, which the gang, of course, did not have. To some extent, this base could have been replaced by the support of the local population, but after the Tenth Congress of the RCP (b), the members of Maslakov's gang lost it. After that, G. S. Maslakov's and Brova's gang had a natural ending: he began to turn into a criminal gang living on robberies, even under the guise of "green slogans".
Keywords: G. S. Maslakov, Brova, Civil War, Red Army, cavalry corps, cavalry brigade, Kalmykia, armed gangs
For citation: Bakaev V. E. Maslakov's Hord in 1921. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 624–645. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-624-645

1. Введение

Гражданская война является в истории России одним из наиболее сложных периодов для изучения. Среди других проблем в ее изучении имеется следующая: иногда бывает крайне сложно провести водораздел между противоборствующими сторонами. К тому же представители этих сторон могли переходить на сторону противника, причем неоднократно. К таковым можно отнести Григория Савельевича Маслакова, также известного как «Маслак», и его зеленую банду, родившуюся из бригады 1-й Конной армии.

Из научных исследований и публикаций советского периода о мятеже Г. С. Маслакова известно совсем немного. Сам феномен превращения красного комбрига в зеленого махновца из-за противоречивости фигуры Маслака рассматривался с издержками, свойственными историческим трудам того времени. Не совсем объективно была отражена его роль как одного из организаторов краснопартизанских кавалерийских отрядов и его участие в организации красной конницы на Юге России.

О комбриге Г. С. Маслакове и его деятельности упоминали бывшие бойцы и командиры 1-й Конной армии в своих воспоминаниях [Кремень 1930: 16–26, 42; Ракитин 1931: 202; Буденный 1958: 187; Буденный 1973: 201]. Отдельные упоминания о Г. С. Маслакове исследователи отмечают в художественной литературе (см.: [Грищенко 2013: 125–126]). Так, отряд Г. С. Маслакова назван «*крупной антисоветской частью*», «*бандой Маслака*» в «Тихом Доне» М. А. Шолохова [Шолохов 1989: 376], в рассказе «Афонька Бида» из цикла рассказов «Конармия» И. Э. Бабеля о Маслаке говорится, что он — командир первой бригады четвертой дивизии, неисправимый партизан, изменивший вскоре Советской власти [Бабель 2005: 132]. В. В. Карпенко показывает взаимоотношения Г. С. Маслакова и Б. М. Думенко [Карпенко 1972]. Г. С. Маслаков упоминается в работе И. И. Дедова [Дедов 1989: 27].

В постсоветское время были опубликованы работы А. Ф. Рыбалкина [Рыбалкин 1998], А. С. Пчелинцева [Пчелинцев 2007; Пчелинцев 2010], Г. С. Колесова [Колесов 2009], Ю. Г. Калугина [Калугин 2009], В. Г. Ященко [Ященко 2009; Ященко 2017], А. Н. Грищенко [Грищенко 2013], У. Б. Очирова [Очиров 2015], В. Б. Убушаева [Убушаев 2019], Е. Г. Тимофеевой, А. О. Тюрина, С. В. Лебедева [Тимофеева и др. 2024]. В целом история периода Гражданской войны в работах историков постсоветского периода рассматривается более объективно. Однако деятельность Маслака остается недостаточно исследованной, и некоторые мифы, сложившиеся ранее, затрудняют изучение этой интересной и противоречивой фигуры.

Цель статьи — реконструировать события, связанные с бандой Г. С. Маслакова, возникшей в феврале 1921 г. и окончательно разгромленной к осени того же года.

2. Материалы и методы

В статье привлекаются к анализу архивные материалы, опубликованные в сборниках документов [Наш край 1968; Советская деревня 2000; Нестор Махно 2006]; обнаруженные в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК); правовые документы, регулировавшие порядок службы в царской армии [Уставы 1904; Устав 1904; Столетие 1907], а также сведения, выявленные и опубликованные в работах историков, изучавших Гражданскую войну в России. В работе применяются такие методы исторического анализа, как историко-сравнительный, историко-генетический, а также описательный метод.

3. Григорий Маслаков: штрихи биографии

Для понимания причин, обусловивших принадлежность или примыкание определенных личностей к одной из противоборствующих сторон в период Гражданской войны, необходимо, прежде всего, провести анализ биографических данных, свидетельствующих о социальном происхождении и жизненных ориентирах того или иного человека.

Обратимся к основным сведениям о жизни Маслака.

В биографии Григория Савельевича Маслакова, как отмечает А. Н. Грищенко, есть противоречивые сведения. По одним данным, он сын выходцев из Полтавской губернии, по другим — Ставропольской. В литературе его называли выходцем «*из крестьян Приманычья, с хутора Полстяного Сальского округа*», «*иногородним крестьянином, выросшим в Сальской степи*»; разнился даже год его рождения: либо 1877, либо 1889 [Грищенко 2013: 127]. Согласно биографии

Г. С. Маслакова, обнаруженной А. Н. Грищенко в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, он родился 12 марта 1877 г. в семье украинских крестьян в слободе Маныч-Балабинской станицы Багаевской Черкасского округа Области войска Донского. Вместе с родителями работал у коннозаводчиков Сальского округа. Образование он получил «*самое ничтожное*» [Грищенко 2013: 128], но, тем не менее, в 1899 г. был мобилизован в технически сложный род войск — артиллерию и дослужился сначала до специального чина фейервейкера, затем в 1901 г. — до вахмистра, позже в этом чине уволился в запас. Это свидетельствует о незаурядных способностях крестьянина-самородка, его смекалке и живом уме.

Необходимо отметить, что в России в 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, в том числе службе подлежали и крестьяне, и казаки. Согласно ст. 10 действовавшего в конце XIX в. «Устава о воинской повинности», «*Поступление на службу по призывам решается жребием, который вынимается единожды на всю жизнь. Лица, по номеру вынутого ими жребия, не подлежащие поступлению в постоянные войска, зачисляются в ополчение*» [Уставы 1904: 10], по ст. 11 «*К жребию призывается ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым к 1 октября того года, когда набор производится, минул двадцать один год от роду*» [Уставы 1904: 28]. Общий срок службы в сухопутных войсках для поступающих по жребию определялся в 18 лет, из которых 5 лет действительной службы и 13 лет в запасе (ст. 17 Устава: [Уставы 1904: 33]).

У донских казаков требования к воинской повинности отличались: они по достижении возраста 18 лет подлежали повинности в качестве призывника «*приготовительного разряда*», т. е. собирались регулярно на сборы, а с 21 года подлежали службе «*в строевом разряде*», которая включала службу в действующей армии (в «*частях первой очереди*», 4 года), и службу «*на льготе*»[1], когда, будучи зачисленными в части второй (в течение 4 лет), затем третьей (следующие 4 года) «*очереди*» [Устав 1904: 559–561], казаки проживали в станицах, но подлежали призыву на службу вместе со своим конем и обмундированием и проходили военные трехнедельные сборы один раз в год (для 2-й очереди) или в четыре года (для 3-й очереди)[2] [Столетие 1907: 123–132]. Всего служба казака длилась 20 лет: три года в приготовительном разряде, четыре года в действующей армии в частях 1 очереди, затем восемь лет «*на льготе*», когда казак, числясь во 2 и 3-й очередях призыва, постоянно жил дома, в станице, и пять лет «*в запасе*».

Г. С. Маслаков был призван в действующую армию в 1899 г., когда ему было уже 22 года, причем в артиллерию, хотя он, работавший на конных заводах, прекрасно владел искусством наездника, по некоторым сведениям, работал объездчиком.

В период Первой мировой войны вахмистра Г. С. Маслакова, которому в год ее начала должно было исполниться 37 лет, призвали в действующую армию. Возраст призывника уже был солидным, для военнослужащих сухопутных

[1] Льгота состояла в том, что казаки были освобождены от несения службы в действующей армии в мирное время.

[2] По достижении возраста 33 лет и до 38 лет донские казаки числились в «*запасном разряде*», они могли быть призваны в военное время на службу для возмещения убыли воевавших из первых трех разрядов. По достижении 38 лет завершался срок их службы, и их могли призвать только в случае войны в ополчение, которое могло быть созвано Высочайшим Манифестом [Столетие 1907: 128].

войск предельным являлся возраст 39 лет, а для казаков[1] возраст ухода в запас определялся в 38 лет.

Уже почти достигший возраста запасника, Г. С. Маслаков, будучи призванным в действующую армию, всю войну прослужил в артиллерии; с февраля 1917 г. принимал активное участие в революционных событиях. После развала царской армии вернулся на Дон, где стала назревать Гражданская война: значительная часть казачества, защищая сословные привилегии, отказалась поддержать Советскую власть и вступила в противоборство с донскими крестьянами, стремящимися к земельному переделу на уравнительных началах. Бывший вахмистр и участник революционных событий, достигший солидного для военнослужащего возраста, Г. С. Маслаков пользовался авторитетом у односельчан, поэтому при создании местного отряда крестьянской самообороны в феврале 1918 г. его избрали командиром [Грищенко 2013: 128].

4. Г. С. Маслаков в Красной армии

Когда белая Добровольческая армия Л. Г. Корнилова вышла из Ростова в свой знаменитый «Ледяной» (или Первый Кубанский) поход, большая часть донских казаков не присоединилась к ней, а составила так называемый Степной отряд под командованием нового походного атамана П. Х. Попова. Этот отряд ушел в степи Сальского округа, надеясь отсидеться там и дождаться казачьего восстания, которое неминуемо должно было начаться после земельного передела [Очиров 2007: 199–203]. В то время как основные силы красных на Юге России боролись с Добровольческой армией, Степному отряду (по численности сопоставимому с объединением Лавра Корнилова) противостояли лишь местные отряды самообороны. В условиях численного превосходства сил «белых» необходимость объединения этих отрядов была очевидна. В мае 1918 г. отряд Г. С. Маслакова влился в самый крупный местный отряд, которым командовал другой бывший вахмистр царской армии — Борис Мокеевич Думенко (1888–1920).

Летом 1918 г. отряды западного Приманычья объединились в 3-й Донской Крестьянский Социалистический полк, а его конница — в кавалерийский дивизион. Командиром дивизиона стал Б. М. Думенко, его помощником — Г. С. Маслаков. Вскоре 3-й Донской полк за счет присоединения других отрядов был развернут в 1-ю Донскую Советскую дивизию, в составе которой сформировали 1-й Донской крестьянский карательный кавалерийский полк (командир — Б. М. Думенко). 1-м дивизионом кавполка стал бывший дивизион Б. М. Думенко, который возглавил Маслак. 2-й дивизион составили Платовский эскадрон С. М. Буденного и Куберлеевская сотня К. Я. Наумецкого (в 1942 г. он будет командиром 273-го кавполка 110-й Калмыцкой кавдивизии). С. М. Буденный возглавил 2-й дивизион, а командиром Платовского эскадрона стал его друг — калмык-казак О. И. Городовиков. 3-й дивизион был сформирован из конного отряда Зимовников и Мокрого Гашуна под руководством Г. Н. Скибы [Карпенко 1972: 326]. Таким образом, у Б. М. Думенко было три командира

[1] Согласно «Уставу о воинской повинности», в военное время подлежали призыву последовательно первая, затем вторая, после которого — третья очередь строевых казаков [Устав 1904: 559–561]. Имелась особенность для третьей очереди: они должны были иметь в полной готовности обмундирование, вооружение и снаряжение, а строевых лошадей обязаны были приобрести, только когда об этом следовало распоряжение [Столетие 1907: 127].

ступенью ниже, равнозначных по должности: Г. С. Маслак, С. М. Буденный и Г. Н. Скиба, из которых он выбрал своим заместителем С. М. Буденного.

В августе 1918 г. после присоединения к 1-й Донской дивизии Орловско-Мартыновского отряда (остатков армии Донской Советской республики) 1-й Донской кавполк был развернут в кавбригаду под руководством Б. М. Думенко. Его заместителем снова стал С. М. Буденный. Новым командиром 1-го кавполка (будущего 19-го Манычского, который он через полтора года поднимет на бунт против Советской власти) стал Г. С. Маслаков, а помощником командира 2-го Донского кавполка — О. И. Городовиков [Очиров 2014: 42].

В конце 1918 г. после присоединения к бригаде Б. М. Думенко кавалерии расформированной Стальной дивизии Д. П. Жлобы была создана Сводная кавдивизия. 1-ю кавбригаду возглавил постоянный преемник Б. М. Думенко — С. М. Буденный, а вновь сформированную 2-ю кавбригаду — О. И. Городовиков. Так Г. С. Маслака, назначенного заместителем С. М. Буденного, начали обходить конкуренты. Однако «атаманщина» еще не была изжита в Красной армии, и «жлобинцы» не захотели воевать с новым командиром. Узнав, что «батько» Д. П. Жлоба формирует в Черном Яре партизанский отряд для рейдов по Калмыцкой степи, они сбежали к нему, открыв фронт [Очиров 2014: 42].

Г. С. Маслаков в этот период отличился в боях и одним из первых, наряду с Б. М. Думенко, С. М. Буденным и К. Ф. Булаткиным, был награжден только что учрежденной наградой Советской республики — орденом Красного Знамени. В приказе № 348 Реввоенсовета армиям Южного фронта Российской республики о награждении 4-й кавалерийской дивизии от 8 марта 1919 г. отмечалось: «*В многочисленных боях начальник дивизии Думенко, командиры бригады Буденный и Булаткин, командир полка Маслаков не только лично руководили боем. Но и, невзирая на ранения, оставались в строю для поставленных им боевых задач. Во внимание к этим исключительным заслугам перед революцией и Советской республикой дивизия награждается Почетным Знаменем, начальник дивизии Думенко, командиры бригады Буденный и Булаткин, командир полка Маслаков награждаются Знаком Ордена Красного Знамени*» [Наш край 1968: 74–75]

О. И. Городовиков был ранен. После выздоровления его назначили командиром 19-го Манычского кавполка, таким образом подчинив Г. С. Маслакову — заместителю комбрига 1-й бригады. В мае 1919 г. Б. М. Думенко присоединяет к своей кавдивизии (получившей нумерацию № 4) Ставропольскую кавдивизию (получившую нумерацию № 6) и впервые формирует в Красной армии соединение нового типа — кавалерийский корпус. Новым командиром 4-й кавдивизии стал, естественно, С. М. Буденный, а командиром 1-й бригады — Г. С. Маслаков. Однако вскоре после этого Б. М. Думенко был тяжело ранен, и вновь сформированный корпус возглавил С. М. Буденный. Командиром 4-й кавдивизии в обход трех комбригов (Г. С. Маслакова, Г. М. Мироненко и С. К. Тимошенко) Семен Михайлович назначил своего станичника — О. И. Городовикова [Очиров 2014: 43].

После этого О. И. Городовиков и Г. С. Маслаков занимали эти должности (командирами 4-й кавдивизии и 1-й кавбригады соответственно) больше года. За это время 4-я кавдивизия в составе корпуса, затем 1-й Конной армии С. М. Буденного с доблестью прошла длинный боевой путь от Дона до Воронежа, затем обратно через Донбасс на Северный Кавказ, а весной 1920 г. выступила против

Польши. В ходе этих боев Г. С. Маслаков многократно отличился, проявив незаурядное мужество. Поскольку в 1919 г. повторные награждения орденом Красного Знамени не предусматривались, за новые подвиги «краснознаменцев» награждали ценными подарками, причем от имени ВЦИК, как правило, вручались золотые. Г. С. Маслаков был награжден золотыми и серебряными часами, золотым портсигаром [Грищенко 2013: 128]. Когда повторные награждения «краснознаменцев» были разрешены, его подвиги отметили вторым орденом Красного Знамени [Нестор Махно 2006: 905].

С. М. Буденный в своих мемуарах вспоминал о Г. С. Маслакове так: «*человек огромной физической силы и отчаянной отваги. Были в его поведении крупные недостатки, но храбрость в бою, умение личным примером увлечь за собой бойцов и добиться победы искупали их*» [Буденный 1958: 187]. Вместе с тем он был своенравен, резок в суждениях, не признавал чинопочитание, за что его ценили и уважали подчиненные. К тому же он был солидного возраста. Как отмечает А. Н. Грищенко, «*среди красных партизан и конармейцев он был широко известен как „дед Маслак“. Действительно, для многих молодых красноармейцев Маслаков, которому во время Гражданской войны шел уже пятый десяток, являлся „дедом“*» [Грищенко 2013: 128]. Следует заметить, что в 4-й кавдивизии, как, впрочем, и в других соединениях С. М. Буденного, почти всю войну сохранялись традиции атаманской вольницы. Налицо был вождизм, когда бойцы любили и уважали только тех командиров, кто был близок им по духу и доказал свое право на атаманство своей харизмой и отвагой.

Г. С. Маслаков был как раз таким харизматичным военачальником Гражданской войны. За прошедшие годы он сроднился со своей бригадой, причем не только со своим 19-м Манычским, но и вторым — 20-м Сальским кавполком. Бойцы и командиры этой атаманской вольницы без колебаний бились за власть Советов, которую понимали как власть народа, как власть бедноты, но слабо разбирались в хитросплетениях политики «*большевиков… али коммунистов*». Поэтому для 1-й Конной армии характерными явлениями были слабая дисциплина, мародерство и бунты. Неслучайно именно в 4-й кавдивизии в апреле 1920 г. начался бунт во время прохождения мимо ростовской тюрьмы, где находился под арестом первый комдив 4-й кавалерийской дивизии Б. М. Думенко, отношение к которому у дончаков было особым. Недаром и много лет позднее по поводу факта написания Б. М. Думенко телеграммы в адрес В. И. Ленина с просьбой о помощи в его деле «*по хуторам и станицам Сальщины ходил упорно слух: „Телеграмма Ленина опоздала на полтора часа…“*» [Карпенко 1972: 8]. Тогда С. М. Буденный и О. И. Городовиков титаническими усилиями смогли восстановить дисциплину и вывести 4-ю кавдивизию на польский фронт. Характерно, что сам Г. С. Маслаков в этом конфликте выступил на стороне бунтовщиков и крепко обругал С. М. Буденного [Калугин 2009: 100].

Политработники 1-й Конной армии убедили С. М. Буденного вступить в РКП(б), вслед за этим начали работу с другими командирами атаманской вольницы, ссылаясь на пример командарма. В июле 1920 г. был принят в партию и Г. С. Маслаков. При этом принятие новых коммунистов осуществлялось формально. Знание ими Устава и трудов классиков марксизма-ленинизма никто не проверял, поэтому в реальности политические взгляды этих атаманов, в том числе и Г. С. Маслакова, не изменились. Об этом говорилось даже в информа-

ционном бюллетене Политуправления РВС Республики в марте 1920 г.: «*Революционной дисциплины не признает, питает наклонность к самостийности и неорганизованному приобретению хозяйства. К комиссарам и политработникам относится безразлично, иногда даже недоброжелательно*» (цит. по: [Генис 1994: 74–75]). А. Н. Грищенко подчеркивал: «*Даже став коммунистом, Г. С. Маслаков не считал нужным скрывать свое пренебрежительное отношение к армейским комиссарам и тыловым служащим*» [Грищенко 2013: 129].

Все это время, когда О. И. Городовиков командовал 4-й кавдивизией, Г. С. Маслаков был неизменным командиром 1-й бригады. В других бригадах сменялись командиры. Кто-то уходил на повышение, как С. К. Тимошенко, новыми комбригами становились командиры, ранее занимавшие посты на 2–3 ступени ниже Григория Савельевича, как, например, Ф. М. Литунов и Ф. М. Морозов. В начале 1920 г. Г. С. Маслаков был назначен командиром вновь формируемой 14-й кавдивизии, которая комплектовалась большей частью из пленных белогвардейцев. Однако организационные заботы оказались не по плечу «деду Маслаку», и он вернулся в свою родную 1-ю кавбригаду.

В апреле 1920 г. О. И. Городовиков был ранен, а после излечения получил назначение командующим 2-й Конной армией. Казалось бы, для Г. С. Маслакова наступает миг для нового шага в карьере. Однако С. М. Буденный назначает исполнять обязанности командира 4-й дивизии сначала начальника штаба И. Д. Косогова, затем Д. Д. Коротчаева, а потом и вовсе командира 2-й бригады Ф. М. Литунова. После гибели последнего новым исполняющим обязанности командира 4-й дивизии стал новый командир 2-й бригады И. В. Тюленев — человек, совершенно чужой для 4-й кавдивизии, присланный из Военной академии. Очевидно было, что С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов игнорировали народного вожака, соратника Б. М. Думенко. Семен Михайлович продвигал по службе либо своих бывших подчиненных по Платовскому эскадрону (О. И. Городовикова, Н. К. Баранникова, Ф. М. Морозова, К. Усенко и др.), либо новых для дончаков людей (С. К. Тимошенко, И. В. Тюленева, А. Я. Пархоменко, Д. Ф. Сердича и др.).

В августе 1920 г. 4-ю кавдивизию возглавил переведенный из 6-й кавдивизии С. К. Тимошенко (бывший командир 3-й бригады, пользовавшийся уважением в соединении). В ноябре новый комдив в бою против врангелевцев был ранен и убыл на лечение. Своим преемником он поставил Г. С. Маслакова, но через три недели вновь возглавил 4-ю кавдивизию.

После разгрома П. Н. Врангеля наступает новый этап в истории 1-й Конной армии. Теперь ее врагом становятся махновцы, с которыми она еще недавно сражалась бок о бок против белых. При этом первоконники в большинстве своем сохранили прежние взгляды и сочувственно относились к идеям махновцев, антоновцев и прочих зеленых типа «За Советы без коммунистов», особенно те, кто уже испытал на себе особенности политики военного коммунизма. В составе 1-й Конной армии было немало бывших белоказаков, сохранивших и антисемитские взгляды. За мародерство, убийства (в том числе комиссара дивизии) и еврейские погромы, совершенные во время перехода с польского на врангелевский фронт, чрезвычайная выездная сессия Реввоентрибунала в октябре 1920 г. приговорила к расстрелу 167 из 387 арестованных бойцов 6-й кавдивизии. Поэтому справедливо мнение А. Н. Грищенко о том, что «*рядовой состав и командиры среднего звена 1-й Конной армии были буквально пропитаны духом антисемитизма и антибольшевизма*» [Грищенко 2013: 129].

Следует заметить, что подобные настроения были характерны для многих частей Красной армии. Неслучайно махновский отряд Семена Каретника, окруженный в Крыму, сумел так легко ускользнуть из ловушки, устроенной ему М. В. Фрунзе, и не понес больших потерь, несмотря на огромный перевес сил красных. А. Н. Грищенко даже полагал, что в декабре 1920 г. Г. С. Маслаков вступил в сговор с махновцами, ссылаясь на краткое упоминание об этом В. Белаша — начальника штаба махновцев. Поэтому С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов якобы сфабриковали на конкурента дело о контрреволюции и решили арестовать его, чтобы предать суду ревтрибунала, тем самым спровоцировав Г. С. Маслакова на мятеж [Грищенко 2013: 130]. Однако не сохранилось никаких материалов, подтверждающих наличие такого дела.

5. Мятеж Г. С. Маслакова в феврале 1921 г. и дальнейшие действия его отряда

В ночь с 8 на 9 февраля 1921 г. комбриг Г. С. Маслаков отдал приказ своей 1-й бригаде выступить в Донскую область для борьбы с «противниками советской власти», при этом приказ был отдан якобы от имени начальника дивизии. Мятежника поддержали 1, 3 и 5-й эскадроны и пулеметная команда 19-го кавалерийского полка 1-й бригады, хотя были и те, кто не поверил, что это приказ С. К. Тимошенко. 10 февраля отряд Г. С. Маслакова, в котором было 300 сабель и 18 пулеметов, соединился в с. Хандалеевка в окрестностях Павлограда с 3-й руппой махновцев под командованием матроса-анархиста Бровы (300 сабель) [Степаненко 1986: 128]. Позже к ним присоединились отряды Семерки[1] и Колесника (200 бойцов) и до 130 бойцов из других бригад 4 и 6-й кавдивизий. «*Освещая впоследствии эти события в письме, адресованном в Румынию, Н. И. Махно писал, что он направил Г. С. Маслакова и Брову в Донскую область для организации там антисоветского восстания*» [Степаненко 1986: 128].

Мятеж Г. С. Маслакова и присоединение повстанцев к махновцам для многих исследователей послужили основанием для того, чтобы причислить красного комбрига к сторонникам Н. И. Махно. Нет сомнения, что многие бойцы 1-й Конной армии, действительно, ненавидели Советскую власть из-за продразверсток, издевательств над населением и прочих прелестей политики военного коммунизма. Однако, на наш взгляд, мотивация самого Г. С. Маслакова была несколько иной, что в последующем и послужило одной из причин развала группы. Конечно, в официальной листовке, разъясняющей его поступок, были все те же «зеленые лозунги»: «*Мы не идем против Советской власти, а боремся за нее ... против диктатуры бумажных коммунистов ... против диктата свыше и диктаторов ... за действительную Советскую власть без коммунистов*» [Советская деревня 2000: 796]. Однако в личной беседе с друзьями перед мятежом Маслак говорил о других причинах: «*за то, что я Сэмэна выругал. Что он отплатил подлостью Думенко... Я не раскаиваюсь, цэ наше личное дило… Ухожу на Дон с обиженным знаменем*» [Калугин 2009: 97]. Очевидно, что мятежный комбриг, во-первых, был обижен за долгое непродвижение по службе; во-вторых, считал поступок С. М. Буденного, выступившего свидетелем в деле Б. М. Думенко, подлостью, устроенной им бывшему командиру.

[1] Здесь и далее не указаны имя и отчество, если они не упоминаются в источнике.

Характерно, что Г. С. Маслаков не захотел вливаться в армию Н. И. Махно, а заявил о желании выступить в поход на Дон и Кубань. Мятежный комбриг и поддержавший его матрос-анархист Брова, ставший начальником штаба вновь сформированной группы, обещали поднять на мятеж местные казачьи силы и перетянуть на свою сторону части 1 и 2-й Конной армии. Н. И. Махно и совет его армии долго колебались, но все же выдали требуемый мандат. 10 марта Маслак и Брова сформировали «Кавказскую Повстанческую армию махновцев» и выступили на Дон [Грищенко 2013: 131–132].

В тот же месяц отряд Маслакова – Бровы прорвался за Дон: сначала в Донские степи, затем в Калмыкию и Ставрополье. Для Советской власти новый мятежный отряд представлялся очень опасным, причем не столько из-за своей действительно большой величины и огневой мощи, сколько из-за возможности присоединения к нему казачьей-крестьянской массы Дона, остро недовольной политикой военного коммунизма. Сведения о численности отряда Г. С. Маслакова в этот период противоречивы. Одни авторы приводят цифры от 5 тыс. повстанцев весной 1921 г. до 10 тыс. человек к началу лета того же года [Штырбул 2024: 64–65], но они вызывают большие сомнения. Ближе к реальной представляется численность отряда по данным Б. И. Степаненко [Степаненко 1986: 129] и В. Б. Убушаева [Убушаев 2019: 28]. Так, Б. И. Степаненко оценивает численность маслаковцев после присоединения к ним отряда Бровы в 700 сабель при 18 пулеметах, а также приводит сведения о том, что «*высланный навстречу маслаковцам 22 февраля из Новочеркасска отряд красноармейцев в количестве 575 штыков и сабель при 12 пулеметах, распропагандированный бандитами, в полном составе влился в их ряды*[1]» [Степаненко 1986: 129]. В. Б. Убушаев приводит такие данные: 700 сабель, 300 штыков, 4 пушки, 43 пулемета [Убушаев 2019: 28]. При этом Б. И. Степаненко отмечает, что в конце февраля 1921 г. после объединения с другими «*вооруженными силами донской „демократической контрреволюции“*» общая их численность достигала 4 050 штыков и сабель при 33 пулеметах [Степаненко 1986: 129–130].

Г. С. Маслаков не шел против Советской власти, он воевал «за свободные советы», засилья тех, кто, по его мнению, захватил власть и идет не по правильному пути. В формировании их позиции немаловажное место занимал вопрос продразверстки, политика которой осуществлялась в стране в условиях военного коммунизма: в ходе ее реализации у крестьян изымались «излишки» хлеба (т. е. зерновых) и других сельскохозяйственных продуктов по твердым закупочным ценам, что приводило к недовольству крестьян из-за перегибов на местах [Советская деревня 2000: 40]. Позиция мятежников отражена в выпущенной ими листовке-воззвании, в которой говорилось: «*„Товарищи!.. Мы не идем против советской власти, а боремся за нее... Не идем мы против народа, а идем мы против диктаторства сверху, как теперь нам диктуют... мы хотим, чтобы диктовал сам народ, а не один человек. Не идем мы против товарищей-коммунистов, которые идут по правильному пути и рабочих на благо народа, но против бумажных коммунистов. Мы дали себе честное слово и поклялись не бросить оружие, пока не уничтожим этих гадов... Идут честные бойцы Буденновской армии... довольно нам кровопролития и братской крови. А давайте вместе*

[1] Ссылка на: Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. 1174. Оп. 1. Д. 214. Л. 26, 46..

направим оружие на тех, кто до этого доводит. Вперед, товарищи, против наших кровопийцев! Да здравствуют свободные советы, но только такие советы, которые будут правильно выбраны народом, а не назначены свыше. Долой всех диктаторов, кто бы они не были!“ …. Отряд Маслакова выступал под лозунгом за „истинную Советскую власть без коммунистов“. Реввоенсоветом 1-й Конной армии был объявлен вне закона как изменник республики. В приказе по армии от 11 февраля 1921 г. предписывалось принять все меры к поимке Маслакова и доставке его в трибунал армии» [Советская деревня 2000: 796].

В конце февраля 1921 г. маслаковцы продвигались к станице Орловка, отдельные группы выдвигались в направлении станиц Александровка, Грушевская, Маныч-Балабинка и Семикаракорская; их задача состояла в охранении основного отряда и одновременно в организации митингов и сходов в донских станицах, на которых призывали к саботажу продразверстки, установлению «истинно советской власти». 27 февраля банда Маслака заняла Орловку, и ее штаб слился с подпольным Главным штабом войска Донского. Г. С. Маслаков «*незамедлительно приступил к организации антисоветских мятежей одновременно в 1-м Донском, 2-м Донском, Ростовском, Сальском, Черкасском и Донецком округах*» [Степаненко 1986: 131], против банды Маслака в районе станиц Константиновская и Великокняжеская были сосредоточены 1-я бригада 2-й Донской стрелковой дивизии, 64-я стрелковая бригада и кавалерийский полк 22-й стрелковой дивизии, отряды окружных военкоматов 1-го Донского и Сальского округов. Одновременно для ликвидации банд Махно и Каменюка в район Миллерово-Чертково была направлена 2-я бригада 2-й Донской стрелковой дивизии [Степаненко 1986: 131].

По данным Б. И. Степаненко, к концу первой декады марта 1921 г. банда Г. С. Маслакова увеличила численность и насчитывала около 1 500 сабель и 500 штыков при 30 пулеметах и 2 орудиях. Район ее действий распространялся от станицы Константиновской на северо-западе до станицы Цимлянской на северо-востоке и станицы Платоновской на юге. Для борьбы с силами бандами Маслака, Махно и других на Дону были направлены вооруженные группы, в начале марта было создано постоянно действующее «Объединенное совещание» [Степаненко 1986: 133, 131].

8–9 марта 1921 г. отряд Маслака вел успешные бои около станицы Великокняжеской. «*Но утром в ее расположение проникли сотрудники ДонЧК… им удалось политически деморализовать личный состав банды, в результате чего в ходе боя, навязанного Маслаковым во второй половине дня у станции Ремонтное, … банда потеряла лишь пленными более 1 000 человек и в панике бежала*» [Степаненко 1986: 133]. Успешная работа пропагандистов заключалась в ознакомлении членов отряда Маслака с докладом на X съезде РКП(б), в котором провозглашался отказ от продразверстки и переход к новой экономической политике.

30 марта 1921 г. в циркулярной телеграмме председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского о проведении мероприятий по окончательной ликвидации бандитизма на территории РСФСР и Украины всем губернским Чрезвычайным комиссиям (ЧК) и особым отделам сообщалось, что банда Н. И. Махно на Украине и банда Г. С. Маслакова на Дону разбиты нашими войсками, местонахождение их неизвестно, так как главы банд вместе с их остатками скрылись в неизвестном

направлении [Нестор Махно 2006: 608]. При этом отмечалось, что «*поражение бандитов абсолютно не значит прекращение бандитизма, не значит также смерть главарей указанных банд — скорее,* [надо] *предполагать, что банды только на время распущены и* [из-за] *бездорожья прекратили свои действия, но с восстановлением дорог сконцентрируются, с новой силой поднимая восстания, срывая посевную кампанию и тому подобное. Необходимо: первое — развить максимальную энергию, приложить все силы, средства* [и] *добить окончательно рассеявшиеся банды, вылавливая* [бандитов] *из холуп*[1]*, куда они разбежались в ожидании сигнала к поднятию нового восстания* [с] *восстановлением путей; второе — для единичных бандитов и установления* [их] *скопления необходимо все силы губчека бросить* [в] *деревни, вербуя* [из] *крестьянских масс агентов* [и] *связывая* [их] *через уполномоченных с политбюро. Таковые посылаются непосредственно губчека только* [по] *степени развития агентуры, куда бросить лучших, самых опытных*» [Нестор Махно 2006: 608].

Однако мятежники под руководством Г. С. Маслакова, несмотря на утверждение Вроссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), не затаились, они направились в калмыцкие степи, где проблема бездорожья в середине марта-апреле уже не столь актуальна, как в более северных регионах. В конце марта 1921 г. «маслаковцы» взяли с. Малые Дербеты, а в начале апреля — с. Яшкуль, Улан-Эрге, Булгун-Сала. 29 апреля они заняли с. Элисту, расстреляв большую группу советских работников и чоновцев. Так, в своем докладе областному военному комиссару военком Ики-Цохуровского улуса сообщил, что 4 апреля в 5 часов утра банда Г. С. Маслакова заняла поселок Чилгир, захватила 30 калмыков, в том числе милиционеров и красноармейцев. Пленных они зарубили в 4–5 верстах от пос. Чилгир и сложили в амбаре. В руки банды попал командированный чекист — помощник уполномоченного по политотделам Астраханской губернской Чрезвычайной комиссии Григорий Хлебнов с четырьмя подчиненными: «*В разведку в с. Улан был послан первый раз тов. Хлебнов с 4-мя красноармейцами. По сведениям он тоже попал к Маслакову и судьба их неизвестна. Другой сотрудник тов. Горчаков успел убежать не мог к нам присоединиться…*» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 127]. Как стало известно позже, чекиста, захваченного в с. Улан-Эрге, зарубили на краю села: «*Хлебнов точно хотел знать место нахождения банды Маслакова. Утром 3 апреля 1921 года банда Маслакова заняла село Улан и захватила нашу разведку в количестве пяти человек с тов. Хлебновым. Из рассказа одного бандита в Чильгире*[2]*, после допроса тов. Хлебнова Маслаковым он был зарублен за селом*» [Котельников 2014: 31].

Для борьбы с повстанческими отрядами на территории Астраханской губернии и Калмыцкой автономной области все военизированные формирования были объединены в 8-й боевой участок Заволжского военного округа. На территорию Калмыкии перебросили 64-ю бригаду 22-й стрелковой дивизии (1-й Кавказский, 190-й Уфимский и 192-й Пензенский полки) [Тимофеева и др. 2024: 37].

26 апреля 1921 г. отряд Маслака находился на левом берегу Днепра, где с ним собирались соединиться махновцы, которые пытались переправиться на этот берег Днепра «*для укрывательства в Комиссарских лесах*» [Нестор Махно 2006: 629]. Из-за этой попытки, как сообщалось в секретной телеграмме

[1] Так в источнике.

[2] Так в источнике.

Екатеринославской Чрезвычайной комиссии во Всероссийскую чрезвычайную комиссию, была проведена мобилизация всех коммунистов для охраны побережья у г. Верхне-Днепровска и прилегающих к нему окрестностей [Нестор Махно 2006: 629].

9 мая 1921 г. военком и ЦИК Калмыцкой автономной области вышли с ходатайством на имя командующего войсками Астраханского края о необходимости сформировать мощный и боеспособный отряд для борьбы с «маслаковцами». В обращении указывалось, что к 15 марта 1921 г., когда в Калмыкии появилась банда Г. С. Маслакова, в регионе воинских сил не было, так как из-за приказов командующего войсками Астраханского края все наличные калмыцкие части (7 улусных конных сотен и запасной калмыцкий дивизион) были переданы в распоряжение командира 150-й бригады [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 117].

12 мая 1921 г. ответственный секретарь Манычского улусного исполкома М. М. Чавычалов сообщил телеграммой о занятии 29 апреля бандой Г. С. Маслакова с. Элисты, гибели свыше 30 служащих и красноармейцев, в том числе двух членов Манычского уездного исполкома — Наумова и Э. О. Буданова. В телеграмме также докладывалось, что остатки банды после боев с отрядом Московченко и Малодербетовской улусной конной сотней ушли на юг Манычского улуса. В результате набега работа партийных органов улуса была дезорганизована: «*Секретно. Телеграмма из Элисты. Сборная. Астрахань, район. Областной Комитет РКП. Копия Облиполкому. Царицын Губкомпартии. 29 апреля банда во главе Маслакова заняла Элисту, где разбила свыше тридцати человек служащих и красноармейцев, в том числе двух членов Маныческого укома Наумова и Буданова. Канцелярии всех учреждений уезда уничтожены. 30 апреля банда проследовала дальше* [на] *север: Троицкое – экономия бывшего зайсана Гащар Мыкова*[1]*, и к 3 мая доходила до Валуевки через Кишу – Ремонтное, где она была задержана Кавотрядом Московченко совместно с Малодербетовской сотней и с мобилизованными коммунистами села Троицкого и сильно поражена, остальные банды числом до 80 чел. ушли вглубь степи Маныч*[ского] *уезда на юг, где с остальными ,* [в соответствии со] *сведениями, формируются для нападения на эти села. У*[ездного] *военкомата до сих пор сотрудники не собрались. Учреждения не работают. Работа* [в] *такой атмосфере бандитизма невозможна. Партийных работников нет. Южнее аймака* [жители] *скрывают и не доносят о бандитах. Необходимы срочные и решительные меры ликвидации бандитизма, сознания твердого аппарата власти. Повторяю, работа совершенно невозможна. Медленность в донесении — порча телеграфного аппарата и разъезды по степи с отрядами троицких коммунистов по ловле дезертиров-бандитов. Ответственный секретарь Маныческого уисполкома Чавычалов*» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 109].

14 мая 1921 г. председатель Малодербетовского съезда Советов А. Ч. Чапчаев направил в Калмыцкий исполком (в г. Астрахань) телеграмму, в которой писал: «*На телеграфный запрос из Ремонтного предревКСМ Солодухин ответил, созвать съезд Советов ввиду военного положения нельзя. Связи* [с] *Элистинской ... нет. Маслаков остатками своих банд вновь формируется* [за счет] *шайки Менгетиева и частью банды Бровы Донобласти. ... опять получено мною* [из] *Ремонтного следующее содержание: по полученным официальным*

[1] Так в источнике.

данным Ставропольского губвоенкомата … тов. Книга и Понасенко [в] *3 часа дня двинулись преследовать банду Маслака, оперирующую* [в] *районе Киевки, Вознесенки и Приютного, численностью 500. Следовательно, вся эта банда отступает* [из] *Калмобласти, желательно, просьба, принять энергичные меры воздействия ЦИК для принятия самых серьезных мер ликвидации Маслака, ибо противном случае ничем не гарантировано, что Маслак опять появится. Сообщите изложенное Чугунову для принятия по существу этого вопроса меры* [в отношении] *Маслака. Председатель М*[ало]*-Дербетовского уездного съезда Советов Чапчаев*» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 111–111об.]

В оперативной сводке от 15 мая командующий войсками Астраханского края Хабаров писал, что 10 мая, по данным Ставропольского губернского военкома, начато преследование «*банд Маслака» (численностью до 500 сабель), действовавших в районе сел Дивное, Киевка, Вознесеновка, Приютное*» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 112].

28 мая М. М. Чавычалов сообщил телеграммой председателю КалмЦИК, что банда Г. С. Маслакова 23 мая в числе 180 человек при 2 пулеметах прошла из Донской области через с. Бислюрта. Там их заметил отряд по борьбе с бандитизмом Манычского военкомата (65 чел.), который атаковал банду «маслаковцев». В результате боя были захвачены два пулемета, 40 винтовок, 40 лошадей, 30 седел, 20 сабель, 5 чел. взяты в плен, 16 — убиты. Со стороны отряда потерь не было. Остатки банды ушли на юго-восток через Бурульский аймак [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 122].

Как видно, с середины мая численность банды резко уменьшилась, а ее боевая устойчивость ослабла, при этом число ее участников в разных донесениях оценивалось различно. 24 июня 1921 г. военком писал председателю Калмоблисполкома: «*Из разговора по прямому проводу с ревкомом Икицохуровско-Харахусовского уезда усматривается, что 30 мая с. г. на территории уезда вторично появилась банда Маслакова в количестве 100 чел. с плохим вооружением. Пограбив население, в первых числах сего мес*[яца] *банда ушла в Ставропольскую губ*[ернию] *по направлению с. Солдатское, откуда, по частным сведениям, направилась на Ачкулак. После ухода из Харахусовского уезда банды Маслакова, 2.06 с. г. в уезде появилась банда 35–45 чел. под командой Канары, вооруженная винтовками. … За отсутствием вооружения ревкому установить твердую власть не удается*» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 173].

Скорее всего, в этот период банда Г. С. Маслакова начала распадаться на несколько частей. Причинами для распада группы послужили переход к новой экономической политике в стране (согласно решению, принятому в марте 1921 г. на X съезде РКП(б)), а также политические разногласия внутри группы.

Ввиду приближения банды Г. С. Маслакова в конце июня 1921 г. к Элисте возникла угроза ее захвата [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 177]. 24 июня 1921 г. вечером банда Маслакова, численность которой была оценена в 300 сабель, находилась в урочище Мукта Бурульского аймака. Затем маслаковцы через Оргакинский хурул направились в Элисту. В секретном донесении председателю Облисполкома военный комиссар писал: «*Элистинский ревком 22 июня в 11 часов утра ввиду приближения банды Маслакова эвакуировался в Ремонтное. Вооруженной силы для отпора бандитов в распоряжении у*[ездного] *ревкома находится самое минимальное количество*» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 175].

Таким образом, в момент налета маслаковцев областной военкомат был лишен возможности распоряжаться вооруженными силами степи. Отряда из 150-й бригады, состоящего из эскадрона кавалерии и пехоты при двух бронемашинах, было недостаточно. В своем ходатайстве военком и ЦИК Калмыцкой автономной области просили отозвать с железнодорожной линии запасной калмыцкий дивизион, часть Икицохуровской и Манычской конных сотен, слить их в кавалерийский дивизион, передав ему бронемашины и надежные способы передвижения [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 117об.].

Ситуация среди мятежников к этому времени была совсем сложной. В августе 1921 г. командование Повстанческой армии Украины (махновцев) приняло приказ № 005 о необходимости разъяснения командирами бойцам, во-первых, причин отхода на юг России, Донщину, связанных с неурожаем и голодом, начавшимся в регионе, полным отсутствием фуража и хлеба, недостатком в лошадях, во-вторых, задачи по осуществлению связи с силами отрядов Маслака – Бровы и других. При этом положение с продовольствием было настолько тяжелым, что в приказе специально отмечалось, что повстанцы должны понимать, что из-за неурожая у населения нет продуктов, и необходимо «*перестать надеяться на менку, зачастую даже позорную, ибо многими она совершается насильственно*» [Нестор Махно 2006: 667].

Б. И. Степаненко приходит к выводу: «*...антисоветское подполье казачьих районов юга России и его банды в конце мая 1921 г. объединенными усилиями частей Красной Армии Кавказского фронта и органов борьбы с контрреволюцией были ликвидированы*» [Степаненко 1986: 135]. Согласно циркулярной телеграмме председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф. Э. Дзержинского всем губернским Чрезвычайным комиссиям и особым отделам о проведении мероприятий по окончательной ликвидации бандитизма на территории РСФСР и Украины от 30 марта 1921 г. «*Банды Антонова* [в] *Тамбове, Махно* [на] *Украине, Маслакова* [на] *Дону разбиты нашими войсками*» [Нестор Махно 2006: 608]. Однако окончательно банда Маслака была уничтожена в конце лета 1921 г.

6. Разгром банды и гибель Маслака

Как видно из августовского приказа махновцам [Нестор Махно 2006: 667], положение повстанцев усугублялось и общей ситуацией, сложившейся в стране: вследствие неурожая голод охватил десятки губерний, особенно пострадали южные регионы, голодали миллионы людей, и малочисленным остаткам мятежных банд невозможно было решать продовольственный вопрос. Пик голода пришелся на осень 1921 г. – весну 1922 г. К сентябрю 1921 г. произошел и окончательный разгром маслаковцев.

Вопрос о времени и месте гибели Г. С. Маслакова представляется спорным. Широко была распространена версия о том, что Маслак и Брова были убиты амнистированными членами банды в сентябре-октябре 1921 г. в горах Северного Кавказа, причем убийцы якобы предоставили головы главарей [Баранов 2005: 121; Савченко 2005: 379]. В. Г. Ященко утверждал, что в сентябре 1921 г. банда Маслака действовала в Усть-Медведицком округе Царицынской губернии [Ященко 2009: 54]. Весьма правдоподобной представляется версия А. Н. Грищенко. Исходя из архивных документов, он установил, что 2 июля 1921 г. отряд Г. С. Маслакова появился в Сальском округе и занял станцию Мокрый Гашун [Грищенко 2013: 132]. Это примерно соответствует сведениям о том, что 22 июня

маслаковцы находились около с. Элиста [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 175]. Разведсводка от 5 июля сообщала о движении отряда повстанцев в направлении станицы Баклановской, при этом отмечалось, что «*бандой командует Сычев*» [Грищенко 2013: 132]. Бывшие пленники, вернувшиеся 5 июля, сообщили, что отряд направился в 1-й Донской округ и подтвердили, что во главе отряда стоит П. В. Сычев, а «*Маслака в банде нет*» [Грищенко 2013: 132]. Позднее выяснилось, что Г. С. Маслаков и 8 охранявших его бойцов скрывались «*в камышах*» по берегам реки Кума, а 14 июля стало известно, что Г. С. Маслаков и 6 его соратников убиты 8 июля [Грищенко 2013: 132]. Очевидно, что Маслак разошелся во взглядах с подчиненными, поэтому отделился от банды. Учитывая, что он скрывался на Куме, это могло произойти в начале июня или даже в мае 1921 г., когда численность отряда резко уменьшилась, очевидно, в результате раскола. Новая экономическая политика, введенная в марте 1921 г. на X съезде РКП(б), вновь стала перетягивать крестьян на сторону большевиков, и «зеленые лозунги» стали утрачивать актуальность.

Версии А. Н. Грищенко о гибели Маслака в некоторой степени противоречит сообщение председателя Ремонтненского уездного исполкома Осадчего о том, что на границе Донской области часть отряда Г. С. Маслакова была разбита отрядом Московченко [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 149]. Г. С. Маслаков был убит, а его тело привезено 11 июля в Ремонтное. В региональный исполком это сообщение передал член КалмЦИК Улюмджи Лавгаев. При этом У. Л. Лавгаев сообщил сводку о действиях этой банды, которая оперировала в южных аймаках Манычского улуса, но в последние дни разделилась на две части: 1) значительная часть под командованием П. В. Сычева в числе 150 сабель при 1 пулемете прошла через с. Бислюрта по направлению к с. Кресты Ремонтненского уезда; 2) часть (60 чел.) под командованием Канара (Льва Конарева) ушла в Царицынскую губернию [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 149об.].

Краевед В. Г. Ященко отмечает: «*Документы Государственного архива Волгоградской области рисуют иную картину. В конце августа 1921 года Маслаков с отрядом в 150 сабель, с обозом, состоящим из 30 подвод, появляется в Усть-Медведицком округе. Здесь маслаковцы „занимаются грабежами и поркой граждан“. Имущество изымается как у совхозов, так и у обывателей. 24–25 сентября, согласно оперативным сводкам, маслаковцы оперировали в хуторах станиц Распопинской и Клетской. Шли в направлении Дона. Таким образом, в сентябре 1921 года Маслаков был жив и здоров*» [Ященко]. Вероятно, в данном случае речь идет об остатках отряда Маслака под командованием Л. Конарева, действовавших в указанном округе, поскольку нет причин не доверять данным У. Л. Лавгаева.

Самым крупным фрагментом расколовшегося отряда Г. С. Маслакова – Бровы стала банда П. В. Сычева, история борьбы с которой описана в статье Е. Г. Тимофеевой и ее коллег [Тимофеева и др. 2024]. Одним из последних осколков отряда Маслака стала банда И. М. Дарагана (кавалера ордена Красного Знамени), которая объединилась с бандой белого есаула Г. С. Андрианова, уже не обращая внимания на идеологические разногласия. Эту объединенную «бело-красную» банду тоже мог ждать закономерный финал, но им повезло. 8 июня 1922 г. бандиты в районе с. Янушевское захватили группу совработников во главе с членом КалмЦИК А. М. Амур-Сананом. Будущий классик советской калмыцкой

литературы вновь продемонстрировал свои недюжинные ораторские дарования и сумел убедить банду сдаться в обмен на амнистию. Характерно, что большую роль в амнистии этой группировки сыграл С. М. Буденный, служивший тогда на Северном Кавказе и потребовавший от КалмЦИК в обязательном порядке сохранить жизнь «краснознаменцу» И. М. Дарагану [Амур-Санан 1979: 228–240].

7. Заключение

Г. С. Маслаков происходил из крестьянской среды, в среде донских казаков являлся «иногородним». История жизни его отражает судьбы и чаяния крестьян, для которых принятие советской власти было связано прежде всего с решением земельного вопроса. Г. С. Маслаков, ко времени начала Российской революции уже достигший солидного возраста, имевший большой жизненный опыт (недаром его называли «дедом Маслаком»), сразу перешел на сторону большевиков. Служба в Красной армии для него являлась служением народу.

В крутом повороте позиции Г. С. Маслакова в период Гражданской войны важными причинами послужили и кризис в среде крестьянства, вызванный реализацией продразверстки как части политики военного коммунизма, и личные амбиции и обиды.

Мятеж Маслака был поднят в начале 1921 г., он стал выражением контрреволюционных взглядов части населения, разоренного Гражданской войной и реквизициями продразверстки. Потому численность банды Маслака и объединенных отрядов поначалу увеличивалась. Но после принятия в стране новой экономической политики банда Маслака, несмотря на богатейший боевой опыт и солидную огневую мощь, была обречена. Такие крупные формирования в условиях степи могут существовать только при наличии солидной базы боепитания с запасами боеприпасов, продовольствия, фуража, госпиталя, которой у банды, конечно, не было. В какой-то мере эту базу могла заменить поддержка местного населения, однако после X съезда РКП(б) маслаковцы ее утратили. После этого отряд Г. С. Маслакова – Бровы ждал закономерный финал: он стал превращаться в уголовную банду, живущую грабежами, пусть даже и под прикрытием «зеленых лозунгов». Отряд, который был слишком большим для малонаселенной степи, стал дробиться на все более мелкие части, превратившиеся в легкую добычу для небольших улусных сотен, опергрупп милиции и частей особого назначений (ЧОН).

Усугубили положение раздробленных отрядов неурожай 1921 г. и начавшийся голод, в ситуации которого проблема продовольствия для отрядов, действующих в степи, стала совершенно неразрешимой.

История банды Г. С. Маслакова является ярким примером того, как социально-политический кризис и ошибки государственной политики могут привести к росту бандитизма. Борьба с бандой Маслака также показала, что даже в условиях хаоса Гражданской войны Советская власть постепенно укрепляла свои позиции, восстанавливая порядок и контроль над территориями. Однако цена этого восстановления и ошибок правящей партии была высокой для жителей страны, в том числе и Калмыкии, пострадавших от действий как бандитов, так и властей, которые не всегда могли обеспечить безопасность населения.

Литература и источники

Амур-Санан 1979 — *Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын. Избранное. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 446 с.

Бабель 2005 — *Бабель И.* Конармия // Бабель И. Собр. соч. в 4 тт. Т. 2. М.: Время, 2005. С. 43–214.

Баранов 2005 — *Баранов А. В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Белая гвардия. Вып. 8. Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 119–129.

Буденный 1958 — *Буденный С. М.* Пройденный путь. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. 448 с.

Буденный 1973 — *Буденный С. М.* Пройденный путь. Кн. 3. М.: Воениздат, 1973. 408 с.

Генис 1994 — *Генис В. Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 64–75.

Грищенко 2013 — *Грищенко А. Н.* Григорий Маслаков: от конармейского бригадира до повстанческого командира // Новый исторический вестник. 2013. № 4(38). С. 125–138.

Грищенко 2016 — *Грищенко А. Н.* Где и когда погиб махновский атаман Брова? // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: [б. и.], 2016. С. 209–214.

Дедов 1989 — *Дедов И. И.* В сабельных походах (Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918–1920 гг.). Ростов н/Д: Ростов. ун-т, 1989. 191 с.

Калугин 2009 — *Калугин Ю. Г.* Комбриг Маслак: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем» // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 96–102.

Карпенко 1972 — *Карпенко В. В.* Тучи идут на ветер. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1972. 487 с.

References

Amur-Sanan A.M. Mudreshkin's Son. Favourites. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 446 p. (In Russ.)

Babel I. The Cavalry Army. In: Babel I. Collection of Works. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Vremya, 2005. Pp. 43–214. (In Russ.)

Baranov A.V. The Insurgent Movement of the "White-Greens" in the Cossack Regions of Southern Russia (1920-1924). *Belaya Gvardiya*. Is. 8. The Cossacks of Russia in the White Movement. Moscow: Posev, 2005. Pp. 119–129. (In Russ.)

Budyonny S. M. The Traveled Path. Book 1. Moscow: Voenizdat, 1958. 448 p. (In Russ.)

Budyonny S. M. The Traveled Path. Book 3. Moscow: Voenizdat, 1973. 408 p. (In Russ.)

Genis V. L. The First Mounted Army: behind the Scenes of Glory. *Voprosy Istorii.* 1994. No. 12. Pp. 74–75. (In Russ.)

Grishchenko A. N. Grigory Maslakov: from the Army Brigadier to the Rebel Commander. *New Historical Bulletin*. 2013. No. 4(38). Pp. 125–138. (In Russ.)

Grischenko A. N. Where and when did the Makhnovist Chieftain Brova die? The History of the Civil War in Russia, 1917–1922. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: [s. n.], 2016. Pp. 209–214. (In Russ.)

Dedov I. I. In Saber Campaigns (The Creation of the Red Cavalry on the Don and its Role in Defeating the Counterrevolution in Southern Russia in 1918–1920). Rostov-on-Don: Rostov University, 1989. 191 p. (In Russ.)

Kalugin Yu. G. Brigade Commander Maslak: "I'm going to the Don with an Offended Banner". *New Historical Bulletin*. 2009. No. 3(21). Pp. 96–102. (In Russ.)

Karpenko V. V. Clouds Go to the Wind. Saratov: Privolzhskoe Knizhnoe Izd-vo, 1972. 487 p. (In Russ.)

Колесов 2009 — *Колесов Г.* «Таран революции»: герой или бандит? // Дон. 2009. № 9–10. С. 183–199.

Котельников 2014 — *Котельников А. С.* Деятельность Астраханской губернской чрезвычайной комиссии в 1918–1922 гг. // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М.: НИИ ИЭП, 2014. С. 26–36.

Кремень 1930 — *Кремень М.* На Касторную // Первая конная в изображении ее бойцов и командиров. М.; Л., 1930. С. 16–43.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Наш край 1968 — Наш край: Из истории Советского Дона: Документы: Октябрь 1917–1965. Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1968. 625 с.

Нестор Махно 2006 — Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы (сер.: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.) / под ред. В. П. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.

Очиров 2007 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): дисс. … д-ра ист. наук. М., 2007. 418 с.

Очиров 2014 — *Очиров У. Б.* От казака (рядового) до генерал-полковника: военная биография О. И. Городовикова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 37–49.

Очиров 2015 — *Очиров У. Б.* Три этапа политического бандитизма на территории Калмыкии (1918–1927 гг.) // Русская старина. 2015. № 3(15). С. 156–167.

Пчелинцев 2010 — *Пчелинцев А. С.* О героических командирах конницы Думенко // Триумф и трагедия комкора Б. М. Думенко. Волгодонск: [б. и.], 2010. С. 16–18.

Kolesov G. “Ram of the Revolution”: Hero or Bandit? *Don*. 2009. No. 9–10. Pp. 183–199. (In Russ.)

Kotelnikov A. S. Activity of the Astrakhan Provincial Extraordinary Commission in 1918–1922. Alternatives to Bolshevik Modernization during the Years of the New Economic Policy. Moscow: History, Economics and Law Research Institute (HELRI), 2014. Pp. 26–36. (In Russ.)

Kremen M. On Kastornaya. In: The First Cavalry in the Image of its Fighters and Commanders. Moscow; Leningrad, 1930. Pp. 16–43. (In Russ.)

National Archives of the Republic of Kalmykia.

Our Land: from the History of the Soviet Don: Documents: October 1917-1965. Rostov-on-Don: Rostov Book Publ., 1968. 62 p. (In Russ.)

Nestor Makhno. The Peasant Movement in Ukraine. 1918–1921: Documents and Materials. Series: The Peasant Revolution in Russia. 1902–1922: Documents and materials. V. Danilov, T. Shanin (ed.). Moscow: ROSSPEN, 2006. 1000 p. (In Russ.)

Ochirov U.P. Kalmykia during the Revolution and Civil War (1917–1920): Dr. Sc. (History) thesis. Moscow, 2007. 418 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. Cossack (Soldier) to Colonel-General: Military Biography of O. I. Gorodovikov. *Oriental Studies.* 2014. Is. 3. Pp. 37–49. (In Russ.)

Ochirov U. P. Three Stages of Political Banditry in Kalmykia (1918–1927). *Russkaya Starina*. 2015. No. 3(15). Pp. 156–167. (In Russ.)

Pchelintsev A. S. On the Heroic Commanders of Dumenko’s Cavalry. In: Triumph and Tragedy of Commander B. M. Dumenko. Volgodonsk: [s. n.], 2010. Pp. 16–18. (In Russ.)

Пчелинцев 2007 — *Пчелинцев А. С*. Судьба комбрига Маслакова // Пчелинцев А. С. Память сердца: Записки друга писателя В. В. Карпенко. Южный: Эндемик, 2007. С. 140–151.

Ракитин 1931 — *Ракитин Н. В*. Записки конармейца. М.: Федерация, 1931. 228 с.

Рыбалкин 1998 — *Рыбалкин А. Ф*. Багаевская — 350 лет: Историко-статистический очерк (История станицы Багаевской от ее возникновения до сегодняшних дней). Багаевская: Багаевская районная администрация, 1998. 152 с.

Савченко 2005 — *Савченко В. А.* Махно. Харьків: Фолио, 2005. 413 с.

Советская деревня 2000 — Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939: Документы и материалы. В 4 тт. Т. 1: 1918–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.

Степаненко 1986 — *Степаненко Б. И*. Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке в декабре 1920 – мае 1921 года и ее разгром // История СССР. 1986. № 6. С. 120–135.

Столетие 1907 — Столетие Военного министерства. 1802–1902 / гл. ред. Д. А. Скалон. Воинская повинность казачьих войск: Ист. очерк. Ч. 3 / сост. А. И. Никольский, Н. А. Чернощеков; гл. ред. Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1907. [6], II, а-е, 683 с.

Тимофеева и др. 2024 — *Тимофеева Е. Г., Тюрин А. О., Лебедев С. В*. Советские военные формирования в противостоянии с отрядом Сычева: Из истории борьбы с «движением зеленых» в северо-западном Прикаспии на завершающем этапе Гражданской войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1(78). С. 35–46.

Pchelintsev A. S. The Fate of Brigade Commander Maslakov. In: Pchelintsev A. S. Memory of the Heart: Notes of a Friend of the Writer V. V. Karpenko. Yuzhny: Endemic, 2007. Pp. 40–151(In Russ.).

Rakitin N. V. Notes of a Cavalry Officer. Moscow: Federaciya, 1931. 228 p. (In Russ.)

Rybalkin A. F. Bagaevskaya — 350 years: A Historical and Statistical Essay (The History of the Village of Bagaevskaya from its Foundation to the Present Day). Bagaevskaya: Bagaevskaya District Administration, 1998. 152 p (In Russ.).

Savchenko V. A. Makhno. Kharkiv: Folio, 2005. 413 p. (In Ukr.)

The Soviet Village through the Eyes of the CHEKA – OGPU – NKVD, 1918–1939: Documents and Materials. In 4 vols. Vol. 1. 1918–1922. Moscow: ROSSPEN, 2000. 864 p. (In Russ.)

Stepanenko B. I. The Counterrevolution on the Don, Kuban and Terek in December 1920 – May 1921 and its Defeat. *Istoriya SSSR*. 1986. No. 6. Pp. 120–135. (In Russ.)

The Centenary of the Ministry of War. 1802–1902. D. Skalon (ed.-in-chief). Military Service of the Cossack Troops: Historical Essay. Part 3. A. Nikolsky, N. Chernoshchekov (comp.). D. Skalon (editor-in-chief). St. Petersburg: M. O. Wolff, 1907. [6], II, a-e, 683 p. (In Russ.)

Timofeeva E. G., Tyurin A. O., Lebedev S. V. Soviet Military Formations in Confrontation with the Sychev Detachment: from the History of the Struggle against the “Green Movement” in the Northwestern Caspian Region at the Final Stage of the Civil War. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2024. No. 1(78). Pp. 35–46. (In Russ.)

Убушаев 2019 — *Убушаев В. Б.* Из истории борьбы с бандитизмом в Калмыкии на этапе окончания Гражданской войны и перехода к НЭПу (1920–1921 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2(59). С. 26–31.

Ubushaev V. B. From the History of the Fight against Banditry in Kalmykia at the Stage of the End of the Civil War and the Transition to the New Economic Policy (1920–1921). *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2019. No. 2(59). Pp. 26–31. (In Russ.)

Устав 1904 — Устав о воинской повинности Донского казачьего войска. // Уставы о воинской повинности (Свод законов, том IV, книга I, 1897 г.), дополненные всеми позднейшими узаконениями по 1-е марта 1904 г, с разъясняющими их извлечениями из решений Правительствующего Сената, приказов Военному и Морскому ведомству, циркуляров Министерства внутренних дел, Главного штаба и других правительственных распоряжений за 1874 и следующие годы по 1904 г. / сост. С. М. Горяинов. 10-е изд. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. С. 559–579.

The Charter of Military Service of the Don Cossack Army. In: Charters on Military Service (Code of Laws, Volume 4, Book 1, 1897), supplemented by all Later Laws on March 1, 1904, with Explanatory Extracts from the Decisions of the Governing Senate, Orders to the Military and Naval Departments, Circulars of the Ministry of the Interior, the General Staff and other Government Orders for 1874 and the Following Years to 1904. S. Goryainov (comp.). 10nd ed. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov, 1904. Pp. 559–579. (In Russ.)

Уставы 1904 — Уставы о воинской повинности (Свод законов, том IV, книга I, 1897 г.), дополненные всеми позднейшими узаконениями по 1-е марта 1904 г, с разъясняющими их извлечениями из решений Правительствующего Сената, приказов Военному и Морскому ведомству, циркуляров Министерства внутренних дел, Главного штаба и других правительственных распоряжений за 1874 и следующие годы по 1904 г. / сост. С. М. Горяинов. 10-е изд. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 1238 с.

Charters on Military service (Code of Laws, Volume 4, Book 1, 1897), supplemented by all Later Laws on March 1, 1904, with Explanatory Extracts from Decisions of the Governing Senate, Orders to the Military and Naval Departments, Circulars of the Ministry of Internal Affairs, the General Staff and other Government Orders for 1874 and the Following Years to 1904. S. Goryainov (comp.). 10nd ed. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov, 1904. 1238 p. (In Russ.)

Шолохов 1989 — *Шолохов М. А.* Тихий Дон: роман. В 4 кн. Кн. 4. Ростов н/Д: Ростовск. кн. изд-во, 1989. 448 с.

Sholokhov M.A. Tikhiy Don: Novel. In 4 vols. Vol. 4. Rostov-on-Don: Rostov Book Publ., 1989. 448 p. (In Russ.)

Штырбул 2024 — *Штырбул А. А.* Махновское движение за пределами «махновии»: дочерние очаги и проявления (1918 г. – начало 1920-х гг.) // Кубанские исторические чтения: матлы XV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 7 июня 2024 г.). Барнаул: Колмогоров И. А., 2024. С. 58–74.

Shtyrbul A. A. The Makhnovist Movement outside the “Makhnovia”: Daughter Foci and Manifestations (1918 – early 1920s). In: Kuban Historical Readings: Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, June 7, 2024). Barnaul: Kolmogorov I. A., 2024. Pp. 58–74. (In Russ.)

Ященко — *Ященко В. Г.* Расцвет повстанческого движения в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (весна – лето 1921 года) [электронный ресурс] // https://socialist.memo.ru/books/html/yashenko_rassvet (дата обращения: 12.06.2025).

Yaschenko V. G. The Heyday of the Insurgent Movement in the Lower Volga Region and the Middle Don (spring – summer 1921). Available at: https://socialist.memo.ru/books/html/yashenko_rassvet (accessed: 12 June 2025)

Ященко 2009 — *Ященко В. Г.* Командиры Красной армии в борьбе с большевизмом (средний Дон, 1920–1921 гг.) // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Доклады Академии военных наук. 2009. № 3(38). С. 48–58.

Yashchenko V. G. The Commanders of the Red Army in the Fight against Bolshevism (the Middle Don, 1920–1921). Guerrilla and Insurgent Struggle: Experience and Lessons of the Twentieth Century. *Reports of the Academy of Military Sciences*. 2009. No. 3(38). Pp.48–58. (In Russ.)

Ященко 2017 — *Ященко В. Г.* Связь объединенной армии Тамбовского края с верхнедонскими инсургентами // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6(80). В 2 ч. Ч. 2. С. 116–118.

Yashchenko V. G. The Connection of the United Army of the Tambov Region with the Upper Don Insurgents. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice* 2017. No. 6(80). In 2 p. Part 2. Pp. 116–118. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 646–677, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

CC BY NC ND

УДК 575.174

Олёт, тёлёс, зюн-гар: к истории и корреляции этнонимов

Санал Владимирович Джагрунов [1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2025
© Джагрунов С. В., 2025

UDC 575.174

Olot, Tölös, Züün-gar: Some Remarks on the History and Correlation of the Ethnonyms

Sanal V. Dzhagrunov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2025
© Dzhagrunov S. V., 2025

Аннотация. *Введение*. Вопросы этнонимии видятся непосредственно связанными с таковыми в плоскости этнической истории, и разбор первых в условиях скудости и частой противоречивости исторических сообщений может служить большим подспорьем при реконструкции возможных путей ойратского этно- и политогенеза. *Целью* настоящей статьи является рассмотрение вопроса о соотнесении этнонимов *олёт*, *тёлёс* и *зюн-гар*, а также формулирование их возможной этимологизации в ойратской среде для более ясного понимания сущности феномена ойратства как такового. *Материалы и методы*. С опорой на междисциплинарный подход рассматриваются доступные данные историографии, популяционной генетики, этнографии и ономастики для формулирования соответствующих выводов и гипотез. *Результаты.* Рассматривая цоросов как «молодую» ветвь внутри дербетов в форме поздней военно-административной «надстройки» по данным генетики, автор заключает о возможности соотнесения в рамках этногонического мифа монголов (при дихотомии «чинос – марал») *олёт* / *элет* / *элют* и *зюн-гар* с некой третьей группой, связанной с «оленным» компонентом мифа на уровне этнографии и этнонимии. Сочетание соответствующих признаков — этноним (т- / д-)*өөлөд* и реминисценции оленного тотема — среди исторически связанных с ойратами народов находим у киргизов и бурят в подразделениях *бугу*, *багыш* (*сары багыш*), собственно *дёёлёс* (*тёёлёс*) — и потенциально *сэгэнут* соответственно. Дальнейшее рассмотрение дөөлөс-оленных параллелей с привлечением этнографического материала по алтайским тюркам приводит к формулированию версии о происхождении этнонимов *бурут* / *бурат* от *bura* ~ *buγra* в реконструируемом значении

‘олень; лось’. Связь джунгаров-чоросов с именем олёт и собственно тёёлёсами обнаруживается, по данным историографии, скорее в политической плоскости, а сама канва противостояния «ойратского киргиза» Угэчи Хашаги и чорос-багатуда Батулы с их партиями видится таким образом внутриойратской борьбой за гегемонию, результатом которой и стал исход олётов. При этом на этнографическом материале киргизских тёёлёсов и дёёлёсов делается вывод о возможности возвращения элитарной части исшедших олётов в ойратскую среду. Форма же «зюн-гар» видится в итоге монгольской калькой с тюркского толис, служившего обозначением восточной части тюркских военно-политических образований эпохи раннего и высокого средневековья. *Выводы*. По итогам рассмотрения вопроса о корреляции трех этнонимов — *олёт* / *элет* / *элют*, *тёлёс* и *зюн-гар* — сформулирован (в том числе с привлечением данных генетики) ряд попутных выводов о возможной судьбе собственно олётов / элетов / элютов калмыцких летописей; вскрываются потенциальные связующие звенья между нынешними ойратами (калмыками), киргизами и бурятами в части этно- и политогенеза; предпринята попытка этимологизации этнонима *бурут* (*бурат*) с привлечением данных по этнографии алтайских тюрок; выдвигается гипотеза о племенной идентичности «ойратского киргиза» Угэчи Хашаги.

Ключевые слова: олёт, тёлёс, зюн-гар, ойраты, киргизы, буряты, бурут, чоросы, багатуды, бугу, сары багыш, сэгэнут

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4). Автор благодарит А. А. Булуктаева за проведение генетических анализов, опубликованные результаты которых использованы в данной статье. Отдельные слова благодарности выражаются дирекции КалмНЦ РАН в лице В. В. Кукановой, Э. П. Бакаевой и др., благодаря систематическим организационным усилиям которых этноисторические изыскания сотрудников института могут дополняться и уточняться современным естественнонаучным инструментарием.

Для цитирования: Джагрунов С. В. Олёт, тёлёс, зюн-гар: к истории и корреляции этнонимов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 646–677. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677

Abstract. *Introduction*. Issues of ethnonymy seem directly connected with those of ethnic history, and some insights into the former — given that historical messages be scarce and even contradictory — may be instrumental in reconstructing paths of Oirat ethnic and political geneses. *Goals*. The article attempts a correlation between the ethnonyms *Olot*, *Tölös* and *Züün-gar* (Dzungar), and articulates their potential etymologies in Oirat-related discourse for a deeper understanding of the Oirat phenomenon as such. *Materials and methods*. The work employs an interdisciplinary approach to examine data of historiography, population genetics, ethnography and onomastics for certain conclusions and hypotheses. *Results*. Since the Tsoros genetically prove a ‘younger’ branch of the Dorbet acting as recent ‘superstructure’ of military and administrative elites, the paper suggests the components *Olot* / *Eleuth* and *Züün-gar* may be correlated to some third group within the Mongol ethnogonic myth (as part of the “Chinos-Maral” dichotomy) with ‘deer’ reminiscences in terms of ethnography and ethnonymy. As for groups historically tied to the Oirat, the required combination of specified aspects — ethnonym *(T-/D-)öölöd* and deer-related totemic vestiges — have been found in the Kyrgyz and the Buryat in their subdivisions referred to as *Bugu*, *Bagysh* (*Sary Bagysh*), *Döölös* (*Töölös*) proper — and *Segenut*, respectively. Further insights into the Döölös-deer parallels with

additions of ethnographic messages on Altaian Turks make it possible to hypothesize that the ethnonym *Burut/Burat* be derived from *bura ~ buγra* with a reconstructed meaning ‘deer; moose’. Historically, the Choros-Dzungar prove connected with the name *Olot* and the *Töölös* rather in the field of politics, and the rivalry between ‘Oirat Kyrgyz’ Ugechi Khashiga and Choros Baγatud Batula supported by their groups can thus be viewed as internal Oirat struggle for hegemony that ended in the Olot exodus. Meanwhile, on the basis of legends recorded among the Kyrgyz Döölös and Töölös the paper suggests the Olot elites may have been returned to the Oirat pool. As for the form “züün-gar”, it is supposed to be a Mongolian calque for the Tukic *tolis*, i.e. the term that denoted eastern parts of Early and Upper Medieval Turkic military and political alliances. *Conclusions*. The attempted correlation between the three specified ethnonyms articulates (including with genetic data) a number of conclusions on the potential fate of the Olot mentioned in Kalmyk chronicles; reveals some supposed links between present-day Oirats (Kalmyks), Kyrgyzes and Buryats in terms of ethnic and political geneses; sets forth an etymology of the ethnonym *Burut* (*Burat*) with reference to ethnographic messages on Altaian Turks; hypothesizes as to the tribal identity of the ‘Oirat Kyrgyz’ Ugechi Khashiga.

Keywords: Olot, Tölös, Züün-gar, Dzungar, Oirat, Kyrgyz, Buryat, Burut, Choros, Baγatud, Bugu, Sary Bagysh, Segenut

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’. The author expresses gratitude to A. A. Buluktaev for conducting the genetic analyses, the published results of which are used in this article. Words of particular gratitude be expressed to the Directorate of the KalmSC RAS represented by V. V. Kukanova, E. P. Bakaeva and others whose systemic organizing efforts have made it possible to supplement and precise ethnohistorical research efforts of affiliated employees with natural-science tools.

For citation: Dzhagrunov S. V. Olot, Tölös, Züün-gar: Some Remarks on the History and Correlation of the Ethnonyms. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 646–677. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677

1. Введение

Настоящая работа продолжает изучение вопросов ойратского (калмыцкого) этногенеза в междисциплинарном ключе, в том числе с привлечением данных популяционной генетики (субклады мужской половой хромосомы в разрезе родов калмыков, а также опубликованные данные по ряду смежных популяций) для уточнения доступных — нередко скудных и противоречивых — исторических сведений касательно ойратов как таковых и естественнонаучного обоснования формулируемых выводов.

В данной статье мы обратимся к происхождению этнонима *олёт / элет / элют*, зачастую служившего для обозначения населения Джунгарского ханства вообще и его ойратской составляющей в частности (см., например: [Бичурин 1834: 137; Позднеев 1880: 134–137]) (позднее, особенно в цинских источниках, термин выступает уже как синоним собственно имени «ойрат» [Письменные памятники 2016: 226]), предпримем попытку его лингвистической и исторической реконструкции с привлечением разносторонних материалов по связанным с ойратством тюрко-монгольским народам, чтобы в итоге дать обоснование авторской гипотезы о корреляции трех этнонимов (и не только) — *олёт / элет / элют*, *тёлёс* и *зюн-гар*.

Актуальность данному исследованию в числе прочего придают сообщения как калмыцких, так и монгольских летописей о достаточно драматическом эпизоде ойратской истории (а равно этно- и политогенеза), связанном с поспешным и, возможно, безвозвратным исходом собственно олётов / элетов / элютов «*по возмущению диявола, именуемого шара шулму*» [Лунный свет 2003: 84].

2. Материалы и методы

Для целей исследования настоящая работа будет обращаться к публикациям таких классических текстов, как «Сокровенное сказание монголов» [Козин 1941], «Сборник летописей» Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1952а; Рашид ад-Дин 1952б; Рашид ад-Дин 1960], «Алтан тобчи» Лубсан Данзана [Алтан тобчи 1973], «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна [Geschichte der Ost-Mongolen 1829], а также к работам П. Б. Коновалова и Д. В. Цыбикдоржиева [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017], В. П. Санчирова [Санчиров 1990], Л. П. Потапова [Потапов 1935; Потапов 1966; и др.], Н. В. Екеева [Екеев 2011], Б. З. Нанзатова и В. В. Тишина [Нанзатов, Тишин 2025; Нанзатов 2016; Нанзатов 2020], К. И. Петрова [Петров 1961; Петров 1963], С. М. Абрамзона [Абрамзон 1960; Абрамзон 1966; Абрамзон 1990], Р. А. Абдуманапова [Абдуманапов 2017], Т. О. Бейшеналиева [Бейшеналиев 1990] и других.

Методология исследования представлена междисциплинарным подходом, с применением техник системного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, а также метода исторической реконструкции.

3. *Олёты*, *телёсы*, *зюн-гары*: начала, итог и «утерянные» звенья

3.1. Приступая к исследованию

Предваряя дальнейший ход рассуждений, необходимо — вслед за К. Этвудом [Atwood 2004: 420] и Г. Серрайсом — обозначить, что практически на всем протяжении своей истории «*ойраты, как и прочие монгольские группы, представляли собой энную совокупность осколков огромного числа племен и родов, причем ведущие племена не всегда оставались таковыми, как не всегда число их составляло четыре*» [Serruys 1965: 225].

Так, продолжая мысль Г. О. Авляева о многоуровневости калмыцкой идентичности [Авляев 2002: 48] (причем каждый такой аспект актуализируется ситуативным контекстом коммуникации), выразить этот принцип можно, например, следующим образом: нет ойратов вообще — есть ойраты Монголии, ойраты Китая, сарт-калмыки Кыргызстана, калмыки Волго-Донского междуречья России, а также ойроты-алтайцы; нет калмыков вообще — есть торгуты, дербеты, хошуты, бузавы; нет торгутов вообще — есть керяды, эркетены, цаатаны, багуты, цохоры; нет цохоров вообще — есть ики-цохоры и бага-цохоры; нет ики-цохоров вообще — есть цатхалы, тохан-кесеки, эмчин-шабинеры, ачинеры и др.; нет цатхалов вообще — есть зооцнр, ганганр, кюрюнгюд, боорцхуд и др.

Оригинальные данные КалмНЦ РАН (в стадии обработки) показывают, что на общность происхождения по мужской линии могут претендовать в лучшем случае субъекты последнего уровня — арваны и / или хотоны, — что, безусловно, не исключает родства как такового в силу преимущественно внутрипопуляционных матримониальных связей и, соответственно, заведомой однородности этноса при его небольшой численности, что подтверждается фиксируемой высо-

кой степенью сохранности условно азиатского компонента при полногеномных исследованиях [Балановская и др. 2022: 24]. Внимательное же обращение к историческим данным показывает, что этот «замес» мог произойти задолго до прихода предков калмыков в пределы Юга России — в ходе активных взаимодействий ойратов в эпоху Чингис-хана, а также (их предполагаемых предков) в предшествующие и (потомков) последующие периоды. Немало тайн, очевидно, хранит и поздний период этнической истории калмыков, особенно после исхода 1771 г., с его перераспределениями оставшихся улусов и аймаков, перемещениями последних и их подразделений внутри и между улусами, переименованиями, дроблениями и т. п. Так, на необоснованность применения метода «перевернутой пирамиды» к вопросам этнического состава в исторической перспективе правомерно указывает А. В. Цюрюмов [Цюрюмов 2007: 67].

Аналогичным образом, в перспективе даже 500–600 лет нельзя говорить и об этнической однородности сообществ тюрко-монгольских кочевников как таковых. В составе киргизов К. И. Петров выделял — кроме собственно «киргизского» — ряд этнотерриториальных компонентов, как-то: кимако-кипчакский, баргутский, ойратский и др. [Петров 1963]. Также и автор настоящей работы склонен выделять в ойрат-калмыцком пуле (в том числе с учетом современных данных генетики) — кроме собственно «ойратского» — компоненты баргутские, урянхайские, меркитские, кереитские и др. Однако даже базовые компоненты берутся тут в кавычки, так как не гарантируется ни их изначальная однородность, ни неизменность в ходе разворачивания этногенеза во времени и пространстве, ни безошибочность доступных данных историо- и этнографии, ни непрерывность этнокультурной преемственности, особенно в турбулентные периоды истории.

При этом необходимо учитывать, что расчетные возрасты мужских предковых линий калмыков для наиболее крупных кластеров (R2-M479, C-M48>SK1066, F1067 и др.), совокупно покрывающих до трех четвертей протестированных мужчин-калмыков, составляют максимум немногим более 1 тыс. лет: так, TMRCA для Y-субклада C-SK1066 (при значениях по STR-маркерам DYS19=16-17 и DYS385=12-12), широко представленного практически во всех субэтносах калмыков (и не только) на уровне от 40 до 50 %, составляет всего лишь 1,1 тыс. лет, т. е. *предок-основатель всей этой многочисленной линии* (по итогам расчетов на основании данных протестированных носителей) родился и жил *около конца IX – первой половины X в. н. э.* [YFull: C-F6193 (SK1066)]. Соответствующие расчеты для имеющихся образцов «ойратской» R2-M479 и «цоросовской» C-F1067 и вовсе чуть не вдвое меньше.

Соответственно, с учетом совокупности вышеизложенного, настоящая и смежные работы автора — с применением междисциплинарного подхода и привлечением разносторонних доступных материалов — представляют собой попытку реконструкции *возможного* исторического пути прежде всего элитарных и околоэлитарных линий-групп как наиболее вероятных носителей этнокультурных констант, идентичности и самого имени *ойрат*, причем, как будет показано, далеко не все их потомки остались в лоне собственно ойратства, однако сохранили реминисценции былых связей в своей культурной традиции.

3.2. Ушли и — остались?

Большинство доступных хроник включают олётов в состав приводимых номенклатур ойратских групп. В свете же упоминавшейся выше тенденции к

отождествлению имен *олёт / элет / элют* и *зюнгар / джунгар* особый интерес вызывает вывод В. П. Санчирова о том, что дербеты и джунгары (зюнгары) «*и есть потомки древних ойратов*», поделенные между сыновьями Эсена-тайши после его гибели на две указанные группы [Санчиров 1990: 56–57]. В более поздней работе этот же исследователь заключает, что дербеты и джунгары образовались в результате разделения в первой половине XVII в. оставшейся на родине части «*родоплеменного подразделения*» элётов [Письменные памятники 2016: 228], констатируя при этом, что происхождение самого этнонима «*в современном монголоведении до сих пор остается неизвестным*» [Письменные памятники 2016: 226]. Озвучивались и другие мнения: по мнению Г. Серрайса, олёты (Ögeled, Eleuth) и джунгары (Jungγar) являлись двумя отдельными друг от друга ойратскими племенными подразделениями, чьи имена в дальнейшем стали служить обозначениями для «*всей ойратской группы*» [Serruys 1965: 225].

Тут подчеркнем, что постулат о «потомках древних ойратов» характеризует, скорее, ранний этап ойратского этногенеза и не отказывает в ойратской идентичности (и ойратском прошлом) прочим группам (см., например, [Кукеев 2008]), хотя имплицитно актуализирует вопрос о сущности ойратства как такового и раскрывает его как динамический и полистадиальный этнополитический феномен. Последний в силу структурной сложности и известной запутанности будет рассмотрен в отдельной работе.

В этой связи встает вопрос: почему, а главное зачем — при устойчивых сообщениях о безвозвратном исходе олётов («*Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис*» [Шара туджи 1957: 159; Желтая история 2017: 216]) — таковыми могли называть (называться) тех (те), которые в итоге от ойратов как будто никуда и не уходили, а, напротив, создали Джунгарское ханство — «*последнюю кочевую империю*» [Бобров 2019: 445] на степных просторах Евразии? Для ответа на него придется обратиться к истокам этнополитической традиции монголов в целом, привлечь материалы по смежным ойратам популяциям, а также прояснить соотношение имен *олёт / элет / элют*, *зюнгар / джунгар*, *дербет* и *чорос / цорос*. Начнем с конца.

3.3. Чоросы — элита позднего периода

При декларировании общности происхождения дербетов и джунгаров (зюнгаров) калмыцкими источниками [Лунный свет 2003: 89, 133–134] Батур-Убаши Тюмень уточняет, что «*имеют одно происхождение*» именно дербетские и зюнгарские *нойоны* (аристократия) — из «*Цоросского дома*» [Лунный свет 2003: 89, 133–134]. Данный постулат нашел свое подтверждение по итогам исследования субкладов мужской половой хромосомы в разрезе родов калмыков на базе Калмыцкого научного центра РАН: на обширном материале было окончательно установлено, что субклад C-F1067 со специфическим значением по STR-локусу DYS385=11-11 (предварительно отождествляемый с SNP C-F9733 > C-F8536 с TMRCA в 500 лет [YFull: C-F1067]) маркирует представителей именно цоросовской аристократии [Джагрунов, Булуктаев 2024а: 843] в калмыцких образцах как дербетов, так и зюнгаров [Джагрунов, Булуктаев 2024б: 1084–1085].

Дальнейший анализ генетических, этнографических и лингвистических данных показал тесную связь цоросов / чоросов (и структурных подразделений ойратов XV в. вообще) с именами потомков легендарного Барга-Батора бурятских этногонических нарративов [Джагрунов 2025]. Полагаем, что специальное

рассмотрение мифов о происхождении отдельных калмыцких (ойратских) и бурятских родов и племен может выявить дополнительные типологические сходства и параллели, которые расширят нынешнее понимание вопросов этногенеза ряда популяций Центральной и Внутренней Азии.

По итогам рассмотрения «ойратского» («монгольского») субклада R2a-M124 у калмыков была сформулирована и обоснована гипотеза о том, что в прошлом ее носители — отмеченные столь претенциозными родовыми именами, как *тяячуд*, *сяядюд*, *хаануд*, *хашханер*, а главное *чонос* — могли претендовать на происхождение от аристократии средневековых ойратов-хойтов, а через них — от легендарного предка монголов и ойратов «благородного волка» Бортэ-Чино [Джагрунов и др. 2023: 837]. Далее по итогам тестирования было установлено, что дербеты-зюны в своей структуре практически свободны от присутствия «цоросовского» субклада C-F1067 при преимущественной фиксации R2a-M124 именно в данной группе, а это, вкупе с историческими и вышеозначенными этнографическими данными, указало на возможность отождествления их с собственно средневековым компонентом *дорбен* [Джагрунов, Булуктаев 2024а: 840], т. е. зюны, вероятно, и «передали» свое имя всей группе дербетов Волго-Донского междуречья. В связи с изложенным не исключаем возможности отождествления слова *зюн* как обозначения условно привилегированной родовой ассоциации дербетов Юга России в составе предполагаемого потомства древней ойратской аристократии — с термином *цзун*, распространявшимся в Джунгарском ханстве на младших родственников владетельных тайшей «*по мужской линии*» [Кычанов 1997: 243].

3.4. Волки-дорбены…

Относительно дербетов в целом цоросы как обширная, но «молодая» ветвь, отмеченная преимущественными властными полномочиями, видятся поздним структурным элементом — «надстройкой» — сводимым к военно-административной элите первых на поздних этапах существования группы. Соответственно, встает вопрос: не могли ли цоросы выступать в аналогичной роли — к некой третьей группе, прежде условно однородной (насколько это вообще возможно для кочевых сообществ) и являвшейся носителем собственно имен *джунгар / зюнгар* и / или *олёт / элет / элют*?

Первый вывод косвенно подтверждается тем, что SNP C-F9733 (>C-F8536) с «цоросовским» DYS385=11-11 является ответвлением от C-F10378 (TMRCA = 1 000 лет), как и «бурятский» кластер C-Z4328 (TMRCA = 950 лет) [YFull: C-F1067]. Вероятно, на «энном» этапе внутри ойратского «союза» военно-политическое преимущество перешло к «баргутской» группировке, в результате чего власть по итогам борьбы оказалась в руках одного из кланов Баргуджин-Токума, откуда исторически и происходили ойраты эпохи Чингис-хана [Рашид ад-Дин 1952а: 118–121].

Забегая вперед, отметим, что по рассмотрении исторических, этнографических, оригинальных (КалмНЦ РАН) и опубликованных генетических данных по субкладам Y-хромосомы популяций Евразии в целом и потомков тюрко-монгольских кочевников в частности, при определении термина *ойрат* автор склонен следовать парадигме, озвученной в числе прочих К. И. Петровым, который выводил ойратов из «*конгломерата монгольско-тюркских племен Алтайско-Хангайского нагорья*» [Петров 1961: 150]. Вместе с тем, очевидно, что на разных этапах эт-

ническое наполнение термина могло — и должно было — варьироваться, хотя сама общность развивалась на основе предыдущего субстрата, сохраняя при этом базовые культурно-исторические константы.

Вспомним, что, согласно этногоническому мифу монголов, их родоначальниками выступили Борте-Чино и Гоа-Марал, одиннадцатое колено потомков по мужской линии которых было представлено братьями Дува-Сохором и Добун-Мерганом [Козин 1941: 79]. Четверо сыновей старшего брата после смерти отца, откочевав, образовали «*поколение Дорбен*», откуда «*и пошло четвероплемение Дорбен-ирген*» [Козин 1941: 80], причем этих же сыновей Дува-Сохора монгольский летописец Саган Сэцэн называет родоначальниками конкретных ойратских племен [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 57]. «Шара туджи» в этом отношении лаконична: называя ойратов потомками Дува-Сохора, она не уточняет деталей означенной родственной преемственности [Желтая история 2017: 106], хотя сообщает, что хойтские нойоны суть потомки сыновей Худуха-беки Инальчи и Торельчи [Желтая история 2017: 106]. Сам же Худуха-беки характеризуется Рашид ад-Дином как «*царь ойратов,* [из] *племени дурбан*» [Рашид ад-Дин 1952а: 138].

Таким образом, по имеющимся источникам связь между ойратами (дорбен-ойратами) и правящим домом монголов эпохи Чингис-хана обнаруживается именно и единственно — через компонент «дорбен». В этой связи заключаем, что и «поколение Дорбен», и «четвероплемение Дорбен» из «Сокровенного сказания» должны бы быть тождественны дурбанам нирун-монголов из труда Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 1952а: 187], хотя в отношении последних (и не только) выдающийся персидский историограф допускает серьезную путаницу: называя «нирунами» только «*те племена, которые произошли из рода Алан-Гоа после кончины ее мужа, Добун-Баяна*», т. е. тех, кто принадлежит к роду трех ее младших (даже не двух старших собственно сыновей Добун-Баяна из рода Борте-Чино и Алан-Гоа же!) сыновей [Рашид ад-Дин 1952а: 152; Рашид ад-Дин 1952б: 11], он причисляет дурбанов к нирунам, но возводит их происхождение к Тамач-хану — внуку Буртэ-чинэ [Рашид ад-Дин 1952б: 9–10]. В этом смысле повествование «Сокровенного сказания» о преемстве поколений и племен монголов и последовательнее, и четче, и, очевидно, надежнее. Важен тут и культурно-исторический контекст: в степи необоснованное присвоение родового имени — тем более сакрального *чинос* или околопривилегированного *дорбен* — невозможно по определению, а, значит, таковые основания у ойратов имелись.

Далее, логично ожидать преемство, если не ситуативное тождество (наблюдается у исследованных калмыков-дербетов чоносовских родов), этнонимов *чинос / чонос* и *дорбен*. В пользу этого говорит и вывод Л. Л. Викторовой: «*Прямые потомки Бортэ-Чино, т. е. линия, связанная генетически с древними тюрками, в начале X в. отделяются и откочевывают вместе с подчиненными им родами, образуя конфедерацию из четырех (дорбэн) племен, куда входили и Чиносы*» [Викторова 1980: 162]. Характерно, что дербеты (дурбат) фиксировались вместе с чиносами (нукуз) в военно-административных объединениях тюрко-монголов и в более позднее время [Абдуманапов, Сабитов 2024: 470–471].

В целом соглашаясь с заключением Б. Я. Владимирцова о том, что «*бесконечные междоусобные войны*» после падения Юань — в том числе в виде противостояния ойратов и восточных монголов — были по сути борьбой «*между*

феодалами-царевичами дома Чингиса и феодалами мелкими, вышедшими из родов монгольской степной аристократии» [Владимирцов 2002: 441], склонны видеть причиной того, что центром притяжения античингисидских сил стали собственно ойраты, именно тезис об их происхождении (некой их элитарной части) от *старшего* брата, каковой давал им (и причислявшим себя к ним) моральное право на сопротивление властным амбициям представителей «золотого рода».

3.5. …и маралы-олёты?

Возвращаясь к вопросу о «третьей» группе, заключаем, что при возможности соотнесения ойрат-дербет-чоносов с линией Борте-Чино > Дува-Сохора в лице чинос-дорбенов «Сокровенного сказания», зюнгар / джунгар-олёты / элюты могут быть гипотетически соотнесены со вторым компонентом указанной пары прародителей — Гоа-Марал (‘Беловато-желтоватая лань’ [Зориктуев 2010: 139]).

В одной из предыдущих работ автором уже выдвигалась гипотеза о возможном этноисторическом преемстве между дербетами-бухусами и средневековыми *бугу* (*пугу*) (др.-тюрк. *buγu* ‘олень’ [ДТС 1969: 120]), причем внимательное рассмотрение совокупности данных этнографии, ономастики и генетики позволило предпринять попытку реконструкции от *оон* (боевой клич чоносов, калм. ‘самец антилопы’) и *хо оон* (арван *хоонуд* в составе дербетов-бухусов) — через *хо бухус* / *(хо) бугу* — к *хо марал* (Гоа-Марал из «Сокровенного сказания») [Джагрунов 2024: 1554–1557].

Обращение к токуз-огузскому племени *бугу* (*пугу*), занимавшему одну из ведущих позиций в структуре Уйгурского каганата (744–840 гг.), — в том числе выступая в качестве брачных партнеров правящей династии [Камалов 2001: 31, 86, 111] — в контексте этногенеза монголов может видеться несколько неуместным. Однако тут можно отметить, что Г. Й. Рамстедт посредством фонетической реконструкции возводил слово «ойрат» к этнониму «огуз» [Раднаев 2012: 230], а И. Я. Селютина на инструментальных данных констатирует: тип консонантных систем с тройной оппозицией по степени напряженности в халха-монгольском и калмыцком, тувинском и тофском (~ тофаларском) языках «*может рассматриваться как рефлюкс пратюркского состояния*» [Селютина 2020: 34].

Гибель же государства токуз-огузов не означала исчезновения на заданной территории всего ее народа: в 842 г. уйгуры разгромили киданей, что вынудило их принять подданство Тан [Материалы по истории 1984: 170], а в 908 и 918 гг. «*уйгуры, оставшиеся на территории Монголии, <…> присылали послов ко двору киданьского императора*» Елюй Амбагяня (Абаоцзи, 872–926 гг.), который, совершая туда походы в 916 и 924 гг., «*вступил в область уйгуров*» [Бутанаев, Худяков 2000: 82]. Он же в 912 г. ходил карательным походом на племена *чжу бугу* «*и покорил* [их]» [История Железной империи 2007: 48, 140]. В отношении русского перевода указанного отрывка («*которые жили, не обращая* [на него] *внимания*»), считаем его избыточным и лишающим описываемые события предметного наполнения, полагая, что, с учетом исторического контекста, *чжу бугу* вернее было бы переводить как ‘оставшиеся в живых бугу’.

Из уйгурского рода Сяо происходила и жена Абаоцзи — впоследствии вдовствующая императрица — Шулюй Пин (Юэлидо, 878–953 гг.), отца которой звали *мэйли Погу* Юэвань [Е Лун-ли 1979: 465]. При этом мать Шулюй Пин была дочерью князя Юньдэцзя (勻德恝) [Е Лун-ли 1979: 465] из киданьского рода

Яонянь [Cooke Johnson 2011: 122], личное имя которого созвучно имени Елюя Юньдэши (匀德實), приходившегося дедом по мужской линии самому Абаоцзи [Liao Shi]. Из Сяо же происходила и мать Абаоцзи [Liao Shi]. Таким образом, данные о предках Абаоцзи и Шулюй указывают на то, что военно-политическое взаимодействие возглавлявшихся их семьями групп началось еще до рождения этих исторических фигур, т. е. не позднее начала 870-х гг., окончательно оформившись в коалицию с заключением их брака не позднее 907 г. [Cooke Johnson 2011: 123]. В эпоху династии Тан (618–907 гг.) кидани периодически выступали вассалами уйгуров, причем последние, даже утратив собственное государство, играли важную роль в культурном и политическом становлении киданей [Mote 2000: 35].

О «*забытом аймаке Пугу*» пишет и монгольский археолог Б. Г. Батболд [Батболд 2017]. В имени отца Шулюй Погу Мэйли (婆姑梅里) он различает тюркскую титулатуру, соотнося лексему *мэйли* с тюрко-уйгурским *буйрук* (ср. др.-тюрк. *bujruq* ‘приказный’ [ДТС 1969: 121]), а *погу* — с собственно уйгурским племенем *пугу* [Батболд 2017: 191], что в итоге позволяет интерпретировать это имя как «*буйрук* [племени / аймака] *Пугу*». Впрочем, *Погу* тут может быть и именем личным, но определенно указывающим на некое кровное родство с соответствующим аймаком-родом-племенем: племенное имя *Дела* в качестве личного носил один из младших братьев Абаоцзи [История Железной империи 2007: 46, 48], родовое имя вдовствующей императрицы *Шулюй* — ее внук и четвертый император Ляо Му-цзун [Е Лун-ли 1979: 104], в более позднее время имя *Ойратай* носил один из сыновей ойрата Аргун-Аки [Рашид ад-Дин 1952а: 121], а также внук Ариг-Буки по линии его сына Мелик-Тимура от Буры (дочери Ширеки из рода дурбан) [Рашид ад-Дин 1960: 202], Дурбачин — «*хатун из племени дурбан*» и мать двух сыновей Хубилай-хана [Рашид ад-Дин 1960: 155], Урянхадай — сын Субэдай-бахадура из племени урянкат [Рашид ад-Дин 1960: 157] и др. Б. Г. Батболд отмечает, что в именах трех из пяти сыновей Алан-Гоа, потомков которых и считают «*нирун-монголами*» (т. е. собственно монголами), присутствует компонент «бугу» [Батболд 2017: 62].

3.6. Неожиданные параллели…

Попробуем же с учетом этногонического мифа монголов поискать среди исторически смежных с ойратами народов — хотя бы и ради сугубо исследовательского интереса — родоплеменную группу, в названии и идентичности которой нашли бы отражение лексемы *олёт* / *элет* / *элют* и / или *зюн-гар*, а также характеризуемую реминисценциями оленного тотема.

Однако прежде вспомним, что П. Б. Коновалов и Д. В. Цыбикдоржиев склонны отождествлять *өөлөд* / *олёт* с *тулас* / *толёс* [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 140–145], т. е. рассматривают первое имя как усеченный вариант второго. По материалу древнетюркской эпохи Ю. А. Зуев отмечает, что эвфемирование оригинального слова как результат табуирования ставшего сакральным имени тотема или родоначальника шло «*путем видоизменения существующего имени или его прямой замены из лексики иноязычных соседей*» [Зуев 1970: 77]. Переименование усечением на одну букву при перемещении и инкорпорации родоплеменных образований в рамках новых структур и идентичностей было, вероятно, нередким явлением для ойратской этнонимии: так, Г. О. Авляев склонен отождествлять торгутов-багутов с этническими баргутами в условиях

«*выпадения звука* ***р*** *в калмыцком произношении*» [Авляев 2002: 53, 54, 111, 113 и т. д.]. В дальнейших работах эта тенденция будет последовательно прослежена по меньшей мере еще на одном историческом этнониме в ойратской среде.

Сочетание вышеозначенных этнонимических и идентичностных элементов мы находим у субэтнических подразделений киргизов — *бугу*, *багыш* (*сары багыш*) и собственно *дөөлөс* (*төөлөс*). Примечательно, что они же рассматриваются исследователями как наиболее вероятные звенья в разрезе этногенетических связей киргизов с Алтаем [Абдуманапов 2017; Жолдошов 2023; и др.].

В киргизском языке лексемы *бугу* и *багыш* служат обозначениями диких парнокопытных семейства оленевых: ‘самец оленя или марала’ [Киргизско-русский словарь 1965: 154] и ‘лось’ [Киргизско-русский словарь 1965: 92] соответственно.

Согласно генеалогическим таблицам-санжыра киргизов Северной Киргизии, Дёёлёс, сын Кылжыра и внук Тагая, указывается в качестве прародителя сары багышей [Абрамзон 1960: рис. 5]. Однако сыном Кылжыра и внуком Тагая же выступает и Ороз Бакты — прародитель племени бугу [Абрамзон 1960: рис. 2]. По материалам Южной Киргизии, имена Сарыбагыш и Бугу указываются в схеме сразу после Кылжыра [Винников 1956: 138]. Отдельные традиции возводили к Дёёлёсу наиболее крупные киргизские племена — солто, жедигер, бугу и сары багыш [Абдуманапов 2017: 29].

Таким образом, фиксируется связь между указанными объединениями как на уровне семантики этнонимов, так и на уровне генеалогических данных.

К. И. Петров указывал на сближение диалектов этих же племен в разрезе соответствия звука *с* звуку *з* других групп, причем тут же отмечал, что «соканье» наблюдается лишь у алтайцев [Петров 1963: 23]. Они же, наряду с группой *солто*, в составе правого крыла характеризуются указанным автором как более близкие в силу того, что выступают как «действительные» потомки Тагая, хотя их родоначальники были «*усыновлены*» [Петров 1963: 26]. На близость языка фольклорных материалов, зафиксированных в племени *бугу*, алтайскому языку указывает С. Аттокуров [Аттокуров 1995: 112].

По наблюдению С. М. Абрамзона, генеалогическая связь между племенами *бугу* и *сары багыш* подтверждается и данными о тамгах: древняя тамга *жагалмай* была распространена «*в прошлом прежде всего среди бугинцев и сарыбагышцев*» [Абрамзон 1990: 43], причем тамга эта идентична тамге исторического племени цзе-гу, «*т. е. древних кыргызов*» [Абрамзон 1990: 45]. Разбирая вопрос о *загалмай*, Д. С. Дугаров обращается к синкретическому образу оленя-коня-птицы [Дугаров 1991: 61–84] и в силу обширности распространения этого слова почти у всех тюрко-монгольских народов (в разных фонетических и семантических вариантах) усматривает «*глубокую древность происхождения этого термина и его важное мифологическое и магическое значение*» [Дугаров 1991: 65], а сам он был заимствован монголами «*у тюрок*», т. е. термин и обозначаемый им мифологический образ «*первоначально появились и бытовали не в монголоязычной этнической среде, а в тюркоязычной*» [Дугаров 1991: 66]. При этом по заключению исследователя, для слова *загалмай* значения ‘крест, крестообразный’ и ‘кречет, хищная птица’ [ЭСМЯ 2016: 54–55], ‘кобчик’ [Киргизско-русский словарь 1965: 210; Муниев 1977: 235] развивались в синкретическом союзе со значением ‘олень’ (ср. *бура* — ниже), оформляясь в образ крылатого *загал*-оленя (позже *загал*-коня) — транспортное животное шамана и душ почивших

в их путешествиях на небо [Дугаров 1991: 71–74]. Забегая вперед отметим, что Л. П. Потапов указывал на практику обозначения рогов рогатых животных на ритуальных предметах тюрок Алтая и объектах долины Енисея простым «*пересечением линии головы двумя или одной <…> короткой чертой*» [Потапов 1935: 137], т. е. все тем же «крестом».

Далее отметим, что в отоке *букус* Джунгарского ханства Н. А. Аристов предполагал «*кыргызов нынешнего колена бугу*» [Аристов 2001: 427]. О вхождении «*значительного числа*» киргизов в состав Джунгарского ханства пишет и современный исследователь Т. Ш. Уметбаев, причем таковое, по его мнению, «*оказало позитивное влияние на формирование киргизской народности*» [Уметбаев 2009: 22]. Со ссылкой на «Маджму ат-Таварих» и указанием на то, что летопись фиксирует пребывание дёёлёсов и связанных с ними племен (очевидно, в первую очередь сары багышей. — *С. Д.*) правого крыла в составе киргизов уже в конце XVI – начале XVII в., Р. А. Абдуманапов заключает: алтайские и киргизские тёлёсы разделились в течение XV в. при продвижении киргизских племен «*на юг — в земли Восточного Туркестана и далее на Тянь-Шань*» [Абдуманапов 2017: 33–34]. При этом с упоминанием все того же источника в ходе фонетической реконструкции Б. З. Нанзатов и В. В. Тишин усматривают «*основания думать, что формы этнонима с начальным* ***d-*** *в кыргызской номенклатуре проникли сюда не из среды населения Саяно-Алтая, а, по всей видимости, напрямую из монголоязычных сообществ*» не позднее XVI в. [Нанзатов, Тишин 2025: 188–189], причем не исключая и «калмыцкого» влияния в Восточном Туркестане, а возможное время откочевки «*группы носителей имени дөөлөс на Иссык-куль*» отодвигая на конец XVII в. [Нанзатов, Тишин 2025: 191]. Автор настоящей работы не склонен считать приводимые тезисы исследователей взаимоисключающими: в условиях мобильности кочевых сообществ, особенно в политически и экономически нестабильные периоды истории, примеров возвратных (если не многократных) откочевок номадов приграничья при их потенциальной билингвальности — даже и с временной (или постоянной) сменой зонтичной идентичности — можно найти немало.

Наконец, Т. Д. Баялиева, рассматривая пережитки тотемических представлений у киргизов, находит любопытным, что — хотя «*в киргизском языке* ***бугу*** *— самец оленя или марала*», и обычно начало роду дает мужской тотемный предок — «*своей прародительницей киргизы племени бугу признавали женщину, которая считалась „дочерью оленя", т. е. происходили „от рогатой матери"* ***(мүйүздүү энеден)***» [Баялиева 1972: 12–15].

3.7. …из общности происхождения, или вновь Баргуджин-Токум

Дальнейшее рассмотрение предмета настоящего исследования вновь неизбежно актуализирует вопрос былого пребывания — фактического или мнимого — в ойратстве киргизов и бурят, на материале «Эрденийин тобчи» Саган Сэцэна поднимаемый И. Я. Шмидтом [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 373, 380] и далее развиваемый Д. Банзаровым [Банзаров 1955: 183].

Приведем полную цитату И. Я. Шмидта: «*Dagegen gehörten vor Alters die Kirgisen (Kergud) zu den Oiradschen Völkerschaften, und bildeten höchst wahrscheinlich mit den Burjaten und Teilengud eine Nation, wie denn jetzt noch die östlichen Kirgisen ihren alten Namen Burat bei den Kalmüken behalten haben*» — «*Напротив,* ***киргизы*** *(кэргуды) в прежние времена принадлежали к ойратским народностям и, по всей вероятности, составляли с* ***бурятами*** *и* ***телентутами***

одну нацию, покуда и поныне еще восточные киргизы величаются у калмыков своим старым именем ‘***бурат***’» (перевод наш. — *С. Д.*) [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 373].

Из трех указываемых этнических групп ойратская идентичность достоверно и последовательно утверждается, а равно признается лишь за теленгутами и их потомками алтайцами: «*тэлэнгутский*» Абдула Сэцэн указывается источниками как военачальник и верный сподвижник некогда всесильного Эсена-тайши [Шара туджи 1957: 145; Желтая история 2017: 162–163; Эрдэнийн товч 2006: 113; Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 155], а сами алтайцы до 1948 г. официально назывались *ойротами*, т. е. ойратами (см., например: [Алтайцы 2014: 3, 56, 71; и т. д.]), каковое имя исторически не употреблялось в официальном дискурсе как самоназвание даже потомками монголоязычных ойратов в России — калмыками.

Касательно бурятско-ойратских связей Б. З. Нанзатов отмечает, что «*наличие этнонима* ***олёт*** *в бурятской генеалогической традиции является свидетельством не только наличия, но и особой значимости ойратского пласта в этногенезе бурят*» [Нанзатов 2016: 102], а потенциально отчасти даже якутов [Нанзатов 2020: 121–122]. К. И. Петров же констатирует, что в состав ойратов и киргизов «*равным образом <…> вошло много родственных племен в процессе их распространения с начала XIII в. по всему Алтайско-Хангайскому нагорью и Восточному Тянь-Шаню*» [Петров 1961: 149]. Полагаем, что имплицитно сформулированный авторами подход к настоящей проблеме и может быть ключом к ее разрешению: на определенных этапах истории в ойратстве состояли лишь отдельные — хотя, возможно, и значимые, крупные (как тогда, так и сейчас) — этнические компоненты киргизов и бурят. Взглянем поближе.

Однако прежде вновь уточним, что в настоящем исследовании ойратство эпохи Эсена-тайши и далее рассматривается скорее как полития при зонтичной «ойратской» этнической идентичности в противостоянии ее племенных лидеров — преимущественно из числа «лесных народов» — властным амбициям потомков «золотого рода», прежде всего с идеологической опорой на этногонический миф монголов же имперского периода, согласно которому ойраты вели свое происхождение от *старшего* брата — Дува Сохора (А. Очир не исключает связи этнонима *өөлд* с ойратским *elēd* ‘большой, старший, пожилой’ и древнетюркским *ölöt* ‘большой, пожилой’ [Очир 2016: 140]). Для сравнения, по заключению Ю. А. Евстигнеева термин *кипчак* на втором этапе своего бытования (в 1030–1240 гг.) служил обозначением этнически разных кочевников Дешт-и Кипчака, «*среди которых совершенно „потерялись" сами кипчаки*» [Евстигнеев 2012: 97–99]. Также данный подход актуализирует предложенный Д. Банзаровым вариант этимологизации формы «ойрат» как «*лесной народ*» [Банзаров 1955: 185–186].

По состоянию на XIII – начало XIV вв., ойраты, туласы (*төөлөс*), баргуты и хори-туматы (предки бурят) проживали в Баргуджин-Токуме и «*в пределах страны киргизов*», земли же теленгутов и смежных им племен находились «*по ту сторону страны киргизов*» [Рашид ад-Дин 1952а: 118–123]. Таким образом, фиксируется историческая близость проживания предков ойратов (калмыков, алтайцев и др.), киргизов и бурят в Западном и Южном Прибайкалье, в долинах Енисея и его притоков, а значит и неизбежная практически равная вовлеченность их (порой по разную сторону ситуативных фронтов) в непростые исторические события с начала XIII в. и далее.

Этническим же компонентом, связывающим все обозначенные И. Я. Шмидтом в ойратстве группы, а равно и собственно ойрат-олёт-джунгаров более позднего периода, выступают все те же *төөлөсы*, причем на данном этапе открытым остается вопрос связей последних в отношении теленгутов (их потомков) и бурят.

Касательно теленгутов вспомним, что они дважды упоминаются в «Сокровенном сказании», причем оба раза в связи с тоолесами / tö'ölös (а в повествовании о Хорчи еще и с «чиносцами») [Козин 1941: 161, 175; Cleaves 1982: 147]. Связь между этими группами констатируется Л. П. Потаповым и Н. В. Екеевым, которые именно тӧлэсов и теленгутов (телеутов) указывают предками современных алтайцев [Потапов 1966: 234; Екеев 2011: 30]. В связи с фиксируемой связью между формой «дөөлөс» и этнонимами, восходящими к наименованиям копытных семейства оленьих у киргизов, отметим, что в качестве родового животного алтайского сёока *тёёлёс* фиксируется марал (*сыгын*) [Деева 2018: 215].

Развивая свое исследование на бурятском фольклорном и историческом материале, П. Б. Коновалов и Д. В. Цыбикдоржиев приходят к отождествлению терминов *өөлөд / олёт*, *тулас / толёс*, *сэгэнут* и отчасти даже *зунгар* [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 140–145]. С сэгэнутами (и смежными племенами), «*вторым этнонимом которых сохраняется термин олёт*», Б. З. Нанзатов связывает образ Оледая / Элюдэя / Илюдэр-мэргэна как персонифицированный этноним в ряду базовых компонент бурятского народа — в рамках соответствующего этногонического мифа о Барга-баторе и трех его сыновьях [Нанзатов 2016: 102]. Впрочем, С. Б. Болхосоев и Е. Б. Болхосоева подвергают сомнению популярную в литературе ойратскую версию происхождения сэгэгутов и полагают их «*обурятившимися потомками тюркоязычной этнической группы*», вышедшей из Убсунурья в XV–XVI вв. [Болхосоев, Болхосоева 2023: 113–114]. В связи с последним сообщением и с учетом вышеозначенных тёёлёс-оленных паттернов, считаем возможным не исключать вероятности происхождения самого этого этнонима от алтайского *сыгын* 'марал' [Алтайско-русский словарь 2018: 624] при добавлении монгольского форманта множественного числа *-уд*.

3.8. «Оленные» буруты

Дальнейшее рассмотрение дөөлөс-оленных параллелей актуализирует и вопрос о термине *бурут* (*бурат* у И. Я. Шмидта) [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 373], употреблявшемся ойратами для обозначения тяньшанских (и не только) киргизов. Существует ряд гипотез о его происхождении.

Так, по сообщению Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Радлов полагал возможным происхождение названия *бурут* «*от бӧр (баур) — имени одного из отделений рода бугу*» [Грумм-Гржимайло 1926: 535], а сам он выводил бурутов из исторического Баргуджин-Токума, где и поныне живут буряты, усматривая в сходстве имен (со ссылкой на Д. Банзарова) возможность к восприятию прошлого населения указанной области как «*баргутов-бурутов или баргу-бурутов*» и, таким образом, растождествляя бурутов с собственно киргизами [Грумм-Гржимайло 1926: 537]. На наш взгляд, выдающийся путешественник-исследователь не «*пытался доказать, что буруты — племя бурятского происхождения*» [Абдыкалыков 1963: 124], но с опорой на указанное созвучие и данные историографии скорее не исключал общности происхождения киргизов и бурят (какой-то их части), причем для предковых групп связь эта, по мнению ученого, установилась в Саянах и лишь продолжилась на Тянь-Шане [Грумм-Гржимайло 1926: 537].

А. О. Абдыкалыков, сохраняя за киргизами на Тянь-Шане их историческое имя, слово *бурут* выводит из калмыцкого (монгольского) *буруу* и — с отсылкой к сообщениям о перемежающихся подданическо-враждебных отношениях киргизов с ойратами Джунгарии — интерпретирует термин как ‘провинившиеся, изменники, иноверцы’ [Абдыкалыков 1963: 126–127]. Ю. А. Зуев уводит этимологию в область тотемизма в этнонимообразовании (в числе прочих упоминая историческое племя *бугу*) и связывает ее с культом орла у народов Саяно-Алтайского нагорья, объясняя *киргиз ~ бурут* как ‘орел’, ‘гриф’ [Зуев 1970: 86]. Т. О. Бейшеналиев выводит *бурут* от ойратского *бору* в значении ‘каменные (скалистые) горы’, на основании чего заключает, что «*этноним дикокаменные киргизы является русским переводом термина* ***бурут***» [Бейшеналиев 1990: 140, 142].

Означенные дөөлөс-оленные связи позволяют нам артикулировать еще одну версию этимологизации термина *бурут*.

В своей работе (около 1931 г.) Н. П. Дыренкова рассматривает значение термина *bura ~ puyra* в связи с культом коня и оленя у алтайских тюрок [Дыренкова 2012]. Она соглашается с тем, что Н. Я. Марр в своей работе «*„Лошадь" || „птица", тотем урарто-этрусского племени*» «*с несомненной очевидностью доказал семантический <…> ряд «олень – верблюд – лошадь*» [Дыренкова 2012: 203]. Исследователь отмечает: «*Комплексные и подчас разноречивые представления, которые связываются с* ‘***bura***’ [то конь, то верблюд, то олень, то лось. — *С. Д.*], *возможно, обусловлены тем, что эти представления отразили на себе смену хозяйственных форм у турецких народов, вытеснив в экономике одного животного другим*» [Дыренкова 2012: 210]. При этом в шаманском камлании *бура* выступает как: 1) мифический невидимый небесный конь; 2) действительный реально конь, приносимый в жертву; 3) бубен, являющийся конем; 4) сам шаман, являющийся воплощением ‘*bura*’ [Дыренкова 2012: 209–210]. На примере же других народов Сибири (тунгусы, коряки, чукчи и т. д.) отмечается, что прежде место коня в указанной практике занимал *олень* [Дыренкова 2012: 211–212], а первоначально для обтягивания бубна, вероятно, употреблялась шкура самца оленя, марала, лося (сохатого) [Дыренкова 2012: 215].

Г. В. Ксенофонтов добавляет и уточняет: «*Мать-зверь черных шаманов в большинстве случаев представляется в образе лося или дикого оленя*», «*Мать-зверь у большого шамана имеет вид лося, а у маленького — оленя*» [Ксенофонтов 1992: 169].

Изучая следы тотемических представлений у алтайских тюрок же, Л. П. Потапов в целом повторяет выводы Н. П. Дыренковой, но вносит и ряд существенных добавлений, как-то: 1) термином pur → bur || pul → bul древнейшие насельники Алтая обозначали всех диких рогатых животных, затем этот термин перешел на хозяйственно освоенного оленя и от него позднее — на быка, верблюда, лошадь [Потапов 1935: 135–137]; 2) сам шаманский бубен в целом изображает тотема-предка [Потапов 1935: 141]; 3) «*наименование некоторых родов у алтайцев именем оленя (****bur-ut****) с признанием его предком, родоначальником*» (выделение наше. — *С. Д.*) исследователь относит к числу явлений, «*которые обнаруживают наиболее существенные черты тотемизма*» [Потапов 1935: 147]; 4) и даже термин *Bur-kan* ‘божество’ он таким образом возводит к тотему-оленю алтайских тюрок прошлого [Потапов 1935: 151]. Со ссылкой на

изыскания Л. П. Потапова же С. М. Абрамзон отмечает, что именно «*алтайский этнографический материал подтвердил семантику этнонима багыш*» (‘лось’) у киргизов: во время камлания челканский шаман называл свой бубен «ер пагыч», осмысляя его как ездовое животное [Абрамзон 1990: 51–52].

Таким образом, совокупность приведенных данных позволяет возвести термин *бурут* к лексеме *bura ~ buγra* в реконструируемом первоначальном значении ‘олень; лось’, что вызывает к жизни следующий вывод: основными визави ойратов в киргизской (и бурятской) среде были, вероятно, племена «дөөлөсской» группы с аллюзиями оленного тотема на уровне этнонимии, от которых сами ойрат-джунгары — сохраняя за собой имя *олёт* — себя на этническом уровне категорически не отделяли. В чем причина наблюдаемого парадокса? Обратимся к истории.

3.9. Олёт и чорос, саргис и хашханер. Зюн-гар?

Традиционно идентичность, а, значит, во многом и наименование кочевой общности определялись таковыми у ее военно-административной элиты. В случае же с Джунгарским ханством в этом качестве выступает аристократический род *чорос / цорос*. Первым достоверно фиксируемым представителем его был Хутхи Таджу, сановник Элбэг-хагана и отец Батулы. Последний в знак замирения после убийства хаганом его отца получил от правителя звание чинсанга и его дочь Самор-гунджи, а также был уполномочен «*ведать Дурбэн ойратами*» [Шара туджи 1957: 142–143]. По получении этого известия Угэчи Хашага в негодовании называет себя действующим главой Четырех Ойратов, а Батулу — своим подчиненным (minu xaracu) [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 142–143]. Тут не согласимся с переводом К. И. Петрова (‘мой человек из черни’) [Петров 1961: 156] и уточним следующее. Чурасы фиксировались как «род», «аймак», «народ» и даже «туман» в истории Могулистана не позднее середины XIV в.: «*этот род входил в правое крыло и был достаточно могущественным и многочисленным*» [Акимушкин 2010: 18]. Учитывая культурно-исторический контекст (в том числе принимая во внимание нередко фиксируемые тюрко-мусульманские имена и титулы у вождей ойратов заданного периода), считаем возможным интерпретировать слово *харачу* как составную часть формы “харачу бек”, каковая в постимперский период у тюрко-монголов служила для обозначения военачальников, вышедших «из народа», а в частности — из гвардии-*кешика*. Так, в Крымском ханстве карачу беги участвовали в назначениях и смещениях ханов, подписании и согласовании инициируемых ханом договоров, а также выступали советниками в важных политических вопросах [Hope 2017: 181]. В пользу этого вывода говорит и явный «эффект основателя» в имеющихся образцах цоросов, соотносимых с Y-субкладом по SNP C-F9733 (>C-F8536, с «цоросовским» DYS385=11-11, TMRCA = около 500 лет) как ответвлением от C-F10378 (TMRCA = 1 000 лет), причем другим смежным ответвлением последнего оказывается и «бурятский» кластер C-Z4328 (TMRCA = 950 лет). Ранее же было показано, что ойрат-дербет-чоносы, соотносимые нами с дорбен-чоносами, маркируются «ойратским» вариантом Y-субклада R2-M479. Таким образом, общемонгольская борьба за власть видится фоном и для внутриойратских политических интриг: сначала между, а потом и внутри племенных — в пределе даже внутри родовых — групп. В итоге противостояние ойрат-киргиза Угэчи Хашага и его сына Эсэху с чорос-багатудом Батулой (равно и между их потомками) выступает как

межплеменная борьба за гегемонию не только в монгольском, но и в ойратском стане — причем в роли «законной», старой аристократии выступает, как ни странно, характеризуемый как «ойратский киргиз» Угэчи Хашага [Петров 1961: 155–160], а Батула — лишь его сановник и подчиненный военачальник, хотя и породнившийся с ханским домом.

Очевидно, что монгольские летописи, являясь ценными источниками исторических сведений, содержат и ряд анахронизмов (см., например, [Джагрунов 2025: 141]), однако наличие последних не всегда должно умалять достоверности летописных данных вообще [Абдуманапов 2017: 33]. Считаем возможным рассматривать в качестве такого анахронизма и обозначение Угэчи Хашаги «киргизом».

Вспомним, что сообщает «Шара туджи» об олётах: «*nigen-i ögülüd edüge sargis gegči ulus bolba*» — «*один из них Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис*» [Шара туджи 1957: 99, 159; Желтая история 2017: 216]. Таким образом, олёты *стали* народом (скорее *улусом*, как и написано) Саргис. Что же это за народ (о котором калмыцкие источники не сообщают, лишь констатируя факт исхода «*по возмущению диавола <…> шара шулму*» [Лунный свет 2003: 84, 127])? Рассмотрим саму лексему. Учитывая преимущественное тюркоязычие дёёлёсов / тёёлёсов, предполагаем форму «sargis» монгольской калькой либо заимствованием из некоего тюркского наречия. В условия оглушения конечного [z] литера *s* могла служить обозначением и означенного звука. Чередование *р* и *з* встречается в калмыцком (монгольском) и тюркских лексических параллелях, но в большинстве случаев монгольскому *р* соответствует тюркский *з*, *с* [Номинханов 1975: 60], т. е. вероятнее вариант заимствования. В пользу этого говорит и соответствие упоминаемого в хронике калмыцкого *шар* тюркскому *сары* [Алтайско-русский словарь 2018: 574; Киргизско-русский словарь 1965: 637] в значении ‘желтый’ (ср. др.-тюрк. *sarïγ* [ДТС 1969: 488]). С учетом приводимых выше данных об этнографическом наполнении лексемы *дөөлөс* у киргизов, не исключаем возможности образования формы «sargis» из словосочетания посредством усечения промежуточной части (как проявление языковой компрессии и в силу неизвестности халха-монгольскому летописцу тюркских этнонимов) — *сар(ы ба)гыш*. Также в работе Б. Д. Джамгерчинова при перечислении имен легендарных манапов находим вариант Дёёлёт [Джамгерчинов 1959: 52] с *-т* в конце слова. Тут же отметим, что в имени ойратского Хара Хиру [Алтан тобчи 1973: 118, 169, 180 и т. д.] из числа девяти выдающихся витязей Чингис-хана — в вариантах Qaraqiru, Qara Girüge, Qara Ggiraγu [Шастина 1971: 131] и Chara Kiragho у И. Я. Шмидта [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 381] — определенно слышится связь с формой «кара-киргиз» (и даже с реконструируемой Ю. А. Зуевым **kärkir* [Зуев 1970: 77]), употреблявшейся для именования тяньшанских киргизов.

Таким образом, «оленные» (т- /д-)олёты (имеющие тотемы-этнонимы), откочевав, *стали* киргизами, и бурутами же — ‘оленными’, ‘перешедшими’ — ойраты их впредь и именовали. В пользу этого вывода говорит и титул *хашха*, активно фиксировавшийся в том числе у калмыков на Волге в форме «кашка» (см., например, [Тепкеев 2014: 198, 309, 311, 314, 319 и т. д.]), и лексически де-факто являющийся тюркским семантическим аналогом (др.-тюрк. *qašγa* ‘белая отметина на лбу животного, звездочка’ [ДТС 1969: 431]) монгольского *tögeli*

‘звездочка на лбу лошади’ [ЭСМЯ 2018: 176], от которого может этимологизироваться сам этноним **tögeles* > **tö’eles* > **tö’öles* [Нанзатов, Тишин 2025: 184]. Этот титул и носил «ойратский киргиз» Угэчи Хашага, что вкупе с приводимыми выводами позволяет увидеть в его фигуре лидера племени *олёт*, которое — следуя дихотомии «чинос – марал» этногонического мифа — должно бы входить в объединение *дорбен* с чоносами (вспомним, что тёёлёсы были переданы в ведение Хорчи с теленгутами и чиносами [Козин 1941: 161]. Родовая группа с производным именем *хашханер* (калм. *хашнр*), представленная семью подразделениями, и поныне фиксируется у калмыков-*дербетов* в непосредственном соседстве с *чоносами* в составе родовой ассоциации *зюн*, интерпретируемой нами как условно привилегированное объединение «древней аристократии» ойратов (см. выше о соотношении терминов *зюн* и *цзун*) и также включающей *бухусов* (калм. *буһс* от *буһ* ‘олень’ [Муниев 1977: 115], ср. *бугу*). Отголоски возможности возвращения некой «благословенной» (вероятно, элитарной) части совершивших исход олётов слышатся в двух легендах, зафиксированных все у тех же дёёлёсов/тёёлёсов [Абрамзон 1966: 165–167]: в обеих историях фигурируют персонажи с именным компонентом «кашка», наделенный силой приносить благополучие конь (см. приведенную выше цепочку ‘олень – конь’), и для возвращения этого ушедшего (в первом случае к «калмыцкому хану», т. е. аллюзия с ойратами) с конем (во втором случае сам конь зовется Тору-Кашка) благословения добываются — либо сплетенный из волос того коня недоуздок (символ власти, управления), либо собственно его голова.

Наконец, в связи с титулом *хашха* может быть рассмотрена еще одна этимология термина *бурут*: население Хонгорая в пределах «*Хакасско-Минусинской котловины разделялось на „хасха сөөк“ — белую кость, т. е. элитарный род, к которому относились кыргызы, и на „пора сөөк“ — серую кость*» [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 13].

Как же могли соотноситься этнонимы *(т-)өөлд* и *зюн-гар*? Вспомним, что чорос-багатуд Батула состоял в подчинении у олёт-кэргуда Угэчи Хашаги в рамках союза Дорбен Ойрат, что, вероятно, и позволяло чорос-багатудам Джунгарии (и смежным с ними группам) в дальнейшем сохранять за собой это имя (а равно и параллельные «оленные» этнонимы) — хотя и в усеченном виде, для растождествления с бурутами позднего времени после создания «последней кочевой империи» — как обоснование прав на ойратскую идентичность и претензий на причастность этногоническому мифу монголов эпохи Чингис-хана в сопротивлении политическим амбициям представителей «золотого рода», т. е. для утверждения собственной власти. Разбирая же вопрос о *телёсах*, Л. П. Потапов указывает на совместное упоминание племен Толис и Джарык в хотано-сакских документах VIII–X вв. вкупе с выявленным родством алтайских телёсов с сеоком Ярык и заключает, что термин *толис*, ставший названием *восточной половины* тюркского каганата, мог бытовать в качестве этнонима как до, так и после эпохи последнего [Потапов 1987: 69–71]. Говоря о сёоке *төөлөс*, Н. В. Екеев выводит его происхождение от раннетюркских *тӧлэс* / *тӧлис* в паре с *тодош – тардуш*, т. е. указывает на связь со все той же *восточной частью* тюркских каганатов [Екеев 2011: 18–19, 79]. Таким образом, предполагаем, что и ойраты XVI–XVIII вв. могли осмысливать *төөлөс* с тюркских языков как ‘восточное крыло’, т. е. *зюн-гар* по-монгольски.

Б. З. Нанзатов и В. В. Тишин считают, что для этнонима **tögeles* > **tö'eles* > **tö'öles* (и его форм) сопоставление с *толис* «*должно быть однозначно отвергнуто*» [Нанзатов, Тишин 2025: 184]. Однако важно учитывать, что этнонимообразование определяется, очевидно, не одними строгими законами исторической фонетики, но и рядом прочих факторов, как-то: историческая память группы, самоидентификация, фактический состав и иерархическая структура на заданный исторический период, последующие межкультурные и межъязыковые контакты, инкорпорации и / или переходы, языковые особенности вновь инкорпорированных подгрупп (элементов) и / или принимающих супергрупп, политические интересы и мотивы элит всех уровней, которые зачастую решают этот вопрос о самоназвании, и т. д. Разнонаправленность лексических транзитов при образовании этнонимов то с тюркского на монгольский (*tolis* > *jegün yar*), то с монгольского на тюркский (*qašγa* > *tögeli*) видятся коренящимися в разноэтничном составе как ойратских народных масс Джунгарии, так и ее элит (на этапе становления), а также не исключает ситуативной билингвальности значительной части тех и других.

О том, какие трансформации может пережить этноним так, что без дополнительной информации практически невозможно реконструировать эту цепочку, проиллюстрируем на одном примере у калмыков. Лишь с привлечением данных генетики, этнографии и проведением исторических параллелей было установлено, что в XVIII–XIX вв. при переходе в казачество чоносы-носители Y-субклада R2a-M124 меняли родовое имя на ясун *тяячуд* (калм. *тәәҗүд* 'тайши, князья') [Джагрунов и др. 2023: 837] и расселялись по всем донским калмыцким станицам [Алексеева, Борманджинов 1999: 18]. Далее с течением времени в условиях оторванности от основной группы боевой клич чоносов *оон* (см., например: [Бакаева 2009: 109]) стал осмысливаться потомками перешедших как имя родоначальника *Ооно* (калм. *оон* 'сайгак') [Алексеева, Борманджинов 1999: 4]. Наконец, женщины Бембедякинского (Икичоносовского) аймака на Дону, соблюдая табу, стали говорить «гөрәсн» (калм. *һөрәсн* 'антилопа-сайгак'), «гөрәснәхн» ('потомки, люди [мужчины по имени] *Һөрәсн*'. — *С. Д.*) [Алексеева, Борманджинов 1999: 13]. Таким образом, всего за 100–150 лет после откочевки было табуировано и эвфемировано даже переосмысленное имя «родоначальника», а связь с этнонимом *чонос* для тяячудов (кроме представителей двух собственно чоносовских станиц) зачастую была утрачена вовсе.

Подводя итог настоящим рассуждениям, приведем полную цитату замечательного исследователя истории и культуры киргизского народа К. И. Петрова: «*Отдельные группы ойратских племен, кроме верховьев Енисея, жили также в других областях Енисейско-Иртышского междуречья, кочуя вперемежку с кыргызскими. Равным образом и некоторые кыргызские племена перемешивались с ойратскими. Судьбы таких ойратских и кыргызских племен зависели от того, с кем они в конце концов сливались: с общей массой монголоязычных ойратов или с тюркоязычными кыргызскими племенами*» [Петров 1963: 92]. Тут остается лишь констатировать и вновь напомнить самим себе: этнос не статическое явление, и за почти 600 лет изменилось многое — ойраты современности не тождественны таковым образца XV в. (под вопросом порой даже структурное тождество по состоянию на вторую половину XVIII в.). Очевидно, то же можно заключить и о других братских народах Азии. Наконец, интересным видится

небольшое добавление об отмеченном рядом исследователей конструктивном сходстве вариантов перегонного аппарата (включая и терминологию) у все тех же киргизов, западных монголов (ойратов), алтайцев, бурят и хакасов [Абрамзон 1990: 164], что вновь может свидетельствовать о глубинных общих корнях означенных этносов. Собственно, поиску этого общего знаменателя у означенных этнических групп — поскольку историческую правду о становлении ойратов видится возможным реконструировать лишь в их взаимодействии с соседними группами — во многом и посвящена эта работа.

Также заметим, что ход текущих изысканий в целом неизбежно поднимает вопрос и о возможном этнополитическом наполнении терминов *ойрат*, *дорбен ойрат* и проч., каковой с силу обширности будет рассмотрен в последующей работе.

4. Заключение

Итогом рассмотрения вопроса о корреляции трех этнонимов — *олёт / элет / элют*, *тёлёс и зюн-гар* — стало формулирование (в том числе с привлечением данных генетики) ряда попутных выводов о возможной судьбе собственно олётов / элетов / элютов калмыцких летописей, совершивших исход от ойратов «по возмущению диявола, именуемого шара шулму» и ставших «*народом под именем Сархис*»; вскрываются потенциальные связующие звенья между нынешними ойратами (калмыками), киргизами и бурятами в части этно- и политогенеза; предпринята попытка этимологизации этнонима *бурут* (*бурат*) с привлечением данных по этнографии алтайских тюрок в свете выводов о *(д-/ т)өөлөс*-оленных связях на уровне этнонимии; выдвигается гипотеза о племенной идентичности «ойратского киргиза» Угэчи Хашахи и потенциальной судьбе правящего дома исторических олётов.

Рассматривая цоросов как «молодую» ветвь внутри калмыков-дербетов в форме поздней военно-административной «надстройки» по данным генетики, автор заключает о возможности соотнесения в рамках этногонического мифа монголов (при дихотомии «чинос – марал») *олёт / элет / элют и зюн-гар* с некой третьей группой, связанной с «оленным» компонентом мифа на уровне этнографии и этнонимии. Попутно констатируется определяющее значение этого мифа для ойратского полито- и этногенеза, так как именно апелляция к нему и возведение ойратов (и причислявших себя к ним) своего происхождения к старшему брату Дува Сохору и могли служить их элитам основанием для сопротивления априорным властным полномочиям «золотого рода», де-факто делая этнополитоним «ойрат» центром притяжения античингисидских сил в среде «лесных народов».

Сочетание соответствующих признаков — этноним *(т-/д-)өөлөд* и реминисценции оленного тотема — среди исторически связанных с ойратами народов находим у киргизов и бурят в подразделениях *бугу*, *багыш* (*сары багыш*), собственно *дёёлёс* (*тёёлёс*) — и *сэгэнут* соответственно. Касательно киргизских племен фиксируется ряд этнографических особенностей на уровне языка, тамг, а также возможность образования начального *д-* для *төөлөс* из монголоязычной среды. Обнаруживается и то, что тотемный предок бугинцев фиксируется в образе прародительницы, т. е. женщины (а не мужчины, как обычно), что опять-таки соответствует логике заявленного мифа.

Последовательный разбор сообщений о возможном пребывании в «ойратстве» киргизов, бурят и теленгутов наводит на вывод, что указанные группы связываются

с собственно ойратами все тем же компонентом «төөлөс», что в числе прочего позволяет предложить вариант этимологизации этнонима *сэгэнут* у бурят. Дальнейшее же рассмотрение *дөөлөс*-оленных параллелей с привлечением этнографического материала по алтайским тюркам приводит к формулированию версии о происхождении этнонимов *бурут / бурат* от *bura ~ buγra* в реконструируемом значении ‘олень; лось’, а сам этноним таким образом указывает, с кем ойраты прежде всего взаимодействовали в структуре предковых групп указанных этносов современности. Для этнонима же *бурут* таким образом актуализируются в ойратской среде значения ‘оленные’, ‘перешедшие’ и потенциально ‘серокостные’.

Связь джунгаров-чоросов с именем *олёт* и собственно тёёлёсами обнаруживается по данным историографии, скорее, в политической плоскости, причем к старой, «законной» аристократии принадлежащим оказывается «ойратский киргиз» Угэчи Хашага, для которого вторая часть идентичностной формулы оказывается анахронизмом. Сама же канва противостояния Угэчи Хашаги и Батулы с их партиями видится таким образом внутриойратской борьбой за гегемонию между собственно олётами (главой каковых и видится Угэчи Хашага) и поднявшимися к власти чорос-багатудами. Итогом этого противостояния и стал исход олётов, а фиксируемая форма «sargis» реконструируется как усеченная *сар(ы ба) гыш*. На этнографическом материале тёёлёсов и дёёлёсов же делается вывод о возможности возвращения элитарной части исшедших олётов в ойратскую среду, причем потенциально это подтверждается данными калмыцкой этнографии: *хашханеры* и поныне проживают рядом с *чоносами*, входя с ними и *бухусами* в состав родовой ассоциации *зюнов* (соотносимы с элитарными группами *цзун* Джунгарского ханства) в составе калмыков-*дербетов*.

Форма же «зюн-гар» видится в итоге монгольской калькой с тюркского *толис*, служившего обозначением восточной части тюркских военно-политических образований эпохи раннего и высокого средневековья, и может указывать на сложные этнические — и связанные идентичностные — процессы в структуре собственно ойратства Джунгарии.

Источники

Алтайско-русский словарь 2018 — Алтайско-русский словарь / редколл.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск: [б. и.], 2018. 936 с.

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII+678 с.

Киргизско-русский словарь 1965 — Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.

Sources

Chumakayev A. E., Ekeev N. V. et al. (eds.) Altaian-Russian Dictionary. Gorno-Altaysk: [s. n.], 2018. 936 p. (In Alt. and Russ.)

Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII+678 p. (In Turk. and Russ.)

Yudakhin K. K. (comp.) Kyrgyz-Russian Dictionary. Ca. 40,000 word entries. Moscow: Sovetskaya E'ntciklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)

Муниев 1977 — *Муниев Б. Д.* Калмыцко-русский словарь: 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.

ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II. G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III. Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Liao Shi — Liao Shi. History of Liao [электронный ресурс] // Chinese Notes. URL: https://chinesenotes.com/liaoshi.html (дата обращения: 30.07.2025).

YFull.com: C-F1067 — C-F1067 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: https://www.yfull.com/tree/C-F1067/ (дата обращения: 29.07.2025).

YFull.com: C-F6193 (SK1066) — C-F6193 (SK1066) [электронный ресурс] // YFull.com. URL: https://www.yfull.com/tree/C-F6193/ (дата обращения: 29.07.2025).

Литература

Абдуманапов 2017 — *Абдуманапов Р. А.* Происхождение племени *дөөлөс* в разрезе этногенетических связей кыргызов с Алтаем // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи: сб. выст. и ст. междунар. форума (г. Бишкек, 20–22 июля 2017 г.) / редкол.: К. Молдокасымов (пред.), М. Карыбаева и др. Бишкек: Турар, 2017. С. 27–37.

Абдуманапов, Сабитов 2024 — *Абдуманапов Р. А., Сабитов Ж. М.* Улус Ильчикдай в империи эмира Тимура // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 64–475. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. 26 000 word entries. Moscow: Russkij Yazy'k, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N. Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. 2: G–P. G. D. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., Russ., etc.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. 3: Q–Z. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., Russ., etc.)

Liao Shi. History of Liao. Chinese Notes. Available at: https://chinesenotes.com/liaoshi.html (accessed: 30 July 2025). (In Chin.)

C-F1067. On: YFull.com. Available at: https://www.yfull.com/tree/C-F1067 / (accessed: 29 July 2025). (In Eng.)

C-F6193 (SK1066). On: YFull.com. Available at: https://www.yfull.com/tree/C-F6193 / (accessed: 29 July 2025). (In Eng.)

References

Abdumanapov R. A. Origins of the Döölös: A Perspective from the Kyrgyz-Altai Ethnogenetic Ties. In: Moldokasymov K. et al. (eds.) Altai Civilization, Altaic Languages and Groups. Forum Proceedings (Bishkek, 20–22 July 2017). Bishkek: Turar, 2017. Pp. 27–37. (In Russ.)

Abdumanapov R. A., Sabitov Zh. M. Ilchikdai Ulus in the Empire of Amir Timur. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 3. Pp. 464–475. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475

Абдыкалыков 1963 — *Абдыкалыков А. О.* О термине «буруты» // Советская этнография. 1963. № 1. С. 123–127.

Абрамзон 1960 — *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М.: АН СССР, 1960. С. 3–138.

Абрамзон 1966 — *Абрамзон С. М.* Из этнической истории киргизов // Тюркологический сборник 1966. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 165–167.

Абрамзон 1990 — *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.

Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.

Акимушкин 2010 — [*Акимушкин О. Ф.*] Сведения об авторе // Шах-Махмуд Чурас. Хроника / критическ. текст, перев., коммент., исслед. и указат. О. Ф. Акимушкина. 2-е изд. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 17–52.

Алексеева, Борманджинов 1999 — Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 40 с.

Алтайцы 2014 — Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск: [б. и.], 2014. 464 с.

Алтан тобчи 1973 — *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 440 с.

Аристов 2001 — *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.

Abdykalykov A. O. On the Term Burut. *Sovetskaya Etnografiya*. 1963. No. 1. Pp. 123–127. (In Russ.)

Abramzon S. M. Ethnic Composition of the Kyrgyz Inhabiting North Kyrgyzstan. In: Proceedings of the Kyrgyzstan Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 3–138. (In Russ.)

Abramzon S. M. Glimpses of Kyrgyz Ethnic History. In: Turkological Collection 1966. Moscow: Nauka — GRVL, 1966. Pp. 165–167. (In Russ.)

Abramzon S. M. The Kyrgyz, their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties. Frunze: Kyrgyzstan, 1990. 480 p. (In Russ.)

Avlyaev G. O. Origins of the Kalmyk People. 2 ed., rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)

Akimushkin O. F. Author Information. In: Shah-Mahmud Churas. Chronicles. O. Akimushkin (transl., comment., etc.). 2nd ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Lingvisticheskoe Obshhestvo, 2010. Pp. 17–52. (In Russ.)

Alekseeva P. E., Bormanshinov A. E. Revisiting the Ethnic Composition of the Don Kalmyks. Elista: Dzhangar, 1999. 40 p. (In Russ.)

Ekeev N. V. et al. (eds.) The Altaian: Ethnic History, Traditional Culture, Contemporary Development. Gorno-Altaysk: [s. n.], 2014. 464 p. (In Russ.)

Luvsandanzan. Altan Tobchi (The Golden Summary). N. Shastina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, GRVL, 1973. 440 p. (In Mong. And Russ.)

Aristov N. A. The Wusun and the Kyrgyz or Qara Kyrgyz: Essays on the History and Household Life of Communities across the Western Tian Shan, and Studies in its Historical Geography. Bishkek: Ilim, 2001. 582 p. (In Russ.)

Аттокуров 1995 — *Аттокуров С.* Кыргыз санжырасы (= Кыргызское родословие). Бишкек: Кыргызстан, 1995. 214 с.

Attokurov S. Genealogies of the Kyrgyz. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. 214 p. (In Kyrg.)

Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.

Bakaeva E. P. Sacred Codes of Kalmyk Culture. Elista: IKIAT, 2009. 159 p. (In Russ.)

Балановская и др. 2022 — *Балановская Е. В., Горин И. О., Пономарев Г. Ю., Пылев В. Ю., Петрушенко В. С., Маркина Н. В., Мамаева А. Д., Ларин А. К., Агджоян А. Т.* Следы взаимодействия финноязычного, славянского и тюркоязычного населения в современном генофонде и их отражение в фармакогенетике // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2022. № 2. С. 20–29. DOI: 10.24075/vrgmu.2022.019

Balanovska E. V., Gorin I. O., Ponomarev G. Yu., Pylev V. Yu., Petrushenko V. S., Markina N. V., Mamaeva A. D., Larin A. K., Agdzhoyan A. T. Footprints of Interaction among Finnic-speaking, Slavic, and Turkic Speaking Populations in Modern Gene Pool and their Reflection in Pharmacogenetics. *Bulletin of RSMU*. 2022. No. 2. Pp. 20–29. (In Russ.). DOI: 10.24075/vrgmu.2022.019

Банзаров 1955 — *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 373, [1] с.

Banzarov D. Collected Writings. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. 373, [1] p. (In Russ.)

Батболд 2017 — *Батболд Б. Г.* Мартагдсан Пүгү аймаг. Улаанбаатар: Хунан принт, 2017. 244 х.

Batbold B. G. The Forgotten Pugu Ayimag. Ulaanbaatar: Khunan Print, 2017. 244 p. (In Mong.)

Баялиева 1972 — *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 170 с.

Bayaliyeva T. D. Pre-Islamic Beliefs and their Vestiges among the Kyrgyz. Frunze: Ilim, 1972. 170 p. (In Russ.)

Бейшеналиев 1990 — *Бейшеналиев Т. О.* Буруты — дикокаменные киргизы? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 139–143.

Beishenaliyev T. O. The Burut — Kirghizes of the Wild Rocks? In: Written Monuments and Problems of Cultural History of the Orient. Session proceedings. Part 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. Pp. 139–143. (In Russ.)

Бичурин 1834 — *Бичурин Н. Я.* [Иакинф] Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / сочинено монахом Иакинфом. СПб.: Тип. Медиц. деп-та Мин-ва внутр. дел, 1834. 255, [13] с.

Bichurin (Hyacinth). A Historical Review of the Oirat or Kalmyk: from the Fifteenth Century to the Present. St. Petersburg: Tip. Medicz. Dep-ta Min-va Vnutr. Del, 1854. 255, [13] p. (In Russ.)

Бобров 2019 — *Бобров Л. А.* Джунгары — последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин;. М.: Наука, Вост. лит., 2019. С. 364–398.

Bobrov L. A. Dzungar — the Last Nomadic Empire. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.) Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2019. Pp. 364–398. (In Russ.)

Болхосоев, Болхосоева 2023 — *Болхосоев С. Б., Болхосоева Е. Б.* Проблемы прародины и этнических корней бурятской группы сэгэнутов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 4. С. 99–119. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.44.99

Bolkhosoev S. B., Bolkhosoeva E. B. Problems of the Former Homeland and Ethnic Roots of the Buryat Group of Segenuts. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023. Vol. 44. Pp. 99–119. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2023.44.99

Бутанаев, Абдыкалыков 1995 — *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан: Хакасия, 1995. 250, [7] с.

Butanaev V. Ya., Abdykalykov A. Khakassia, 17th – Early 19th Centuries: Historical Materials. Abakan: Khakassia, 1995. 250, [7] p. (In Russ.)

Бутанаев, Худяков 2000 — *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан: ХГУ, 2000. 224, [47] с.

Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S. History of the Yenisei Kyrgyz. Abakan: Khakass State University, 2000. 224, [47] p. (In Russ.)

Викторова 1980 — *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / отв. ред. Д. И. Тихонов. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 224 с.

Viktorova L. L. The Mongols: Origins of Ethnos and Beginnings of Culture. D. Tikhonov (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1980. 224 p. (In Russ.)

Винников 1956 — *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.: АН СССР, 1956. С. 136–181.

Vinnikov Ya. R. The Kyrgyz of South Kyrgyzstan: Their Clans, Tribes and Whereabouts. In: Proceedings of the Kyrgyzstan Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. Pp. 136–181. (In Russ.)

Владимирцов 2002 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.

Vladimirtsov B. Ya. History and Ethnography of Mongolic Peoples: Writings. V. Alpatov et al. (eds.), G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)

Грумм-Гржимайло 1926 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Ученый Комитет Монгольской Народной Республики. Л.: Тип. Гл. ботанического сада, 1926. 896 с.

Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and Uriankhai Krai. Vol. 2: A Historical Essay on These Regions in Relation to Central Asian History. Leningrad: Main Botanical Garden, 1926. 896 p. (In Russ.)

Деева 2018 — *Деева А. Е.* Образ Алтая в родовом и этническом сознании алтайцев // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). Вып. 13: Мат-лы XIII междунар. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 г.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 214–216.

Deeva A. E. The Image of Altai in the Tribal and Ethnic Consciousness of Altaians. In: Field Research in Altai, Irtysh Region and Upper Ob region (Archaeology, Ethnography, Oral History). 2017. Vol. 13. Conference Proceedings (Gorno-Altaysk, 24–27 April 2018). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2018. Pp. 214–216. (In Russ.)

Джагрунов 2024 — *Джагрунов С. В.* Дурбан, ойрат, сог-по: о Борте-Чино, Гоа-Марал и началах ойратской исторической общности (в свете данных по субкладу Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1550–1561. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561

Dzhagrunov S. V. Dörbän, Oirat, Sog-po: On Börtä-Čïno, Qo'aï-Maral, and beginnings of the Oirat Unity (In light of data on R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. Is. 6. Pp. 1550–1561. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1550-1561

Джагрунов 2025 — *Джагрунов С. В.* Цорос, чорос, багатуд: Барга-Батор и ойраты // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 130–153. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153

Dzhagrunov S. V. Tsoros, Choros, Bagatud: Barga Bator and Oirats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 1. Pp. 130–153. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-130-153

Джагрунов и др. 2023 — *Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., Намысов Б. С., Мацакова Д. И., Саянов В. Т., Адьянова А. Б.* Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам STR-гаплотипов Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 826–846. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846

Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., Namysov B. S., Matsakova D. I., Sayanov V. T., Adyanova A. B. Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In Search of a Common Denominator (with Evidence from R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. Is. 4. Pp. 826–846. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846

Джагрунов, Булуктаев 2024а — *Джагрунов С. В., Булуктаев А. А.* Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 835–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848

Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Baγatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 4. Pp. 835–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848

Джагрунов, Булуктаев 2024б — *Джагрунов С. В., Булуктаев А. А.* Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 2: торгуты, зюнгары, бузавы // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1076–1095. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095

Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Baγatud: Discussing Origins of the Tsoros (with Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 2: The Torghut, Dzungar, Buzav. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 5. Pp. 1076–1095. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095

Джамгерчинов 1959 — *Джамгерчинов Б. Д.* Присоединение Киргизии к России / предисл. М. П. Вяткина. М.: Соцэкгиз, 1959. 435 с.

Dzhamgerchinov B. D. Russia's Incorporation of Kyrgyzstan. M. Vyatkin (foreword). Moscow: Socze`kgiz, 1959. 435 p. (In Russ.)

Дугаров 1991 — *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.

Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism: a Study of Buryat Ritual Folklore. Moscow: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)

Дыренкова 2012 — *Дыренкова Н. П.* Значение термина «*bura ~ puγra*» у алтайских турок (в связи с культом коня и оленя) // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VI. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 200–229.

Dyrenkova N. P. Semantics of the Term *bura ~ puγra* among Altaian Turks: In Relation to the Horse/Deer Cult. In: Dyrenkova N. P. Turks of the Sayan-Altai. Articles and Ethnographic Materials (Kunstkamera — Archives 6). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2012. Pp. 200–229. (In Russ.)

Е Лун-ли 1979 — *Е Лун-ли*. История государства киданей (= Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.

Ye Longli. Records of the Khitan State (Qidan Guo Zhi). V. Taskin (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 1979. 607 p. (In Russ.)

Евстигнеев 2012 — *Евстигнеев Ю. А.* История и хронологическая трансформация содержания термина «Кыпчак» // Проблемы востоковедения. 2012. № 1(5). С. 27–29.

Evstigneev Yu. A. The History and Chronological Transformation of the Meaning of the Term “Kipchak” . *The Problems of Oriental Studies*. 2012. No. 1(55). Pp. 7–29. (In Russ.)

Екеев 2011 — *Екеев Н. В.* Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. 232 с.

Ekeev N. V. The Altaian: Problems of Ethnic History. Study and Materials. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya Tipografiya, 2011. 232 p. (In Russ.)

Желтая история 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монгольского, транслитерация, введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 406 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII).

The Yellow History (Sira Tuγuji). A. Tsendina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 406 p. (In Russ.)

Жолдошов 2023 — *Жолдошов Р. Ж.* Родоплеменные связи кыргызов и алтайских народов по этнологическим данным // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 327–340. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.327-340

Zholdoshov R. Zh. Tribal Relations of the Kyrgyz and Altai Peoples According to Ethnological Data. *Historical Ethnology*. Vol. 8. No. 3. Pp. 327–340. (In Russ.). DOI: 10.22378/he.2023-8-3.327-340

Зориктуев 2010 — *Зориктуев Б. Р.* Этимология древнемонгольских слов börte и qoai // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2010. № 8. С. 136–139.

Zoriktuev B. R. Etymology of the Old Mongolian Words *börte* and *qoai*. *Buryat State University Bulletin. Pedagogy. Philology. Philosophy*. 2010. No. 8. Pp. 36–139. (In Russ.)

Зуев 1970 — *Зуев Ю. А.* Киргизы-буруты (к вопросу о тотеме и принципах этнонимообразования) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 74–86.

Zuev Yu. A. Burut-Kyrgyzes: More on Totemism and Principles of Ethnonym Formation. *Sovetskaya Etnografiya*. 1970. No. 4. Pp. 74–86. (In Russ.)

История Железной империи 2007 — История Железной империи / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2007. 355 с.

History of the Iron Empire (Liáo Shǐ). V. Larichev (ed.). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2007. 355 p. (In Russ.)

Камалов 2001 — *Камалов А. К.* Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш Мир, 2001. 216 с.

Kamalov A. K. Ancient Uighurs, 8th–9th Centuries CE. Almaty: Nash Mir, 2001. 216 p. (In Russ.)

Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niγuča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников, предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.

Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: a Mongolian Chronicle of 1240 Titled "Monggolun niguča tobčiyan. Yuan chao bi shi". Vol. 1: Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ. and Mong.)

Коновалов, Цыбикдоржиев 2017 — *Коновалов П. Б., Цыбикдоржиев Д. В.* Исторический Баргуджин-Токум — исконная родина бурятского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 129–150.

Konovalov P. B., Tsibikdorzhiev D. V. Historical Bargudzhin-Tocum as the Indigenous Homeland of the Buryat People. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2017. Vol. 19. Pp. 129–150. (In Russ.)

Ксенофонтов 1992 — *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 2. Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. 315 с.

Ksenofontov G. V. Uraangkhay-Sakhalar: Essays in Ancient Yakut History. Vol. 1. Book 2. Yakutsk: National Publ. House of the Sakha Republic (Yakutia), 1992. 315 p. (In Russ.)

Кукеев 2008 — *Кукеев Д. Г.* О вхождении хошутов и торгутов в ойратский союз (XV в.) // Письменные памятники Востока. 2008. № 2(9). С. 231–236.

Kukeev D. G. On Khoshut and Torgut Alliance with the Oirat Union. *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*. 2008. No. 2(9). Pp. 231–236. (In Russ.)

Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 316,[2] с.

Kychanov E. I. Nomadic States: from the Xiongnu to the Manchu. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 316 (2) p. (In Russ.)

Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. сл., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.

Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)

Материалы по истории 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.

Taskin V. S. (comp.) Ancient Nomadic Tribes of the Donghu: Historical Materials. V. S. Taskin (foreword, transl., etc.). Moscow: Nauka, 1984. 486 p. (In Russ.)

Нанзатов 2016 — *Нанзатов Б. З.* К вопросу о ранней этнической истории баргу-бурятской общности // Oriental Studies. 2016. Т. 9. № 1. С. 99–106. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-99-106

Nanzatov B. Z. To the Issue of the Early Ethnic History of Bargu-Buryat Community. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. Is. 1. Pp. 99–106. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-99-106

Нанзатов 2020 — *Нанзатов Б. З.* Потомки Элюдэя: проблема ойратско-бурятских этнических связей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 4. С. 116–124. DOI: 10.17746/1563-0110.2020.48.4.116-124

Nanzatov B. Z. Descendants of Eleudei: the Problem of Oirat-Buryat Ethnic Contacts. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2020. Vol. 48. No. 4. Pp. 116–124. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0110.2020.48.4.116-124

Нанзатов, Тишин 2025 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* Этноним *togeles в истории монгольских и тюркских народов // Ориенталистика. 2025. Т. 8. № 2. С. 81–197. DOI: 10.31696/2618-7043-2025-8-2-181-197

Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Ethnonym *Togeles in the History of the Mongolic and Turkic Peoples. *Orientalistica*. 2025. Vol. 2. No. 2. Pp. 181–197. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2025-8-2-181-197

Номинханов 1975 — *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 325, 2 с.

Nominkhanov Ts.-D. Kalmyk Language Research Materials. Moscow: Nauka, 1975. 325, 2 p. (In Russ.)

Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.

Ochir A. Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)

Петров 1961 — *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе: АН Киргиз. ССР, 1961. 212 с.

Petrov K. I. The Kyrgyz: More on Their Relocation to the Tian Shan and Relations with the Oirat, 13th-15th Centuries. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1961. 212 p. (In Russ.)

Петров 1963 — *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе: АН Киргиз. ССР, 1963. 148 с.

Petrov K. I. The Kyrgyz: An Essay on Origins and Ethnogenesis. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1963. 148 p. (In Russ.)

Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.

Sanchirov V. P. (comp., etc.) 17th- and 18th-Century Written Sources on Oirat History. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2016. 270 p. (In Oir. and Russ.)

Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен / собр. и изд. А. Позднеевым. Вып. 1. Народные песни монголов: с прил. примеч. о характере нар. песен. поэзии монгол. племен, стихотворениях лит. и приемах стихосложения у монголов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1880. [4], VI, 347 с.

Pozdneev A. M. (comp., ed.) Folk Literature of Mongols: Collected Samples. Vol. 1: Folk Songs with Comments on their Essentials and Versification Techniques. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1880. [4], VI, 347 p. (In Russ. and Mong.)

Потапов 1935 — *Потапов Л. П.* Следы тотемических представлений у алтайцев // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 134–152.

Potapov L. P. Reminiscences of Totemic Beliefs among the Altaian (Turks). *Sovetskaya Etnografiya*. 1935. No. 4–5. Pp. 134–152. (In Russ.)

Потапов 1966 — *Потапов Л. П.* Этноним *теле* и алтайцы // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М.: Наука, ГРВЛ. 1966. С. 233–240.

Potapov L. P. Ethnonim *Tele* and the Altaian. In: Turkological Collection 1966. Moscow: Nauka, GRVL, 1966. Pp. 233–240. (In Russ.)

Потапов 1987 — *Потапов Л. П.* Алтайские телёсы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири: сб. статей / под ред. Н. А. Томилова. Томск: Томск. ун-т, 1987. С. 53–71.

Potapov L. P. The Altaian Telös: an Ethnic Perspective. In: N. Tomilov. (ed.) Siberian Turks: Issues of Origins and Ethnic History. Collected Articles. Tomsk: Tomsk State University, 1987. Pp. 53–71. (In Russ.)

Раднаев 2012 — *Раднаев В. Э.* Монгольское языкознание в России в 1-й половине XIX в.: проблемы наследия (Т. 1. Ч. 1). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.

Radnaev V. E. Mongolian Linguistics in Early-to-Mid 19th Russia: Issues of Legacy. Vol. 1. Pt. 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 392 p. (In Russ.)

Рашид ад-Дин 1952а — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. первая / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. L. Khetagurov (transl.), A. Semenov (ed., comm.), S. Tolstov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 221 p. (In Russ.)

Рашид ад-Дин 1952б — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. вторая / пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 316 с.

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 2. O. Smirnova (transl., comm.), B. Pankratov (comm.), A. Semenova (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 316 p. (In Russ.)

Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2 / пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. проф. И. П. Петрушевского; [отв. ред. акад. И. А. Орбели]. М.; Л.: АН СССР, 1960. 248 с.

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 2. Yu. Verkhovsky (transl., comm.); B. Pankratov (comm.); I. Petrushevsky, I. Orbeli (eds.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russ.)

Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.

Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source on Oirat History. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)

Селютина 2020 — *Селютина И. Я.* Фонетические аспекты тюрко-монгольских языковых контактов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 9. С. 31–42. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-9-31-42

Selyutina I. Ya. Phonetic Aspects of the Turkic-Mongolian Language Contacts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2020. Vol. 19. No. 9: Philology. Pp. 31–42. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-9-31-42

Тепкеев 2014 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.

Tepkeev V. T. Kalmyks in the North Caspian, 1630s–1670s: Problems of Political Relations. Elista: Dzhangar, 2014. 448 p. (In Russ.)

Уметбаев 2009 — *Уметбаев Т. Ш.* Тюркские этнополитические общности в Джунгарском ханстве в XVII–XVIII вв.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 2009. 27 с.

Umetbayev T. Sh. Turkic Ethnopolitical Communities in the Dzhungar Khanate, 17th-18th Centuries. Cand. Sc. (History) thesis abstract. Tomsk, 2009. 27 p. (In Russ.)

Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* К вопросу об этническом составе торгутских улусов в 1770-е годы // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2007. С. 62–67.

Tsyuryumov A. V. More on Ethnic Structure of Torghut Uluses in the 1770s. In: Problems of Mongol Ethnogenesis and Ethnic Culture. Collected Scholarly Papers. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 62–67. (In Russ.)

Шара туджи 1957 — Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: АН СССР, 1957. 198, [1] с.

Sira Tuγuji: A Seventeenth-Century Mongolian Chronicle. N. Shastina (transl., foreword, etc.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 198 (1) p. (In Mong. and Russ.)

Шастина 1971 — *Шастина Н. П.* Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингиса // Страны и народы Востока. Выпуск XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азия. География, этнография, история. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 127–139.

Shastina N. P. Narrative of an Argument between an Orphan Boy and Genghis Khan's Nine Heroes. In: Countries and Peoples of the East. Vol. 11: Countries and Peoples of Central, East and Southeast Asia. Geography, Ethnography, History. Moscow: Nauka, GRVL, 1971. Pp. 127–139. (In Russ.)

Эрдэнийн товч 2006 — *Саган Сэцэн*. Эрдэнийн товч / сонгомол эх бэлтгэж, хөрвүүлэг, тайлбар зүүлт хийсэн М. Баярсайхан; эрхлэн хэвлүүлсэн А. Цанжид. Улаанбаатар: Соёмбо, 2006. 366 х.

Sagang Sechen. Erdeniin Tobchi. M. Bayarsaikhan (translit., comm.), A. Tsanjid (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2006. 366 p. (In Mong.)

Atwood 2004 — *Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p.

Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p. (In Eng.)

Cleaves 1982 — Yüan-ch'ao pi-shih. The secret history of the Mongols / transl. and ed. by F. W. Cleaves. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p.

Cleaves F. W. (ed.) Yüan-ch'ao pi-shih. The Secret History of the Mongols. F. W. Cleaves (transl.). Cambridge, London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p. (In Eng.)

Cooke Johnson 2011 — *Cooke Johnson L.* Women of the Conquest Dynasties: Gender and Identity in Liao and Jin China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011. XXXIII, 254 p.

Cooke Johnson L. Women of the Conquest Dynasties: Gender and Identity in Liao and Jin China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011. XXXIII, 254 p. (In Eng.)

Geschichte der Ost-Mongolen 1829 — Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus: aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltext, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt: Auf Allerhöchsten Befehl. St. Petersburg: N. Gretsch; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. XXIV, 509 S., 1 Bl.

Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus: aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltext, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt: auf Allerhöchsten Befehl. St. Petersburg: N. Gretsch; Leipzig: C. Cnobloch, 1829. XXIV, 509 p. (In Germ.)

Hope 2017 — *Hope M.* 'The pillars of state:' Some notes on the qarachu begs and the kešikten in the Īl-Khānate (1256–1335) // Journal of the Royal Asiatic Society. 2017. Vol. XXVII. No. 2. Pp. 181–199.

Hope M. "The pillars of state:" Some Notes on the *Qarachu begs* and the *kešikten* in the Īl-Khānate (1256–1335). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2017. Vol. 27. No. 2. Pp. 181–199. (In Eng.)

Mote 2000 — *Mote F. W.* Imperial China, 900–1800. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000. XIX, 1106 p.

Mote F. W. Imperial China, 900–1800. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000. XIX, 1106 p. (In Eng.)

Serruys 1965 — *Serruys H.* Istoriya Džungarskoko Xanstva (History of the Džungar Empire) by I. Y. Zlatkin // Journal of the American Oriental Society. 1965. Vol. 85. No. 2. Pp. 224–227.

Serruys H. Istoriya Džungarskoko Xanstva (History of the Džungar Empire) by I. Y. Zlatkin. *Journal of the American Oriental Society*. 1965. Vol. 85. No. 2. Pp. 224–227. (In Eng.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 678–690, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-678-690

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 94

UDC 94

Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти

Номинь Дондоковна Цыренова[1],
Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов[2]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n[at]mail.ru

[2] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism and Politics of Memory

Nomin D. Tsyrenova[1],
Chingis Cz. Tsyrenov[2]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

[2] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025
© Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Cz., 2025

Аннотация. *Введение*. Регион Хулунбуир, расположенный на пересечении монгольских степей, маньчжурских лесов и сибирских просторов, обладает богатой историей культурного взаимодействия. В XXI в. здесь был создан культовый архитектурный проект — садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана». Открытый в 2006 г., этот комплекс стал не только важной туристической достопримечательностью, но и значимым элементом государственной политики памяти Китая, подчеркивающим роль Внутренней Монголии как связующего моста между китайской цивилизацией и наследием кочевых империй. *Цель* исследования — выявить особенности интеграции монгольского наследия в современный китайский национальный нарратив через призму архитектуры и символизма. *Материалы и методы*. Материалом исследования служат архитектурный ансамбль на площади

Чингис-хана, двуязычные (на китайском и старомонгольском языках) мемориальные стелы, а также современные туристические и краеведческие источники. В качестве методологической базы использован структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана и Р. Барта, согласно которому объекты рассматриваются как сложные знаковые системы, включающие визуальные, исторические и идеологические коды. *Результаты и обсуждение.* Исследование выявило, что двуязычные тексты стел представляют сложный культурно-исторический феномен, сочетающий эпические предания, официальные хроники и современные мемориальные дискурсы. Архитектурный комплекс функционирует как символ региональной идентичности и одновременно как инструмент государственной политики межэтнической гармонии. Особое внимание уделено символическому смыслу архитектурных форм и текстов, включая цитаты К. Маркса, что подчеркивает идеологическую роль комплекса как инструмента «мягкой силы». Обсуждаются ограничения исследования, связанные с множественностью интерпретаций и динамикой этнокультурных процессов. *Выводы*. Садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана» является значимым примером успешной интеграции монгольского исторического наследия в китайский национальный культурный дискурс. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию механизмов формирования региональной идентичности и стратегии культурной политики памяти в многонациональном государстве.

Ключевые слова: политика памяти, Чингис-хан, Хулунбуир, Внутренняя Монголия, садово-парковое искусство, мемориальные стелы

Для цитирования: Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц. Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 678–690. DOI:10.22162/2500-1523-2025-4-678-690

Abstract. *Introduction*. Hulunbuir, a region located at the crossroads of Mongolian steppes, Manchurian forests, and Siberian expanses, possesses a rich history of cultural interaction. In the 21st century, one of its most iconic architectural projects — the "Genghis Khan Square" garden and park complex — was established and opened in 2006. This complex has become not only an important tourist attraction but also a significant element of China's state memory policy, emphasizing the role of Inner Mongolia as a bridge between Chinese civilization and the heritage of nomadic empires. The aim of the study is to identify the specific features of integrating Mongolian cultural heritage into the modern Chinese national narrative through the lenses of architecture and symbolism. *Materials and Methods.* The research material includes the architectural ensemble of Genghis Khan Square, bilingual memorial steles (in Chinese and Old Mongolian), as well as current tourist and local history sources. The study employs a structural-semiotic approach developed by Yu. M. Lotman and Roland Barthes, considering the complex as a multifaceted semiotic system combining visual, historical, and ideological codes. *Results and Discussion*. The study reveals that the bilingual texts on the steles represent a complex historical-cultural phenomenon, merging epic narratives, official chronicles, and modern memorial discourse. The architectural complex functions as a symbol of regional identity and simultaneously as an instrument of state policy promoting interethnic harmony. Special attention is paid to the connotative meanings of architectural and textual elements, including quotations from Marks, highlighting the ideological role of the complex as a tool of "soft power." The discussion addresses research limitations related to the multiplicity of interpretations and the dynamic nature of ethnocultural processes. *Conclusions*. The Genghis Khan Square garden and park complex serves as a significant example of successful integration of Mongolian historical heritage into the Chinese national cultural discourse. The findings contribute to a deeper understanding of mechanisms shaping regional identity and the application of cultural memory policies in a multiethnic state.

Keywords: memory politics, Genghis Khan, Hulunbuir, Inner Mongolia, garden and park art, memorial steles
For citation: Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Cz. Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism, and Politics of Memory. *Mongolian Studies (Elista).* 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 678–690. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-678-690

1. Введение

История монгольской империи и ее основателя, история ее культуры до сих пор привлекают внимание отечественных и зарубежных историков, археологов и общественных деятелей [Базаров 2015; Крадин, Скрынникова 2022; Скрынникова 2023; Барфилд 2009; Уэзерфорд 2008]. В этой связи следует подробно рассмотреть современные культурные дискурсы, в которых используются символы, относящиеся к эпохе монгольской империи.

Хулунбуир в настоящее время — городской округ с многовековой историей, расположенный на стыке монгольских степей, маньчжурских лесов и сибирских просторов. В 2006 г. здесь был создан один из самых символичных архитектурных проектов XXI в. — садово-парковый комплекс «Парк-площадь Чингис-хана». Он стал не только туристической достопримечательностью, но и важным элементом государственной политики памяти, подчеркивающим роль Внутренней Монголии как моста между китайской цивилизацией и наследием кочевых империй.

Топоним Хулунбуир этимологически происходит от названий двух небольших озер — Хулун-нур и Буир-нур. Эта местность веками оставалась зоной взаимодействия кочевых культур. Основной питающей рекой озера Хулун-нур является река Керулен (монг. *Хэрлэн-гол*), исток которой находится на юго-восточных склонах гор Хэнтэй, близ знаменитой горы Бурхан-Халдун, где, согласно преданию, родился сам Чингис-хан. В картине мира средневековых монголов гора Бурхан-Халдун была одним из сакральных центров.

По данным Рашид ад-Дина («Сборник летописей» — «Джами аттеварих»), на склоне горы Бурхан-Халдун покоится тело самого Чингис-хана, его сына Толуя и его потомков [Рашид ад-Дин 1952 : 125]. Место их погребения, получившее название «Их хориг» («Великий заповедник»), охранялось особой тысячей воинов из племени урянхат (монголы-урянхайцы) [Кычанов 1995: 211].

В древности в районе озера Хулунь кочевали племена дунху (кит. 东胡 dōnghú), позже — племена сюнну (кит. 匈奴 xiōngnú) и сяньбийцы (кит. 鲜卑 xiānbēi, xiānbī), в эпоху Юань — монгольские народы, а при маньчжуро-китайской династии Цин регион Хулунбуир стал плавильным котлом для солонов, дауров и баргутов. Согласно «Сокровенному сказанию монголов», именно в этих степях, на реке Онон, родился Тэмуджин — будущий Чингис-хан [Сокровенное 1941: 85]. Хотя точное место его рождения остается предметом дискуссий (версии включают Забайкалье и Монголию [Палладий 1866: 3–4; Владимирцов 1922: 12; Козин 1941: 185; Матусовский 1946: 327–330], власти Хулунбуира активно используют эту связь в своих исторических нарративах и публикациях.

Городской округ Хулунбуир, расположенный на северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия КНР, занимает стратегическое положение на границе с Россией (Забайкальский край) и Монголией. Административно он разделен на 14 территориальных единиц, включая 2 района городского подчинения (Хайлар и Чжаланьтунь), 5 городов (Маньчжоули, Якэши, Гэньхэ, Эргуна и

Аргунь) и 7 хошунов (Ажун-ци, Синь-Барга-Юци, Синь-Барга-Цзоци, Чэнь-Барга-Ци, Эвенкийский автономный хошун, Орочонский автономный хошун, Мори-дава Даур-ци) [Li 2022]. При этом сам садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана» и все правительственные учреждения Хулунбуира расположены именно на территории Хайлара (центральный район города Хулунбуир)[1].

По данным переписи 2020 г., население городского округа Хулунбуир составляет 2,24 млн человек, при этом плотность населения крайне неравномерна: от 15 чел. / км² в сельских хошунах до 200 чел./км² в Хайларе. По состоянию на конец 2020 г. этнический состав городского населения Хулунбуира был представлен ханьцами (1 млн 796 тыс. чел., около 80,1 %), монголами (237,4 тыс. чел., или 10,6 %), а также малыми группами дауров, эвенков, ороченов и русских [Li 2022].

В XX в. город, носивший название Хайлар, стал ареной геополитических столкновений: японская оккупация (1931–1945), советско-китайское сотрудничество и, наконец, интеграция в состав КНР. Городское поселение Хайлар было основано в 1732 г. под названием Хулунбуир при императоре Юнчжэне как цинский военный пост и важный узел региональных торговых путей. Сегодня Хайлар — административный центр с населением 269 тыс. человек.

Хайлар играет ключевую роль в регионе. Здесь, как и во многих современных городах Китая, преобладает ханьское население (88 %), вместе с тем сохраняются значимые общины монголов (около 7 %) и эвенков (около 3 %). Так, монгольские кафе здесь соседствуют с ханьскими чайными и эвенкийскими закусочными, и все вместе они интегрированы в разнообразные туристические маршруты. Хайлар — центр лесной промышленности и сельского хозяйства, но с начала 2000-х гг. акцент был смещен на туризм. Здесь расположены такие объекты, как Национальный лесной парк Хайлар, где сохранились реликтовые лиственницы, и Мемориальный парк Всемирной антифашистской войны, посвященный боям с японской Квантунской армией [Dong 2022].

Таким образом, Хайлар служит микрокосмом процессов, характерных для Внутренней Монголии: баланс между модернизацией и сохранением этнического многообразия остается ключевым вызовом для властей и местных сообществ.

Особое место в архитектурном облике Хулунбуира занимает парк-площадь Чингис-хана. Идея его строительства возникла после успешной премьеры 30-серийного телефильма «Чингис-хан» (2004), снятого при поддержке CCTV и телевидения Внутренней Монголии. Сериал, достигший рейтинга 9,07 % и получивший национальную премию «Летящие апсары», реанимировал интерес к фигуре Чингис-хана как объединителя народов Евразии. Это совпало с курсом КНР на консолидацию многонационального государства через включение этнических нарративов в общегосударственный контекст. Китайский сериал «Чингис-хан» не просто рассказывает историю великого завоевателя, но и встраивает его наследие в современную политику памяти Китая, где история становится инструментом идеологии, национального единства и мягкой силы.

В фильме подчеркивается, что Чингис-хан и его империя, несмотря на монгольское происхождение, — часть китайской истории, что отражает офици-

[1] Что касается этимологии топонима Хайлар, то в китайских работах она связывается со словом *хайлан*, что в переводе с монгольского и эвенкийского языков переводится как «черемша» (野韭菜 xiǒngcōng). В соответствующей словарной статье «Большого академического монгольско-русского словаря» приводится такое же значение: *халиар* ‘черемша, медвежий лук’ [БАМРС 2001: 403].

альную позицию КНР, которая трактует завоевание Китая монголами в XIII в. как этап формирования «многонационального государства» под эгидой династии Юань. Таким образом, Чингис-хан становится символом единства Китая, Внутренней Монголии и других регионов. Монгольский культ Чингис-хана используется для укрепления лояльности монгольского меньшинства через демонстрацию того, что его наследие не подвержено какой-либо угрозе и почитаемо в рамках китайского государства.

Китайская политика памяти стремится к созданию образа «гармоничного» многонационального общества. Создатели сериала, вероятно, намеренно избегают острых тем, таких как жестокость завоеваний, делая акцент на административных реформах Чингис-хана (например, Великая Яса) и культурном обмене. Это перекликается с взятым современным курсом на «социалистическую духовную цивилизацию», где прошлое служит опорой для сохранения стабильности.

Сериал «Чингис-хан» — это не просто историческая драма, а часть стратегии «gu wei jin yong 古为今用» («использовать прошлое для нужд настоящего»). Через него Китай легитимирует свои внутренние и внешние политические проекты, превращая фигуру завоевателя в символ единства, контроля и мягкой силы. Критики, однако, отмечают, что такая интерпретация игнорирует колониальный контекст монгольского владычества и современные проблемы этнических меньшинств.

2. Материалы и методы

В основу исследования садово-паркового комплекса «Площадь Чингис-хана» положен структурно-семиотический подход, разработанный Ю. М. Лотманом в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [Лотман 1992: 9–21] и Роланом Бартом «Империя знаков» [Барт 2023].

В качестве материала для исследования парка-площади Чингис-хана использовались личные авторские фотографии, отражающие общую топографию архитектурных объектов площади, отдельные скульптурные композиции и тексты на памятных стелах, а также информационные тексты на китайских туристических сайтах. Ю. М. Лотман рассматривает город как сложный семиотический объект, который можно «читать» через его архитектуру, планировку и культурные мифы. Он применяет структурно-семиотический подход, воспринимая город как знаковую систему, где элементы (улицы, памятники, названия) несут культурные смыслы, как пространственный текст, который организуется по законам семиотики (оппозиции центр / периферия, сакральное / профанное), как динамическую модель, где символы эволюционируют под влиянием истории и литературы. Он сочетает анализ архитектурных форм, исторических контекстов и литературных репрезентаций (от А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского), чтобы раскрыть многослойность городской семиотики [Лотман 1992: 177].

Р. Барт предлагает рассматривать культурные объекты как системы знаков, где каждый элемент (архитектурная форма, символ, ландшафт) наделяется смыслом через взаимодействие с другими элементами и контекстом [Барт 2023: 142]. Относительно парка-площади Чингис-хана это означает анализ не только ее визуальных компонентов, но и их роли в конструировании идеологических нарративов. Метод Р. Барта акцентирует двойственность знака — сочетание денотативного (прямого) и коннотативного (символического) уровней . Например, монумент Чингис-хана

трактуется не только как скульптура всадника (денотация), но и как мифологизированный образ, связывающий монгольское наследие с концепцией «единого многонационального Китая» (коннотация). С методологических позиций Р. Барта можно сказать, что площадь Чингис-хана представляет собой культурно-идеологический текст, направленный на гармонизацию межэтнических отношений в рамках регионального и общекитайского полиэтничного азиатского социума.

Применяя бартовскую концепцию «мифа» как вторичной семиотической системы, парк-площадь Чингис-хана можно интерпретировать как пространство, где история перекодируется в идеологический инструмент. Архитектурные элементы — стела с цитатой Карла Маркса, «Девять белых бунчуков» — образуют семиотическую сеть, транслирующую идею преемственности между имперским прошлым и современной политикой КНР. Р. Барт подчеркивает, что миф позволяет «натурализовать» идеологию, маскируя историческую условность идеологических тезисов [Барт 1996: 282–283]. Так, синтез китайских садовых традиций с монгольской символикой на площади подается не как политический проект, а как «органичное» единство, сглаживающее этнокультурные противоречия.

Следуя логике Р. Барта, парк-площадь Чингис-хана «прочитывается» как текст, где пересекаются коды разных культур. Северный стиль садово-паркового искусства (полихромия, масштабность) сочетается с монгольскими архетипами (обоо, всадники), а марксистская цитата вписана в традиционный ландшафт. Такой анализ позволяет выявить механизмы гибридизации, через которые власть легитимирует свою роль арбитра между прошлым и настоящим. Бартовский подход, фокусирующийся на множественности смыслов, помогает избежать упрощенных трактовок, демонстрируя, как пространство становится полем символической борьбы за историческую память и идентичность.

3. Результаты исследования

Парк-площадь Чингис-хана, занимающий 230 тыс. м², разделен рекой «626» (протока реки Иминьхэ) на две зоны:

• северная зона ансамбля — мемориально-историческая, с визуальной доминантой в виде монументальной скульптуры Чингис-хана, восседающего на вздыбленном коне и обращенного лицом к востоку. При этом фигура всадника установлена на расписной золотистой колонне высотой в 22 м и диаметром в 3 м. Примечательно, что данная сложная композиция была возведена в июле 2007 г. всего за один месяц;

• южная зона архитектурного ансамбля — эколого-ботанический сад «Тяньцзяо», демонстрирующий флору Внутренней Монголии. При этом с южной стороны сада находится одноименная гостиница, что говорит о прагматическом подходе городских властей, совмещающих культурно-символические, экологические и финансовые преимущества рассматриваемого архитектурного объекта (см. рис. 1).

Все строительные работы по созданию первоначального облика данного комплекса были начаты в 2002 г., и в том же году были завершены. Позднее городские власти Хулунбуира в разные годы дополняли архитектурный ансамбль отдельными стелами и скульптурными композициями.

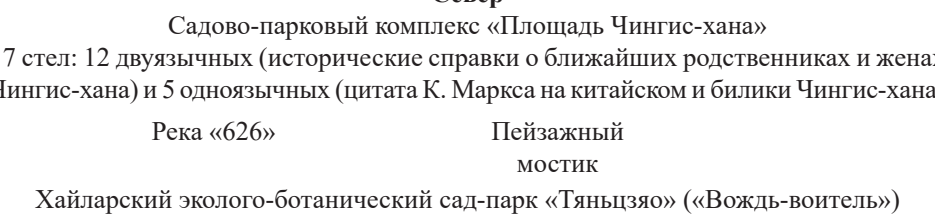

Рис. 1. Схематичная структура архитектурного ансамбля «Парк-площадь Чингис-хана»
Fig. 1. Schematic structure of the architectural ensemble «Genghis Khan Park Square»

Текст на двуязычных стелах располагается следующим образом: на правой части стел размещен китайский текст, на левой — вертикальный текст на старомонгольской письменности. Среди названий стел есть: «Меткий лучник Хасар», «Поход», «Помолвка с племенем унгиратов», «Заслуга матери», «Есугей-багатур и Оэлун», «Жены-наложницы Есуй и Есуган», «Встреча новобрачной-Борте», «Чингис-хан» (краткая историческая информация), «Битва на реке Тэнихэ».

Здесь следует пояснить, что под битвой на реке Тэнихэ подразумевается битва, произошедшая в районе современной реки Хайлар. В 1201 г. в ходе войны за объединение монгольских племен Тэмуджин (Чингис-хан) разгромил войска Джамухи в сражении на реке Тэнихэ (ныне — река Моргол, северный приток реки Хайлархэ). Джамуха, стремясь противостоять растущей власти Тэмуджина, собрал вождей разрозненных племен и был ими провозглашен Гур-ханом («Всеобщим ханом») с пожалованием ему титула, подчеркивавшего его претензии на верховную власть над монголами. После поражения в битве на реке Тэнихэ Джамуха утратил политическое влияние, а его коалиция распалась. Тэмуджин, укрепив свои позиции, вскоре одержал победу в битве при Койтене (монг. *Хуйтэн*), что стало ключевым моментом в процессе консолидации монгольских племен [Крадин, Скрынникова 2006: 100–110].

Для примера более подробно рассмотрим двуязычную стелу горизонтального формата под названием «Рождение Тэмуджина». На ней зафиксирована краткая историческую справка о месте и времени рождения великого завоевателя на китайском и старомонгольском языках:

«*Осенью 1162 года, когда Есугей снова предпринял военный поход против татар, его жена Оэлун в урочище Делюн-Болдок, что на берегу реки Онон, родила мальчика. Есугей одержал крупную победу и торжественно вернулся из похода вместе с плененным татарским вождем по имени Тэмуджин. В честь этой великой победы Есугей решил назвать новорожденного сына именем плененного врага*».

В результате источниковедческого, лингвистического, структурно-семиотического и культурологического анализа текста, размещенного на данной стеле, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, текст на стеле, установленной в парке-площади Чингис-хана в Хулунбуире, представляет собой важный историко-культурный памятник, зафиксированный на китайском и старомонгольском языках. Его содержание, повествующее о рождении Тэмуджина (Чингис-хана) в 1162 г. на берегу реки Онон в урочище Делюн-Болдок, обладает глубоким символическим значением,

отражающим как эпическую традицию монгольского народа, так и современные процессы конструирования исторической памяти.

Во-вторых, лингвистический анализ текста позволил выявить тщательный отбор лексики, направленной на создание героического нарратива. Топоним Делюн-Болдок (монг. *Дэлүүн Болдог*), известный по «Сокровенному сказанию монголов», сохраняет архаичную форму, что усиливает связь с традиционной монгольской историографией. Имя Тэмуджин, по одной из версий [Козин 1941: 185], этимологически восходящее к монгольскому слову *төмөр* ‘железо’ с суффиксом *-чин*, подчеркивает не только воинскую доблесть, но и символическую преемственность: наречение младенца именем побежденного татарского вождя отражает древнюю кочевую традицию присвоения силы поверженного врага [Крадин, Скрынникова 2022: 98].

В-третьих, семиотическая структура текста построена на сочетании эпических и исторических элементов. Центральная оппозиция «победа – рождение» связывает военный триумф Есугей-багатура с появлением на свет будущего объединителя Монголии, что характерно для героических сказаний. Упоминание реки Онон, сакрального места в монгольской традиции, и осени как времени года (периода завершения военных походов) добавляет тексту мифологическую глубину, превращая историческое событие в часть циклического восприятия времени.

В-четвертых, культурологический анализ текста в контексте его расположения в Хулунбуире — регионе, где монгольская община является значимой, — позволяет говорить о его ключевой роли в формировании локальной идентичности. С одной стороны, стела апеллирует к традиционному монгольскому историческому сознанию, подчеркивая связь города с наследием Чингис-хана. С другой стороны, ее присутствие в публичном пространстве современного Китая демонстрирует политику гармонизации этнических нарративов, где фигура Чингис-хана одновременно является символом монгольской славы и частью общегосударственного культурного достояния. Текст на стеле, таким образом, функционирует как многослойный историко-идеологический конструкт: он сохраняет память о прошлом, легитимирует современные культурные практики и служит инструментом консолидации многонационального сообщества Хулунбуира.

Таким образом, анализ текста на стеле в парке-площади Чингис-хана в Хулунбуире показывает, что он представляет собой сложный историко-культурный феномен. Сочетая в себе элементы эпического сказания, официальной хроники и современного мемориального дискурса, этот памятник выполняет важную роль в сохранении исторической памяти, формировании региональной идентичности и интеграции монгольского наследия в общекитайское культурное пространство. Его расположение в центре городского пространства лишь усиливает эту многогранность, превращая стелу в ключевой символ, связывающий прошлое, настоящее и будущее.

Также необходимо кратко рассмотреть стелу с размещенной на ней цитатой Карла Маркса на китайском языке. Надпись, гласящая, что «*Чингис-хан, всю жизнь проведший в военных походах, посвятил себя объединению монгольских племен и борьбе за единство Китая*[1]*. Три поколения его потомков сражались*

[1] В тексте данной цитаты, приписанной К. Марксу, не вполне ясно, как единство Китая было связано с целями и задачами Чингис-хана. Очевидно, что в данном случае трактовка деятельности Чингис-хана и его преемников как борьбы за «единство

в течение 60–70 лет, покорив в итоге более 720 народов», легитимирует монгольские завоевания как часть мировой истории и вписывает их в марксистскую концепцию исторического материализма. При этом следует отметить, что источник цитаты на стеле не указан. В китайских интернет-публикациях, посвященных истории и культуре монгольской династии Юань, в качестве источника указывается сборник статей и черновых записей К. Маркса под названием «Хронологические выписки по истории Индии (664–1858 гг.)», написанных в 1857 г. и вошедших в 12-й том Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса [Zhu 2006: 27]. В результате проведенного нами источниковедческого анализа 12-го тома полного собрания сочинений Карла Маркса на русском и китайском языках было установлено, что такой цитаты в указанном томе нет [Маркс 1957; Makesi 2009].

Другим важным объектом историко-источниковедческого анализа является текст на информационном стенде, расположенном на площади. В нем говорится о том, что в 2017 г. городские власти установили скульптуру «Кречет» (кит. 海东青 hǎidōngqīng), а также скульптурную конную группу полководцев во главе с Чингис-ханом и его братом Хасаром.

Помимо этого, следует сказать о месте религиозного поклонения под названием «Баян-Эрдэни обоо», представляющем собой синтез традиций монгольского шаманизма и современной туристической индустрии. Посетители оставляют здесь шелковые шарфы-хадаки с молитвами, что превращает памятник в живой элемент культурного диалога.

В западной части парка-площади установлена 85-метровая мраморная барельефная композиция высотой 2,5 м под названием «Чингис-хан и Хулунбуир» (成吉思汗与呼伦贝尔 Chéngjísīhán yǔ Hūlúnbèiěr), отображающая важные исторические сцены. В 200 м к северо-западу возвышается масштабная бронзовая скульптурная группа «Поход» (*кит.* 征 zhēng). На ней изображены десять неспешно движущихся всадников, а именно Чингис-хан и его брат Хасар (*кит.* 合撒儿 Hésǎér), а также «Четыре Пса» (*кит.* 四獒 sì áo) и «Четыре Богатыря» (*кит.* 四杰 sì jié). «Четыре верных пса» — это Мухали (*кит.* 木华黎 Mùhuálí), Боорчу (*кит.* 博尔术 Bó'ěrshú), Борохул (*кит.* 博尔忽 Bó'ěrhū) и Чилаун (*кит.* 赤老温 Chìlǎowēn), а «Четыре выдающихся богатыря» — это Джелме (*кит.* 者勒蔑 Zhělèmiè), Хубилай (*кит.* 忽必来 Hūbìlái) (не путать с Хубилаем, основателем династии Юань), Джебе (*кит.* 哲别 Zhébié), Субэдэй (*кит.* 速不台 Sùbùtái). Все названные лица являлись ближайшими нукерами-соратниками Чингис-хана. В целом для архитектурного ансамбля парка-площади характерен синтез китайской и монгольской культурных традиций. Эти объекты формируют смысловое ядро мемориального комплекса, гармонично сочетаясь со следующими структурными элементами общей композиции площади.

В соответствии с типологией стилей садово-паркового искусства китаеведа-культуролога В. Г. Белозеровой [Белозерова 2010: 89–100], парк-площадь Чингис-хана выполнен в северном стиле китайской традиции, для которого

Китая» является ретроспективной проекцией современной историко-политической концепции «единого многонационального китайского государства» на события XIII в. Концептуальное включение Монгольской империи (Юань) в последовательность китайских династий оформилось значительно позднее и служит важным элементом современной китайской историографии и мемориальной культуры.

характерны определенные черты. Во-первых, это полихромия, а именно яркие краски скульптур, контрастирующие с зеленью газонов. Во-вторых, это масштабность, широкие площади и монументальные формы. В-третьих, это символический ландшафт, река «Люэрлю-хэ» имитирует природные водные артерии, а пейзажный мостик в форме радуги можно интерпретировать как намек на китайскую идею гармонии и символ синтеза ханьской и монгольской культурной традиции.

Что касается эколого-ботанического сада «Тяньцзяо» («Вождь-воитель»), то он, как было сказано выше, расположен к югу от площади Чингис-хана, пройти туда можно через небольшой пейзажный мостик над небольшой рекой Люэрлю-хэ. Общая площадь сада Тяньцзяо составляет 195 000 м². В нем представлено растительное разнообразие, характерное для природной среды Хулунбуира. Зеленые насаждения, составляющие 70 % от всей площади сада, являются зелеными легкими города Хулунбуир.

Прямо перед садом Тяньцзяо расположен огромный свето-музыкальный фонтан диаметром в 30 м — самый большой фонтан в Хулунбуире. Летними вечерами полюбоваться на него приезжают тысячи туристов и горожан. Справа находится детский парк развлечений с большим количеством детских объектов, включая электромобили, инерционные американские горки и т. д. Каждый день здесь весело проводят время множество детей. Таким образом, можно с полным правом сказать, что парк-площадь Чингис-хана для жителей города Хулунбуир стал излюбленным местом их семейного отдыха.

4. Выводы

Результаты проведенного архитектурно-семиотического анализа ярко отражают специфику официальной политики памяти китайских властей в отношении наследия Великой монгольской империи.

Можно со всей определенностью сказать, что создание парка-площади Чингис-хана — часть стратегии КНР по интеграции этнических меньшинств в рамках гражданского национализма. Чингис-хан трактуется не как «внешний завоеватель», а как предтеча династии Юань, официально признанной китайской династией.

Однако эта политика не лишена противоречий. Часть монгольской интеллигенции критикует коммерциализацию наследия и «синификацию» образа Чингис-хана. Например, цитата К. Маркса на стеле призвана нейтрализовать образ Чингис-хана как «варвара», однако не учитывает его роль в покорении китайской империи Сун и жестоком угнетении китайских подданных.

Садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана» — это микрокосм современного Китая, где переплетаются история, идеология и экономика. Архитектурный ансамбль служит не только местом отдыха, но и инструментом мягкой силы, продвигающим идею «единой многонациональной семьи». Парк-площадь Чингис-хана стал символом и визитной карточкой города Хулунбуир.

При этом следует сказать, что долгосрочный успех этого проекта зависит от динамики баланса между этнической аутентичностью монголов и общегосударственной китайской гражданской идентичностью. Как отмечают исследователи, будущее парка связано с его способностью оставаться «живым пространством» — местом, где история не застывает в камне, но продолжает межкультурный диалог с современностью.

Таким образом, данный объект выполняет три основных функции. Первая функция — это закрепление и обоснование культурного синтеза китайско-монгольских этнических традиций и примирение двух этносов. Вторая функция — это место проведения летних и зимних культурно-досуговых мероприятий для семейного отдыха, а также разного рода городских ярмарок и этнофестивалей. Третья функция — это инкорпорация марксистских идеологических концепций в массовое сознание китайского и монгольского населения.

Источники

Сокровенное 1941 — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un niγuča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.

Sources

A Secret History. The Mongol Chronicle of 1240 under the Title Mongol-un nihuča tobčiyan. Yuan chao bi shi. The Mongolian Everyday Election Book. Vol. I. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, Glossaries A. Barannikov (ed.); N. Poppe (pref.), Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ.)

Литература

Базаров 2015 — *Базаров Б. В*. Военно-административная организация монгольской империи // Власть. 2015. № 2 С. 168–172.

Барт 1996 — *Барт Р*. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Барт 2023 — *Барт Р*. Империя знаков / пер. Я. Янпольской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 168 с.

Барфилд 2009 — *Барфилд Т. Дж*. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д. В. Рухлядева. СПб.: Нестор-История, 2009. 488 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 тт. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 532 с.

Белозерова 2010 — *Белозерова В. Г*. Сады и парки // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 тт. + доп. том / гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 6 (дополн.): Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2010. С. 89–100.

References

Bazarov B. V. Military and Administrative Organization of the Mongol Empire. *Vlast'*. 2015. No. 2. Pp. 168-172. (In Russ.)

Bart R. Mythologies. Transl. from Fr., foreword and comm.by S. N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publ., 1996. (Series "Anatomy of Myth"). 312 p. (In Russ.)

Barthes R. Empire of Signs. Ya. Yanpolskaya (trans.). Moscow: Ad Marginem Press, 2023. 168 p. (In Russ.)

Barfield T. J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BC to AD 1757) / D. Rukhlyadev, V. Kuznetsov (transl. from English); D. Rukhlyadev (scientific ed. and pref.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. 488 p. (The "Nomadica" series) (In Russ.).

The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4. Х–Я. G. Ts. Purbeev (ed.). Moscow: Academia, 2001. 532 p. (In Russ.)

Belozerova V. G. Gardens and Parks. In: Spiritual Culture of China: Encyclopedia. In 5 vols. + add. vol. M. Titarenko (ed.). Vol. 6 (add.): Art. M. Titarenko et al. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. Pp. 89–100. (In Russ.)

Владимирцов 1922 — *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Берлин; Пг; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 176 с.

Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.

Крадин, Скрынникова 2006 — *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Крадин, Скрынникова 2022 — *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингисхана. 2-е изд., доп. М.: Академический Проект, 2022. 598 с.

Кычанов 1995 — *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Вост. лит., 1995. 273 с.

Маркс 1957 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. В 50 тт. Изд. 2-е. Т. 12. М.: Политиздат, 1957. 910 с.

Матусовский 1946 — *Матусовский Г. Е.* Историческая география. Место рождения Чингис-хана // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. Т. 78. Вып. 3. С. 327–330.

Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 9–21.

Палладий 1866 — *Палладий (Кафаров П. И.).* Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб.: Тип. В. Безоразова и комп., 1866. 257 с.

Рашид ад-Дин 1952 — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 220 с.

Vladimirtsov B. Ya. Genghis Khan. Berlin; Petrograd; Moscow: Z. I. Grzhebin, 1922. 176 p. (In Russ.)

Kozin S. A. Secret History. Mongolian Chronicle of 1240. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ.)

Kradin N. N., Skrynnikova T. D. Genghis Khan's Empire. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 557 p. (In Russ.)

Kradin N. N., Skrynnikova T. D. The Genghis Khan Empire. 2nd ed., add. Moscow: Academic Project, 2022. 598 p. (In Russ.)

Kychanov E. I. The Life of Temujin, who Thought to Conquer the World. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. 273 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Works. In 50 vols. Ed. 2. Vol. 12. Moscow: Politizdat, 1957. 910 p. (In Russ.)

Matusovsky G. Ye. Historical Geography. The Birthplace of Genghis Khan. In: Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva. 1946. Vol. 78. Is. 3. Pp. 327–330. (In Russ.)

Lotman Yu. M. The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City. In: Lotman Yu. M. Selected Articles. Vol. 2. Tallinn: Alexandra, 1992. Pp. 9–21. (In Russ.)

Palladius (Kafarov). [An Ancient Mongolian Legend about Genghis Khan] // Trudy Chlenov Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Pekine. Vol. 4. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1866. 257 p. (In Russ.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. Trans. from Pers. by L. A. Khetagurov; ed. and notes by A. A. Semenov; resp. ed. S. P. Tolstov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 220 p. (In Russ.)

Скрынникова 2023 — *Скрынникова Т. Д.* Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской летописной традиции // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 3. С. 184–193. DOI: 10.14258/nreur(2023)3-08

Skrynnikova T. D. The Title “Khagan” — a Marker of Supreme Power in the Mongolian Chronicle Tradition. *Nations and Religions of the Eurasia.* 2023. Vol. 28. No. 3. Pp. 184–193. (In Russ.). DOI: 10.14258/nreur(2023)3-08

Уэзерфорд 2008 — *Уэзерфорд Дж.* Чингисхан и рождение современного мира / пер. с англ. Е. Лихтенштейна. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. 493 с.

Weatherford J. Genghis Khan and the Birth of the Modern World E. Lichtenstein (transl. from English). Moscow: ACT; Vladimir: CGT, 2008. 493 p. (In Russ.)

Dong 2022 — 佟乌力吉，李百岁．海拉尔区 (= Хайлар) [электронный ресурс] // Большая китайская энциклопедия. URL: https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198056&Type=bkzyb&SubID=139585 (дата обращения: 13.04.2025).

Dong. Hailar. In: Great Chinese Encyclopedia. Available at: https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198056&Type=bkzyb&SubID=139585 (accessed: 13 April 2025). (In Chin.)

Li 2022 — 李柱臣．呼伦贝尔市 (= Хулунбуир) [электронный ресурс] // Большая китайская энциклопедия. URL: https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198055&Type=bkzyb&SubID=139585 (дата обращения: 13.01.2025).

Li. Hulunbuir. In: The Great Chinese Encyclopedia Available at: https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198055&Type=bkzyb&SubID=139585 (accessed: 13 January 2025) (In Chin.)

Makesi 2009 —马克思恩格斯全集．第十二卷 / 中共中央马克思恩格斯列宁斯大林著作编译局编译 (= Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса / Управление ЦК КПК по переводу и изданию трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2009. 930 с.

The Complete Works of Marks and Engels. Management of the CPC Central Committee for the Translation and Publication of the Works of Marks, Engels, Lenin and Stalin). Beijing: Renmin Chubanshe, 2009. 930 p. (In Chin.)

Zhu 2006 —朱耀廷．正说元朝十五帝 (= Каноническая история 15 императоров династии Юань). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006. 256 с.

Zhu. Canonical History of the 15 Emperors of the Yuan Dynasty. Beijing: Zhonghua shujiu, 2006. 256 p. (In Chin.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 691–711, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-691-711

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94:929

UDC 94:929

Алтын-ханы и Россия: новые данные (по материалам коллекции рукописей С. К. Кузнецова (1854–1913))

Юлия Георгиевна Кокорина[1]

[1] Московский политехнический университет (д. 38, ул. Большая Семеновская, 107023 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор

0000-0002-2496-3958. E-mail: kokorina[at]inbox.ru

Altyn Khans and Russia: New Data (Based on the Materials of S. K. Kuznetsov's Manuscript Collection (1854–1913))

Yulia G. Kokorina[1]

[1] Moscow Polytechnic University (38, Bolshaya Semenovskaya St., 107023 Moscow Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Cand. Sc. (History), Professor

© КалмНЦ РАН, 2025
© Кокорина Ю. Г., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Kokorina Yu. G., 2025

Аннотация. *Введение*. В связи с ростом политического и экономического веса стран Востока в современной мировой политике обращение к истории отношений России с одним из первых государственных образований монгольского народа, с которым Москва вступила в контакт в XVII в. — государством Алтын-ханов — представляется актуальным. *Целью* данной работы является выявление особенностей этих отношений как диалога культур, специфика каждой из которых проявляется в вводимых в научный оборот документах. *Материалы и методы*. Материалом для исследования стала коллекция рукописей XVII в., которую собрал российский историк, археолог, этнограф, настоящий ученый-гуманист Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913). Его коллекция хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Материалы коллекции содержат как известные в науке документы, но не полностью введенные в научный оборот, так и новые материалы. Использованы сравнительно-исторический и дескриптивный методы, основанные на принципе историзма. *Результаты*. Политический и экономический аспекты истории контактов Московского правительства с династией Алтын-ханов хорошо изучены в российской науке. Документы, собранные С. К. Кузнецовым, содержат материалы, касающиеся российско-монгольских отношений с государством Омбо-Эрдени Алтын-хана и его сына Лувсан-сайн Эринчин-хунтайджи. Документы подтверждают информацию о разном понимании монгольской и русской сторонами результатов принесения присяги приближенными Омбо-Эрдени Алтын-хана. Они показывают, что Россия, несмотря на имевшие место недоразумения, не стремилась навязать соседям свои обычаи. Пышный прием послов государства Алтын-ханов и длительная переписка с вручением щедрых подарков демонстрируют, что Московское правительство воспринимало его как военного союзника, хотя реальную помощь обещало только в обмен на подчинение. Монгольское государство, по свидетель-

ству документов коллекции, видело в России равноправного партнера и военного союзника. Алтын-ханы стремились получить у России новейшие достижения европейской науки и техники, а также знакомых с ними профессионалов. *Выводы*. Документы коллекции С. К. Кузнецова расширяют представления о культуре монгольского государства, правители которого стремились за счет контактов с Россией усиливать свою военную и экономическую мощь, поднимать уровень науки и расширять международные связи, сохраняя при этом свое национальное своеобразие.
Ключевые слова: Монголия, Россия, история, дипломатические отношения, культура, Алтын-ханы, XVII век, Сибирь, С. К. Кузнецов
Для цитирования: Кокорина Ю. Г. Алтын-ханы и Россия: новые данные (по материалам коллекции рукописей С. К. Кузнецова (1854–1913)) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 691–711. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-691-711

Abstract. *Introduction*. The countries of the East are gaining increasing political and economic weight in the modern world. The Mongolian peoples created the state of the Altyn Khans in the 17th century. It was one of the first state formations of the Mongolian people, that the Moscow state came into contact with, on its eastern borders. *Goals and objectives* of the study. This article is devoted to the study of the specifics of interaction between cultures, presented as a dialogue, where the unique features of each side are manifested through historical documents introduced into scientific circulation for the first time. The research was based on a collection of 17th-century manuscripts belonging to the Russian historian, archaeologist and ethnographer Stefan Kirovich Kuznetsov (1854–1913), whose collection is kept in the Department of Written Sources of the State Historical Museum in Moscow. The collection includes both well-known but not fully studied documents, as well as new materials that had not previously been introduced into scientific circulation. The study uses comparative historical and descriptive methods based on the principle of historicism. *Results*. In Russian historiography, the political and economic aspects of relations between the Moscow state and the Altyn Khan dynasty have been covered in sufficient detail. The archival materials of S. K. Kuznetsov contain valuable information about the Russian-Mongolian relations with the state of Ombo-Erdeni Altyn Khan and his successor Luvsan-sayn Erinchin-khuntaiji. In particular, the documents confirm the existence of differences in understanding the results of the oath taken by the close associates of Ombo-Erdeni Altyn Khan, from the point of view of the Mongolian and Russian sides. They also demonstrate that Russia, despite its differences, did not seek to impose its traditions on neighboring nations. The lavish receptions of the Altyn Khan ambassadors and the lengthy correspondence, accompanied by valuable gifts, indicate that the Moscow government viewed this state as a military ally, but offered real help only in exchange for loyalty. According to the collection's documents, the Mongolian state saw Russia as an equal partner and military ally. The Altyn Khans were interested in obtaining advanced European scientific and technical knowledge, as well as in attracting specialists with this knowledge. *Conclusions*. Documents from the collection of S. K. Kuznetsov expand our understanding of the culture of the Mongolian state, whose rulers sought to strengthen their military and economic power, develop science and expand international relations through contacts with Russia, while preserving their national identity.
Keywords: Mongolia, Russia, history, diplomatic relations, culture, Altyn Khans, 17th century, Siberia, S. K. Kuznetsov
For citation: Kokorina Yu. G. Altyn Khans and Russia: New data (Based on the Materials of S. K. Kuznetsov's Manuscript Collection (1854–1913)). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 691–711. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-691-711

1. Введение

Сегодня, когда под влиянием смещения центра тяжести мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион активно формируется азиатский вектор внешней политики Российской Федерации [Вардомский 2017: 98], растет внимание российских историков к изучению контактов со странами этого региона, в частности российско-монгольских отношений. В фокусе внимания ученых — история этих отношений с XIII в. до XX в. [Базаров, Курас 2023; Батунаев 2021; Цыб и др. 2021]. Основная черта современных работ — обращение к архивным материалам, ввод в научный оборот новых исторических источников [Документы 2023]. В этой связи актуальным представляется обращение к эпохе начала этих отношений, в частности особенностям установления политических связей с государством Алтын-ханов, с опорой на архивные сведения.

История отношений государства Алтын-ханов и России, как будет показано далее, хорошо изучена в отечественной историографии. В одной из работ предложено написание имен представителей династии монгольских правителей «Алтан-ханы» в соответствии с формой этого имени в монгольской литературе [Чимитдоржиева 2003: 24]. Мы в нашей работе используем наименование «Алтын-ханы», так как оно присутствует в используемых документах именно в этой форме, чтобы избежать терминологического расхождения с архивными данными.

Основным материалом для исследователей взаимоотношений Российского государства с Алтын-ханами служат документы Сибирского и Посольского приказов XVII в., содержащие списки грамот российских царей к монгольским владыкам, переводы ответов и обращений монгольской стороны, «наказы» Томским воеводам и их «отписки» в Москву. Значительная часть этих документов опубликована [Есипова, Старикова 1999; Кузнецов 1890; Материалы 1959; Материалы 1974; Материалы 1996]. Однако нами найдены документы XVII в., относящиеся к интересующей нас теме, которые собирал исследователь истории, археологии и этнографии Сибири Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913). Они содержат информацию, которая дополняет имеющиеся в публикациях сведения о государстве Алтын-ханов и его отношениях с Россией. Введение в научный оборот малоизученных документов определяет новизну данной работы. Целью данной работы является выявление не столько политических и дипломатических особенностей этих отношений, сколько понимание их как диалога культур, акцентирование внимания на культурной специфике, проявляющейся в изученных нами документах. Данная проблема рассматривается в контексте российской и монгольской культур XVII в.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили рукописи XVII и XIX вв., хранящиеся в архиве С. К. Кузнецова. Архив составляет персональный фонд № 443 Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве (далее — ОПИ ГИМ. Ф. 443). Документы XVII в., собранные С. К. Кузнецовым, составляют 32 архивные единицы. Проводя археографическую критику источника, следует отметить, что они представляют собой рукописные «столбцы», написанные на бумаге черными чернилами характерной для этого времени системой записи — «скорописью». Записи сделаны разными почерками с разной степенью тщательности. «Столбцы» отреставрированы. На обратной стороне

некоторых из них содержится надпись карандашом: «*С. К. Кузнецов*» и ряд букв и цифр, например, «*А.7.1-Кузнецов*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 28а. Л. 60об.]. Наличие подобных помет говорит о том, что они могли выполнять роль современного библиотечного шифра и указывать на стремление обладателя коллекции систематизировать свое собрание. Не случайно после переезда из Томска в Москву С. К. Кузнецов читал первый в Российской империи курс по библиотечному делу в Московском археологическом институте [Смирнов 2017: 146].

Документы XVII в., относящиеся к интересующей нас теме, сгруппированы в две архивные единицы [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 27; ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 28а].

Документы по истории Сибири XVII в. неоднократно издавались. Так, в конце XIX в. ряд таких документов издал Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский (1851–1917) [Кузнецов 1890], но среди опубликованных им документов используемых нами нет. Этот исследователь отмечал, что «*бóльшую часть исторических актов в копиях, писанных приблизительно в конце прошлого века и вошедших в настоящее издание, я приобрел у томского старожила и любителя разных редкостей П. А. Пушкарева, у которого ранее меня было приобретено до 1 000 свитков XVII в. библиотекарем Томского университета С. К. Кузнецовым*» [Есипова, Старикова 1999: 1]. Это замечание приоткрывает историю формирования коллекции С. К. Кузнецова. Авторы публикаций грамот XVII в. из фонда Научной библиотеки Томского государственного университета отмечают, что библиотека С. К. Кузнецова поступила в распоряжение Томского университета в 1903 г., «*однако ни один из известных нам источников не упоминает о наличии документов подобного рода в его библиотеке*» [Есипова, Старикова 1999: 1]. Видимо, С. К. Кузнецов вывез свою коллекцию в Москву, где работал с ней, публикуя статьи по истории Сибири. Однако отдельно историей российско-монгольских отношений исследователь не занимался [Смирнов 2017: 155].

Ученые, исследовавшие внешнюю политику России данного периода, работы которых проанализированы далее, использовали документы, хранящиеся Российском архиве древних актов (далее — РГАДА). Историки цитируют использованные ими источники, и некоторые цитаты из них практически дословно совпадают с используемыми нами. Видимо, в Томске хранились документы в копиях XVII в. с некоторых «листов», отправляемых в Москву, и эти списки вошли в коллекцию С. К. Кузнецова. Но в коллекции хранятся и не использовавшиеся ранее российскими авторами материалы, а те, что использовались по фондам РГАДА, введены в научный оборот не полностью, хранящаяся в них информация не исчерпана. Советские и российские археографы предприняли публикацию «Материалов по истории русско-монгольских отношений» в трех выпусках, выходивших в 1959, 1974, 1996 гг. [Материалы 1959; Материалы 1974; Материалы 1996]. В наши дни в сети Интернет запущен проект «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада» [Восточная литература], в который включены материалы РГАДА, в том числе и по рассматриваемой нами теме, но среди них опубликованы те, которые отправлены были из Томска в Москву. Списки их есть в коллекции С. К. Кузнецова, но многие относящиеся к нашей теме документы его собрания в научный оборот не введены.

С. К. Кузнецов, возможно, готовил свои материалы к изданию. Такое предположение основано на том, что все собранные им «столбцы» XVII в. переписаны в конце XIX в. в соответствии с правилами орфографии XIX столетия. Эти документы написаны двумя разными каллиграфическими почерками и содержат правки, принадлежащие С. К. Кузнецову, как показывает их сравнение с другим рукописными документами фонда. Эти записи XIX в. собраны в две архивные единицы [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53; ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Д. 54]. Материалы одной из них [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53] подшиты в самодельные тетради и выполнены каллиграфическим почерком черными чернилами с двух сторон листа. На первом листе вверху имеется запись: «*Список с актов, входящих в состав моей коллекции*» и подпись С. К. Кузнецова [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 1].

Вторая единица хранения включает также списки с документов XVII в., выполненные каллиграфическим почерком на разлинованной бумаге, причем большинство документов оформлено по принципу «один столбец — один лист». В обеих единицах хранения имеются изредка правки рукой С. К. Кузнецова, касающиеся в основном вставки дат и правок собственных имен. Видимо, переписывающие документы XVII в. люди испытывали трудности с определением чисел, которые в оригинале обозначались буквами. Все листы пронумерованы цифрами, помещенными в круг, что может свидетельствовать либо об обеспечении удобства пользования коллекцией, либо о подготовке рукописей к изданию. В данной работе мы вводим в научный оборот новые источники или фрагменты известных грамот, не публиковавшихся полностью, что обусловило значительное их цитирование. Цитируя документы, мы используем правила современной орфографии и пунктуации, а также пояснения специфических терминов XVII в., даваемые в скобках.

При написании работы нами использован сравнительно-исторический метод, с помощью которого выявлено место вводимых в научный оборот документов; дескриптивный метод, позволивший описать специфику отношений России с Алтын-ханами по материалам коллекции С. К. Кузнецова. В своей работе мы опирались на принцип историзма как ведущий в работе источниковедческого плана.

3. Российские источники об отношениях с Алтын-ханами

3.1. Обзор литературы

Литература по данной теме распадается на два блока. В первый блок входят работы, посвященные биографии С. К. Кузнецова, которые позволяют ярче представить личность ученого и приблизиться к пониманию причин и принципов формирования его коллекции. Второй блок работ включает труды по истории российско-монгольских отношений, в частности отношений с государством Алтын-ханов. Рассмотрим каждый блок работ отдельно.

Первые краткие сведения о Стефане Кировиче Кузнецове опубликованы в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета», где помещена краткая заметка об историке до его назначения библиотекарем Томского университета и приведены его основные исторические и археологические труды [Загоскин 1904: 115–116]. В монографии М. Р. Филимонова приведена краткая биография С. К. Кузнецова и дана высокая

оценка его деятельности по комплектованию и составлению каталогов библиотеки Томского университета [Филимонов 1988]. В. А. Есипова в энциклопедическом издании, посвященном истории Томского края, приводит подробную биографию исследователя и дает список его основных трудов [Есипова 2001]. А. С. Смирнов опубликовал письмо С. К. Кузнецова А. Н. Островскому, брату известного драматурга. В комментариях к публикации исследователь приводит биографию С. К. Кузнецова, характеризует его личные качества как человека и компетенцию как ученого историка и археолога [Смирнов 2014]. А. С. Смирнов на основе архивных материалов воссоздает подробную биографию С. К. Кузнецова и дает ему высокую оценку как ученому, педагогу [Смирнов 2017]. А. Е. Загребин и Р. В. Зворыгин подчеркивают высокий гуманистический посыл его научной деятельности и активную жизненную позицию [Загребин, Зворыгин 2021].

Второй историографический блок, который составляют труды по истории отношений России с государством Алтын-ханов, хронологически охватывает XVIII–XXI в. Обзор литературы XVIII–XX вв. содержат диссертация и монография Л. Ш. Чимитдоржиевой [Чимитдоржиева 2003: 3–7; Чимитдоржиева 2006], к которым мы и отсылаем заинтересованного читателя. В нашем обзоре мы остановимся на работах, цитировавших российские документы XVII в., так как они позволяют определить, какая информация из них введена в научный оборот, а какая, содержащаяся в списках коллекции С. К. Кузнецова, является новой.

В российской монголоведческой литературе одной из первых активно использовала документы Московского правительства XVII в. Н. П. Шастина [Шастина 1949]. Н. П. Шастина критически относится к работам иностранных авторов, в частности Дж. Баддели [Baddeley 1919], который, по ее мнению, слишком свободно обращался с текстами русских «грамот». В своей статье, специально посвященной истории государства Алтын-ханов, исследовательница использовала как русские, так и монгольские источники, но она в основном пересказывала «столбцы» и цитировала монгольские летописи. Поскольку Н. П. Шастину интересовал исторический и политический ракурс проблемы, информация культурологического характера, содержащаяся в «столбцах», осталась не использованной. В дальнейшем Н. П. Шастина посвятила данной теме свою кандидатскую диссертацию [Шастина 1950], в которой рассматривается установление отношений между двумя государствами до посольства Якова Тухачевского 1634 г., публикуются выдержки из «списков» [Шастина 1950: 17].

Впоследствии Н. П. Шастина подробно проанализировала русско-монгольские отношения в XVII в. на уровне посольств русского царя и всех представителей династии Алтын-ханов друг к другу, используя как российские, так и монгольские документы [Шастина 1958]. Исследовательница использовала материалы Посольского и Сибирского приказов, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ныне — РГАДА) и Архива Академии наук СССР (сейчас — Архив РАН), а также документы на монгольском языке. Н. П. Шастина тщательно прослеживает всю историю отношений, цитируя русские и монгольские документы, что позволяет нам сравнить их информацию с материалами по данной теме из архива С. К. Кузнецова.

Ш. Б. Чимитдоржиев в своих обобщающих трудах по истории российско-монгольских отношений рассматривает историю дипломатических контактов России

с государством Алтын-ханов, используя как опубликованные источники, так и материалы архивов [Чимитдоржиев 1978]. Ученый уделяет особое внимание результатам посольств, опираясь на российские и монгольские документы. Его труды содержат богатую информацию о языке и культуре государства Алтын-ханов, а также о вопросах, составлявших содержание переговоров с русской стороной, и результатах переговоров [Чимитдоржиев 1987].

Специально тему посольств Российского государства к Алтын-ханам рассмотрела в упомянутых выше кандидатской диссертации и монографии Л. Ш. Чимитдоржиева [Чимитдоржиева 2003; Чимитдоржиева 2006], которая использовала источники и литературу как на русском, так и на монгольском и других иностранных языках, в том числе и архивные материалы. Л. Ш. Чимитдоржиева проследила особенности русско-монгольских отношений начиная с XIII в. и тщательно рассмотрела сквозь призму дипломатических отношений историю и культуру населения как самого государства Алтын-ханов, так и соседних районов. Ею выделены и проанализированы основные вопросы переговоров между двумя сторонами, среди которых — принесение шерти (присяги) российскому государству, уплата ясака и преподнесение подарков, торговля и открытие пути в Китай. Особую ценность для нашей темы имеет обращение Л. Ш. Чимитдоржиевой к русским статейным спискам как материалу для описания хозяйства и культуры народов Северо-Западной Монголии.

Динамику отношений с монгольскими государствами, в том числе и с Алтын-ханами, рассматривает в своей статье Е. В. Кабанова [Кабанова 2014]. В этой работе изучаются особенности взаимоотношений, цели и задачи российского государства в регионе. Характеристику отношений Российского государства с калмыками и династией Алтын-ханов дает в своей статье М. И. Гольман [Гольман 2017]. Опираясь на опубликованные источники, ученый раскрывает основные вопросы, которые решались на переговорах, и приходит к выводу о том, что, несмотря на сложности установления дипломатических отношений, торговые связи налаживались и была заложена основа для дальнейших политических связей. М. И. Гольман [Гольман 2020] подчеркивает, что во второй половине XVII в. российское правительство, заинтересованное в укреплении своих восточных границ, не вмешивалось во внутренние дела монгольских государств. Со своей стороны, монгольские правители, включая последнего из династии Алтын-ханов, стремились обеспечить свою независимость от давления маньчжурской империи и доступ на рынки Сибири. Это обусловило активное развитие дипломатических отношений.

Таким образом, изучение контактов России с государством Алтын-ханов в российской историографии имеет определенную традицию обращения к русским источникам XVII в. Перед рассмотрением «грамот» из коллекции С. К. Кузнецова, относящихся к данной теме, необходимо понять особенности личности российского историка, археолога, этнографа, а также приблизиться к пониманию причин, побудивших его обратить внимание на документы, относящиеся к русско-монгольским отношениям XVII в.

3.2. Степан Кузнецов (1854–1913): краткая биографическая справка

Степан (Стефан) Кирович Кузнецов родился в крестьянской семье в Ильинской слободе Малмышского уезда Вятской губернии. Начал обучение в городском приходском, затем — в уездном училище, поступил в третий класс

Казанской гимназии, которую успешно закончил. В 1873 г. он стал студентом историко-филологического факультета Казанского университета и после его окончания был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре римской словесности. Год проработал профессором в Дерптском университете и в 1881 г. получил звание приват-доцента в Казанском университете [Загоскин 1904; Загребин, Зворыгин 2021: 162; Смирнов 2017: 137]. В 1885 г. С. К. Кузнецов переезжает в Томск и становится библиотекарем только что открывшегося Томского университета. Причины переезда точно не известны, предположительно, его пригласил бывший коллега по Казанскому университету В. М. Флоринский (1834–1899), первый попечитель складывавшегося Западно-Сибирского учебного округа.

Деятельность на посту первого библиотекаря Томского университета была настоящим гражданским подвигом С. К. Кузнецова. За три года им был приведен в порядок библиотечный фонд, подготовлен и издан пятитомный каталог библиотеки. Действительно, «*осуществить такое издание за несколько лет почти в одиночку было под силу лишь большому энтузиасту*» [Филимонов 1988: 15]. При этом ученый занимался археологическими и этнографическими изысканиями на современном для того времени уровне [Смирнов 2017: 141–143] и активно публиковал свои труды, число которых превышает 50 [Филимонов 1988: 17]. Из публикаций о С. К. Кузнецове следует, что этот человек обладал большой творческой энергией, был исключительно предан науке, воспитанию новой научной смены. При этом С. К. Кузнецов и не был чисто «кабинетным» ученым: в ходе так называемого «мултанского дела» (5 мая 1892 г. – 28 мая 1896 г.) в качестве эксперта-этнографа он выступал против обвинений народов Поволжья в практике человеческих жертвоприношений [Есипова 2001: 77; Загребин, Зворыгин 2021: 164; Смирнов 2017: 141]. В 1903 г. С. К. Кузнецов вышел в отставку и переехал в Москву, где стал преподавателем Московского археологического института, подготовив авторские курсы лекций по библиотековедению (впервые в России), а также по исторической географии, метрологии, хронологии и музееведению. Кроме того, он руководил кружком Сибирской библиографии, организованным в 1907 г. при Русском библиографическом обществе Московского университета [Смирнов 2017: 148]. Коллега С. К. Кузнецова по Московскому археологическому институту У. Г. Иваск (1878–1922) писал в некрологе 1913 г.: «*Стефан Кирович вновь отзывчиво принес свои силы сибирскому делу, любя Сибирь, как вторую отчизну. И вновь под его драгоценнейшим руководством началась работа молодых сибирских библиографов… Но судьба решила иначе… Нашего дорогого, незабвенного руководителя не стало*» [Смирнов 2017: 148].

В этой цитате показательны слова «*любя Сибирь, как вторую отчизну*». В работах об исследователе ничего не говорится о собираемой им коллекции рукописей XVII в., кроме упомянутого выше высказывания И. П. Кузнецова-Красноярского. Видимо, как знаток библиотечного дела и древних рукописей С. К. Кузнецов был избран секретарем археографической комиссии Московского археологического общества [Смирнов 2017: 149]. Но высокая образованность Стефана Кировича и его активная жизненная позиция как человека и ученого, интерес к древней истории и этнографии края, где он работал, видимо, побудили его к собиранию рукописей XVII в., относящихся к истории Сибири, среди которых находятся документы и о русско-монгольских отношениях. Необходимо

выявить специфику его коллекции по отношению к уже известному массиву документов.

3.3. История государства Алтын-ханов по данным российских документов

Российские документы называют правителей государства в Западной Монголии, с которыми встретилась Россия при освоении своих восточных рубежей, «*Алтын-ханами*» (Золотыми ханами), как принято было называть их у тюркских народов [Шастина 1949: 385; Чимитдоржиева 2003: 25], а также «*Алтын царями*». В обращениях к монгольской стороне не указывается собственное имя хана, возможно, из-за его табуирования в монгольской культуре [Шастина 1949: 385], но в переписке русских воевод имя иногда указывается. Основателем государства Алтын-ханов считают Шолоя Убаши хунтайджи, при котором начался обмен посольствами с Россией [Шастина 1949: 384; Чимитдоржиева 2006: 20]. Первое посольство Василия Тюменца было принято Шолоем Алтын-ханом в 1616 г. В своем статейном списке русский посол описывает внешность, уклад жизни, богослужение монголов [Шастина 1949: 386]. Через два года этот правитель принял московского посла Ивана Петлина, рассказ которого о государстве Алтын-ханов опубликован и переведен на несколько языков [Чимитдоржиев 1987: 43]. Среди рассматриваемых нами документов сообщений об этих посольствах нет.

В 1631 г. к сыну Шолоя Убаши хунтайджи — Омбо-Эрдени (1627–1657) приезжает посольство Казыя Карякина по просьбе монгольской стороны, так как Омбо-Эрдени искал военного союза против Лигдэн-хана чахарского. Российская сторона истолковала просьбу монгольского хана как желание «*стать под царскую высокую руку*» [Чимитдоржиев 1987: 43], что обусловило составление «грамоты» от царя Михаила Федоровича, список которой имеется в коллекции С. К. Кузнецова. По отчетам российских послов 1634, 1636, 1638 гг. и переводам посланий монгольской стороны следует, что Омбо-Эрдени и не думал становиться российским подданным. Он отказался лично принести шерть, но заставил шертовать за себя своих приближенных. Обряд «питья с золота» (из чаши, в которою было положено золото) был воспринят в Москве как переход Омбо-Эрдени Алтын-хана «в холопство», тогда как монгольский хан считал это знаком заключения дружественного союза [Шастина 1949: 388; Чимитдоржиев 1978: 35; Чимитдоржиев 1987: 44; Гольман 2020], так как обряд был символом побратимства [Шастина 1958: 39], «братства», как называют его документы из рассматриваемой нами коллекции [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 15]. Имеются там и списки документов о покушении на брата Алтын-хана Дурал Табуна со стороны киргиза, находившегося в посольской свите с целью «*проведывать как государева милость к Дурал Табуну будет*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 27]. С. К. Кузнецов приобрел список «грамоты» к русскому царю от лица «Лабы» — тибетского ламы Мерген Ланзы, состоявшего при ставке Омбо-Эрдени Алтын-хана. Подлинник грамоты известен в науке [Шастина 1949: 387]. Ламы при ставках монгольских ханов были не только духовными наставниками и советчиками, но и знатоками языков и дипломатического протокола [Чимитдоржиев 1987: 43].

Сын Омбо-Эрдени Алтын-хана Лувсан-сайн Эринчин-хунтайджи (1657–1696), или Лубсан-тайджи, которого в России называли «Ложаном», неоднократно упоминается в документах. Последние рисуют этого правителя как человека

энергичного и предприимчивого, проводившего активную внешнюю политику [Шастина 1949: 387; Чимитдоржиева 2006: 25]. Среди рассматриваемых нами материалов есть сообщения о его нападениях на киргизов, неоднократных столкновениях с «черными калмыками» (ойратами) [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 26]. Лубсан-тайджи не желал признавать себя вассалом российского царя. Письмо Лубсана-тайджи царю Алексею Михайловичу, написанное на монгольском языке, проанализировано Н. П. Шастиной. В коллекции С. К. Кузнецова имеется список с русского перевода, в котором Лубсан-тайджи называет Алексея Михайловича «Белым царем» и просит восемь тысяч российских «ратных людей» для войны с монгольскими ханами и соседними народами [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 29]. Русский перевод не уловил лингвистическую тонкость, замеченную Н. П. Шастиной по подлиннику письма: русского царя он называет «*ханом*», а себя — «*хаганом*», т. е. более высоким по рангу [Шастина 1949: 391]. Однако Лубсан-тайджи шлет письма и подарки не только от своего имени, но и от имени своих родственников, причем не только самому русскому царю, но и царице и детям [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 30–34]. Это обусловлено, видимо, сложным военным положением Лубсан-тайджи. Впоследствии он все же принесет шерть русскому царю, но постоянные войны, борьба за первенство в Западной Монголии истощили государство Алтын-ханов и привели его к гибели [Шастина 1949: 395; Чимитдоржиева 2006: 20].

3.4. Отношения с государством Алтын-ханов: позиция России

В коллекции С. К. Кузнецова имеется фрагмент (начало отсутствует) грамоты Михаила Федоровича 25 мая 1633 г. томским воеводам [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 5], в которой говорится о послании «жалования» Алтын-хану и о необходимости точного отчета со стороны русских послов Якова Тухачевского и Дружины Огаркова о приведении Алтын-хана к шерти. Речь идет о подготовке известного в истории посольства, прибывшего в ставку Алтын-хана в 1634 г. [Шастина 1950: 16; Чимитдоржиев 1978: 44]. Но в «грамоте» послам дается задание «*у Алтына царя и у его людей проверить подлинно: где ныне Чичиркан, и в которых местах стоит, и много ли с ним воинских людей, и которых государств с ними воинские люди, и какой у них бой, и сколь давно они Чичиркану помогают, и своею ли волею те люди Чичиркану помогают или Чичиркан те государства, которых с ним люди ходят, поимал и каким обычаем поимал <…> может ли Алтын царь против Чичиркана стоять*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 6].

Русское правительство интересовала расстановка политических сил на своих дальневосточных границах, воинское оснащение возможных противников («*какой у них бой*» — имеется в виду владение холодным или огнестрельным оружием) и поиск в Алтын-хане, которым, судя по упомянутым лицам и дате, был Омбо-Эрдени [Шастина 1949: 385; Чимитдоржиев 1987: 45; Чимитдоржиева 2006: 26], союзника в борьбе с Чичирканом. Под этим именем фигурирует Лигдэн (1603–1630), хан чахаров. Интересует Московского царя и способ захвата противником новых земель («*каким обычаем поимал*»). В российской историографии отношений с Алтын-ханами упоминается «*Чичиркан*», от которого Алтын-хан просил Россию его «*оборонить*» [Шастина 1949: 385; Шастина 1958: 35; Чимитдоржиев 1987: 45; Чимитдоржиева 2006: 28], но об интересе Москвы к этому правителю не говорится.

Российский государь предписывал в случае прибытия в Томск послов от Алтын-хана «*тем алтыновым посланникам держали честь, и ласку, и привет, и береженье*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 7], однако, стремясь наладить отношения с монгольским правителем, Михаил Федорович требовал, «*чтобы Алтын царь со своими воинскими людьми на нашей земле не кочевал, и нашим ясашным и всяким людям сибирских городов и острогов утесненья и обид не чинил, и ясаку и никаких податей ни на себя ни на кого не имал*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 7].

Царское правительство тщательно охраняло свои доходы и территории от возможных посягательств, даже стремясь установить дипломатические отношения с соседями. И это не случайно: в самом начале XVII в. в верховьях Енисея, Иртыша и Оби российскому правительству фактически приходилось делить право на ясак с государством Шолоя Алтын-хана, отца Омбо-Эрдени [Шастина 1958: 22: Чимитдоржиева 2006: 49], а Лувсан-тайджи неоднократно предпринимал походы против «*ясашных людей*» [Гольман 2020: 45].

К самому же Алтын-хану Омбо-Эрдени была направлена царская грамота от 25 июня 1634 г., в которой царь Михаил Федорович говорит о том, чтобы монгольская сторона прислала своих послов в Томск, а сам царь желает «*тебя, Алтына царя пожаловати, велити тебя со всею твоею ордою принятии под нашу царского величества руку в холопство, и от недругов тебя оберегати, и ты, Алтын царь, учнешь нам Великому Государю с себя дань давать, и прислати бы к тебе послов наших добрых, и ты, Алтын царь, за себя и за свою орду нам Великому Государю перед теми нашими царского величества послы дать по своей вере шерть учинити*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 8]. В российской историографии рассмотрен отказ Алтын-хана Омбо-Эрдени лично шертовать российскому царю и недовольство словом «*холопство*» [Шастина 1949: 288; Шастина 1958: 40; Чимитдоржиев 1978: 35; Чимитдоржиев 1987: 44; Чимитдоржиева 2006: 25; Гольман 2020: 56], однако не говорится об обещании российского государства оберегать земли Алтын-ханов, даже если это обычная форма официального документа.

Заключение дипломатических отношений в XVII в. со стороны русского царя закреплялось «крестоцелованием» и приложением царской печати [Семенов 2005: 60], а Алтын-хану предлагалось шертовать «по своей вере», т. е. по своему обычаю, который Москва признавала. В этом отличие от присяги, принесенной монгольским гонцом, которого томские воеводы заставили есть хлеб с ножа, а над его шеей держали оголенную саблю [Шастина 1949: 386; Чимитдоржиев 1978: 36], т. е. навязали свой способ клятвы, что было воспринято монгольской стороной как оскорбление [Чимитдоржиев 1978: 36; Чимитдоржиев 1987: 46].

В грамоте также говорится о постоянных обменах посольствами и установлении военного союза: «*нашей государской милости нашего царского величества послы в вашу землю ходили, и ваши послы в нашу царского величества землю по тому ж без урыву, и дурна б на обе стороны, и войны ни которые не было*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 9].

Историки высказывают мнение, что Дружина Огарков понял суть монгольского обряда «питья с золота» как заключение не верноподданнических, а равноправных отношений между сторонами [Шастина 1958: 40]. Подтверждает это и текст донесения томских воевод царю Михаилу Федоровичу о допросе

Дружины Огаркова из коллекции С. К. Кузнецова. Подъячий утверждал, что «*приводил Яков табунов Алтына царя к шерти не в холопство тебе государю, а в братство*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 15]. Согласно дипломатическому этикету XVII в., «*братом*» называли равного русскому царю по статусу правителя [Семенов 2005: 51].

Российское государство рассматривало Алтын-ханов как надежную опору на своих восточных границах. Томский воевода Иван Ромодановский докладывал царю Михаилу Федоровичу, что он «*к Алтыну царю писал, чтобы на тех твоих Государевых изменщиков, киргизских людей, Алтын царь послал людей своих войною и подвел бы их под твою Государеву высокую руку в холопство*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 17]. Московское правительство, чтобы подкрепить эту позицию, «*буде есть в киргизах люди его Алтына царя, им говорить*», что их хан присягнул России и обещал ему «*служить и прямить*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 18].

Российское государство было заинтересовано в развитии отношений с Алтын-ханами, о чем говорит пышный прием, оказанный в Томске брату Алтын-хана Омбо-Эрдени — Дуран Табуну. Ему и его свите было выделено «*государево жалованье и корму две лошади да ведро вина*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 21], приказано «Т*омским детям боярским да служилым конным людям быть на выезде в чистом* (новом. — *Ю. К.*) *платье*», а «*на съезжем дворе вельми устроить избу сукны и ковры*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 21–22].

Коллекция С. К. Кузнецова содержит документ, который характеризует отношения России с последним из Алтын-ханов. Царь Федор Алексеевич обещает, обращаясь к Лувсан-хану, что «*его государская милость будет к тебе за службу твою наипаче прежнего и служба твоя и радение великому государю забвенны никогда не будут*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 54]. Лувсан-хан хотел, как он сообщал в ответном письме, «*воевать киргиз вместе с твоими государевыми людьми*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 18], т. е. искал военного союза с Россией.

3.5. Культура государства Алтын-ханов по данным документов коллекции С. К. Кузнецова

О культуре населения государства Алтын-ханов русские послы сообщали скупо. Известно описание Василием Тюменцем, побывавшим с посольством у Шолоя Алтын-хана, отца Омбо-Эрдени, буддийского богослужения [Шастина 1958: 25]. Интересную информацию дают списки подарков, которыми обменивались стороны. Так, в списке «грамоты» царя Михаила Федоровича Алтын-хану Омбо-Эрдени упоминаются присланные монгольской стороной подарки: «*куяк с нагрудником* (вид доспеха, который состоял из металлических пластин и блях, набранных и нашитых на ткань. — *Ю. К.*)*, и подпачушник и с подшейником оправлен серебром с каменьем* (детали упряжи верховой лошади. — *Ю. К.*)*, да барс, да десяток бобров, да 200 соболей* (шкуры и меха. — *Ю. К.*)» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10]. Драгоценные подарки в то время служили не только залогом, но и мерилом статуса отношений между государствами [Семенов 2005: 87]. «Грамота» сообщает, что просил в качестве ответного дара Алтын-хан: «*прислати к тебе золота, серебра, жемчугу крупнаго, корольков, каменья разныя цветы, панцырь добрый, саблю, пищаль о семи зарядах, атлас золотого сукна, доброго аргамака, колокол, набат, трубу-сурейку, малую трубку*

со стеклами, да к тебе бы прислать старца, который побывал в Иерусалиме, чтобы тебе у него посмотреть, как богу молятся, а ты сам не умеешь грамоте, да и переводчика, кто б умел по-русски и по-мунгански грамоте, да лекаря с зельем, да мастера серебряного и пищального, и кожевенного мастера, да часы боевые» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10]. Этот список просьб в сокращенном виде скопирован в грамоте Посольского приказа Томскому воеводе И. И. Ромодановскому от 8 февраля 1636 г. [Чимитдоржиева 2006: 38], но рассматриваемый нами более полон и заслуживает специального рассмотрения. Монгольская сторона просила «*жемчугу крупнаго*», т. е. морского, который в то время высоко ценился и привозился в Россию купцами с Ближнего Востока, а также особо ценных «*корольков*» — коралловых бус или пуговиц. Золото и серебро Россия еще не добывала, и ей необходимо было закупать драгоценные металлы. Слово «панцирь» в XVII в. означало как особым способом сплетенную кольчугу, отличающуюся от обычных кольчуг, так и цельнометаллический доспех [Словарь 1988: 146]. Агамаками в русских документах называли как арабских, так и ахалтекинских лошадей, которые очень высоко ценились [Шастина 1958: 92]. «*Пищаль о семи зарядах*» могла представлять собой как пушку, так и ручное огнестрельное оружие [Даль 1980: 114]. Маловероятно, чтобы в государстве Алтын-ханов предполагали привезти пушку на такое расстояние, — видимо, имеется в виду ручная пищаль. «*Набатом*» в XVII в. называли или большой барабан, или колокол, в который бьют, оповещая о тревоге [Словарь 1988: 16]. Набат как барабан использовался в военном деле. Так же использовалась и «*труба-сурейка*» — деревянный духовой музыкальный инструмент. В правление царя Михаила Федоровича существовал целый «*трубничий чин*», музыканты которого, владевшие как набатами, так и сурейками, использовались в торжественных мероприятиях и на войне [Шамин 2015]. Монгольская сторона знала о существовании подзорной трубы, которая появилась в Западной Европе в XVII в., прося «*малую трубку со стеклами*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10].

Для развития военного дела, изготовления огнестрельного оружия и упряжи для верховых лошадей, а также, видимо, для развития необходимых для этого ремесел просили «*мастера серебряного и пищального, и кожевенного мастера*», а для обеспечения дипломатического взаимодействия — переводчика, знавшего оба языка. Последнее было актуально, так как царь Михаил Федорович писал, что «*наша жалованная грамота у тебя по се место еще не переведена, по тому что у вас таких людей, коим ее перевести, нет*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10].

Примечательна просьба о «*лекаре с зельем*», т. е. с лекарством. Слово «зелье» имело также значение «яд» и «порох» [Словарь 1978: 372], но государство Алтын-ханов было заинтересовано в профессионалах, умевших изготавливать и применять лекарства. Можно предположить, что просили прислать лекаря-иностранца, что видно из продолжения документа, процитированного ниже. На последнем месте в списке стоят «*часы боевые*». Имеется в виду часовой механизм, который мог отбивать время, образцы которого распространились в Европе в XVI–XVII вв. Часы в то время были самым сложным техническим устройством [Богданов 2019: 36], и монгольская сторона знала о нем и хотела иметь у себя.

Таким образом, государство Алтын-ханов надеялось получить не просто предметы роскоши, а последние достижения науки и техники. Об отличной

информированности Алтын-ханов о далеких землях говорит, например, просьба Омбо-Эрдени пропустить его послов «*в Иерусалим и турецкую землю*» [Чимитдоржиева 2006: 44].

В ответ на просьбу Алтын-хана Омбо-Эрдени царь Михаил Федорович послал «*сорок золотников жемчугу крупного, атлас золотой, саблю, оправлену серебром, панцырь добрый, пятьсот листов красного золота* (золота с примесью меди. — *Ю. К.*), *пятьсот листов двойного золота* (тончайшие листы золота, наложенные на такие же тонкие листы серебра и соединенные ковкой. — *Ю. К.*), *шестьсот листов серебра, тридцать золотых, сорок ефимков, пять литров золота и серебра пряденаго* (нитей, скрученных пряжей; литр составлял 12 мотков весом по 72 золотника. — *Ю. К.*), *десять аршин сукна багрецу, 19 аршин сукна червонаго, 16 аршин сукна желтаго, 22 королька, а в них 10 (?)* (неясное слово. — *Ю. К.*) *серебряных, камней лазоревых, восемьсот камней зеленых, два фунта двенадцать золотников камню янтарю, набат, трубу*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 11]. Царский подарок включал в себя драгоценные металлы и ткани, предметы роскоши, а из применяемых в военном деле — только набат и трубу. В остальных просьбах было отказано.

Интересно объяснение отказа: пищалей «*в нашем Московском государстве о семи зарядах не делают, а колокола в нашем российском государстве у церквей божьих, а звонят в них для церковного пения, и послы твои говорили, что тебе такие колокола не пригодятся. А старцы иерусалимские бывают у нас великого государя временно ж приходят для милостыни на по вся годы потому, что Иерусалим от нашего Московского государства место дальнее, а ныне при послах твоих из Иерусалима старцы не были. А лекаря у нас Великого Государя бывают из разных государств, вольные люди, и в неволю тех чужих государств лекаря послать к тебе непригоже. А серебряные и пищальные мастера, и кожевиники русские — люди православные христианской веры, а мунганского языку не умеют. И такой дальний путь тем мастеровым людям не за обычай, и православные христианской веры отбыть им немочно. А агамака к вам послати, для дальнего пути, было немочно, и до вашей земли агамака довести невозможно. А часы не посланы за тем, что послы ваши сказали, часов де водить у вас некому*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 12]. Таким образом, Московское правительство не было заинтересовано в передаче подарков и посылке людей, которые могли бы обеспечить укрепление военного и научного потенциала соседнего государства, с которым отношения начали приобретать неопределенный характер [Шастина 1958: 44].

Впоследствии, как показывают документы коллекции С. К. Кузнецова, Алтын-ханы посылали русскому царю предметы роскоши: «*два барса, 250 соболей и хвосты, пять камок*[1]» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 29]. Отправка дорогих мехов могла подтверждать их обилие в монгольской земле, о чем говорили послы Алтын-хана московскому царю, предлагая завязать торговые отношения [Чимитдоржиев 1987: 42]. В ответ просили дары такого же рода: «*и чтобы государь пожаловал жемчугом да камкою две цветы да камкою желтою да камкой кирпичного цвета*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 29], «*государь бы его пожаловал 300 корольков больших красных зерен, жемчугу крупного, 300 камня янтаря большого да саблю, и сукон разного цвета до десяти саженей*» [ОПИ

[1] Камка — шелковая цветная узорчатая ткань.

ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 29]. Ни о каких научных и технических новинках речь уже не идет. В грамоте ламы Мерген Ланзы говорится об интересе России к открытию пути в Китай, но здесь необходимы подарки: «*и в те поры дороги не было, а ныне только государь позволил послов послать, а с ними слона, и их пропустят до царя китайского. А буде не будет слона, и их пропустят до укрепленных городов*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 33]. В XVII в. слово «слон» имело три значения: животное, слоновая кость и стенобитное орудие [Словарь 2000: 115]. Видимо, китайский император хотел получить слоновую кость в качестве дипломатического подарка как ценный материал для изготовления предметов роскоши.

Примечателен подарок, присланный русскому царю от Лувсана Алтын-хана: «*письмо, да пять камок, осьмнадцать соболей. Алтына царя учтена его осьмнадцать соболей да камка, да инакчи пять стрел*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 17]. Казалось бы, подарки скромные, но важно указание на пять стрел. У древних народов выстрел из лука вверх символизировал вертикальную ось мифологической Вселенной, а выстрелы на четыре противоположные стороны — защиту своей земли со всех четырех стран света [Coomaraswamy 1943: 118]. Можно предположить, что этим подарком демонстрировалась независимость государства Алтын-ханов от России. И действительно: «*русское правительство, считая Лувсан-тайджи подданным царя Алексея Михайловича, выдавало желаемое за действительное. Лувсан почти до самого конца своего правления был самостоятельным и полностью независимым правителем*» [Гольман 2020: 62].

Однако отношения между государствами развивались, и официальные лица обеих сторон были знакомы с дипломатическим протоколом того времени. Так, прибывший в Томск «*Дурал Табун, сын его Есекту, с ним людей его двадцать человеки, стали на коленях и говорили речь: послал его Алтын царь из мунгарской земли проводить до Томскова государевых царя и великого князя Михаила Федоровича Всея Руси самодержца послов и Алтына царя и брата его, к Великому Государю с данью*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 23]. Бесспорно, этот документ отражает восприятие российской стороны дипломатических подарков как «дани», но далее шел обмен вопросами о здоровье царя Михаила Федоровича и Алтын-хана, что было обязательной частью начала переговоров [Семенов 2005: 15]. В результате встречи в Томске воеводы приняли грамоту к российскому царю «*и Дурал Табун и сын его, и люди, которые с ним были, государевым жалованьем, вином и медом, поены довольно и отпущены на двор пьяны*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 23]. Прочитать полученную грамоту никто не смог, так как в Томске «*никто мунгарской грамоте не умеет, от мунгарских людей прочесть того было немочно, что были государевым жалованьем пьяны*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 26]. Это говорит о достижении «полного согласия сторон», выражаясь современным языком. Как писал знаток истории русского быта И. Е. Забелин, «*радушие и гостеприимство наших дедов ставило себе в непременное условие употчевать гостей допьяна. Если хозяин был рад гостю, то приличие требовало употребить все средства, чтобы гость был весел и пьян. Если гость был рад пиру, то приличие требовало не отказываться от чаши, потому что решительный отказ всегда оскорблял хозяина и нарушал доброе расположение между обоими. Древний русский пир „тогда и честен был“, когда все гости напивались*» [Забелин 1915: 376].

Таким образом, вводимые в научный оборот документы, хотя ряд их является копиями уже известных в науке, раскрывают новые грани взаимоотношений русского государства с представителями династии Алтын-ханов. Они показывают культурную специфику обеих сторон дипломатического диалога, стремившихся достичь взаимопонимания, несмотря на имеющиеся различия.

4. Заключение

В российской науке последних лет уделяется все большее внимание изучению истории стран Востока, что обусловлено ростом значимости этих государств в мировой политике. Исследование российско-монгольских контактов на основе новых исторических источников находится в русле этой тенденции. Государство Алтын-ханов, наряду с Ойратским государством, было одним из первых государственных образований монгольского народа, с которыми Русское государство установило дипломатические отношения в начале XVII в. [Чимитдоржиев 1978: 38].

Материалом для рассмотрения этих отношений служат как монгольские, так и российские источники XVII в. Документы этого времени собирал историк, археолог, этнограф, настоящий ученый-гуманист Стефан Кирович Кузнецов. Собранные им «столбцы» как являются копиями уже известных документов, полностью не публиковавшихся, так и представляют оригинальные записи, не известные науке. В коллекции С. К. Кузнецова находятся материалы, дополняющие и уточняющие представления, сложившиеся в историографии, о политическом и культурном взаимодействии России с государством Алтын-ханов.

Рассмотрение вводимых в научный оборот документов с точки зрения не только политических или экономических, но и культурных контактов показывает, что коллекция содержит материалы, касающиеся периодов правления Омбо-Эрдени Алтын-хана и его сына Лувсан-сайн Эринчин-хунтайджи. Они иллюстрируют различное толкование обряда «питья с золота», который российская сторона восприняла как переход Омбо-Эрдени Алтын-хана в российское подданство, тогда как это был принятый в монгольской среде обряд побратимства. Документ из рассматриваемого собрания называет установившиеся отношения «братством». Но, несмотря на недоразумение, обмен посольствами продолжался. Российская сторона интересовалась военной и политической ситуацией на своих восточных границах, стремилась утвердить свое право собирать ясак с местных народов. Документы подтверждают высказанное в литературе мнение о том, что Россия не стремилась навязать соседям свои обычаи, в частности при принесении присяги, хотя и здесь не обходилось без недоразумений. Московское правительство пышно принимало высокопоставленных представителей государства Алтын-ханов и видело в его правителях военных союзников, но помощь обещало только в обмен на принесение «шерти».

Монгольская сторона, как показывают документы коллекции С. К. Кузнецова, видела в северном соседе, прежде всего, военного союзника, а в русском царе — правителя, равного по статусу своим ханам. Перечень подарков, которыми обменивались стороны, демонстрирует стремление монгольской стороны не просто получить драгоценности и предметы роскоши, но и новейшие достижения европейской науки и техники, а также знакомых с ними профессионалов. Таким образом, правители государства Алтын-ханов не только обладали информацией

о достижениях европейской культуры, но и стремились за счет их приобретения поднять культурный и военный потенциал своей страны. Собранные С. К. Кузнецовым документы содержат описание как имевших место разногласий, так и формирования взаимопонимания между двумя государствами, обмена подарками и совместного угощения, имевшего также определенное значение в тогдашнем этикете. Коллекция «столбцов» XVII в., собранная русским ученым, демонстрирует начало не только военных и политических отношений, но и культурного диалога двух народов. Ее дальнейшее изучение представляется перспективным в плане монголоведческих исследований.

Источники

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Sources

Department of Written Sources of the State Historical Museum.

Литература

Базаров, Курас 2023 — *Базаров Б. В., Курас Л. В.* Монголия между революцией Синьхайской [1911] и революцией Монгольской [1921] // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 336–357.

Батунаев 2021 — *Батунаев Э. В*. Русско-монгольские торгово-экономические связи в начале XX века: история и этапы развития // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 6. С. 20–28.

Богданов 2019 — *Богданов И. Ф*. История механических часов: 700 лет совершенствования // Евразийский научный журнал. 2019. № 1. С. 33–37.

Вардомский 2017 — *Вардомский Л. Б*. Об азиатском векторе развития России // ЭКО. 2017. № 7. С. 99–111.

Восточная литература — Средневековые исторические источники Востока и Запада [электронный ресурс] // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/ (дата обращения: 13.06.2025).

Гольман 2017 — *Гольман М. И*. Первые 30 лет в отношениях России и Монголии в XVII в. // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 105–113.

References

Bazarov B. V., Kuras L. V. Mongolia between the Xinhai Revolution (1911) and the Mongolian Revolution (1921). *Eurasian Yearbook*. 2023. No. 1. Pp. 36–357. (In Russ.)

Batunaev E. V. Russian-Mongolian Trade and Economic Relations at the Beginning of the 20th Century: History and Stages of Development. *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16. No. 6. Pp. 20–28. (In Russ.)

Bogdanov I. F. History of Mechanical Watches: 700 Years of Improvement. *The Eurasian Scientific Journal.* 2019. No. 1. Pp. 33–37. (In Russ.)

Vardomsky L. B. On the Asian Vector of Russia's Development. *ECO*. 2017. No. 7. Pp. 99–111. (In Russ.)

Medieval Historical Sources of the East and West. Available at: https://www.vostlit.info / (accessed: 13 June 2025). (In Russ.)

Golman M. I. Russian-Mongolian Relations in the Second Half of the 17th Century. *Vostok (Oriens*). 2020. No. 1. Pp. 54–67. (In Russ.)

Гольман 2020 — *Гольман М. И.* Русско-монгольские отношения во второй половине XVII века // Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 54–67.

Golman M. I. The First 30 Years in Relations between Russia and Mongolia in the 17th Century. *Vostok (Oriens*). 2017. No. 6. Pp. 105–113. (In Russ.)

Даль 1980 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1980. 555 с.

Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow: Russkii Iazyk, 1980. Vol. 3. 555 p. (In Russ.)

Документы 2023 — Документы и публикации по русско-монгольскому соглашению 1912 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 61–198.

Documents and Publications on the Russian-Mongolian Agreement of 1912. *Journal of the Institute of Oriental Studies of the RAS.* 2023. No. 1 (23). Pp. 161–198. (In Russ.)

Есипова 2001 — *Есипова В. А*. Кузнецов Степан [Стефан] Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Томск. ун-т, 2001. С. 76–78.

Esipova V. A. Kuznetsov Stepan (Stefan) Kirovich. In: Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Region: Materials for the Encyclopedia of the Tomsk Region. Tomsk: Tomsk University, 2001. Pp. 6–78. (In Russ.)

Есипова, Старикова 1999 — *Есипова В. А., Старикова Г. Н.* Предисловие // Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В. А. Есипова, Г. Н. Старикова. Томск: Томск. ун-т, 1999. 155 с.

Esipova V. A., Starikova G. N. The Preface. In: The First Century of the Russian Exploration of Siberia. New Documents. In: Collection of Siberian Letters of the 17th – early 18th Centuries in the Collections of the Scientific Library of Tomsk State University Tomsk: Tomsk University, 1999. 155 p. (In Russ.)

Забелин 1915 — *Забелин И. Е*. Домашний быт русских царей в XVI и в XVII веках. Т. 1. Ч. 2. М.: А. Д. Ступин, 1915. 498 с.

Zabelin I. E. The Domestic Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries. Vol. 1. Part 2. Moscow: A. D. Stupin, 1915. 498 p. (In Russ.)

Загоскин 1904 — *Загоскин Н. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет [1804–1904]: в 2 ч. Ч. 1. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. С. 115–116.

Zagoskin N. P. Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Kazan University: for a Hundred Years (1804–1904): in 2 parts. Part 1. Kazan: Imp. University, 1904. Pp. 115–116. (In Russ.)

Загребин, Зворыгин 2021 — *Загребин А. Е., Зворыгин Р. В.* Стефан Кирович Кузнецов — этнограф, археолог и библиофил: Томские годы // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2021. № 73. С. 162–169.

Zagrebin A. E., Zvorygin R. V. Stefan Kirovich Kuznetsov — Ethnographer, Archaeologist and Bibliophile: The Tomsk Years. *Tomsk State University Journal. History Series.*. 2021. No. 73. Pp. 162–169. (In Russ.)

Кабанова 2014 — *Кабанова Е. В.* Политика Российского правительства по отношению к монгольскому и казахскому народам в конце XVII–XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 91–102.

Kabanova E. V. The Policy of the Russian Government towards the Mongolian and Kazakh Peoples at the End of the 17th–18th Centuries. *RUDN Journal. History of Russia Series.* 2014. No. 3. Pp. 91–102. (In Russ.)

Кузнецов 1890 — *Кузнецов И. П.* Исторические акты XVII столетия: материалы для истории Сибири. Вып. 1–2. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. 111 с.

Kuznetsov I. P. Historical Acts of the 17th Century: Materials for the History of Siberia. Vol. 1–2. Tomsk: Typo–Litografiya.Mikhailov and Makushin, 1890. 111 p. (In Russ.)

Материалы 1959 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. Сб. док. / сост.: Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.

Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collection of Documents. L. Gataullin, M. Golman, G. Slesarchuk (comp). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 352 p. (In Russ.)

Материалы 1974 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. Сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.

Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1636–1654. Collection of Documents. M. Golman, G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Nauka, 1974. 469 p. (In Russ.)

Материалы 1996 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. Сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.

Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. Collection of Documents. M. Golman, G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 559 p. (In Russ.)

Семенов 2005 — *Семенов И. Н.* У истоков Кремлевского протокола. М.: ИНКОМБУК, 2005. 239 с.

Semenov I. N. At the Origins of the Kremlin Protocol. Moscow: INKOMBUK, 2005. 239 p. (In Russ.)

Словарь 1978 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5: Е–Зинутие / сост. Н. Б. Бахилина и др.; гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1978. 394 с.

Dictionary of the Russian Language of the 16th–17th Centuries. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1978. 394 p. (In Russ.)

Словарь 1988 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. Г. А. Богатова, гл. ед. Д. Н. Шмелев. Вып. 14: Отрава-Персоня. М.: Наука, 1988. 314 с.

Dictionary of the Russian Language of the 16th–17th Centuries. Vol. 14. Moscow: Nauka, 1988. 314 p. (In Russ.)

Словарь 2000 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25: Скорынья-Снулый / гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 2000. 282 с.

Dictionary of the Russian Language of the 16th–17th Centuries. Vol. 25. Moscow: Nauka, 2000. 282 p. (In Russ.)

Смирнов 2017 — *Смирнов А. С.* Стефан Кирович Кузнецов — член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: История. Исторические науки. 2017. С. 134–155.

Смирнов 2014 — *Смирнов А. С.* «… Чего стоила мне эта библиотека!..». Письмо первого библиотекаря Томского университета С. К. Кузнецова библиофилу А. Н. Островскому. 1886 г. [электронный ресурс] // Отечественные архивы. 2014. № 2. https://portal.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N02_letter-kuznetsov.shtml (дата обращения: 13.06.2025).

Филимонов 1988 — *Филимонов М. Р.* Книжная сокровищника Сибири. Томск. Томск. ун-т, 1988. 194 с.

Цыб и др. 2021 — *Цыб С. В., Гартман А. В., Чичинов В. А*. Очерки хронологии первых русско-монгольских сражений. Барнаул: Алтайск. ун-т, 2021. 243 с.

Чимитдоржиев 1978 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.

Чимитдоржиев 1987 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.

Чимитдоржиева 2006 — *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 154 с.

Чимитдоржиева 2003 — *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608–1681 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 180 с.

Smirnov A. S. Stefan Kirovich Kuznetsov — Member of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. In: Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University: History. Historical Sciences. 2017. Pp. 134–155. (In Russ.)

Smirnov A. S. "... What this Library Cost me!.." Letter from the first Librarian of Tomsk State University, S. K. Kuznetsov, to bibliophile A. N. Ostrovsky. 1886. Russian Archives. 2014. No. 2. Available at: https://portal.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N02_letter-kuznetsov.shtml (accessed: 13 June 2025). (In Russ.)

Filimonov M. R. The Book Treasury of Siberia. Tomsk: Tomsk University, 1988. 194 p. (In Russ.)

Tsyb S. V., Gartman A. V., Chichinov V. A. Sketches of the Chronology of the first Russian-Mongol Battles. Barnaul: Altay University, 2021. 243 p. (In Russ.)

Chimitdorzhiev S. B. The Relationship between Mongolia and Russia in the 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 216 p. (In Russ.)

Chimitdorzhiev S. B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka, 1987. 233 p. (In Russ.)

Chimitdorzhieva L. S. Russian Embassies to the Mongolian Altan Khans of the 17th Century. Ulan–Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 154 p. (In Russ.)

Chimitdorzhieva L. S. Russian Embassies to the Mongolian Altan Khans. 1608–1681. Cand. Sc. (History) thesis, Ulan–Ude, 2003. 180 p. (In Russ.)

Шамин 2015 — *Шамин С. М.* Накры как один из атрибутов государевой власти: от Ивана IV до Петра I (к вопросу о царском трубничем чине) [электронный ресурс] // Каптеревские чтения. Сб. ст. [Вып. 13]. 2015. URL: http://moscowstate.ru/nakry-kak-odin-iz-atributov-gosudarevoj-vlasti-ot-ivana-iv-do-petra-i-k-voprosu-o-tsarskom-trubnichem-chine/ (дата обращения: 13.06.2025).

Шастина 1949 — *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. 1949. Вып. VI. С. 383–395.

Шастина 1950 — *Шастина Н. П.* Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии: автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1950. 18 с.

Шастина 1958 — *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Вост. лит., 1958. 182 с.

Baddeley 1919 — *Baddeley J.* Russia, Mongolia and China. London: Macmillan and Co, 1919. 2 vols bound in one, 16 + CCCLXVI p., 22 maps and 3 pl., genealogical tables; XII +448 p., 3 pl. and 5 maps.

Coomaraswamy 1943 — *Coomaraswamy A. K.* The Symbolism of Archery // Ars Islamica. 1943. Vol. 10. Pp. 105–119.

Shamin S. M. Covers as one of the Attributes of the Sovereign Power: from Ivan IV to Peter I (on the question of the royal trumpet rank). Kapterevsky Readings. Collection of Articles 2015. No. 13. Available at: http://moscowstate.ru/nakry-kak-odin-iz-atributov-gosudarevoj-vlasti-ot-ivana-iv-do-petra-i-k-voprosu-o-tsarskom-trubnichem-chine (accessed: 13 June 2025). (In Russ.)

Shastina N. P. Russian-Mongolian Embassy Relations of the 17th Century. Moscow: Sovetskoe Vostokovedenie, 1958. 182 p. (In Russ.)

Shastina N. P. The first Relations of the Moscow State with the Altyn Khans of Western Mongolia. Cand. Sc. (History) thesis. Leningrad, 1950. 18 p. (In Russ.)

Shastina N. P. Altyn Khans of Western Mongolia in the 17th Century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1949. No. 6. Pp. 383–395. (In Russ.)

Baddeley J. Russia, Mongolia and China. London: Macmillan and Co, 1919. 2 vols bound in one, 16 + CCCLXVI p., 22 maps and 3 pl., genealogical tables; XII +448 p., 3 pl. and 5 maps.

Coomaraswamy A. K. The Symbolism of Archery. Ars Islamica. 1943. Vol. 10. Pp. 105–119. (In Eng.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 712–724, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-712-724

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

CC BY NC ND

УДК 930

UDC 930

Наследие Вандана Юмсунова в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Written Heritage of Vandan Yumsunov kept in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS)

Марина Васильевна Аюшеева[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Marina V. Ayusheeva[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025
© Аюшеева М. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Ayusheeva M. V., 2025

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена изучению письменного наследия бурятского летописца Вандана Юмсунова. Из его работ наибольшее распространение получила «История происхождения народа одиннадцати отцов хоринских», отражающая историю, религию, административный уклад, хозяйственную деятельность хоринских и агинских бурят. Известно, что В. Юмсунову принадлежат еще два текста исторического характера, переводы с русского языка, зафиксировано составление им бурятских генеалогий. *Цель* статьи заключается в характеристике творчества В. Юмсунова, сосредоточенного в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Материалы и методы*. Для выявления письменного наследия В. Юмсунова были также привлечены каталоги монгольских коллекций Санкт-Петербурга и Улан-Удэ, при этом для атрибуции и изучения текстовых памятников были применены *методы* текстологии, сравнительного анализа, источниковедения. В *результате* дополнены биографические сведения о В. Юмсунове, дано источниковедческое описание обнаруженных списков его сочинений: 1) четырех рукописей по истории хори-бурят; 2) исторической заметки о поездке в Санкт-Петербург главного хоринского тайши Ц. Бадмаева и шуленги зун-хуацайского рода Ц.-Д. Аюшиева в 1876 г.; 3) материалов о посещении цесаревичем Александром Александровичем

Забайкалья в 1873 г.; 4) трех списков перевода юридического документа «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Отмечено, что наследие В. Юмсунова включает сочинения разных жанров: летописные хроники, мемуары, хождения, генеалогии, фольклор и переводы. *Выводы*. Рассмотренные списки «Истории происхождения народа одиннадцати отцов хоринских» свидетельствуют о популярности данного текста среди читателей. Его историческим работам присущи хронологическая последовательность событий, привлечение широкого круга источников, стремление к тщательной фиксации событий. Среди стилистических особенностей сочинений разных жанров следует назвать преобладание сложных синтаксических конструкций при описании прошлой истории хоринских бурят, двоякую передачу русских слов: в переводе на бурятский язык и в фонетической записи. Материалы В. Юмсунова отражают развитие новых жанров в бурятской литературе, демонстрируют уровень грамотности переписчиков, особенности рукописной традиции.

Ключевые слова: дореволюционная литература бурят, история хори-бурят, бурятские летописи, Вандан Юмсунов, ЦВРК

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Параллельный корпус бурятских письменных источников на монгольской письменности: на пути к машинному переводу» (№ 24-28-00942, https://rscf.ru/project/24-28-00942/).

Для цитирования: Аюшеева М. В. Наследие Вандана Юмсунова в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 712–724. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-712-724

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to the study of the written heritage of the famous Buryat educator Vandan Yumsunov. Among his published works, the most widely distributed is the “History of the Khory Eleven Fathers”, reflecting history, religion, administrative structure, economic activity, etc. It is known that V. Yumsunov composed two more historical texts, translated from Russian, and compiled Buryat genealogies. The *purpose* of the article is to characterize the works of V. Yumsunov, concentrated in the funds of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. *Materials and methods.* To identify the written heritage of V. Yumsunov, catalogues of the Mongolian collections, kept in the archives of St. Petersburg, Ulan-Ude have been used with the methods of textual criticism, comparative analysis, and source studies applied. As a *result*, a source description of the discovered storage units of his writings, such as: 1) four manuscripts on the history of the Khory Buryats, 2) historical notes on a trip to St. Petersburg by the chief Khory taisha Ts. Badmaev and shulenga of the Zun-Khuatsai family Ts.-D. Ayushiev in 1876, 3) materials about the visit of the grand duke Alexander Alexandrovich to Transbaikalia in 1873, and 4) three versions of translation of the legal document “Code of Steppe Laws of nomadic indigenous peoples of Eastern Siberia” is given. It is noted that V. Yumsunov’s written legacy includes works of various genres: chronicles, memoirs, travelogues, genealogies, folklore and translations. The reviewed versions of the “History of the Khory Eleven Fathers” testify to the popularity of this text among readers. His historical works are characterized by a chronological sequence of events, the involvement of a wide range of sources, and the desire to carefully record events. Among the stylistic features of works of different genres, it is necessary to mention the predominance of complex syntactic constructions in describing the past history of the Khory Buryats, the dual writings of Russian words: in translation into the Buryat language and in phonetic notation. V. Yumsunov’s materials reflect the development of new genres in Buryat literature, demonstrate the level of literacy of scribes, and the peculiarities of the Buryat handwritten tradition.

Keywords: pre-revolutionary literature of the Buryats, history of Khori Buryats, Buryat chronicles, Vandan Yumsunov, COMX
Acknowledgment. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00942 “Parallel corpus of Buryat written sources in Mongolian script: towards machine Translation”. Available at: https://rscf.ru/project/24-28-00942/.
For citation: Ayusheeva M. V. The Written Heritage of Vandan Yumsunov in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 712–724. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-712-724

1. Введение

Смена идеологических формаций, переход с монгольской письменности на латиницу, а затем на кириллицу в 20–30 гг. XX в. оставили большую часть дореволюционного письменного наследия бурятского народа в забвении. Помимо смены графики, постулировалось мнение о «феодальной» и «реакционной» сущности монгольской письменности, были отвергнуты не только сочинения буддийской направленности, но и художественные и исторические тексты [Дашиев 1997: 3]. Лишь некоторые произведения бурятских авторов были опубликованы и переведены на русский язык. Это касалось, прежде всего, летописей [Востриков, Поппе 1935; Казакевич 1935; Поппе 1936; и др.]. Следует признать, что изучение и публикация бурятских памятников на монгольской письменности остаются актуальной задачей в монголоведении, включающей поиск и атрибуцию текстов, расширение биографических сведений об авторах и их творчестве.

Среди таких известных бурятских летописцев, как Ш.-Н. Хобитуев, В. Юмсунов, Д.-Ж. Ломбоцыренов и др., следует выделить Вандана Юмсунова, автора «Истории происхождения народа одиннадцати отцов хоринских» (1875 г.). Данное произведение, состоящее из 12 глав, отличается своей системностью и объемным охватом материала по истории, верованиям, обрядам, административному устройству, землепользованию и пр. [Поппе 1935: 51–172]. В этом году исполняется 175 лет с даты ее написания. По оценке Ц. Б. Цыдендамбаева, оно пользовалось «*широкой популярностью среди читателей литературы на старомонгольской письменности*» [Цыдендамбаев 2001: 51]. Тем не менее остаются малоисследованными другие его работы, как и личность самого автора.

2. О биографии и творческом наследии В. Юмсунова (1818–1883)

Н. Н. Поппе, первый издатель и переводчик летописи В. Юмсунова, отмечал, что биографические сведения о нем крайне скудны [Поппе 1935: IX]. О Вандане Юмсунове известно, что он занимал должность головы цаганского рода хоринских бурят. Его отец Юмсун Уннуев перекочевал в Нижний Кодун из агинских степей, когда Вандан был еще ребенком [Цыдендамбаев 2001: 53–54]. Он обучался при протестантской миссии, после окончания которой служил писарем при Хоринской степной думе [Бадмаева 2007: 15–16].

Однако, согласно формулярному списку, хранящемся в Государственном архиве Республики Бурятия, в 1864 г. В. Юмсунову было 46 лет от роду, классного чина не имел, веры «*шигемуниламской*»[1], жалования не получал [ГА РБ.

[1] Т. е. буддийской.

Ф. 8. Оп. 2. Д. 170. Л. 258, 315–318]. Об образовании и службе сказано, что В. Юмсунов в учебных заведениях не был, а воспитывался у родителей. 26 марта 1830 г. поступил «*в Онинское бурятское приходское училище, где обучался монголо-русской и тибетской грамотам*» [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 170. Л. 258–259]. По окончании училища по выбору общества служил инородческим старшиной в течение трех лет — с 1835 г. по 1838 г. С 1838 г. по 1844 г. по предложению родоначальников был назначен письмоводителем в Цаганскую инородную управу. За успешное исполнение своих обязанностей по приказанию родоначальников всего Хоринского общества был назначен старшим писарем монгольских дел в Хоринской степной думе и проработал на этой должности в течение 11 лет, с 1844 г. по 1855 г. В частности среди лиц, подписавших юридический памятник «Хоринское положение 1851 г.», имеется печать В. Юмсунова, писаря Хоринской степной думы [Цибиков 1992: 110].

В 1855 г. по выбору общества инородцев цаганского рода и по предписанию военного губернатора Забайкальской области В. Юмсунов был утвержден на должность родового головы цаганского рода на 3 года. В формулярном списке отсутствуют данные о его переизбрании на должность головы, но имеется отметка, что в 1860 г. он был уволен с данной должности на 6 месяцев в связи с болезнью, а в 1862 г. из-за ухудшения состояния по предписанию военного губернатора Забайкальской области был уволен в бессрочный отпуск. Тем не менее 3 января 1863 г. по выбору всех родоначальников и почетных инородцев всего Хоринского общества и по предписанию господина военного губернатора Забайкальской области утвержден в «*приходрасходчики*» Хоринской степной думы на один год. После этого за усердное и исправное несение службы 5 марта 1864 г. был утвержден военным губернатором в «*приходрасходчиках*» еще на 3 года. В формулярном списке на 1864 г. В. Юмсунов записан как голова цаганского рода и «*приходрасходчик*» Хоринской степной думы.

За годы службы имел благодарности. Так, за оказание содействия в пути следования в 1850 г. в Амурский край сибирского линейного № 14 батальона и за пожертвования в пользу того же войска объявлена Высочайшая благодарность через генерал-губернатора Восточной Сибири от 26 мая 1852 г. [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 170. Л. 260об.–262]. 2 апреля 1856 г. получил благодарность от военного губернатора Забайкальской области «*за успешное препровождение и оказание содействия в проследовании с 1855 г. в Амурский край воинских команд пушек и якорей и других казенных тяжестей*» [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 170. Л. 260об.–262]. В 1861 г. также имел поощрения за «*бездоимочное взыскание с инородцев вверенного ему рода в 1859 и 1860 гг. казенных податей и других сборов*» [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 170. Л. 261об.–262]. «Благоприобретенное» имущество В. Юмсунова состояло из юрты, деревянного русского дома и других строений, а также крупного рогатого скота — 20 голов, лошадей — 10, овец и коз — 15. За его супругой Бальжид Бабаевой из родового имения числилось крупного рогатого скота — 25 голов, лошадей — 15, овец и коз — 30 [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 170. Л. 258об.].

В формулярном списке перечислены его дети: сын Соло — 15 лет, родился 17 сентября 1849 г., дочери: Балма — 17 лет, родилась 2 июля 1847 г., Долма — 11 лет, родилась 6 августа 1854 г. Отмечено, что дочери находятся при родителях,

а сын обучается в Верхнеудинском уездном училище[1]. Таким образом, рассмотренные документы позволяют уточнить некоторые биографические сведения. Свои работы он подписывал как «*бывший голова, шуленга цаганского рода Хоринского ведомства Вандан Юмсунов, по другому имени генин Лубсан-Цыден-Доржи Тарбаев*» (*qori-yin medel-un čaγan obuγ-un uridan-u γoloba šiülengge vangdan yümsüng-ü nögüge nere-ber genin lubsang čeden dorji tarba-yin*)[2].

Из опубликованного письменного наследия, прежде всего, следует назвать объемное произведение «История происхождения народа одиннадцати отцов хоринских», датированное 1875 г. Первая научная публикация данного труда была осуществлена в 1935 г. на монгольской письменности и в 1940 г. — в переводе на русский язык [Поппе 1935; Поппе 1940]. Н. Н. Поппе дал высокую оценку источнику, «*имеющему большое значение не только как материал для истории, но и как этнографический материал, особенно в части описания бурятского шаманства*» [Поппе 1935: 51]. К публикации монгольского текста 1935 г. Н. Н. Поппе были привлечены два списка из коллекций Санкт-Петербурга: рукописи из коллекций Ц. Ж. Жамцарано и А. М. Позднеева. В колофоне изданного текста отмечено, что данный список был снят без малейших упущений в полном соответствии с экземпляром, принадлежащим хамбо-ламе Иролтуеву, который в свою очередь был снят со списка, выполненного засулом цаганского рода Хоринского ведомства Шагдур-Жапом Вандановым, т. е. сыном Вандана Юмсунова, известного также как Соло Ванданов [Поппе 1935: 172].

В 2007 г. Л. Б. Бадмаева опубликовала результаты исследования лексических и синтаксических особенностей языка летописи В. Юмсунова. Ею были отмечены информативная ценность и оригинальный стиль «*замечательного труда по истории хоринских бурят*», в котором «*отражены колорит, богатство, выразительность бурятского языка*» [Бадмаева 2007: 14–15]. В монографию, помимо исследования, вошли транслитерация, перевод с комментариями и переиздание монгольского текста.

В 1962 г. был опубликован улигер «Эрдэмтэ соохор моритой», или «Эрилтэй хаан», подготовленный к печати Ц.-А. Дугарнимаевым на современном бурятском языке [Юмсунов 1962а: 114–154]. Перевод улигера на русский язык под названием «Волшебный конь» был выполнен Цыбикжапом Балдано [Юмсунов 1962б: 119–138]. В предисловии к изданию Ц.-А. Дугарнимаев пояснил, что данный улигер был обнаружен писателем Ж. Балданжабоном во время совместной экспедиции с канд. филол. наук Н. О. Шаракшиновой в агинские степи в 1959 г. Рукопись хранилась у Цэдэбэй Цэбэна из с. Цокто-Хангил, которому она была подарена вдовой Г. Цыбикова — Лхамой Норбоевой в 1955 г., а ей ее передал свекор Монтуу Цыбик в 1910 г. Согласно колофону, улигер был записан В. Юмсуновым по памяти 22 сентября 1878 г. [Юмсунов 1962а: 114, 154].

---

[1] Согласно ревизской сказке цаганского рода за 1850 г., среди детей головы Банды, сына Юмсона Огноева, указаны дети: сын Вампил — 4 года, и две дочери: Гарма — 15 лет и Балму — 3 года. В ревизской сказке 1858 г. записаны дети: сын Вампил — умер в 1855 г., сын Солу — 8 лет, дочери: Балму — 11 лет и Ванчик — 5 лет [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 106. Л. 9об.–10, 36об.–37].

[2] Чаще встречается короткий вариант — «*бывший голова цаганского рода Вандан Юмсунов*». Данная подпись относится к периоду после 1866 г., когда он был вынужден оставить должность родового головы и приходрасходчика Хоринской степной думы в связи с утратой вверенных ему денежных средств [ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 181. Л. 240–260].

Указанные два сочинения В. Юмсунова — летопись и улигер — неоднократно переиздавались[1]. Менее известны два других исторических сочинения бурятского автора: «Воспоминания о радостном часе, когда в кочевья Южнобайкальской области в 1873 г. соизволил прибыть великий князь Алексей Александрович — третий сын великого государя-императора, ныне благополучно царствующего Александра II Николаевича» и «Поездка в 1876 г. в Санкт-Петербург главного хоринского тайши Цыдыпа Бадмаева и главы хуацайского рода Цыден-Доржо Аюшиева» [Annotated catalogue 2004: 29–30]. Первый текст привлекался Л. Б. Бадмаевой для анализа эмотивной лексики [Бадмаева 2023], а второй был издан в транслитерации на кириллице Ц.-А. Дугарнимаевым в 1986 г. [Дугар-Нимаев 1986: 152–165].

Письменное наследие В. Юмсунова также включает переводы с русского языка и бурятские генеалогии. В частности в монгольском фонде Института восточных рукописей РАН хранится «Генеалогическая таблица хальбинского рода, происшедшего от Нагатай — третьей жены Хори» [Пучковский 1957: 92]. О том, что в кругу интересов В. Юмсунова были бурятские генеалогии, неоднократно отмечено в «Истории происхождения народа одиннадцати отцов хоринских», где им широко привлекались родословные записи для изложения истории назначения и поощрения административных лиц [Поппе 1935: 130], а в конце сочинения высказано желание дальнейшего составления бурятских родословных для выяснения о милостях и наградах, высочайше пожалованных за усердие в исполнении должностных обязанностей агинским нойонам [Бадмаева 2007: 371].

3. Творческое наследие Вандана Юмсунова

В Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ЦВРК) представлены несколько сочинений В. Юмсунова. Прежде всего, это списки «Истории происхождения народа одиннадцати отцов хоринских» (qori-yin arban nigen ečige-yin ǰon-u uγ iǰaγur-un tuγuǰi), хранящиеся в Монгольском фонде [Annotated catalogue 2004: 8, 11, 16–17]. Две единицы хранения с историческими заметками: о поездке в Санкт-Петербург и о посещении Забайкалья великим князем, а также перевод «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» [Annotated catalogue 2004: 29–30, 56].

3.1. Списки «Истории происхождения народа одиннадцати отцов хоринских»

В монгольском фонде ЦВРК хранится несколько списков «Истории происхождения народа одиннадцати отцов хоринских» В. Юмсунова, разной степени полноты и сохранности. Это рукописи под инвентарными номерами: М-I-13, М-I-31, М-I-56, М-I-64. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

1. Рукопись М-I-13 написана на 16 листах размером 20 х 32 см коричневыми чернилами. Сохранность документа удовлетворительная, правые края листов потрепаны. Текст представляет собой список сочинения В. Юмсунова с некоторыми отступлениями от опубликованного варианта [Поппе 1935: 53–172]: встречаются пересказ фрагментов, замена слов; не соблюдается деление на

[1] Данная летопись на русском языке была переиздана в 1995, 2011, 2022 гг. [БЛ 1995; БЛ 2011; БЛ 2022], на бурятском языке вошла в сборник «Буряадай туухэ бэшэгууд» [БТБ 1992].

пункты; отсутствуют третья, шестая, десятая и одиннадцатая главы; четвертая, шестая, девятая главы даны в сильно сжатом варианте; отличаются названия глав (например, глава 4 в издании Л. Б. Бадмаевой звучит как «Об управлении, бывшем изначала и впоследствии» («angqan-ača qoyisi boluγsan ǰakirγ-a-yin učira») [Бадмаева 2007: 253, 334], в рассматриваемом варианте — «О всяком управлении» («aliba ǰakirγ-a-yin ǰüil») [ЦВРК. М-I. Д. 13. Л. 7v]) и пр. В списке отсутствует колофон, нет указаний на время составления и имя переписчика. Почерк небрежный. Данный список представляет интерес не только в текстологическом плане как оригинальное изложение ряда мест, но и для сравнительного анализа в написании имен и дат. Например, в 8-й главе в опубликованном варианте написано: «*После 1773 г. в каждой местности были построены дацаны*» [Бадмаева 2007: 269, 352], а в М-I-13 указан 1830 г. [ЦВРК. М-I. Д. 13. Л. 11r]. Нужно отметить ценность различных списков одного и того же сочинения для адекватного прочтения неясного написания, уточнения дат и имен, в то же время для характеристики бытования книжно-рукописной традиции бурятского народа.

2. Тетрадь М-I-31 на 56 листах, размером 16,5 х 21,5 см. Сохранность средняя, имеются разрывы бумаги, подтеки. Данный список по своей структуре практически полностью следует опубликованному варианту [Поппе 1935: 53–172], включая деление на пункты. Тем не менее по тексту встречаются разночтения и дополнения. Например, вторая глава «О религиозных верованиях» («šasin mörgül-ün učira») в данном источнике названа «О распространении буддизма» («burqan-u sasin kerkiǰü delgeregsen-ü učira»), что более соответствует содержанию главы. По тексту содержатся информативные вставки, дополняющие некоторые факты. Например, в 18-м пункте 3-й главы «О шаманстве» в рукописи М-I-31 между строк вписаны дополнительные слова (выделены жирным шрифтом): *ger-ün toona-bar nige **[urtu]** bedegün **[gečegüü abči müser tegüs qosu]** modon-i oruγulan* ‘В дымовой круг юрты вставляют одно [**длинное**] толстое [**трудно вынимаемое со многими ветками**] дерево [**березу**]’[1] [ЦВРК. М-I. Д. 31. Л. 21r]. Переписчик включал некоторые подробности, которые могли быть неизвестны на момент написания В. Юмсуновым своего произведения либо были упущены при переписывании. Например, в отрывке, посвященном потомкам тайши Шодо Болторикова, отмечено, что сын Тарбы Лхашид в настоящее время является заседателем [ЦВРК. М-I. Д. 31. Л. 34r]. По тексту встречаются подчеркивания синим карандашом отдельных слов, переводы глав на русский язык, а на последнем листе имеется запись «*Вандан Жойсанов*[2]*. История хоринских 11 родов бурятов*».

Согласно колофону, данная версия является копией со списка, принадлежащего Шагдур-Жапу, т. е. Соло, Ванданову. Здесь отсутствует указание на экземпляр хамбо Иролтуева, с которого была снята копия, опубликованная Н. Н. Поппе в 1935 г.

3. Рукопись М-I-56 написана черными и фиолетовыми чернилами на 32 листах, размер бумаги 22 х 35 см. Данный список, как и предыдущий, по своей структуре следует опубликованному варианту. Однако наличие исправлений и зачеркиваний свидетельствует о некоторой «редакторской» правке, а не о простой работе переписчика, снятии копии для собственного чтения. Например, пункты 51 и 52 в главе о шаманизме зачеркнуты, а после 50 пункта вписана пометка:

[1] Здесь и далее переводы автора.

[2] Вероятно, неправильное прочтение фамилии Юмсунов.

«*Лучше закончить здесь*» [ЦВРК. М-I. Д. 56. Л. 34]. Последний лист, содержащий пункты 16–20 двенадцатой главы, плохо читаем. Колофон отсутствует. О владельце списка можно судить по записи на русском языке на первом листе «*История Жинба Бадмаеву*» [ЦВРК. М-I. Д. 56. Л. 1].

4. Рукопись М-I-64 выполнена черными чернилами и карандашом на 16 тетрадных листах в линию. На титульном листе приведено краткое название сочинения «Qori 11 ečige-yin uγ-un bičig. egün-ü čaγan otuγ-tan-u γoloba siülingge vangdan yünčüng-ün ǰokiyal» и его русский перевод — «История 11 родов хори-бурят (сочинение Вандан Юмсуней – хори-бурята рода цаган)» [ЦВРК ИМБТ. М-I-64. Л. 1]. Здесь же имеются многочисленные надписи — «*Николаев Илья Петрович*», вероятно, указывающие на владельца. Данная тетрадь представляет собой неполный список с работы В. Юмсунова: переписаны 1, 2 и 4-я главы, при этом вторая глава содержит первые четыре пункта вместо 63, полностью опущена третья глава. Непонятные слова, как правило, это кальки с русского языка. Они записаны либо на русском языке без монгольского текста («*граф Рагузинский*», «*правительство*», «*февраль*», «*провинциальной*», «*доверенные*»), либо монгольское написание имеет разъяснения-переводы (*čiling* ‘член’, *biibornoi* ‘выборной’ и др.). Подобные моменты, наряду с ошибками, описками и в целом неуверенным почерком, позволяют заключить, что данный экземпляр летописи В. Юмсунова мог быть переписан кем-то, начинающим изучать монгольскую письменность, и являлся учебным текстом.

3.2. Сочинение В. Юмсунова мемуарного жанра

В 1873 г. великий князь Алексей Александрович возвращался через Забайкалье из морского путешествия. В летописях хоринских бурят упоминалось о встрече важного гостя при Анинском дацане и отмечался факт поднесения ему ходатайств [БЛ 1995: 53; Бадмаева, Очирова: 2018: 258]. Вандан Юмсунов посвятил этому событию отдельное повествование «Воспоминания о радостном часе, когда в кочевья Забайкальской области в 1873 г. соизволил прибыть великий князь Алексей Александрович — третий[1] сын великого государя-императора, ныне благополучно царствующего Александра II Николаевича» [Сазыкин 1998: 123]. Л. Б. Бадмаева отнесла данный источник к мемуарному жанру, отмечая, что сочинение обладает такими признаками, как достоверность, документальность и личное участие автора в описываемом событии [Бадмаева 2023: 2].

В монгольском фонде ЦВРК хранится рукопись М-I-57 на 14 листах, содержащая, помимо вышеназванной заметки, в которой подробно освещены подготовительные мероприятия, маршрут великого князя и сама встреча, еще ряд документов, связанных с посещением Забайкалья Алексеем Александровичем. Прежде всего, это три прошения на высочайшее имя. В первом говорится о том, что в 1872 г. зайсан Шираб-Нинбу Хобитуев отправился с ходатайством к императору по вопросу о притеснениях буддийской веры. Оно подписано 7 июня 1873 г., от имени всего хоринского народа обращался Зодбо Доржиев [ЦВРК. М-I. Д. 57. Л. 5г]. Во втором адресе высказаны верноподданические чувства и пожелания крепости российскому престолу. Отмечено, что день встречи — 7 июня запомнится как весьма радостный для всех (монг. *qamuγ-a yeke bayasqulang geyigülügči edür*). От имени всего хоринского народа обращался зайсан Зодбо

[1] Алексей Александрович (1850–1908) — четвертый сын императора Александра I, после Николая (1843–1865), Александра (1845–1894), Владимира (1847–1909).

Балданов [ЦВРК. М-I. Д. 57. Л. 5r–5v]. Третье прошение было подготовлено, но не подано, поскольку осталось непереведенным «*за неимением хорошего переводчика*» [ЦВРК. М-I. Д. 57. Л. 10v]. Это обширный текст, включающий историю хоринского народа от вхождения в российское подданство, список их кочевий, прав, пожалованных грамотой Петра I, административные реформы, учреждения инородных управ, численность населения по ревизиям, а также права и привилегии, дарованные российскими монархами. Упоминается участие хамбо-ламы Д.-Д. Заяева в составлении нового уложения согласно манифесту Екатерины II [ЦВРК. М-I. Д. 57. Л. 5v–10v].

Далее на л. 11r–11v сообщается о событиях, произошедших после памятного мероприятия: во-первых, Алексей Александрович пожаловал личный портрет — фотокарточку главному тайше Б. Очирову, которая была передана генерал-адъютантом и вице-адмиралом К. Н. Посьетом через исполнявшего должность окружного исправника Т. М. Поротова; во-вторых, в «Иркутских губернских ведомостях» и «Забайкальских областных ведомостях» была опубликована благодарственная телеграмма от императора. В конце этой части указано, что текст переписал Жинба Бадмаев с варианта Соло Ванданова, который в свою очередь списал с перевода Ш.-Н. Хобитуева.

В деле также присутствуют следующие тексты: партикулярное письмо агинского главного тайши, губернского секретаря и кавалера Тугулдур Тобоева к хоринскому главному тайше Б. Очирову, датированное июнем 1873 г., о том, как встречали великого князя агинские буряты; сообщение, записанное со слов пандита хамбо-ламы Шойдора Мархаева о встрече великого князя Алексея Александровича; заметки о пребывании князя в Верхнеудинске и в Иркутске [ЦВРК. М-I. Д. 57. Л. 11v–14v].

В колофоне рукописи, датированной 2 марта 1880 г., сказано, что она была переписана в г. Верхнеудинске с экземпляра Жинбы Бадмаева из хальбинского рода, который 20 ноября 1873 г. в точности переписал с оригинала Вандана Юмсунова. Однако, как следует из примечания на л. 11v, не все документы были переведены лично Ванданом Юмсуновым.

3.3. Сочинение жанра хождений

В 1876 г. в Санкт-Петербурге состоялся третий международный съезд ориенталистов, в котором приняли участие главный хоринский тайша Цэдэб Бадмаев и голова зун-хуацайского рода Цэрэн-Доржи Аюшиев. В. Юмсунов посвятил описанию их поездки небольшое сочинение. Данный текст из фонда ЦВРК представляет собой рукопись на 10 листах. Титульный лист отсутствует, полное название приведено на л. 1r: *biden-ü qori-yin arban nigen ečige-yin aqalači tayiša (glavnoi rodanačilnig čedeb badm=a-yin bolun, ǰegün qovačai otuγ-un qolov=a siülingge čeren dorǰi ayusi-yin ede qoyarun 1876=duγar on-du eǰen-ü sangpeterbürge neyislel qorod ǰorin ayalaγsan-u učara qoyitus čaγ-ud ǰalaγus arad-dur, durasqal bolqu maγad boluγuǰai kemen üǰegsen ba, sonusuγsan-iyan temdeglekü minü eyin* ‘Таковы мои заметки о прослушанном и увиденном, считая, что в последующие времена молодым людям, возможно, будет памятным то, как наших хоринских одиннадцати родов старший главный тайша, родоначальник Цэдэб Бадмаев и шуленга, голова зун-хуацайского рода Цэрэн-Доржи Аюшиев, вдвоем, в 1876 г. съездили в государев город, столицу Санкт-Петербург‘ [ЦВРК. МФ. М-1. Д. 58. Л. 1r–9r].

Источниками для написания послужили, помимо устных рассказов тайши Ц. Бадмаева и шуленги Ц.-Д. Аюшиева, путевой журнал, а также архивное дело, о создании которого упомянуто в заключении, включавшее всю переписку, поданные петиции и другие документы. О составе дела можно проследить по повествованию В. Юмсунова. Так, изначально было получено партикулярное письмо от забайкальского областного прокурора, коллежского советника Н. П. Скриникова с приглашением прибыть в Читу. Во время этой поездки состоялась встреча с военным губернатором Забайкальской области генерал-майором И. К. Педашенко, на которой было объявлено о решении отправить Ц. Бадмаева в Санкт-Петербург на съезд ориенталистов. О проведении данного мероприятия военному губернатору было сообщено письмом от 28 февраля 1876 г. за номером 1043 от генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-адъютанта барона П. А. Фредерикса вместе с копией письма от председателя ученого комитета В. В. Григорьева от 21 января за номером 238. Далее по тексту В. Юмсунов скрупулезно отмечал все полученные и поданные документы. В колофоне отмечено, что 21 октября 1883 г. хальбинского рода инородец Жинба Бадмаев в точности переписал с оригинальной рукописи, написанной бывшим головой цаганского рода Ванданом Юмсуновым 15 января 1877 г.

3.4. Переводы на русский язык

Вандан Юмсунов по долгу службы переводил многие документы и труды, которые, возможно, и сохранились в разных хранилищах, но не определены его авторством.

Среди представленных в монгольском фонде ЦВРК можно назвать три списка перевода «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», проект которого был отпечатан в типографии II отделения собственной его императорского величества канцелярии в 1841 г. (*Doruna jüg-ün sibiri-yin negüüdel busutörülten-ü ködüge qauli-yin neyilegülelte amui*) [Annotated catalogue 2004: 55–56].

В колофонах двух единиц хранения (М-1-755 и М-1-756) указано, что прежний голова, шуленга цаганского рода Вандан Юмсунов перевел с русского печатного экземпляра вместе с приложениями, сопоставив «*русский печатный смысл*» с современным разговорным языком. Дата окончания перевода обозначена как 31 августа 1878 г. [ЦВРК. МФ. М-1. Д. 58. Л. 6г].

Также на л. 9г–10г вышерассмотренной единицы хранения М-I-58 содержится перевод письма, датированного 20 марта 1877 г. Доктор С. Унтербергер сообщал Ц. Бадмаеву о своей деятельности в Черногории, куда он был отправлен для помощи славянским народам на пожертвования, сделанные в том числе и бурятскими делегатами во время поездки в Санкт-Петербург. В сочинении В. Юмсунова «Поездка в 1876 г. …» описаны как факт личного знакомства адресатов и обстоятельства поднесения денежных средств, так и последовавшие благодарности [ЦВРК. МФ. М-1. Д. 58. Л. 6г].

4. Заключение

Творческое наследие Вандана Юмсунова разнообразно по тематике. Его авторские сочинения можно разделить на два больших блока: исторические и фольклорные работы. Его стилю присуща скрупулезность при описании исторических событий, включение большого числа отсылок на документальные

свидетельства. Анализ биографических сведений и колофонов его сочинений позволяет заключить, что творческая деятельность относятся к периоду, когда он оставил службу, о чем свидетельствует и подпись «*бывший голова*» (*urida-yin yoloba*). Образование и долгие годы службы при родовой управе и Хоринской степной думе способствовали сбору обширного материала для собственных сочинений, прежде всего летописи хоринских бурят. В. Юмсунов является продолжателем традиции составления сочинений о происхождении и истории хоринских родов, но в то же время в его письменном наследии присутствуют новые жанры, такие как мемуары и хождения. Он одним из первых авторов стал записывать улигеры. Изучение и ввод в научный оборот творчества Вандана Юмсунова дополняют исследования по языку, истории и культуре бурятского народа.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

The State Archive of the Republic of Buryatia.

The Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Литература

Бадмаева 2007 — *Бадмаева Л. Б.* Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. (исследование, текст, транслитерация, перевод, комментарии). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.

Бадмаева 2023 — *Бадмаева Л. Б.* Эмотивная лексика в мемуарном сочинении Вандана Юмсунова [электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 12(48). URL: https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.3 (дата обращения: 09.04.2025). DOI: 10.18454/RULB.2023.48.3

Бадмаева, Очирова 2018 — *Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н.* Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.

БЛ 1995 — Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ: Курумканская типография, 1995. 199 с.

References

Badmaeva L. B. The Chronicle of Vandan Yumsunov as a Monument of the Written Culture of the Buryats of the 19th Century (research, text, transliteration, translation, comments). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2007. 396 p. (In Russ. and Mong.)

Badmaeva L. B. Emotive Vocabulary in Vandan Yumsunov's Memoir Essay. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. No. 12(48). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnaya-leksika-v-memuarnom-sochinenii-vandana-yumsunova (accessed: 09 April 2025). (In Russ.)

Badmaeva L. B., Ochirova G. N. The Chronicle of Sh.-N. Khobituev as a Monument of Written Culture of the Buryats. Ulan-Ude: Belig, 2018. 288 p. (In Russ.)

Chronicle of Buryats Sh. Chimitdorzhiev, Ts. Vanchikova (Purbueva) (comp.). Ulan-Ude: Kurumkan Printing House, 1995. 199 p. (In Russ.)

БЛ 2011 — Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева / 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 224 с.

Chronicle of Buryats Sh. Chimitdorzhiev, Ts. Vanchikova, M. Ayusheeva (comp.). Ulan-Ude: Republican Printing House, 2011. 224 p. (In Russ.)

БЛ 2022 — Бурятские летописи / 3-е доп. изд.; сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. 296 с.

Chronicle of Buryats Ts. Vanchikova, Sh. Chimitdorzhiev (comp.). Ulan-Ude: NovaPrint, 2022. 296 p. (In Russ.)

БТБ 1992 — Буряадай түүхэ бэшэгүүд (= Бурятские летописи). Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. 240 н.

Chronicle of Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1992. 240 p. (In Bur.)

Востриков, Поппе 1935 — *Востриков А. И., Поппе Н. Н.* Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследование. М.; Л.: АН СССР, 1935. 75 с.

Vostrikov A. I., Poppe N. N. Chronicle of the Barguzin Buryats. Texts and Research. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 75 p. (In Mong.)

Дашиев 1997 — *Дашиев Д. Б.* Бурятская дидактическая литература: проблемы жанрового состава: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1997. 15 с.

Dashiev D. B. Buryat Didactic Literature: Problems of Genre Composition. Cand. Sc. (Philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 1997. 15 p. (In Russ.)

Дугар-Нимаев 1986 — *Дугар-Нимаев Ц.-А.* Источники по истории бурятской литературы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 192 с.

Dugar-Nimaev Ts.-A. Sources of the History of Buryat Literature. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1986. 192 p. (In Bur.)

Казакевич 1935 — Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева / текст издал В. А. Казакевич. М.; Л.: АН СССР, 1935. 125 с.

Kazakevich V. A. Chronicles of the Khori Buryats. Is. 2. Chronicle of Shirab-Nimbo Khobituev. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 172 p. (In Russ. and Mong.)

Поппе 1935 — Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / текст издал Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1935. 172 с.

Poppe N. N. Chronicles of the Khori Buryats. Is. 1. Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 172 p. (In Russ. and Mong.)

Поппе 1936 — Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова. 1868 г. / текст издал Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1936. 55 с.

Poppe N. N. Chronicles of the Selenga Buryats. Is. 1. Chronicle of Ubashi Dambi Jaltsan Lombo Tserenov. 1868. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 55 p. (In Russ. and Mong.)

Поппе 1940 — Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1940. 108 с.

Poppe N. N. Chronicles of the Khori Buryats. Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 108 p. (In Russ.)

Пучковский 1957 — *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. История, право. М.; Л.: АН СССР, 1957. 277 с.

Puchkovsky L. S. Mongolian, Buryat-Mongolian and Oirat Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies. Vol. 1. Istoriya, Pravo. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 277 p. (In Russ.)

Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 508 с.

Sazikin A. G. Catalog of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. I. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 508 p. (In Russ. and Mong.)

Цибиков 1992 — *Цибиков Б. Д.* Обычное право хоринских бурят. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

Tsibikob B. D. Customary Law of the Khory Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1992. 312 p. (In Russ. and Mong.)

Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 256 с.

Tsydendambayev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2001. 256 p. (In Russ.)

Юмсунов 1962а — *Юмсунов В.* Эрдэмтэ соохор морин // Байгал. № 4. 1962. С. 114–154.

Yumsunov V. Erdemte Sookhor Moritoi. *Baigal.* 1962. No. 4. Pp. 114–154. (In Bur.)

Юмсунов 1962б — *Юмсунов В.* Волшебный конь // Байкал. № 4. 1962. С. 119–138.

Yumsunov V. The Magic Horse. *Baikal.* 1962. No. 4. Pp. 119–138. (In Russ.)

Annotated catalogue 2004 — Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. T. Vanchikova. Sendai: 2004. 310 p.: ill.

Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; T. Vanchikova (ed.). Sendai: 2004. 310 p.(In Eng.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 725–737, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-725-737

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 294.321+930.253+821.51

UDC 294.321+930.253+821.51

«Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом» из ойратского рукописного сборника D 22 (по материалам коллекции А. М. Позднеева, хранящейся в Институте восточных рукописей РАН)

Деляш Николаевна Музраева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

"The Shastra preached by Usun-Debiskertu Khan" from the Oirat Manuscript Collection D 22 (Based on Materials from the A. M. Pozdneev Collection, stored at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS)

Deliash N. Muzraeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025
© Музраева Д. Н., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Muzraeva D. N., 2025

Аннотация. *Введение*. Ойратский сборник D 22 из коллекции видного российского монголоведа А. М. Позднеева, хранящейся в Институте восточных рукописей РАН, является одним из образцов текстов, привезенных ученым из поездки в Монголию и Китай. Наряду с путевыми записями и дневниками рукописные и печатные тексты были использованы им в подготовке фундаментальных трудов по монголистике. Не менее значима их роль в работе по составлению учебной литературы (букварей, хрестоматий) и лексикографических трудов. *Цель* статьи — представить состав рукописного сборника D 22, дать описание одного из сочинений из указанного сборника под названием «Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом». *Материалы*. Текст из разряда шастр, включенный в рукописный сборник D 22 («Ösün debeskirtü xāni nomloqson šaštar orošibüi»), а также другие сходные тексты, зафиксированные в каталогах монгольских коллекций Института восточных рукописей РАН А. Г. Сазыкина и восточной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета В. Л. Успенского. *Результаты.* Анализ состава и содержания рукописного сборника D 22 из коллекции А. М. Позднеева показал, что в нем представлены тексты шастр, являющиеся образцами особого жанра буддийской дидактической литературы. Проведен анализ содержания шастры, выполнен перевод фрагментов из него, сочетающих в себе светское и религиозное начала. Включение монгольских и ойратских переводов шастры в состав сборников

(подборок) текстов свидетельствует об их популярности среди монгольских народов благодаря их нацеленности на то, чтобы обучить людей «правилам жизни», а ханов и правителей — разумному поведению и науке управлять государством.
Ключевые слова: буддизм, письменные памятники, коллекция А. М. Позднеева, ойратский сборник D 22, «Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом»
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Музраева Д. Н. «Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом» из ойратского рукописного сборника D 22 (по материалам коллекции А. М. Позднеева, хранящейся в Институте восточных рукописей РАН) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 725–737. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-725-737

Abstract. *Introduction*. The Oirat collection D 22 from the collection of the prominent Russian Mongolian scholar A. M. Pozdneev, kept at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, is one of the text samples brought back from his trip to Mongolia and China. Along with travel notes and diaries, handwritten and printed texts were used in the preparation of fundamental works on Mongolian studies. The aim of this article is to present the composition of the manuscript collection D 22 and to describe one of the works from this collection, entitled "The Shastra Preached by Usun-debeskirtü Khan". *Materials*. A shastra-like text included in the manuscript collection D 22 (Ösün debeskirtü xāni nomloqson šaštar orošibüi), as well as other similar texts recorded in the catalogues of the Mongolian collections of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences by A. G. Sazykin and the Oriental Library of St. Petersburg State University by V. L. Uspensky. *Results*. An analysis of the composition and content of manuscript collection D 22 from A. M. Pozdneev's collection revealed that it contains shastra texts that are examples of a distinct genre of Buddhist didactic literature. The content of the shastra was analyzed, and fragments combining secular and religious principles were translated. The inclusion of Mongolian and Oirat translations of the shastra in these collections (selections) testifies to their popularity among the Mongolian peoples due to their focus on teaching people the "rules of life," and khans and rulers rational behavior and the science of governing the state.
Keywords: Buddhism, written monuments, A. M. Pozdneev's collection, Oirat manuscript collection D 22, "The Shastra Preached by Usun-debeskirtü Khan"
Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 "Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China"
For citation: Muzraeva D. N. "The Shastra preached by Usun-Debiskertu Khan" from the Oirat Manuscript Collection D 22 (Based on Materials from the A. M. Pozdneev Collection, stored at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 725–737. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-725-737

1. Введение. О монгольских и ойратских письменных источниках коллекции А. М. Позднеева

Рукопись под шифром D 22 является одним из письменных образцов текстов на ойратском языке из коллекции выдающегося российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Пе-

тербургского университета Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920), хранящейся в Институте восточных рукописей РАН (далее — ИВР РАН). Рукописи на монгольских языках были описаны и включены в каталог, подготовленный А. Г. Сазыкиным [Сазыкин 1988]. В предисловии к этому изданию автор-составитель отмечал, что коллекция поступила в Азиатский музей уже после смерти А. М. Позднеева, т. е. после 1920 г. [Сазыкин 1988: 13]. Эта коллекция включает 413 единиц хранения и состоит из тибетских, монгольских и ойратских текстов. Относительно ойратских письменных источников (87 единиц хранения) А. Г. Сазыкин писал, что они существенно пополнили ойратскую часть собрания Азиатского музея [Сазыкин 1988: 13]. Рукопись D 22 в настоящее время хранится в монгольском фонде ИВР РАН [Сазыкин 1988: 13].

Краткое описание фонда А. М. Позднеева, в который вошли материалы 1877–1920 гг., свидетельствует о широком круге интересов классика монголоведения [Кульганек 2003: 24]. Как отмечают исследователи жизни и научной деятельности А. М. Позднеева, собирать книги на восточных языках он начал еще в студенческие годы. Так, во время пребывания в калмыцких степях Астраханской губернии (1874 г.) [Иориш 2003: 27] им были приобретены тексты на ойратском языке для библиотеки Санкт-Петербургского университета [Успенский 2003: 19].

Ценные письменные источники были привезены А. М. Позднеевым из первой его поездки по Монголии в составе экспедиции известного путешественника Г. Н. Потанина в 1876–1877 гг. [Шастина 2003: 8]. Книги и рукописи приобретались А. М. Позднеевым также и во время последующего пребывания в Монголии и Китае в 1877–1879 гг., когда ему представилась возможность изучать жизнь и быт монголов. Описание этих источников сделано профессором Санкт-Петербургского государственного университета (далее — СПбГУ) В. Л. Успенским [Успенский 2003: 19–23]. Более подробное описание образцов текстов из коллекции А. М. Позднеева содержится в каталоге монгольских рукописей и ксилографов восточного факультета СПбГУ [Uspensky 2001].

По замечаниям биографов А. М. Позднеева, из своих поездок в Монголию и Китай ученый привозил не только рукописные и печатные тексты, но и путевые записи, дневники, которые в дальнейшем были использованы им в подготовке фундаментальных трудов по монголистике [Шастина 2003: 8]. Хорошо известна деятельность А. М. Позднеева по налаживанию обучения в калмыцких школах в 1880-е гг. Записанные в калмыцких степях тексты сказок, собранные материалы о быте калмыков, а также образцы ойратских рукописей послужили материалом для учебных (букварей, хрестоматий) и научных трудов. Как отмечает Н. П. Шастина, многие из собранных текстов вошли в изданную в 1892 г. «Калмыцкую хрестоматию», переизданную в 1907 г. [Калмыцкая хрестоматия 1907], а также в «Монгольскую хрестоматию» [Позднеев 1900]. Интересно отметить, что во 2-м издании «Калмыцкой хрестоматии» в новом разделе «Буддийский катехизис» для изложения основ буддийского вероучения составителем было включено сочинение «Шастра „Украшение освобождения“» [Калмыцкая хрестоматия 1907: 173–195; Баянова 2012: 80]. Этот текст является одним из письменных источников, привезенных А. М. Позднеевым из поездки в Монголию в 1876–1878 гг. [Успенский 2003: 21]. Из предисловия к хрестоматии известно, что данный текст ранее был переложен с монгольского на калмыцкий язык Ламой донских калмыков М. Борманжиновым. При подготовке текста для

включения в хрестоматию его сверка была проведена А. М. Позднеевым при участии бакши Денисовского хурула Ш. Тепкина, а редакторская правка была выполнена гелюнгами под председательством бакши Богдан хурула О. Джунгруева [Калмыцкая хрестоматия 1907: III–IV; Бичеев 2022: 819].

Интересным фактом включения текстов шастр в хрестоматийные издания на «ясном письме» («тодо бичиг») может послужить «Калмыцкая хрестоматия», составленная Ш. Б. Болдыревым еще в 1906 г., но опубликованная лишь в 1927 г. в Праге [Калмыцкая хрестоматия 1927]. В начале 1920-х гг., как отмечают исследователи калмыцкой эмиграции, «*Прага стала отправной точкой творческого возрождения для многих русских эмигрантов, в том числе и для калмыков*» [Топалова 2019: 198]. По инициативе Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР), созданной в 1923 г., стал издаваться журнал «Хонхо» (письм.-калм. «Xongxo»), в 3-м номере которого и была напечатана хрестоматия Ш. Болдырева [Калмыцкая хрестоматия 1927]. В подборке текстов представлен текст «Усун дэбискерту хан» (ойр. «üsün debeskertü xān») [Калмыцкая хрестоматия 1927: 74–81]. Это издание расценивается исследователями старописьменной калмыцкой литературы первой публикацией данного сочинения на «ясном письме» [Бичеев 2019б: 831]. Давая характеристику текстам, отобранным Ш. Б. Болдыревым для его хрестоматии, Б. А. Бичеев отмечает, что большинство из них являются образцами дидактической литературы [Бичеев 2019а: 444].

Рукописные материалы на «ясном письме» («тодо бичиг») не только составляли основу хрестоматий, но и служили ценным источником при создании лексикографических трудов. Одним из них является составленный А. М. Позднеевым «Калмыцко-русский словарь» [Позднеев 1911]. В нем приводятся примеры не только из живой речи калмыков, но и из сочинений, пользовавшихся популярностью. Среди сочинений, на которые делались ссылки в словарных статьях, отмечены тексты из разряда шастр: «Sayin muügi šinǰilekü šastir» («Шастра, распознающая хорошее и плохое»; «Činggisiyin yesün ürlügüüdiyin šastir» («Шастра девяти орлёков (сподвижников) Чингис-хана»); «Erdeni šastir» («Драгоценная шастра») [Позднеев 1911: III].

Таким образом, тексты из коллекции А. М. Позднеева, привезенные из Монголии и Китая, наряду с дневниками и путевыми записями, сыграли важную роль в последующем написании основательных трудов по монголоведению и калмыковедению. Другим предназначением подобных образцов текстов стало их привлечение в составлении учебной литературы (букварей, хрестоматий) и лексикографических трудов. Эти тексты и в настоящее время продолжают оставаться объектом изучения источниковедов.

2. О тексте «Шастры, проповеданной Усун-дэбискерту-ханом» из рукописного сборника D 22

Рукопись D 22 на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») из собрания письменных источников ИВР РАН представляет собой сборник, включающий восемь самостоятельных произведений:

1. «Torolkitoni asorxü dosoal kemekē oršoba: skye bu gso tig» («Капля нектара, питающая живые существа»);
2. «Erdeni töriyin šaštar oršbui» («Шастра драгоценного закона»);
3. «Kümüni sayin muugi: kišiqtei kišiq ügiyigi: xān xatun-du zokistoi zokis ügeyigi ede bügüdeyigi üzekü bičiq» («Письмо-гадание о хороших и плохих [качествах]

человека, о том, счастлив он или несчастен, что подходит и что не подобает хану и ханше»);
4. «Ende arban γurban yeke tösimeliyin töröyin šaštir kemēkü» («Шастра закона (власти) тринадцати великих сановников»);
5. «Surγaliyin üye sübüsün erken kemēkü oršiboi» («Поучение-сургал „Жемчужные четки“»);
6. «Šüleqsen zuuntu orošoboi» («Сто стихотворных строф»);
7. «Ösün debeskirtü xāni nomloqson šaštar orošibüi» («Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом»);
8. «Caγan šel toli» («Белое хрустальное зерцало») [Šaštir].

В каталоге А. Г. Сазыкина эта подборка текстов включена в раздел «Литературные сборники» [Сазыкин 1988: 109 (№ 427)]. Два текста из этого сборника («Шастра драгоценного закона» и «Драгоценное украшение, разъясняющее „Каплю нектара, питающую живые существа“») были опубликованы ранее автором статьи [Музраева 2019; Музраева 2021]. На этот раз наше внимание привлекло сочинение под названием «Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом», отмеченное в приведенном выше перечне под № 7 [Šaštir]. В данной статье дана характеристика текстам шастр, рассмотрено содержание одной из шастр (Усун-дэбискерту-хана) из состава сборника D 22, выполнены переводы фрагментов из нее, отражающие основные идеи и назначение подобных текстов.

Списки и копии этого сочинения представлены как в рукописном собрании ИВР РАН, так и в библиотеке восточного факультета СПбГУ. Согласно каталогу А. Г. Сазыкина, в коллекции А. М. Позднеева представлены отдельные списки этого сочинения на монгольском языке, к примеру, «Шастра Усун дебискерту хана» (монг. «Usun debisker-tü qaγan-u šastir orosiba») [Сазыкин 1988: 82 (№ 301)].

Примечательно, что в коллекции восточной библиотеки СПбГУ имеется ойратский текст «Повести об Усун-дэбискерту-хане» (ойр. «Üsün debeskirtü xān: ulus irgen-dü nom yertüncüyin yoso üzüülkü caqta: arban xoyor tüšimed-lüge ügüüleldüqsen yosoni [...]»), согласно колофону переведенный Гуши Арья Дивой [Uspensky 2001: 332 (№ 423)].

Особо следует сказать о монгольском тексте под названием «Усун дебискерту хан. Закон, обговоренный с двенадцатью мудрецами по установлению власти религии и мира материального для государства и подданных» (монг. «Usun debesker-tü qaγan: ulus irgen-dür nom yirtincü qoyar-un törö-yi bayiγulqui-dur arban qoyar seče̊d-lüge ügüleldügsen yosun»), включенном в сборник (шифр Н 100), состоящий из текстов, связанных с личностью Чингис-хана [Сазыкин 1988: 105 (№ 416)]. В этом сборнике представлены такие сочинения, как «Наставления Чингис-хана своим младшим братьям и сыновьям», «Поучения Чингис-хана», а также «Легенда о царе Чакравартине» и выписки из «Субхашиты» (или «Сокровищницы назидательных речений» Сакья-пандиты) [Сазыкин 1988: 105]. Из простого перечня текстов, включенных в данный рукописный сборник на монгольском языке, становятся очевидными его предназначение и направленность на лиц, наделенных властью.

Нельзя обойти вниманием ойратские тексты, собранные Номто Очировым (1886–1960) среди калмыков Малодербетовского, Манычского и Ики-Цохуровского улусов Калмыцкой степи, куда он был командирован Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в 1909 г. [Очиров 2002а; Очиров 2002б].

В настоящее время эта коллекция хранится в ИВР РАН [Сазыкин 1988: 484]. В составе двух рукописных сборников из коллекции Н. Очирова представлены тексты «Usun debiskertü xān» («Повесть об Усун-дэбискерту-хане») [Очиров 2002а: 52; Очиров 2002б: 64], отмеченные и в каталоге А. Г. Сазыкина [Сазыкин 1988: 109 (№ 425 (5)); Сазыкин 1988: 82 (№ 302 (1))]. Тематика текстов, составивших ойратский рукописный сборник под шифром Е 90, в определенной степени перекликается с вышеупомянутым сборником на монгольском языке. Так, в ойратский сборник, помимо сочинения «Повесть об Усун-дэбискерту-хане», включены тексты «Субхашиты» в переводе Огторгуйн Далай рабджам Зая-пандиты и «Поучения Чингис-хана» [Сазыкин 1988: 108–109].

Анализ состава и содержания сборников текстов, подобных рукописи D 22, позволяет высказать точку зрения, что такого рода подборки текстов, в которых содержатся рекомендации относительно того, как следует править, исполнять обязанности хана, нойона, как должна вести себя супруга хана и др., могли представлять предмет чтения для представителей правящей знати. В отдельных текстах отсутствует указание на жанровую принадлежность, в редких случаях они определяются как «повесть» (*tuγuǰi*), но чаще всего эти тексты называются «шастрами» (монг. *šastir*, ойр. *šaštar*). Шастры (или нитишастры) относятся к особому жанру буддийской дидактической литературы. По замечанию монгольского ученого Д. Ёндона, в Тибете и Монголии «*имел широкое хождение и пользовался большой любовью ряд образцов древнеиндийской нитишастры*» [Ёндон 1989: 4]. По мнению исследователя, «*они были переведены на тибетский язык с санскрита в период между IX–XI вв., а на монгольский — приблизительно в первой половине XVIII в., в ходе работы над подготовкой к печати монгольского Данджура. Тибетские и монгольские переводы этих нитишастр приобретают сегодня особую ценность в силу того, что санскритские подлинники некоторых из них вовсе не сохранились в Индии, те подлинники, которые известны науке, лишь частично совпадают с тибетскими (а следовательно, и монгольскими) текстами*» [Ёндон 1989: 4]. Д. Ёндон также отмечает, что в индийской философии нитишастрой (или наукой руководства или правления) называют составную часть артхашастры, которая, как и дхармашастра и камашастра, с древнейших пор относится к основным ценностям (или целям) в жизни человека [Ёндон 1989: 4]. По мнению исследователей древнеиндийской литературы, нитишастры в узком смысле слова — это «*сборники стихотворных изречений, отличающихся утилитарной направленностью и призванных учить людей „правилу жизни“, „житейской мудрости“. Для царя или царских сыновей нитишастра была наукой о политике, наукой о разумном поведении царя*» [Гринцер 1963: 9; Сыркин 1972: 5].

Широкое «*распространение нитишастр в Тибете и Монголии не просто вызвало к жизни подражания*, — как отмечает Д. Ёндон, — *а привело к возникновению несколько иного жанра дидактической литературы. Этот жанр образовался в результате слияния местной и чужой традиций. Все произведения, написанные в нем, стали называться не нитишастрами, а „поучениями (шастрами) двух правил“. Два правила предполагали наличие в каждом сочинении двух начал — „светского и религиозного“*» [Ёндон 1989: 5].

Исследователем монгольской литературы Ц. Дамдинсурэном давно было подмечено, что еще до проникновения нитишастр и подражаний им в Монголию <…>, «*там имелась оригинальная дидактическая литература, весьма сходная*

по форме с индийскими и тибетскими сборниками изречений, известная в науке под общим названием „Поучения Чингис-хана“» [Ёндон 1989: 9]. Примером может послужить анонимное дидактическое стихотворение «Ключ разума», датируемое XIII в. [Дамдинсурэн 1957: 85].

Таким образом, анализ состава и содержания рукописного сборника под шифром D 22 из коллекции А. М. Позднеева показал, что в нем представлены тексты шастр, являющиеся образцами особого жанра буддийской дидактической литературы. Включение монгольских и ойратских переводов в состав сборников (подборок) текстов свидетельствует об их популярности среди монгольских народов благодаря их нацеленности обучить людей «правилам жизни», а ханов и правителей — разумному поведению и науке управлять государством.

3. О содержании «Шастры, проповеданной Усун-дэбискерту-ханом»

Согласно исследованиям старописьменной калмыцкой литературы, тексты, связанные с Усун-дэбискерту-ханом, известные под разными названиями, определяемые с точки зрения жанровой принадлежности как «история», «шастра», «закон», представляют собой наставления правителя Тибета Три Ралпачана (IX в.) [Бичеев 2019б: 831], адресованные двенадцати (в отдельных списках — тринадцати) сановникам. На основе анализа текстов «Истории Усун-дэбискерту-хана» Б. А. Бичеев отмечает, что эти наставления по форме и содержанию «*близки устной афористической поэзии и конструктивно выстроены по принципу противопоставления мудрого и глупого, хорошего и плохого, добродетельного и греховного*» [Бичеев 2019б: 831].

В колофонах ойратских текстов имеется указание на переводчика — Гуши Номин-хана, правителя кукунорских хошутов, и инициатора перевода — Кендулен Убаши, главу волжских хошутов [Бичеев 2019б: 830–831]. В тексте рассматриваемой шастры из состава рукописного сборника D 22 имеется краткий колофон, из которого следует, что «*по инициативе Номчи Кундулюн Хормусты хана закон, обговоренный с двенадцатью мудрецами, когда Усун-дэбискерту-хан давал наставления [относительно] власти религии и мира материального для государства и подданных, сделав шастрой, перевел на монгольский Арья Дива*» [Šaštir: л. 57a (9–13)].

Приведем некоторые цитаты из ойратского текста «Шастры, проповеданной Усун-дэбискерту-ханом», раскрывающие основные идеи, которые переданы Усун-дэбискерту-ханом, но также и сановниками (министрами). В тексте упоминаются имена восьми сановников (*Onistü γayixi cecen*, *Aγārtü cecen*, *Baqši cecen*, *Yudang cecen*, *Iqlü cecen*, *Oyitü cecen*, *Ödüi cecen*, *Delger buyantu cecen*), каждый из которых дает свои наставления.

В начале текста излагаются мысли о сути величия, при этом в приоритете — религиозное начало:

1.	bükü tende sör ǰib/xulang inü γurban zöyil büi: urida inü γurban erdeniyin sör (11) ǰibxülang: nökō inü xamügiyin ezen xāni sör ǰibxulang: γutu/γār inü ündüsün naγačü kigēd ulusdüki tüšimediyin sör ǰib/xulang:	Там существует три вида величия. В первую очередь, величие Трех драгоценностей (т. е. Будды, его Учения и сангхи). Следующее — величие хана (царя), владыки над всеми. Третье — величие основателя Нагарджуны, а также сановников государства (страны) [Šaštir: 50b (9–13)].

Далее дана характеристика хану и его подданным:

2.	xaan kümüni küselni yeke bolxula xamuq ulus ergen muüǰirxü:	Если желания хана будут велики, то государство и подданные придут в упадок [Šaštir: 51a (1–2)].

В наставлениях сановников, кратких и более пространных, затрагиваются разные моменты. К примеру, в речах сановника *Onistü yayixi cecen*-а перечисляются шестнадцать добродетельных деяний хороших (благочестивых) людей. Приведем несколько примеров из этого перечня:

3.	öbürēn medekü bayitüla (11) nöküriyin sanān asaγaxü-lüγa yesen: muü sanātai kümün-dü nuüxü (12) ögü-bēn ülü kelkü-lügē arban: baqši kiged ečige eke-yuüγān kündülkü/-lügē arban nigen: ugei yaduüdü öqligü ökü-lügē arban xoyor:	Несмотря на то, что и сам знает, но спрашивает мнения друга — вместе с этим девять. Вместе с тем, что человеку с недобрыми мыслями не излагает свои мысли, десять. Вместе с тем, что почитает своих родителей, одиннадцать. Вместе с тем, что делает подаяния нищим и бедным, двенадцать [Šaštir: 51b (10–13)].

При этом он не обходит стороной и людей среднего порядка, а также описывает деяния крайне скверных людей.

Особое место в наставлениях этого сановника отведено деяниям женщин, которые подразделяются на самых благочестивых женщин (*erken sayin aγas emes*) со свойственными для них шестнадцатью добродетельными деяниями, женщин со средней добродетельностью (*dunda sayin eme*) с восемью характерными для них поступками, а также скверных жен ханов и женщин (*muü xatad emestü*) с перечислением восемнадцати недобродетельных деяний, которые допускаются ими.

Особое внимание в своих наставлениях сановники уделяют разъяснению того, кто такие глупцы, какими качествами они наделены и что не следует делать, чтобы не прослыть таковым:

4.	nere törö medekü kümüni ügü üyilelē bü temce müngxaq (14) geqdekü::	Не состязайся в речах (букв. на словах) и на деле с человеком, имя которого и власть которого не знаешь, — прослывешь глупцом [Šaštir: 55b (13–14)].

Следует отметить, что в анализируемом сочинении в наставлениях сановников светское начало может превалировать над религиозным. В тексте встречаются краткие афоризмы, характерные для пословиц и поговорок, как, например, следующие:

5.	oloni (24) dotoro merged cuxüq: bayildān dotoro bātar cuxuq:	Среди множества [людей] мудрецы редки. Посреди сражения герои редки [Šaštir: 56a (23–24)].

Или такие прописные истины:

6.	öbürēn beye-bēn caqlan medekülei cecen: köbüün okin sayin bolxüla ečige eke (2) amarxü:	Если вовремя познал себя — мудрец. Если сын и дочь добры [нравом], то родители спокойны [Šaštir: 56a (24) – 56b (1)].

В текст шастры включены фрагменты, в которых присутствуют фольклорные элементы, характерные для жанра триад, получивших распространение в устном народном творчестве калмыков. Примером могут послужить такие строки:

7.	kümündü burü (7) γürban zöyil büi: muü xobdaq uraqtü yekedü öküle burü: muü (8) köbüündü önči yekedü öküle burü: müü γazartü tarāni örü yekedü (9) cacaxüla burü:	У человека есть три вида того, что считается плохим. Если скверному скупому родственнику давать [что-либо] чрезмерно, — плохо. Скверному сыну давать чрезмерное наследство — плохо. Непригодную землю чрезмерно засеивать семенами — плохо [Šaštir: 56a (6–7)].
8.	müngxaq kümündü maqtaxü γurban zöyil büi: erken müngxaq (3) beyēn maqtaxü: dunda müngxaq gergēn maqtaxü: adaq müngxaq (4) köbüügēn maqtaxü:	Есть три разновидности, прославляемые глупым человеком. Самый большой (букв. главный) глупец восхваляет себя. Средний глупец восхваляет свою жену. Законченный глупец восхваляет своего сына [Šaštir: 56b (2)].

Помимо приведенных примеров, в тексте описываемой шастры встречаются и такие моменты, которые затрагивают разные стороны жизни влиятельных персон (нойонов, супруг ханов, а также состоятельных людей). Это можно проследить на примере цитаты, в которой разъясняется три разновидности того, с чем может расстаться человек:

9.	noyon kümün (15) ed tabartü amaraq bolxüla ulus-ēce xaγacaxü: bayan kümün ökü (16) abxüdü dura ügei bolxüla axa döügēsün xaγacaxü: xatun kümün ed (17) tabartü tačāltai bolxüla uraq elgen-ēce xaγacaxü:	Если нойон предпочитает имущество, то разлучится с народом (государством). Если богатый человек не склонен отдавать и получать, то разлучится со старшими и младшими братьями. Если супруга хана вожделеет к имуществу, то расстанется с родственниками [Šaštir: 56a (14–17)].

Есть и другие примеры в тексте шастры, в которых разъясняются жизненные ситуации, но связываются они с жизнью состоятельных людей, например:

10.	kümün/-dü ülü amarxü γurban zöyil büi: idekü ömöskü-dü tus ugei bayan (22) kümün amür ugei: muü köbüündü önči yekedü öküle amür ugei[:] (23) ene nasün-dü zobolongtai bolün urtü nasülxüla amür ugei:	Есть три разновидности, когда человеку не будет покоя. Богатый человек, не приносящий пользу едой и одеждой, — покоя не будет. Если плохому сыну дать чрезмерное наследство, покоя не будет. В этой жизни, испытывая страдания, если будешь жить долго, то покоя не будет [Šaštir: 56a (20–23)].

Сановники произносят и нелицеприятные вещи, связанные с недопустимыми с точки зрения праведной жизни поступками и поведением:

11.	kümündü könggö-dekü γurban zöyil büi: toyin kümün (10) gergētei bolxüla könggö-dekü: noyon kümün nöültü idē idekülē könggöde/kü: xatün kümün olon nökürtü amaraq bolxüla könggö-dekü:	Есть три разновидности того, когда теряют лицо. Если тойн (монах) заводит жену, то теряет лицо. Когда нойон ест греховную (запрещенную) еду, то теряет лицо. Когда женщина любит многих мужчин, то теряет лицо [Šaštir: 56a (9–11)].

4. Выводы

Рассмотрение рукописного ойратского сборника под шифром D 22, состава его текстов, а также одного из них, относящегося к разряду «шастр», побудило нас обратиться к сходным текстам и подборкам текстов из коллекции видного российского монголиста А. М. Позднеева, представленной в настоящее время

в фондах ИВР РАН и восточной библиотеки СПбГУ. Сведения об этих манускриптах представлены в каталоге монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН, составленном А. Г. Сазыкиным, и в каталоге библиотеки восточного факультета СПбГУ, составленном В. Л. Успенским, проделавшими большую работу по описанию и систематизации письменных памятников из этих двух собраний восточных текстов, в том числе и из коллекции А. М. Позднеева.

Один из текстов под названием «Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом», был проанализирован, приведены переводы отдельных фрагментов из него, сочетающие в себе светское и религиозное начала, иллюстрирующие направленность подобных текстов на то, чтобы обучить ханов и их подданных не просто «житейской мудрости», разумному поведению, но и науке управлять государством. Включенность данного и сходных с ним текстов в сборники на монгольском и ойратском языках свидетельствуют об их популярности среди монголоязычных народов.

Согласно трудам, освещающим жизнь и научную деятельность А. М. Позднеева, книги и рукописи на монгольском и ойратском языках были привезены им из поездок в Монголию и Китай, а также из калмыцких степей Астраханской губернии. Эти тексты, наряду с путевыми записями А. М. Позднеева, были взяты за основу при написании основательных трудов по монголоведению и калмыковедению. Не менее значима их роль в работе по составлению учебной литературы (букварей, хрестоматий) и лексикографических трудов.

Эти тексты и в настоящее время продолжают оставаться объектом изучения источниковедов, способствуя решению актуальных проблем монголоведения.

Источники

Šaštir — Ösün debeskirtü xāni nomloqson šaštir orošibüi: («Шастра, проповеданная Усун-дэбискерту-ханом»). Текст на ойратском языке из рукописного сборника D 22. Тетрадь европейского образца. 62 л. 19,8 x 16 (18 x 12,8) см // Монгольский фонд ИВР РАН (коллекция А. М. Позднеева). Л. 50a–57a.

Sources

Ösün debeskirtü xāni nomloqson šaštir orošibüi: (‘Shastra taught by Usun-debiskertu Khan’). Text in Oirat language from manuscript collection D 22. European-style notebook. 62 Fol. 19.8 x 16 (18 x 12,8) cm. Mongolian Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (Collection of A. M. Pozdneev). Fol. 50a–57a.

Литература

Баянова 2012 — *Баянова А. Т.* Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3(46). С. 79–81.

Бичеев 2019а — *Бичеев Б. А.* Списки рукописей и история публикации «Истории Усун Дебискерту-хана» // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 441–449. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-441-449

References

Bayanova A. T. The First Readers in the Book Culture of the Kalmyks. *Cultural Life of the South of Russia.* 2012. No. 3(46). Pp. 79–81 (In Russ.)

Bicheev B. A. Manuscript Lists and the Publication History of the “History of Usun Debiskertu Khan”. *Oriental Studies*. 2019. Is 3. Pp. 441–449 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-441-449

Бичеев 2019б — *Бичеев Б. А.* Дидактическое содержание «Истории Усун Дебескерту-хана» // Монголоведение. 2019. № 4. С. 829–845. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-829-845

Бичеев 2022 — *Бичеев Б. А.* Буддийские тексты, изданные калмыцкими монахами (1900–1918 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 814–833. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-814-833

Гринцер 1963 — *Гринцер П. А.* Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть). М.: Вост. лит., 1963. 268 с.

Дамдинсурэн 1957 — Монголын уран зохиолын тойм. I дэвтэр. (XIII–XVI зууны үе). Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн газар, 1957. 158 х.

Ёндон 1989 — *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 183 с.

Иориш 2003 — *Иориш И. И.* Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева // Mongolica–VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 26–27.

Калмыцкая хрестоматия 1907 — Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1907. 195 с.

Калмыцкая хрестоматия 1927 — Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ, примененная к обучению русскому языку посредством перевода / составил учитель Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдырев. 1906 // Хонхо. Вып. III. Прага: Изд. Калмыцкой Комиссии культурных работников в ЧСР, 1927. 255 с.

Кульганек 2003 — *Кульганек И. В.* Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН // Mongolica–VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 24–25.

Bicheev B. A. Didactic Contents of the “History of Usun Debiskertu Khan”. *Mongolian Studies (Elista)*. 2019. Is. 4. Pp. 829–845 (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-829-845

Bicheev B. A. Buddhist Texts Published by Kalmyk Monks (1900–1918). *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. Is. 4. Pp. 814–833 (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-814-833

Grintser P. A. Ancient Indian Prose (Framed Tale). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 268 p. (In Russ.)

Review of Mongolian Literature. Book 1. (13th–16th Centuries). Ulaanbaatar: State Publishing House, 1957. 158 p. (In Mong.).

Yondon D. Fairytale Plots in Tibetan and Mongolian Literary Monuments. Moscow: Nauka, GRVL, 1989. 183 p. (In Russ.)

Iorish I. I. The Most Important Events in the Life and Work of A. M. Pozdneev. In: Mongolica–VI: Collection of Articles. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 26–27 (In Russ.)

Kalmyk Reader for Senior Grades of Kalmyk Public Schools, A. Pozdneev (comp.). 2nd ed. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1907. 195 p. (In Russ. and Oirat)

Kalmyk Reader for Reading in Aimak and Junior Divisions of Ulus Schools, Applied to Teaching Russian through Translation. Shurguchi Boldyrev, a Teacher at the Korovolukinskaya School in the Aleksandrovsky Ulus (comp.). 1906. *Khonkho*. Is. 3. Prague: Ed. of the Kalmyk Commission of Cultural Workers in the Czech Republic, 1927. 255 p. (In Oirat)

Kulganek I. V. A. M. Pozdneev’s Collection in the Orientalists’ Archives at the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the RAS. In: Mongolica–VI: Collection of Articles. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 24–25 (In Russ.).

Музраева 2019 — *Музраева Д. Н.* «Шастра драгоценного закона» из ойратского рукописного сборника D 22 (из коллекции А. М. Позднеева, хранящейся в Институте восточных рукописей РАН) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 214–229. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-214-229

Muzraeva D. N. Shastra of the Precious Law from the Oirat Manuscript Collection D 22 (from A. M. Pozdneev's collection stored in the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. Is. 3. Pp. 214–229 (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-214-229

Музраева 2021 — *Музраева Д. Н.* Ойратский список сочинения «Драгоценное украшение, разъясняющее „Каплю нектара, питающую живых существ“» как образец комментаторской литературы // Новый филологический вестник. 2021. № 1. С. 350–361.

Muzraeva D. N. Oirat List of the Essay "Precious Decoration Explaining „A drop of Nectar that Nourishes Living Beings“" as an Example of Commentary Literature. *The New Philological Bulletin.* 2021. No. 1. Pp. 350–361. (In Russ.)

Очиров 2002а — Отчет о поездке Н. Очирова к Астраханским калмыкам летом 1909 года // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: Джангар, 2002. С. 39–51.

Report on N. Ochirov's Trip to the Astrakhan Kalmyks in the Summer of 1909. In: Selected Works of Nomto Ochirov. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 39–51. (In Russ.)

Очиров 2002б — Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Н. Очирова // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: Джангар, 2002. С. 54–65.

Trip to the Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky Uluses of the Astrakhan Kalmyks. Report by N. Ochirov. In: *S*elected Works of Nomto Ochirov. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 54–65 (In Russ.)

Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 306 с.

Pozdneev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)

Позднеев 1900 — Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания / сост. А. Позднеевым. СПб.: Тип. Академии наук, 1900. 416 с.

Mongolian Reader for Elementary Teaching A. Pozdneev (comp.). St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1900. 416 p. (In Russ. and Mong.)

Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 507 с.

Sazykin A.G. Catalog of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 507 p. (In Russ.)

Сыркин 1972 — Панчатантра / пер. с санскр. А. Я. Сыркина; предисл. и примеч. А. Сыркина. М.: Худ. лит., 1972. 366 с.

Panchatantra. A.Syrkin (trans. from Sanskrit), A. Syrkin (pref. and notes). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 366 p. (In Russ.)

Топалова 2019 — *Топалова Д. Ю.* Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.) // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 2. С. 195–206. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206

Topalova D. Yu. Socio-cultural Activities of the Kalmyk Emigration (1920s – early 1930s). *Oriental Studies.* 2019. Is. 2. Pp. 195–206. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206

Успенский 2003 — *Успенский В. Л.* Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева // Mongolica–VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 19–23.

Uspensky V. L. Mongolian, Oirat, and Tibetan Manuscripts and Woodcuts Received by St. Petersburg University from A. M. Pozdneev. In: Mongolica–VI: Collected Articles. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 19–23. (In Russ.)

Шастина 2003 — *Шастина Н. П.* А М. Позднеев (Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина) // Mongolica–VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 7–18.

Shastina N. P. A. M. Pozdneev (Preparation for Publication, A. Sazykin (notes). In: Mongolica–VI: Collected Articles. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 7–18. (In Russ.)

Uspensky 2001 — *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / Comp. by V. L. Uspensky. Tokyo: ILCAA (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 530 p.

Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. V. Uspensky (comp.). Tokyo: ILCAA (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 530 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 738–762, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-738-762

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Памяти профессора Санкт-Петербургского государственного университета Владимира Леонидовича Успенского

УДК 94(517)

UDC 94(517)

Вклад Русской духовной миссии в Пекине в историю русского монголоведения

Чжихуэй Ван[1]

[1] Школа иностранных языков Нанькайского университета (д. 94, ул. Вэйцзинь, 300071 Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)

аспирант

The Contribution of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing to the History of Russian Mongolian Studies

Zhihui Wang[1]

[1] School of Foreign Studies, Nankai University (94, Weijin Road, 300071 Tianjin, P. R. China)

PhD Student

0009-0009-8137-9123. E-mail: wzh_19971018[at]163.com

© КалмНЦ РАН, 2025
© Ван Чжихуэй, 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Wang Zhihui, 2025

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья знакомит с научной деятельностью монголоведов из числа членов Русской духовной миссии в Пекине. В своих исследованиях они затрагивали все важные аспекты монголоведения и в некотором смысле сыграли основополагающую роль в истории русского монголоведения. С 1715 г. до 1956 г. Россией были отправлены в Китай двадцать духовных миссий, роль которых многократно изучалась в контексте истории китайско-российских отношений и русского китаеведения. Однако при этом их важное значение для русского монголоведения так и осталось неочевидным. Поэтому *цель* данной статьи — дать полное представление о монголоведной деятельности российских ученых из членов духовных миссий в Пекине, проанализировать и оценить их вклад в развитие российского монголоведения. Труды монголоведов из членов Русской духовной миссии посвящены истории, религии, литературе, языку и другим аспектам жизни монголов в XVIII–XIX вв. Основными *материалами* исследования являются опубликованные труды монголоведов Русской духовной миссии, а также труды современных монголоведов. В данной статье, главным образом, использован описательный *метод*. *Результаты.* Научный кругозор монголоведов Православной миссии России в Пекине охватывал не только внешние аспекты, но и глубокие вопросы жизни и исторической судьбы монголов.

В записках и дневниках Е. Ф. Тимковского, О. М. Ковалевского и Е. Ковалевского открывалась яркая и детальная картина жизни тогдашних монголов. И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев, С. В. Липовцов, А. Г. Владыкин, Иакинф (Н. Я. Бичурин) и П. И. Каменский изучали монгольскую историю на основе источников на китайском и маньчжурском языках. Буддизм составлял основную проблематику монголоведной деятельности О. М. Ковалевского и В. П. Васильева. Изучение монгольского языка и литературы также достигло ведущего уровня в мире под руководством О. М. Ковалевского. При этом необходимо отдельно выделить «Старинное Монгольское сказание о Чингисхане» архимандрита Палладия (П. И. Кафарова). Это перевод с китайского Юань-чао би-ши («Сокровенного сказания монголов»), главного исторического памятника монголов. Благодаря этому переводу Европа впервые по-настоящему познакомилась с историей древних монголов. *Выводы.* Монголоведная деятельность членов Русской духовной миссии в Пекине имеет длительную историю и богатое содержание. Деятельность этих ученых сыграла исключительно важную роль в развитии монголоведения в России.

Ключевые слова: монголоведение в России, Русская духовная миссия в Пекине, жизнь монголов, история, язык и литература, буддизм, «Сокровенное сказание монголов»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке China Scholarship Council. Статья является промежуточным результатом крупного проекта Государственного фонда общественных наук — «Сквозная история Китая: перевод и исследование» (18ZDA182) (Китай).

Для цитирования: Ван Чжихуэй. Вклад Русской духовной миссии в Пекине в историю русского монголоведения // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 738–762. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-738-762

Abstract. *Introduction.* The present article introduces the scholarly activities of Mongolianists who were members of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing. In their studies they touched upon all important aspects of Mongolian studies and in a way played the fundamental role in the history of Russian Mongolian studies. From 1715 to 1956, Russia sent twenty Spiritual Missions to China. Their role was extensively studied in the context of the history of Sino-Russian relations and Chinese studies in Russia, but their importance for Russian Mongolian studies has not been clarified. So, the *purpose* of this article is to give a complete picture of the scholarly activities of Russian Mongolianists who were members of the Spiritual Missions in Beijing, and to further analyze and evaluate their contribution to the development of Mongolian studies in Russia. The works of these Mongolianists are numerous in number and diverse in contents: history, religion, literature, language and other aspects of life of the Mongolian people in the 18th–19th centuries. The primary research *materials* consist of the published works of Mongolists from the Russian Spiritual Christian Mission, as well as the works of contemporary Mongolists. This article primarily employs a descriptive *method*. *Results.* The scholarly horizons of the Mongolists from the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing encompassed not only external aspects but also profound questions concerning the life and historical destiny of the Mongols. The notes and diaries of E. F. Timkovsky, O. M. Kovalevsky and E. Kovalevsky present a lively picture of the Mongols of that time. I. K. Rossokhin, A. L. Leontiev, S. V. Lipovtsov, A. G. Vladykin, Hyacinth (N. Y. Bichurin) and P. I. Kamensky studied Mongolian history on the basis of sources written in the Chinese and the Manchu languages. Buddhism formed a major part of the Mongol studies of O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev. The study of Mongolian language and literature also reached the world leading level under the guidance of O. M. Kovalevsky. It is necessary to single out “Ancient Mongolian Tale of Genghis Khan” by Palladius (P. F. Kafarov).

It is a translation of the famous historical monument of the Mongols Yuan-chao bi-shi. This translation for the first time familiarized the whole Europe with the most profound history of the ancient Mongols. *Conclusions.* The activities of the members of the Russian Spiritual Mission in Beijing in promoting Mongol studies have a long history and are rich in content. Their activities played an important part in the development of the Mongol studies in Russia.

Keywords: Mongolian Studies in Russia, Russian Spiritual Mission in Beijing, Mongolian life, history, language and literature, Buddhism, Secret History of the Mongols

Acknowledgements. The reported study was supported by the China Scholarship Council, project no. 18ZDA182. This article represents an interim outcome of the major project of the National Social Science Fund of China — "A Comprehensive History of China: Translation and Research".

For citation: Wang Zhihui. The Contribution of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing to the History of Russian Mongolian Studies. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 738–762. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-738-762

1. Введение

Зарождение Русской духовной миссии в Пекине, игравшей важную роль в китайско-российских отношениях в течение двухсот лет, с одной стороны, представляет собой историческую случайность, возникшую в силу стечения различных факторов, а с другой стороны, является необходимым результатом расширения территории России на восток. Русская духовная миссия в Пекине существовала больше двухсот лет. Используя выгодные условия, члены миссии, как монашествующие, так и светские, вели разнообразную деятельность в столице Китая. Эта деятельность не была ограничена религиозной сферой и распространялась также на политическую, торгово-экономическую, научную и культурную области [Новгородская 1993: 9]. В 1727 г. между Россией и империей Цин был заключен Кяхтинский трактат, согласно которому были решены оставшиеся с XVII в. территориальные проблемы между двумя державами, а также утверждены двухсторонние торговые правила [Бантыш-Каменский 1882: 155]. Статья 5-я Кяхтинского трактата имеет важное значение для дальнейшего развития духовной миссии как научно-исследовательского центра России в Пекине. России было разрешено отправлять при каждой миссии вместе со священниками шесть светских учеников с целью изучения языка, истории, культуры и общества восточного соседа [Бантыш-Каменский 1882: 155]. Научная деятельность учеников и священников духовной миссии богата по содержанию и разнообразна по тематике. В частности интерес многих членов духовной миссии привлекали этнические меньшинства, проживавшие в приграничных районах Китая, особенно монголы, которые кочевали на большой территории между двумя странами. Именно через монгольские кочевья русские духовные миссии следовали в Пекин.

Первое столкновение Руси с монголами произошло в XIII в., и после этого Русь оказалась в политической и даннической зависимости от Монгольской империи, которая в русской традиционной историографии называлась «монголо-татарское иго». Однако в XVI в. ситуация полностью изменилась. На пути продвижения к востоку Россия вновь встречалась с монголами, которые к тому

времени уже разделились на три основные части и часто воевали друг с другом. В XVII в. Россия имела с монгольскими этнополитическими объединениями активные посольские отношения, а записки и донесения казаков стали главным источником сведений о монголах [Sha si ti na 1955: 2]. Накопленная российскими посланниками информация, охватывавшая темы географического положения, природных ресурсов, религиозных обрядов, отношений между разными этническими группами, была весьма обширной. Эти сведения, несомненно, стали итогом предварительного изучения монголов в России, которое вели в том числе и иностранные академики Императорской Академии наук (далее — ИАН) в XVIII в. При этом среди членов Русской духовной миссии также началась монголоведная деятельность. Миссионеры имели возможность использовать в своих исследованиях источники на китайском, маньчжурском и — самое важное — на монгольском языках. Изучение Монголии членами миссии сначала осуществлялось на основе источников на маньчжурском и китайском языках. Преимущественно переводились современные миссионерам печатные издания, составителями которых были маньчжуры [Yan 2006: 99–100, 121, 126, 128–130].

Труды, переведенные И. К. Россохиным [Россохин 1764], А. Л. Леонтьевым [Леонтьев 1777; Леонтьев 1782], А. Г. Владыкиным [Yan 2006: 127], С. В. Липовцовым [Липовцов 1820; Липовцов 1821а; Липовцов 1821б; Липовцов 1821в; Уложение 1828а; Уложение 1828б], В. С. Новоселовым [Yan 2006: 129–130], явились главным результатом русского монголоведения XVIII в. Выбранная ими тематика в основном затрагивала все современные им важнейшие события, коренным образом влиявшие на жизнь и дальнейшую судьбу монголов. Следует отметить, что особенное внимание ученики духовной миссии уделяли «Уложению Палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзели», 理藩院则例 Lǐfānyuàn zélì) [Данышин 2016: 154]. С начала XIX в. в монголоведной деятельности членов духовной миссии наблюдались новые тенденции. В XIX в. миссионеры не только продолжали традиции XVIII в., но и открывали новые направления российского монголоведения. Их научные интересы распространились на такие области знания, как древняя история монголов, их духовная жизнь, центром которой являются буддизм, язык и литература. При этом использованные ими источники и литература становились гораздо богаче, и они обращались непосредственно к материалам на монгольском языке. Крупными представителями этого периода стали Иакинф (Н. Я. Бичурин), О. М. Ковалевский, В. П. Васильев и Палладий (П. И. Кафаров). Н. Я. Бичурин, будучи крупным китаеведом России, уделял большое внимание истории монголов. Начало изучения монгольского языка и литературы в России тесно связано с именем О. М. Ковалевского, который заслуженно считается основоположником монголоведного центра в Казани в первой половине XIX в. Его ученик, В. П. Васильев, сфокусировался на изучении буддизма, а затем продолжил славную традицию Казанского университета в Санкт-Петербургском университете. Известный российский китаевед второй половины XIX в. архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) также исследовал буддизм, но потом сменил свои научные интересы на историю монголов. Своим переводом с китайского Юань-чао би-ши, который был опубликован под названием «Старинное Монгольское сказание о Чингисхане», он внес исключительный вклад в изучение этого ценнейшего исторического памятника монголов.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы данного исследования были систематизированы и проанализированы опубликованные труды по различным темам монголоведения членов Русской духовной миссии в Пекине. Для оценки их научного вклада в историю российского монголоведения также привлекались работы современных ученых.

В данной работе ведущим является описательный метод, который применяется для систематизации научного наследия монголоведов, характеристики их ключевых идей и реконструкции общей картины их вклада в русское монголоведение.

3. Описание жизни монголов

Как известно, территория Монголии составляла главную часть пути Русской духовной миссии в Китай. Члены духовной миссии, проводившие по нескольку месяцев в степях среди монголов, тщательно описывали повседневную жизнь монголов в своих дневниках и записках. Авторы этих записок были образованными людьми, и поэтому записанная ими информация, несомненно, гораздо богаче и вернее, чем донесения неграмотных посланников прошедших веков. Степной народ, жизнь которого коренным образом отличается от земледельцев, сильно интересовал русских путешественников. По словам Е. Ф. Тимковского, который совершил путешествие в Китай в 1820 г. как пристав десятой духовной миссии и возвратился в Россию с девятой миссией в 1821 г., основные цели выполненных ими записок заключаются в том, что, во-первых, необходимо было собирать сведения о недостаточно знакомой Европе Средней Азии — как для ученого круга, так и для государственных интересов; во-вторых, описания Монголии, сделанные предшествующими путешественниками, были слишком поверхностными, так как они не обращали должного внимания на местную географию и язык [Тимковский 1824: II–V]. Это показывает, что Монголия была недостаточно известна всей европейской науке. После возвращения в Россию Е. Ф. Тимковский опубликовал свои дорожные записки под названием «Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками», что сразу обратило на себя внимание не только отечественных, но и европейских читателей в связи со своей детальностью и достоверностью. Издавались немецкая, французская и английская версии записок Е. Ф. Тимковского [Timkowski 1825а; Timkowski 1825б; Timkowski 1825в; Timkovsky 1827а; Timkovski 1827б; Timkowski 1827в; Timkowski 1827г].

Записки и дневники содержат весьма обширные и подробные сведения: географические, исторические, политические, религиозные, описание архитектуры, а также менталитета монголов. При этом политическое и экономическое состояния монголов были в центре внимания путешественников. В XIX в. Монголия полностью находилась под властью Цинской династии и политически управлялась через новую административную систему, основанную на политике разделения региона на аймаки и хошуны, во главе которых стояли представители местной аристократии. Административный строй монголов тщательно описывается в дневниках О. М. Ковалевского, который совершил поездку в Китай как письмоводитель одиннадцатой духовной миссии в 1830–1831 гг. Например, проезжая через кочевья цахаров, автор составил подробные записи относительно

административного разделения их на хошуны, состава местных чиновников, а также получаемого ими жалования [Ковалевский 2006: 27]. Так, как пишется в дневниках О. М. Ковалевского, Цахар был разделен всего на восемь хошунов, и к востоку расположены: Кубошара, Гульшара, Куботу Улан, Гульулан. Хошуном управляет Ухэрид-амбань, при котором находятся тамагану-цзангин, сомуну-цзангин, кундуй, бошко и рядовой[1]. Ухэрид-амбань получает ежегодно 150 лан[2], тамагану-цзангин — 105 лан, сомуну-цзангин — 100 лан, кундуй — 60 лан, бошко — 24 лан, рядовой — 12 лан [Ковалевский 2006: 27]. Затем в своих дневниках О. М. Ковалевский привел список штатного расписания князей и размеры получаемого ими ежегодного жалования, что представляет особый интерес сведениями об административном состоянии Монголии того времени [Ковалевский 2006: 47–48].

Политика разделения Монголии на аймаки и хошуны оказала глубокое и в целом негативное влияние на экономическое развитие региона. В течение долгого времени основой экономики Монголии служило кочевое скотоводство, которое сильно зависит от природных условий. Однако согласно проводимой Цинской династией политике монголам было запрещено свободно передвигаться между хошунами для кочевания и торговли, что сильно препятствовало экономическому развитию Монголии. Кроме того, лучшие пастбища были отданы в собственность Цинского двора. Тяжелый труд и непосильные налоги обрекали кочевников на крайнюю бедность. Так пером путешественника создана картина, в которой монголы совсем лишены возможности развития, а их пространство жизни — просто «*юдоль бедности и пустоты*» [Ковалевский 2006: 66].

Вместе с новым политическим строем Цинская династия целенаправленно использовала религиозный фактор как еще один инструмент укрепления своего влияния на монгольские территории. К этому времени буддизм глубоко укоренился в монгольском обществе, фактически монополизировав духовное пространство монголов. Данная тема нашла яркое отражение в путевых записках российских путешественников [Тимковский 1824; Бичурин 1828а; Бичурин 1828б; Ковалевский 2006]. Так, в записках путешественников часто описываются детали буддийской обрядности, общение с ламами, их поведение и наружность; структура и убранство буддийских храмов также становились объектом изучения [Тимковский 1824: 112–122; Ковалевский 2006: 14–15, 24–25]. Все эти сведения оказались совершенно новыми и привлекательными для российских читателей, и существенно обогатили представления российского общества о духовной жизни восточных народов.

4. Сведения по истории монголов

Более или менее системные сведения об истории монголов начали приходить в Россию отрывочно и разбросанно с XVII в. через отчеты послов, отправленных Россией к монгольским народам. Что касается первоначального исследования истории монголов в XVIII в., то нельзя не упомянуть таких членов духовных

[1] Здесь была представлена традиционная военно-административная иерархия Цинской империи в Монголии. Она охватывает уровни от высшего чиновника (амбаня) до рядовых служащих и военных, отвечавших за управление, налоги, документооборот и гарнизонную службу.

[2] Лан — историческая весовая единица для серебра, использовавшаяся в денежной системе древнего Китая.

миссий в Пекине, как И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев, А. Г. Владыкин и С. В. Липовцов, которые изучали, главным образом, китайские и маньчжурские источники. Следует отметить, что главное их внимание уделено самым влиятельным и важным событиям, которые произошли среди монголов в XVII–XVIII вв., а это именно завоевание Цинской династией Джунгарии, отправление Цинской династией послов к торгутам через территорию России и возвращение торгутов в Центральную Азию. Таким образом, можно сказать, что они исследовали историю монгольских народов в контексте истории империи Цин.

Светский член второй Русской духовной миссии в Пекине И. К. Россохин обратил внимание на историю монголов еще в период своего пребывания в Пекине. Находясь в Пекине, он приступил к переводу «Юань ши» (истории монгольской династии в Китае) — «*половину истории мугальской, когда они владели Китаем и с указы*» [Шаститко, Ким 1990: 78]. «*Однако он достаточно быстро осознал, что перевод династийных историй для познания истории Китая является работой, хотя и чрезвычайно полезной, но трудновыполнимой из-за непомерного по европейским меркам объема этих историй*» [Шаститко, Ким 1990: 78]. После возвращения в Россию И. К. Россохин выполнил перевод с маньчжурского языка труда, посвященного завоеванию Джунгарии династией Цин. Его перевод не был опубликован, рукопись хранится в Архиве Российской академии наук в так называемых «портфелях Миллера» [Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 1–3] под названием «История о завоевании китайским ханом Кан-хием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах, переведена с маньчжурского языка на российский прапорщиком И. К. Россохиным, 1750 г.» (кит. 亲征平定朔漠方略[1]) [Шастина 1953: 200]. Н. П. Шастина дала высокую оценку переводу И. К. Россохина, считая, что «*И. К. Рассохин[2] был знатоком китайского и маньчжурского языков, и выполненный им перевод довольно качественный и вполне может быть использован для работы над историей Халхи в конце XVII в.*» [Шастина 1953: 202]. Джунгарское ханство, существовавшее около полутора веков и игравшее значительную роль во взаимоотношениях между Цинской империей и Россией, закономерно привлекало внимание ученых из состава Духовной миссии. Спустя 27 лет появился сокращенный русский перевод того же источника с маньчжурского под названием «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами» [Леонтьев 1777]. Переводчиком был участник третьей миссии А. Л. Леонтьев. Следует отметить, что при переводе А. Л. Леонтьев в немалой степени привлекал труд И. К. Россохина [Шаститко, Ким 1990: 79]. Торгуты, являвшиеся одной из ветвей ойратов, в начале XVII в. мигрировали в район Приуралья и Поволжья. В 1712 г. по приказу императора Канси посланник Тулишэнь посетил кочевавших там торгутов. По возвращении в Китай он составил «Экзотический отчет» (кит. 异域录[3] yìyù lù), впоследствии переведенный на несколько европейских языков

[1] Буквально переводится как «Описание высочайших походов по умиротворению северной пустыни». Официальный военный трактат династии Цин, составленный в 1697 г. по приказу императора Канси. Хронологически фиксирует три кампании (1690–1697 гг.) против джунгарского хана Галдана. В тексте сочетаются императорские указы, донесения военачальников и стратегические комментарии. Является ключевым источником по истории войны между Цинской династией и Джунгарией.

[2] Так у Н. П. Шастиной.

[3] Путевой дневник китайского посланника Тулишэня, составленный в 1712–

и вызвавший значительный интерес европейской научной общественности к Китаю [Zhou 1994: 107–108]. И. К. Россохин первым выполнил перевод этого сочинения на русский язык, который опубликован через три года после смерти переводчика в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» под редакцией академика Г. Ф. Миллера [Россохин 1764]. Необходимо отметить, что до версии И. К. Россохина труд маньчжурского чиновника уже был сокращенно переведен на французский язык иезуитом Антуаном Гобилем[1], а затем на немецкий язык Г. Ф. Миллером с французского варианта [Hou 2019: 119]. Перевод на русский был выполнен И. К. Россохиным именно по настоянию Г. Ф. Миллера. Причина этого прояснена в предисловии к переводу от июля 1764 г. По мнению Г. Ф. Миллера, во французском переводе и, следовательно, в немецком, существует немало недостатков, так как перевод А. Гобиля был сделан с китайского варианта, в котором собственные имена русские, сибирские, монгольские и калмыцкие были сильно искажены по сравнению с маньчжурским оригиналом. Г. Ф. Миллер высоко оценил эрудицию И. К. Россохина, считая, что он имел все необходимые способности для выполнения данной задачи. Превосходство перевода И. К. Россохина очевидно, он является полным, включает в себя даже предисловие Тулишэня и посольскую инструкцию. Кроме того, по требованию Г. Ф. Миллера И. К. Россохин снабдил текст обширными комментариями [Россохин 1764: 3–6]. Еще один перевод сочинения Тулишэня с маньчжурского принадлежит А. Л. Леонтьеву, он был опубликован в 1782 г. под названием «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану с описанием земель и обычаев российских» [Леонтьев 1782].

И. К. Россохин открыл период переводов в истории отечественного китаеведения [Шаститко, Ким 1990: 77]. Аналогичную роль он сыграл и в становлении русского монголоведения XVIII в. Преемниками научных традиций И. К. Россохина стали А. Г. Владыкин, С. В. Липовцов и В. С. Новоселов. Ученик седьмой духовной миссии А. Г. Владыкин по происхождению калмык. Он в совершенстве овладел маньчжурским языком и оставил ряд трудов, включавших учебные пособия и переводы. Что касается истории монголов, ему принадлежит перевод «Юань ши» (кит. 元史[2]) с маньчжурского языка под названием «История царства Мунгальского», который сохранился в рукописи, местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Согласно мнению С. В. Липовцова, «История царства Мунгальского» не заслуживает внимания, потому что источник был неудачно выбран: его оригинал был переведен с китайского на маньчжурский с помощью беглых китайцев еще до 1644 г. (цит. по: [Скачков 1977: 82]). Но, по мнению П. Е. Скачкова, оценка С. В. Липовцова довольно строга и ехидна, он также добавлял, что со времени перевода А. Г. Владыкиным «Юань ши» до

1715 г. после визита к волжским калмыкам. Содержит первое в китайской литературе систематическое описание географии, обычаев и административного устройства Российской империи. Также является важным источником по истории торгутов.

[1] Антуан Гобиль (Antoine Gaubil, 1689–1759), французский иезуит-миссионер и ученый-ориенталист, работавший в Пекине с 1722 г. до конца жизни, основоположник европейской синологии.

[2] Официальная хроника Юаньской династии, составленная в 1369–1370 гг. по приказу основателя династии Мин. Состоит из 210 глав, содержит биографии императоров, чиновников, описания административной системы, экономики и войн монгольского периода.

рецензии С. В. Липовцова прошло несколько десятилетий, и за эти годы изучение китайского и маньчжурского языков в России значительно продвинулось вперед [Скачков 1977: 83].

«Уложение Палаты внешних сношений» (кит. 理藩院则例[1]) является основным правовым кодексом династии Цин для управления вассальными народами, составленный на основе «Монгольского уложения». В 1828 г. в России вышли два перевода «Уложения Палаты внешних сношений»: сокращенный перевод Н. Я. Бичурина с китайского языка (опубликован как четвертая часть «Записок о Монголии») и полный перевод С. В. Липовцова с маньчжурского варианта [Бичурин 1828а; Бичурин 1828б; Уложение 1828а; Уложение 1828б]. Перевод последнего стал продолжением работы В. С. Новоселова, который вместе с ним также был участником восьмой миссии. После возвращения в Россию в 1808 г. В. С. Новоселов был назначен переводчиком с маньчжурского и китайского языков в Иркутске. Там он начал заниматься переводом «Уложения» с маньчжурского оригинала на русский по предложению сибирского генерала-губернатора М. М. Сперанского. Однако В. С. Новоселову не удалось завершить перевод из-за смерти в 1824 г., он успел перевести лишь 10 тетрадей из 61. Неоконченный перевод В. С. Новоселова вместе с маньчжурским подлинником был отправлен в Азиатский департамент, и продолжателем его дела стал С. В. Липовцов, который служил в Министерстве иностранных дел [Хохлов 2002: 70–73]. Данный перевод служил важным источником информации о законодательстве династии Цин и ее управлении монголами. Следует отметить, что вклад С. В. Липовцова в русское монголоведение не был ограничен только переводом «Уложения Палаты внешних сношений». В 1820 г. в «Сибирском вестнике» был опубликован еще один его перевод важного исторического сочинения — «О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию» (кит. 土尔扈特投诚纪略[2]), работа также посвящена событию возвращения торгутов в Китай [Липовцов 1820]. В 1821 г. там же было опубликовано его «Обозрение Зюнгарии» [Липовцов 1821а; Липовцов 1821б; Липовцов 1821в]. Именно С. В. Липовцов положил новые начала в российском монголоведении.

Начиная с этого времени русское монголоведение переходит от периода переводческой деятельности к исследованиям, при этом работах ученых начинают преобладать китайские источники, что, несомненно, повышало достоверность и научную ценность трудов, это особенно наглядно проявилось в работах Н. Я. Бичурина. «*Являясь, по существу, синологом, Н. Я. Бичурин первым в дореволюционный период развития российского востоковедения ввел в научный обиход китайские источники по истории монголов*» [Шаститко, Ким 1990: 275].

Н. Я. Бичурину принадлежат четыре фундаментальных труда по истории монголов, которые охватывают и древнюю историю монголов, и их современное

[1] Официальный свод административных и правовых норм Цинской империи, регулировавший отношения с монголами, тибетцами и другими народами. «Уложение» содержит в себе правила наследования, уголовные наказания, дипломатические процедуры и религиозные политики, является важнейшим источником для изучения цинского периода в управлении степными народами.

[2] Буквально переводится как «Краткое описание принятия подданства торгутами». Работа посвящена откочевке торгутов из Поволжья в Китай в 1771 г. В ней описываются прибытие торгутского хана Убаши в Синьцзян, его переговоры с цинскими властями и последующее расселение народа на новых землях. Текст является важным источником по истории ойратских народов и Цинской политике в Центральной Азии.

исследователю состояние: «Записки о Монголии» [Бичурин 1828а; Бичурин 1828б], «История первых четырех ханов из дома Чингисова» [Бичурин 1829а], «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» [Бичурин 1829б], «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» [Бичурин 1854]. Необходимо отметить, что до Н. Я. Бичурина уровень монголоведных исследований в России оставался невысоким, что ограничивалось собиранием доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайными этнографическими наблюдениями и записями монгольских обычаев и обрядов — уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в. до появления трудов Н. Я. Бичурина [Шастина 1956: 182]. Таким образом, Н. Я. Бичурин своими исследованиями вывел русское монголоведение на новый уровень и тем самым определил направление дальнейших изысканий.

5. Язык и литература

Интерес к изучению монгольского языка и литературы среди членов духовной миссии был не очень большим, так как они уделяли больше внимания историческим исследованиям. Словари Н. Я. Бичурина и П. И. Каменского представляли определенную ценность, но словарь Н. Я. Бичурина не дошел до нас, а «Монгольско-манджурско-русско-латинский лексикон» П. И. Каменского остается доступным только в архивах [Yan 2006: 178–179; 225]. Значительный вклад в русское монголоведение в области изучения языка и литературы монголов был сделан О. М. Ковалевским — крупнейшим монголоведом России первой половины XIX в. и основоположником казанской школы монголоведения. Он служил как письмоводитель в составе одиннадцатой духовной миссии, совершил поездку в Пекин во время командировки для изучения монгольского языка и собирания рукописей и ксилографов.

Основным вкладом О. М. Ковалевского в русское монголоведение считаются его труды по монгольской филологии. «*Его трехтомный „Монгольско-русско-французский словарь“, „Краткая грамматика монгольского книжного языка“, двухтомная „Монгольская хрестоматия“ подняли монголоведение на новую ступень развития, ввели эту науку в круг мировой ориенталистики, стали для нее основополагающими*» [Кульганек 2004: 177]. Основу научной работы О. М. Ковалевского в изучении монгольского языка и литературы заложила его научная командировка в Восточную Сибирь с 1828 г. до 1833 г. В этот период он также совершил поездку в Пекин в качестве письмоводителя в составе одиннадцатой духовной миссии, как мы указывали выше. Полевые исследования среди монголоязычных народов, непосредственный контакт с носителями языка и научный обмен с коллегами по миссии сыграли важную роль в его изучении монгольского языка и литературы. Он стал первым среди членов духовной миссии, который систематически собирал памятники монгольской литературы и предпринял научное изучение монгольского языка.

Следует отметить, что интерес российских ученых к языкам кочевых народов появился довольно рано, но до появления трудов О. М. Ковалевского научный уровень в этой области еще был не высоким. Пионером стал немецкий востоковед Г. З. Байер, который по приглашению ИАН работал в России двенадцать лет и оставил несколько статей по монгольской и калмыцкой письменности

[Максимова 2002: 195]. Но результаты его исследования в общем имели первоначальный и описательный характер. Первый труд по грамматике монгольского языка принадлежит академику немецкого происхождения Я. И. Шмидту. В 1831 г. вышла его «Грамматика монгольского языка» на немецком [Schmidt 1831], затем в 1832 г. — на русском [Шмидт 1832]. Конечно, «Грамматика» Я. И. Шмидта является значительным явлением для своего времени, но при этом следует отметить, что в ней существует немало ошибок, так как она была создана на ограниченной источниковой базе, а грамматический строй монгольского языка объяснялся через немецкий язык [Шамов 1983: 25]. И. В. Кульганек дала справедливую оценку работе Я. И. Шмидта и одновременно отметила превосходство «Грамматики» О. М. Ковалевского над работой предшественника. «*Своим трудом Я. И. Шмидт ввел монгольскую филологию в число академических дисциплин. Нельзя было требовать от первого пособия общей теории языка, разработки вопросов взаимодействия монгольского языка с другими языками, учета развития языка, его генезиса. „Грамматика“ О. М. Ковалевского поставила эти вопросы и, таким образом, указала путь к изучению монгольского языка на новом уровне, а именно к изучению исторической фонетики, исторической морфологии, взаимовлияния языков монгольских и тюркских, связей с персидским, арабским, русским. Кроме того, она ознаменовала появление университетской школы монголоведения в России*» [Кульганек 2004: 180–181].

Практически одновременно с трудом О. М. Ковалевского увидела свет «Грамматика монгольского языка» протоиерея Александра Бобровникова, чей сын Алексей Бобровников составил «Грамматику монголо-калмыцкого языка» (1849) [Раднаев 2012: 58–59]. Но труд О. М. Ковалевского отличается научной методикой и богатством содержания, знаменуя переход к качественно новому этапу в изучении монгольского языка.

Основной период научной деятельности О. М. Ковалевского прошел в Казанском университете, уникальное географическое положение которого на рубеже Востока и Запада позволило ему стать в первой половине XIX в. центром востоковедения России. Именно в стенах Казанского университета монголовед завершил двухтомную «Монгольскую хрестоматию», которая имеет высокую научную ценность и используется как учебное пособие и в наши дни.

Подготовка «Монгольской хрестоматии» была начата довольно рано. Она проходила во время путешествия автора по Бурятии, Монголии и Китаю, где он познакомился с богатым литературным наследием монголоязычного народа и накопил обширный материал для будущего издания. «*Пребывание О. М. Ковалевского в Восточной Сибири и Забайкалье, его общение с передовыми людьми края — А. В. Игумновым[1], Д. П. Давыдовым[2], с сибирской администрацией — И. Б. Цейдлером[3], А. С. Лавинским[4], А. Ф. Фроловым[5], с представителем корен-*

[1] Игумнов А. В. (1761–1834) — знаток монгольского языка и быта монголов. Служил переводчиком и чиновником в Иркутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Кяхте. В 1813 г. в Иркутске открыл школу монгольского языка.

[2] Давыдов Д. П. (1811–1888) — русский этнограф, поэт и учитель, дворянин.

[3] Цейдлер И. Б. (1777–1853) — иркутский гражданский губернатор в 1821–1835 гг.

[4] Лавинский А. С. (1776–1844) — российский государственный деятель начала XIX в., тайный советник, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1822–1833 гг.

[5] Фролов А. Ф. (1804–1885) — российский военнослужащий, подпоручик Пензенского пехотного полка, мемуарист, декабрист. Член «Общества соединенных

ного населения Р. Ванчиковым, с буддийским духовенством — Ломбоцэрэновым и другими ламами, способствовало формированию уникальной источниковой базы, включавшей рукописи, ксилографы и фольклоры, из коих некоторые не уступают и арабским в силе вымысла и слога своих сочинений» [Валеев и др. 2020: 46]. Во время семимесячного пребывания в столице Цинской династии О. М. Ковалевский также приобрел для университетской библиотеки ценные рукописи и книги. Результатом систематизации собранных материалов стала в том числе и его двухтомная «Монгольская хрестоматия», за которую монголовед получил полную Демидовскую премию. Работа его отличается новизной. «*В ней был впервые собран интереснейший материал по истории, культуре, литературе, политике, философии монгольского народа, выводящий учащегося на более высокий уровень знаний*» [Кульганек 2004: 188].

Как и «Грамматика», «Монгольская хрестоматия» О. М. Ковалевского получила высокую оценку не только российских, но и западноевропейских востоковедов. Влияние «Монгольской хрестоматии» вышло далеко за рамки ученых кругов России. Французские ориенталисты Е. Бюрнуф и С. Жюльен обратились с просьбой в Казанский университет выслать им труды О. М. Ковалевского и вступить с ним в научную переписку. Немецкий ученый А. Гумбольдт настоятельно просил министра просвещения России С. С. Уварова прислать труды О. М. Ковалевского, особенно «Монгольскую хрестоматию». Составленные О. М. Ковалевским учебные пособия стали основой для изучения монгольского языка для западных ученых [Улымжиев 1994: 37].

Наиболее значительным вкладом О. М. Ковалевского в развитие русского монголоведения стал трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь», который вышел в свет в 1844–1849 гг. [Ковалевский 1844; Ковалевский 1846; Ковалевский 1849]. Подготовка словаря была начата в самом начале пребывания в Сибири. Осознав недостатки прежних словарей, О. М. Ковалевский старался создать словарь живого разговорного монгольского языка, отражающий все сферы жизни монгольского народа. Как отметил сам исследователь во введении к словарю, приоритетными принципами работы являлись полнота и точность [Ковалевский 1844: I]. По словам автора, для осуществления своей цели он тщательно вникал в живой язык монгольских народов, записывал у них пословицы, сказки, песни, легенды, хранящиеся в народной памяти, извлекал слова и выражения при чтении различного содержания книг, при этом он также руководствовался по мере надобности изданными словарями и еще не опубликованными рукописями [Ковалевский 1844: III–IV].

Таким образом, словарь О. М. Ковалевского исчерпал все достоинства своих предшественников, вобрал в себя лучшие достижения современного ему монголоведения и базировался на большом количестве источников и словарей — как европейских, так и восточных [Успенский 2018: 1338]. Созданный О. М. Ковалевским словарь долгое время оставался самым полным по количеству охваченного лексического материала, а до выхода в свет в 1893–1895 гг. «Монгольско-русского словаря» К. Ф. Голстунского являлся наилучшим по качеству выполнения [Улымжиев 1994: 38].

славян». После восстания на Сенатской площади был осужден и отправлен на каторгу в Забайкалье.

6. Буддизм

Научный кругозор О. М. Ковалевского был весьма широким и не ограничивался изучением языка и литературы монголов. Ученый уделял значительное внимание духовной жизни монголов, центральное место в которой занимал буддизм. Он считал, что именно через буддизм возможно постижение настоящего состояния монгольского общества. Следует отметить, что в монголоведных исследованиях О. М. Ковалевского буддология тесно сочеталась с филологическим изучением. В двухтомной «Монгольской хрестоматии» значительное место занимают буддийские тексты, сопровождаемые богатыми комментариями. Можно сказать, это и служило первым этапом для учеников в дальнейшем изучении буддизма. «*Обширность комментариев, объяснение отдельных выражений, оборотов и терминов посредством привлечения примеров из различных буддийских сочинений — отличительная черта данной работы О. М. Ковалевского*» [Ермакова 2004: 215–216]. Кроме того, трехтомный словарь О. М. Ковалевского в значительной степени опирался на многочисленные буддийские источники на монгольском и тибетском языках. Единственным опубликованным трудом в области буддологии стала «Буддийская космология» (1837), которая длительное время оставалась единственным в российской науке систематическим изложением буддийской картины мира [Ковалевский 1837]. Вклад О. М. Ковалевского в изучение духовного мира монголов заключается в том, что он, в полной мере осознав роль буддизма в истории и настоящей жизни кочевого народа, собирал и использовал многочисленные буддийские источники с самого начала своей монголоведной деятельности. При этом он своими коллекциями и трудами заложил научную основу для дальнейшего изучения буддизма в России.

Преемником О. М. Ковалевского в области буддологии стал его ученик В. П. Васильев, который под руководством своего учителя выбрал буддийскую философию как предмет своего научного исследования [Академик-востоковед 2021: 66].

Будучи крупным китаеведом второй половины XIX в., В. П. Васильев начинал свой научный путь именно с изучения буддизма по монгольским источникам, он первым в России получил степень магистра монгольской словесности. Свои кандидатскую диссертацию «Дух буддийского сочинения под заглавием „Хутукту декгэду Алтан Герелту Судур ногодун Хаган“» и магистерскую диссертацию «Об основаниях философии буддизма» В. П. Васильев посвятил буддизму.

После казанского периода В. П. Васильев продолжил изучение буддизма в Пекине, где он составил «Буддийский терминологический лексикон», который также остался неоконченным и неопубликованным. Десятилетняя жизнь В. П. Васильева в Пекине в составе двенадцатой Русской духовной миссии (1840–1850 гг.) стала важным этапом в формировании его как буддолога. Изучение в Пекине китайского, тибетского, маньчжурского языков и санскрита позволило ему привлечь для исследований более широкий круг буддийских источников. Кроме того, по поручению О. М. Ковалевского он систематически собирал многочисленные буддийские рукописи и тем самым пополнил коллекцию восточных книг библиотеки Казанского университета, что и стало основой для дальнейших буддологических исследований. В 1857 г. вышел в свет первый том его труда «Буддизм, его история, догматы и литература» [Васильев 1857], а в 1869 г. — третий («История буддизма в Индии, сочинение Даранаты») [Васильев

1869]. Вторым томом должен был стать «Буддийский лексикон», но он не был издан. Данный труд В. П. Васильева стал большим достижением в российской буддологии. Он впервые в отечественной науке предпринял попытку систематического изложения истории развития буддийской мысли. Кроме того, он поставил вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта, о критериях выбора аналогов для перевода категорий буддийского учения на европейские языки, в частности о возможности применения таких понятий, как «спасение», «подвижничество», «святость», «божественное», «грех» и других к буддийским реалиям [Воробьева-Десятовская 2012: 134].

В 1873 г. вышла в свет основная работа В. П. Васильева «Религии Востока: Конфуцианство, Буддизм, Даосизм» [Васильев 1873]. Автор выразил необыкновенно критическое отношение к буддизму, которое сильно отличалось с его мыслей, высказанных в предшествующих работах. По мнению И. П. Минаева, автор писал в своей работе про буддизм с предвзятых позиций отрицания древности и автохтонности происхождения этого учения (цит. по: [Завадская 1974: 106]). Но при резко критической рецензии И. П. Минаев положительно оценил научную ценность книги «Религии Востока: Конфуцианство, Буддизм, Даосизм», считая, что автор впервые изложил тантризм в его полном объеме (цит. по: [Завадская 1974: 107]). Ф. И. Шербатскому представлялось наиболее важным открытием В. П. Васильева в буддологии его внимание к сакральным словам, произнесенным во Втором буддийском соборе Вайшали. С точки зрения О. О. Розенберга, наибольшую ценность в трудах В. П. Васильева представляет, во-первых, расширение круга буддийских источников, который до него долгое время ограничивался палийским каноном, и, во-вторых, разграничение в буддизме собственно религии и философии (цит. по: [Завадская 1974: 107–108]).

К сожалению, большинство трудов В. П. Васильева по буддизму не было опубликовано и осталось в рукописях, что стало большой потерей для буддологии России. Как отмечает Н. П. Шастина, своевременное опубликование «Оснований философии буддизма», основанной на монгольских источниках, было бы немалым открытием российского монголоведения [Шастина 1974: 90]. По словам С. Ф. Ольденбурга, потеря этих трудов невосполнимая, и можно смело сказать, что она задержала изучение буддизма на 30–40 лет [Ольденбург 1900: 68].

7. «Сокровенное сказание монголов» («Монголын нууц товчоо»)

Закономерным результатом изучения истории монголов членами духовной миссии является открытие «Сокровенного сказания монголов», что по праву считается исключительной честью российского монголоведения. Продолжая традицию Н. Я. Бичурина, архимандрит Палладий в своих исследованиях истории монголов обратился к китайским источникам, перевел несколько важных китайских источников на русский язык. В 1866 г. он перевел китайский вариант «Сокровенного сказания монголов» на русский и опубликовал свой перевод под названием «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» в IV томе «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине» [Палладий 1866]. В качестве оригинала послужил сокращенный китайский перевод, изданный в 1848 г. китайским ученым Чжан Му в составе сборника «Лянь юнь и цуншу» (кит. 连筠簃丛书[1]). Труд Палладия состоит из четырех частей: предисловия переводчика,

[1] Китайская книжная серия, составленная ученым Чжан Му (кит. 张穆, 1805–

основного текста, примечаний и генеалогической таблицы рода Чингис-хана. Ученый справедливо отметил литературные достоинства памятника, указав, что «*как произведение старинно-монгольское, „Сокровенное сказание“ отличается простотой и наивностью, которые трудно отыскать в творениях китайских бытописателей*» [Палладий 1866: 14]. Значительная часть предисловия была посвящена выявлению сложной истории составления «Сокровенного сказания монголов», истории распространения разных его вариантов и выявлению внутренних связей между ними. Палладий прослеживал время составления «Сокровенного сказания монголов» до периода правления династии Мин, когда для упрощения контактов между империей Мин и Монголией по велению государя чиновники академии Ханьлинь составили китайско-монгольский словарь «Хуа и и юй» (кит. 华夷译语[1]), а материалом данного словаря служило «Сокровенное сказание монголов». Исходя из этого, Палладий предположил, что оригинал «Сокровенного сказания монголов» был составлен монгольскими, но не квадратными, а уйгурскими буквами. При составлении словаря минские чиновники отметили условными китайскими иероглифами монгольский текст. Таким образом, Палладий сделал вывод, что «Сокровенное сказание монголов» состоит из трех текстов: монгольского, писанного уйгурскими буквами; тонического, представлявшего только звуки монгольского текста, выраженные условными китайскими знаками; китайского переводного [Палладий 1866: 5–6].

Уникальную научную ценность «Сокровенного сказания монголов» для изучения истории монголов Палладий подчеркнул сравнением его с другими китайскими источниками, главным образом, с самым важным и непосредственным источником об истории монголов — «Юань ши». Палладий воспринимал «Юань ши» со строгой критической точки зрения. По его мнению, несмотря на огромный объем и количество глав, «Юань ши» был составлен сразу после изгнания монголов из Китая, причем менее чем за один год. От такой поспешности и от недостатка и разнородности документов по истории династии Юань эта книга содержит ошибки, пропуски и противоречия; китайские ученые позднейших времен, не имея возможности исправить недостатки ее, ограничивались указанием на них [Палладий 1866: 10]. Таким образом, при наличии в «Юань ши» не всегда достоверной информации его научная ценность была неизбежно снижена. Что касается других источников, таких как «Цинь чжень лу» (кит. 亲征录), «Эрдэнийин тобчи» Санан-Сэцэна, «Алтан тобчи», ученый отметил, что они все без исключения проникнуты буддийским влиянием и не могут иметь значительного авторитета в отношении древней истории монголов [Палладий 1866: 15].

Перевод Палладия снабжен многочисленными примечаниями, которые огромны по количеству и богаты по содержанию. Всего их насчитывается 660. Примечания охватывают широкий спектр вопросов: исторические события, географические названия, собственные имена и т. д. Для обеспечения научной

1849) и изданная в 1848 г. Включает редкие исторические и филологические труды, среди которых сокращенный китайский перевод «Сокровенного сказания монголов», использованный Палладием (П. И. Кафаровым) для первого русского перевода памятника.

[1] Буквально переводится как «Переводы китайского и языков варваров», использовался как словарь для перевода с китайского на монгольский, тибетский и другие языки во время династий Мин и Цин.

точности Палладий провел сравнительный анализ более пятидесяти источников различного происхождения, в том числе и китайского, и западного. Их можно разделить по жанровой принадлежности на официальные династийные истории, исторические сочинения в жанре «неофициальной истории» и прочие исторические материалы [Chen 2007: 91].

Исследователь Чэнь Кайкэ классифицировал примечания Палладия по содержанию на четыре категории: объяснение исторических событий, объяснение слов, объяснение географических названий и объяснение предметов. Среди них примечания к словам занимают первое место по количеству. По мнению ученого, такое предпочтение Палладия объясняется тем, что переводчик воспринимал китайский вариант «Сокровенного сказания монголов» не только как исторический источник, но и как литературное произведение [Chen 2007: 92]. Данный подход находит отражение и в предисловии переводчика, где Палладий анализирует стилистические особенности текста, отмечая, что «*слог „Сокровенного сказания“ ниже разговорного слога драматических текстов, повестей и сказок китайских, что и послужило причиной забвения и пренебрежения к этому старинному историческому памятнику*» [Палладий 1866: 17–18].

Научное значение труда Палладия получило признание как современников, так и последующих исследователей. И. Н. Березин в предисловии к русскому переводу второй части первого тома «Сборника летописей» Рашид-ад-дина отмечал: «*при печатании этого перевода я мог воспользоваться, наконец, „Старинным монгольским сказанием о Чингис-хане“, существование которого мне известно ранее и которое появилось в четвертом томе Российской духовной миссии в Пекине, в переводе с китайского архимандрита Палладия, с примечаниями русского переводчика*» (цит. по: [Якубовский 1953: 60]). Открытие и перевод Палладием знаменитого, но забытого в течение долгого периода исторического памятника монголов получило высокую оценку И. Н. Березина, который называл «Сокровенное сказание» китайско-монгольской летописью и при работе над переводом «Сборника летописей» Рашид ад-дина неоднократно обращался к переводу Палладия, сверяя по нему генеалогию и факты биографии Чингис-хана. При этом он часто отдавал предпочтение версии «Сокровенного сказания монголов», а не Рашид ад-дина [Яхонтова 1993: 8–9].

По мнению А. Ю. Якубовского, архимандрит Палладий, продолжая традиции Н. Я. Бичурина, дал образец научной работы, ценность которой сохраняется и в наши дни. Труд Палладия не потерял своей научной ценности даже после выхода в свет в 1941 г. перевода С. А. Козина непосредственно с монгольского текста. Он в дальнейшем добавил, что перевод Палладия сыграл в развитии монголоведения, а также в изучении историографии монголов исключительную роль. В течение 80 лет перевод Палладия питал и питает историков первоклассным и фактическим, собственно монгольским материалом, который наряду со «Сборником летописей» Рашид ад-дина и другими китайскими источниками дает полную возможность всесторонне осветить обстановку образования монгольской империи [Якубовский 1953: 60–61].

Заслуги Палладия в изучении «Сокровенного сказания монголов» не ограничиваются переводческой деятельностью. В 1872 г. Палладий приобрел рукопись монгольского текста «Сокровенного сказания монголов» в пятнадцати главах,

восходящую к знаменитой энциклопедии «Юнлэ да дянь» (кит. 永乐大典[1]). Данная рукопись была переписана в 1804 г., ее последним обладателем был китайский чиновник и библиофил Хань Тайхуа. После приобретения рукописи Палладий сразу приступил к транскрибированию русскими буквами монгольского текста, который был отмечен китайскими иероглифами, а также осуществил подстрочный китайский перевод на русский. В 1878 г. Палладий передал рукопись «Сокровенного сказания монголов» и свою транскрипцию монголоведу А. М. Позднееву, который находился в Пекине. В этом же году Палладий скончался в Марселе по пути в Россию. А. М. Позднеев вернулся в Россию и в 1880 г. передал рукопись «Сокровенного сказания монголов» в библиотеку Санкт-Петербургского университета. С этого времени она хранится там под шифром Xyl. 1264 (Коллекция Позднеева, № 152) [НБ ВФ. Ф. 152. Ед. хр. Xyl. 1264. Коллекция А. М. Позднеева]. Архимандрит Палладий сыграл исключительную роль в области изучения «Сокровенного сказания монголов». Его научные труды ценят не только русские, но и европейские исследователи последующих поколений. В 1933 г. французский востоковед Поль Пеллио подарил Пекинской государственной библиотеке копию университетской рукописи «Сокровенного сказания монголов», сделанную при его посещении Ленинграда по дороге в Китай. В 1962 г. было опубликовано факсимиле текста университетской рукописи «Сокровенного сказания» с предисловием Б. И. Панкратова [Яхонтова 1993: 21].

8. Заключение

Монголоведные исследования членов Русской духовной миссии в Пекине внесли значительный вклад в становление и развитие русского монголоведения, существенно расширили его научное поле, стали основой для будущих исследований. Через их многогранную научную деятельность, затрагивающую такие различные аспекты монголоведения, как история, язык, литература, религия, осуществлялось не просто расширение источниковой базы для будущего развития данной науки, но и формирование в ученом кругу России целостного научного представления о монгольском мире как о самобытной и сложной цивилизации.

Непосредственные полевые наблюдения на территории расселения монголов обеспечили подробность и достоверность собранных ими сведений. Длительное пребывание в столице Цинской династии предоставило им уникальную возможность собирать и изучать источники не только на монгольском, но и на китайском и маньчжурском языках, именно в этом и заключается самая яркая особенность монголоведных исследований членов духовной миссии. Привлекаемые ими источники включали ключевые исторические памятники монгольского народа, в том числе знаменитое «Сокровенное сказание монголов», редкие буддийские рукописи и ксилографы, памятники фольклора, а также Цинское законодательство для монголов. Таким образом, монгольская тема изучалась ими не только через призму историко-культурного наследия монголов, но и в широком контексте международных отношений того времени.

[1] Буквально переводится как «Великий свод эры Юнлэ». Это крупнейшая в истории китайская энциклопедия, составленная в 1403–1408 гг. по приказу императора Чжу Ди. Она включает около 11 000 томов, объединяя труды по философии, истории, астрономии, медицине и литературе.

Такие представители Русской духовной миссии в Пекине, как И. К. Россохин, Н. Я. Бичурин, О. М. Ковалевский, В. П. Васильев и П. И. Кафаров своими исследованиями вывели русское монголоведение на мировой уровень. Научная ценность их трудов сохраняет актуальность и в наши дни.

Источники

Архив РАН — Архив Российской академии наук.

НБ ВФ — Научная библиотека им. М. Горького Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences.

M. Gorky Scientific Library of the Department of Oriental Studies, St. Petersburg State University.

Литература

Академик-востоковед 2021 — Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / отв. ред.: Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2021. 320 с.

Бантыш-Каменский 1882 — *Бантыш-Каменский Н. Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год: сост. по документам, хранящимся в моск. арх. Гос. коллегии иностр. дел, в 1792–1803 г. Николаем Бантыш-Каменским / изд. в память истекшего 300-летия Сибири В. Ф. Флоринским, с прибавл. издателя. Казань: Тип. имп. ун-та, 1882. 565 с.

Бичурин 1828а — *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом: С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. I. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828. 230 с.

Бичурин 1828б — *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом: С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. II. СПб.: Тип. К. Крайя, 1828. 339 с.

Бичурин 1829а — *Бичурин Н. Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. 440 с.

References

Academician-Orientalist Vasiliev V. P. Kazan – Beijing – St. Petersburg (Essays and Materials). R. Valeev, I. Kulganek (eds.). St. Petersburg; Kazan: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2021. 320 p. (In Russ.)

Bantysh-Kamensky N. N. A Diplomatic Collection of Affairs between the Russian and Chinese States from 1619 to 1792.N. Bantysh-Kamensky (comp. from documents held in the Moscow Archive of the State Collegium of Foreign Affairs, 1792–1803). V. Florinsky (publ.) in Commemoration of the 300th Anniversary of Siberia, with Additions by the Publisher. Kazan: Imp. University, 1882. 565 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia, by Monk Iakinf (comp.): with a Map of Mongolia and Various Costumes. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1828. 230 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia, Monk Iakinf (comp.): with a Map of Mongolia and Various Costumes. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1828. 339 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. History of the First Four Khans of the Genghisid Dynasty. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1829. 440 p. (In Russ.)

Бичурин 1829б — *Бичурин Н. Я.* Описание Джуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 270 с.

Бичурин 1854 — Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. департ. М-ва внутренних дел, 1854. 253 с.

Валеев и др. 2020 — *Валеев Р. М.*, *Жуков В. Ю.*, *Кульганек И. В.*, *Мартынов Д. Е.*, *Полянская О. Н.* Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов). СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020. 440 с.

Васильев 1857 — *Васильев В. П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. I. Общее обозрение. СПб.: Тип. Акад. наук, 1857. 353 с.

Васильев 1869 — Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. III. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. 286 с.

Васильев 1873 — Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1873. 183 с.

Воробьева-Десятовская 2012 — *Воробьева-Десятовская М. И.* Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1(16). С. 132–137.

Данышин 2016 — *Данышин А. В.* Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая // Lex Russica. 2016. № 8(117). С. 152–167.

Ермакова 2004 — *Ермакова Т. В.* О. М. Ковалевский как религиовед-буддолог // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие / науч. ред. Р. М. Валеев, отв. ред. И. В. Кульганек. Казань: Алма-Лит, 2004. С. 209–231.

Bichurin, N. Ya. Description of Dzungaria and Eastern Turkestan in Ancient and Modern Times. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1829. 270 p. (In Russ.)

Bichurin, N. Ya. Historical Survey of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present Day. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Medical Dep.), 1854. 253 p. (In Russ.)

Valeev R. M., Zhukov V. Yu., Kulganek I. V., Martynov D. E., Polianskaia O. N. Biography and Scientific Heritage of the Orientalist O. M. Kovalevsky (Based on Archival and Manuscript Collections). St. Petersburg; Kazan: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2020. 440 p. (In Russ.)

Vasiliev V. P. Buddhism: its Dogmas, History and Literature. Pt. I. St. Petersburg: Tip. Akad. Nauk, 1857. General Survey. 353 p. (In Russ.)

Vasiliev V. P. Buddhism: Its Dogmas, History and Literature. Pt. 3. History of Buddhism in India, Dāraṇī Texts. St. Petersburg: Tip. Akad. Nauk, 1869. 286 p. (In Russ.)

Vasiliev V. P. Religions of the East: Confucianism, Buddhism and Taoism. St. Petersburg: V. S. Balashev, 1873. 183 p. (In Russ.)

Vorobyeva-Desyatovskaya M. I. Academician V. P. Vasiliev on the History of Buddhist Philosophy (Texts in Tibetan and Chinese). *Written Monuments of the Orient.* 2012. No. 1(16). Pp. 132–137. (In Russ.)

Danyshin A. V. The Contribution of the Russian Ecclesiastical Mission to the Study of Chinese Law. *Lex Russica*. 2016. No. 8(117). Pp. 152–167. (In Russ.)

Yermakova T. V. O. M. Kovalevsky as a Scholar of Religion and Buddhologist. In: The Mongolist O. M. Kovalevsky: Biography and Legacy. R. Valeev, I. Kulganek (eds.). Kazan: Alma-Lit, 2004. Pp. 209–231. (In Russ.)

Завадская 1974 — *Завадская Е. В.* В. П. Васильев — родоначальник буддологии в России // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева) / отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 104–109.

Zavadskaya E. V. V. P. Vasiliev as the Founder of Buddhology in Russia. In: History and Culture of China (Collection in Memory of Academician V. P. Vasiliev). L. Vasiliev (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1974. Pp. 104–109. (In Russ.)

Ковалевский 1837 — *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань: Университетская типография, 1837. 167 с.

Kovalevsky O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1837. 167 p. (In Russ.)

Ковалевский 1844 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь Т. I. Казань: Университетская типография, 1844. 594 с.

Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary Vol. 1. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1844. 594 p. (In Russ.)

Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. II. Казань: Университетская типография, 1846. 951 с.

Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 2. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1846. 951 p. (In Russ.)

Ковалевский 1849 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. III. Казань: Университетская типография, 1849. 1145 с.

Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 3. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1849. 1145 p.(In Russ.)

Ковалевский 2006 — *Ковалевский О. М.* Россия – Монголия – Китай: дневники монголоведа О. М. Ковалевского, 1830–1831 гг. / подг. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указатели: Р. М. Валеев, И. В. Кульганек; отв. ред. А. Д. Цендина. Казань, СПб.: Таглимат, 2006. 104 с.

Kovalevsky O. M. Russia – Mongolia – China: Diaries of the Mongolist O. M. Kovalevsky, 1830–1831. R. Valeev, I. Kulganek, A. Tsendina (eds.). Kazan; St. Petersburg: Taglimat, 2006. 104 p. (In Russ.)

Кульганек 2004 — *Кульганек И. В.* Труды и учебные пособия О. М. Ковалевского по монгольской филологии // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие / науч. ред. Р. М. Валеев, отв. ред. И. В. Кульганек. Казань: Алма-Лит, 2004. С. 177–208.

Kulganek I. V. The Works and Textbooks of O. M. Kovalevsky on Mongolian Philology. In: The Mongolist O. M. Kovalevsky: Biography and Legacy. R. Valeev, I. Kulganek (eds.). Kazan: Alma-Lit, 2004. Pp. 177–208. (In Russ.)

Леонтьев 1777 — *Леонтьев А. Л.* Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами. СПб.: Имп. Академия наук, 1777. 103. с.

Leontiev A. L. Notice Regarding the Former War between the Chinese and the Zunghars from 1677 to 1689. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1777. 103 p. (In Russ.)

Леонтьев 1782 — *Леонтьев А. Л.* Путешествие китайского посланника к Калмыцкому Аюке-хану, с описанием земель и обычаев российских. СПб.: Имп. академия наук, 1782. 167 с.

Leontiev A. L. Journey of the Chinese Envoy to the Kalmyk Ayuka Khan, with a Description of Russian Lands and Customs. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1782. 167 p. (In Russ.)

Липовцов 1820 — *Липовцов С. В.* О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XII. СПб.: Морская тип., 1820. С. 167–226.

Липовцов 1821а — *Липовцов С. В.* Обозрение Зюнгарии // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XIII. СПб.: Морская тип., 1821. С. 89–110, 133–148.

Липовцов 1821б — *Липовцов С. В.* Обозрение Зюнгарии // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XIV. СПб.: Морская тип., 1821. С. 193–208.

Липовцов 1821в — *Липовцов С. В.* Обозрение Зюнгарии // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XVI. СПб.: Морская тип., 1821. С. 360–383.

Максимова 2002 — *Максимова М. И.* Г. Байер (1694–1738) и русское калмыковедение // Монголоведение. 2002. № 1. С. 195–197.

Новгородская 1993 — *Новгородская Н. Ю.* Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII–XVIII в) // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 9–16.

Ольденбург 1900 — *Ольденбург С. Ф.* Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. CCCXXX. Июль. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К., 1900. С. 65–70.

Палладий 1866 — *Палладий (Кафаров П. И.)* Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1866. С. 3–258.

Раднаев 2012 — *Раднаев В. Э.* Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.

Lipovtsov S. V. On the Migration of the Turguts to Russia and Their Subsequent Return from Russia to Zungaria. In: Siberian Bulletin. G. Spassky (publ.). St. Petersburg: Morskaya Tip.1820. No. 2. Pp. 167–226. (In Russ.)

Lipovtsov S. V. A Survey of Zungaria. *Sibirskij Vestnik.* G. Spassky (publ.). No. 13. St. Petersburg: Morskaya Tip. 1821. Pp. 89–110. Pp. 133–148. (In Russ.)

Lipovtsov S. V. A Survey of Zungaria. *Sibirskij Vestnik.* G. Spassky (publ.). No. 14. St. Petersburg: Morskaya Tip.. 1821. Pp. 193–208. (In Russ.)

Lipovtsov S. V. A Survey of Zungaria. *Sibirskij Vestnik.* G. Spassky (publ.). No. 16. St. Petersburg: Morskaya Tip. 1821. Pp. 360–383. (In Russ.)

Maksimova M. I. G. Bayer (1694–1738) and Russian Kalmyk Studies. *Mongolian Studies.* 2002. Is. 1. Pp. 195–197. (In Russ.)

Novgorodskaya N. Yu. The Role and Place of the Russian Spiritual Mission in Beijing in the History of Sino-Russian Relations (late 17th–18th Centuries). In: Orthodoxy in the Far East: The 275th Anniversary of the Russian Spiritual Mission in China. St. Petersburg: Andreev and Sons, 1993. Pp. 9–16. (In Russ.)

Oldenburg S. F. Vasily Pavlovich Vasiliev as a Researcher of Buddhism. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya. Sed`moe Desyatiletie.* Part 330. July. St. Petersburg: V. S. Balashev and Co., 1900. Pp. 65–70. (In Russ.)

Palladius (Kafarov P. I.). An Ancient Mongolian Tale of Genghis Khan. In: Works of the Members of the Russian Spiritual Mission in Peking. Vol. 4. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1866. Pp. 3–258. (In Russ.)

Radnaev V. E. Mongolian Linguistics in Russia in the First Half of the 19th Century: Problems of Legacy. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 392 p. (In Russ.)

Россохин 1764 — *Россохин И. К.* Китайское путешествие, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкаго хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Т. 20. Июль. С. 3–49.

Rossokhin I. K. Chinese Journey Undertaken by Chinese Envoys to Russia, who were with the Kalmyk Khan Ayuka on the Volga in 1714. In: Monthly Writings and Scholarly News. 1764. Vol. 20. July. Pp. 3–49. (In Russ.)

Скачков 1977 — *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

Skachkov P. E. Essays on the History of Russian Sinology. Moscow: Nauka, 1977. 505 p. (In Russ.)

Тимковский 1824 — *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками. Ч. 1: Переезд до Пекина. СПб.: Тип. Мед. деп-та Мин-ва внутренних дел, 1824. 388 с.

Timkovsky E. F. Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821: with a Map, Plans, and Illustrations. Part 1: the Passage to Beijing. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Medical Dep.), 1824. 388 p. (In Russ.)

Уложение 1828а — Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчур. Степан Липовцов. Т. I. СПб.: Тип. Деп. народ. просвещ., 1828. 28 с.

The Code of the Chinese Chamber for External Relations. S. Lipovtsov (transl.). Vol. 1. St. Petersburg: Department of Public Enlightenment, 1828. 28 p. 3 (In Russ.)

Уложение 1828б — Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчур. Степан Липовцов. Т. II. СПб.: Тип. Деп. народ. просвещ., 1828. 319 с.

The Code of the Chinese Chamber for External Relations. S. Lipovtsov (transl.). Vol. 2. St. Petersburg: Department of Public Enlightenment, 1828. 319 p. (In Russ.)

Улымжиев 1994 — *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Бурятск. пед. ин-т, 1994. 106 с.

Ulymzhiev D. B. Pages of National Mongol Studies. The Kazan School of Mongolists. Ulan-Ude: Buryat Pedagogical Institute, 1994. 106 p. (In Russ.)

Успенский 2018 — *Успенский В. Л.* Источники «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1334–1340.

Uspensky V. L. Sources of O. M. Kovalevsky's "Mongolian-Russian-French Dictionary". *Ucheny`e Zapiski Kazanskogo Universiteta.* 2018. Vol. 160. No. 6. Pp. 1334–1340. (In Russ.)

Хохлов 2002 — *Хохлов А. Н.* Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань Цзэ-ли» // История и культура Востока Азии: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Т. 1 / отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Институт археологии и этнографии, 2002. С. 70–73.

Khokhlov A. N. Mongolist Vasily Novoselov and His Translation of the "Lifanyuan Zeli". In: History and Culture of East Asia: Proccedings of the International Scientific Conference (Novosibirsk, December 9–11, 2002). Vol. 1. S. Alkin (ed.). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, 2002. Pp. 70–73. (In Russ.)

Шамов 1983 — *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Казанск. ун-т, 1983. 112 с.

Шастина 1953 — *Шастина Н. П.* Перевод И. Рассохина источника по истории монголов конца XVII в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. I. М.: Вост. лит., 1953. С. 200–211.

Шастина 1956 — *Шастина Н. П.* Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2 / отв. ред.: В. И. Авдиев и Н. П. Шастина. М.: АН СССР, 1956. С. 181–198.

Шастина 1974 — *Шастина Н. П.* Монголоведение в трудах В. П. Васильева // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева) / отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 86–103.

Шаститко, Ким 1990 — История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред.: П. М. Шаститко, Г. Ф. Ким. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 435 с.

Шмидт 1832 — *Шмидт Я. И.* Грамматика монгольского языка. СПб.: Имп. Академия наук, 1832. 184 с.

Якубовский 1953 — *Якубовский А. Ю.* Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. I / отв. ред. В. И. Авдиев, Н. П. Шастина. М.: АН СССР, 1953. С. 31–95.

Яхонтова 1993 — *Яхонтова Н. С.* История изучения «Юань чао би ши» в России и СССР // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, Вост. лит., 1993. С. 7–39.

Chen 2007 — *Chen kai ke*. ba la di de han xue yan jiu (= Китаеведение Палладия). Beijing: Xue yuan chu ban she, 2007. 300 c.

Shamov G. F. Professor O. M. Kovalevsky: Essay of his Life and Scientific Work. Kazan: Kazan University, 1983. 112 p. (In Russ.)

Shastina N. P. I. Rassokhin's Translation of a Source on the History of the Mongols of the Late 17th Century. In: Scholarly Notes of the Institute of Oriental Studies. Vol. 6. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1953. Pp. 200–211. (In Russ.)

Shastina N. P. The Significance of N. Ya. Bichurin's Works for Russian Mongol Studies. In: Essays on the History of Russian Oriental Studies. Collection 2. V. Avdiev, N. Shastina (eds.). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. Pp. 181–198. (In Russ.)

Shastina N. P. Mongol Studies in the Works of V. P. Vasiliev. In: History and Culture of China. Collection in Memory of Academician V. P. Vasiliev). L. Vasiliev (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1974. Pp. 86–103. (In Russ.)

Shastitko P. M., Kim G. F. (eds). History of National Oriental Studies until the Mid-19th Century. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 435 p. (In Russ.)

Schmidt Ya. I. Mongolian Grammar. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1832. 184 p. (In Russ.)

Yakubovsky A. Yu. From the History of the Study of the Mongols of the 11th–13th Centuries. In: Essays on the History of Russian Oriental Studies: Collection 1. I. Avdiev, N. Shastina (eds.). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Pp. 31–95. (In Russ.)

Yakhontova N. S. History of the Study of the Yuan Chao Bi Shi in Russia and the USSR. In: Mongolica: to the 750th Anniversary of the "Secret History of the Mongols". Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1993. Pp. 7–39. (In Russ.)

Palladius's Chinese Studies. Beijing: Xue Yuan Chu Ban She, 2007. 300 p. (In Chin.)

Hou 2019 — *Hou yi.* tu li chen «yi yu lu» zai xi fang shi jie de chuan bo (= Распространение «Экзотического отчета» Тулишэня на западе) // shi yuan za tan. 2019. № 2. С. 117–121.

The Dissemination of Tulisen's "Record of the Alien Lands" in the Western World. *shi yuan za tan*. 2019. No. 2. Pp. 117–121. (In Chin.)

Sha si ti na 1955 — *Sha si ti na N. P.* su lian de meng gu xue fa zhan shi gai yao (= История изучения Монгольской народной республики) / Yu yuan an (trans.). Beijing: Ke xue chu ban she, 1955. 54 c.

Shastina N. P. History of the Study of the Mongolian People's Republic. Beijing: Ke Xue Chu Ban She, 1955. 54 p. (In Chin.)

Schmidt 1831 — *Schmidt I. J.* Grammatik der Mongolischen Sprache. St. Petersburg: Die Kai-serliche Akademie der Wissenschaften. 179 s.

Schmidt Ya. I. Mongolian Grammar. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1831. 179 p. (In Germ.)

Timkowski 1825a — *Timkowski J. F.* Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821 / Aus dem Russischen übersetzt von A. E. Schmidt. Band 1. Leipzig: G. Fleischer, 1825. 360 s.

Timkovsky E. F. Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821. Vol. 1. Leipzig: G. Fleischer, 1824. 360 p. (In Germ.)

Timkowski 1825б — *Timkowski J. F.* Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821 / Aus dem Russischen übersetzt von A. E. Schmidt. Band 2. Leipzig: G. Fleischer, 1825. 368 S.

Timkovsky E. F. Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821. Vol. 2. Leipzig: G. Fleischer, 1824. 368 p. (In Germ.)

Timkowski 1825в — *Timkowski J. F.* Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821 / Aus dem Russischen übersetzt von A. E. Schmidt. Band 3. Leipzig: G. Fleischer, 1825. 442 s.

Timkovsky E. F. Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821. Vol. 3. Leipzig: G. Fleischer, 1824. 442 p. (In Germ.)

Timkovsky 1827a — *Timkovsky E. F.* Travels of the Russian mission through Mongolia to China and residence in Peking, in the years 1820–1821: illustrated by maps, plates, with corrections and notes by Julius von Klaproth. Vol. I. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 468 p.

Timkovsky E. F. Travels of the Russian Mission through Mongolia to China and Residence in Peking, in the Years 1820–1821. Julius von Klaproth (Illustrated by Maps, Plates, with Corrections and Notes). Vol. 1. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 468 p. (In Eng.)

Timkovsky 1827б — *Timkovsky E. F.* Travels of the Russian mission through Mongolia to China and residence in Peking, in the years 1820–1821: illustrated by maps, plates, with corrections and notes by Julius von Klaproth. Vol. II. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 496 p.

Timkovsky E. F. Travels of the Russian Mission through Mongolia to China and Residence in Peking, in the Years 1820–1821. Julius von Klaproth (Illustrated by Maps, Plates, with Corrections and Notes). Vol. 2. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 496 p. (In Eng.)

Timkovski 1827в — *Timkovsky E. F.* Voyage à Peking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. Vol. 1. Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils, 1827. 480 p.

Timkovski 1827г — *Timkovsky E. F.* Voyage à Peking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. Vol. 2. Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils, 1827. 460 p.

Yan 2006 — *Yan guo dong*. e guo han xue shi: qi yu 1917 nian (= История русского китаеведения: до 1917 г.). Beijing: Ren min chu ban she, 2006. 731 c.

Zhou 1994 — *Zhou zuo shao.* tu li chen he «yi yu lu» (= Тулишэнь и «Экзотический отчет») // dong yue lun cong. 1994. № 5. С. 106–109.

Timkovsky E. F. Journey to Peking through Mongolia in the 1820 and 1821. Vol. 1. Paris: Oriental Bookstore of Dondey-Dupré Father and Son, 1827. 480 p. (In French)

Timkovsky E. F. Journey to Peking through Mongolia in the 1820 and 1821. Vol. 2. Paris: Oriental Bookstore of Dondey-Dupré Father and Son, 1827. 460 p. (In French)

A History of Russian Sinology: up to 1917. Beijing: Ren Min Chu Ban She, 2006. 731 p. (In Chin.)

Zhou Zuo Shao. tu li chen he «yi yu lu» (Tulisen and “Record of the Alien Lands”). *Dong Yue Lun Cong.* 1994. No. 5. Pp. 106–109. (In Chin.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 763–778, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-763-778

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 243.4

UDC 243.4

Тибетский буддизм в работах китайских исследователей первой четверти XXI в. (на материалах научной электронной библиотеки Wanfang Data)

Виктория Эдуардовна Цыремпилова[1]

[1] Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 67000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

0009-0003-0492-9327. E-mail: vikaliv21[at]yandex.ru

Tibetan Buddhism in the Works of Chinese Researchers of the 1st Quarter of 21st Century (Based on the Materials of Scientific Online Library Wanfang Data)

Viktoriia E. Tsyrempilova[1]

[1] Dorzhi Banzarov Buryat State University, (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025
© Цыремпилова В. Э., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Tsyrempilova V. E., 2025

Аннотация. *Введение*. Тибетский буддизм является предметом исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей. Работы отечественных ученых имеют широкий спектр направлений в изучении тибетского буддизма. Особое внимание вызывают работы китайских исследователей тибетского буддизма, что, на первый взгляд, идет вразрез с идеологическими установками в Китае. Актуальность исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа современных китаеязычных исследований тибето-монгольского буддизма в контексте изучения трансформации общественно-политических процессов. *Целью* настоящего исследования является анализ современных китаеязычных источников в изучении тибетского буддизма посредством электронной научной библиотеки Wanfang Data. Задачи исследования: отразить степень изученности темы в отечественной и зарубежной историографии, проанализировать работы китайских исследователей, определить основные направления в изучении тибето-монгольского буддизма китайскими исследователями. *Материалами* исследования являются публикации в китайской научной электронной библиотеке Wanfang Data. *Результаты*. В ходе анализа материалов были выявлены такие направления исследований тибетского буддизма в КНР, как отношения государства и представителей тибетского буддизма, изучение истории и философии тибетского буддизма, его влияние в Монголии и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР. Кроме того, значительное внимание уделяется роли горы Утайшань для представителей тибетского буддизма и его отношения с китайским буддизмом.

Ключевые слова: тибетский буддизм, Китай, Монголия, гора Утайшань, китайские исследователи, Wanfang Data, онлайн-источники
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии» (номер регистрации: 24-48-03022, https://rscf.ru/project/24-48-03022/).
Для цитирования: Цыремпилова В. Э. Тибето-монгольский буддизм в работах китайских исследователей первой четверти XXI в. (на материалах научной электронной библиотеки Wanfang Data) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 763–778. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-763-778

Abstract. *Introduction*. Tibetan Buddhism is the object of research for Russian and foreign scientists. The works of Russian scientists are written on the wide range of topics in Tibetan Buddhism. Thereby the special focus is on the works of Chinese researchers on the topic of Tibetan Buddhism as long as it is been thought out of accord with ideological principles in China. The relevance of the study is to be the first attempt of the analysis of Chinese works about Tibetan Buddhism in the context of study of transformations in socio-political processes. The main aim of the work is the material analysis of the online database Wanfang Data on the topic of Tibetan Buddhism. The objectives are: to show the degree of the study in Russian and foreign historiography, to analyze the works of Chinese researchers, to identify the directions of research of Tibetan-Mongolian Buddhism which is conducted by Chinese scientists. *Materials* of this study are publications in the Chinese online database Wanfang Data. *Results.* Through the analysis of the materials such areas of the research as the relations of state and the representatives of Tibetan Buddhism, the study of history and philosophy of Tibetan Buddhism, its influence in Mongolia and ARIM, were identified. Along with that the role of Utaishan mountain for the representatives of Tibetan Buddhism and its relations with Chinese Buddhism was under of large focus.
Keywords: Tibetan Buddhism, China, Mongolia, Utaishan mountain, Chinese researchers, Wanfang Data, online-resources
Acknowledgments. The reported study was supported by Russian Science Foundation, project "Traditional Buddhism, Post-Secularity and Modern Socio-political processes in Russia and Mongolia" (№24-48-03022, https://rscf.ru/project/24-48-03022/).
For citation: Tsyrempilova V.E. Tibet-Mongolian Buddhism in the Works of Chinese Researchers of the 1st Quarter of 21st Century (Based on the Materials of Scientific Online Library Wanfang Data). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 763–778. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-763-778

1. Введение

Буддизм является темой исследований с обширной библиографией в самых различных областях науки. В изучении тибето-монгольского буддизма можно выделить сложившиеся национальные исследовательские школы в Китае и Монголии, западную и российскую буддологию, в развитии исследовательского фокуса и теоретико-методологических традиций которых можно в целом выделить как общее, так и особенное.

Тема тибетского буддизма вызывает устойчивый научный интерес со стороны российских и зарубежных исследователей.

В истории российских исследований тибетского буддизма следует выделить имперский, советский и современный периоды. В советский период вышли такие важные работы российских ученых, как «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков», «Обновленческое

движение бурятского ламаистского духовенства» К. М. Герасимовой [Герасимова 1957; Герасимова 1964], «Ламаизм и ранние формы религии» Н. Л. Жуковской [Жуковская 1977], «Тибетский район КНР» В. П. Богословского [Богословский 1978].

Постсоветский период ознаменовался всплеском исследований, посвященных самым разным аспектам буддизма. К числу российских исследователей, изучающих буддизм, относятся А. И. Андреев [Андреев 2006], В. П. Андросов [Андросов 2018а; Андросов 2018б], Д. В. Аюшеева [Аюшеева 2000], А. А. Базаров [Базаров 2012], И. Р. Гарри [Гарри 2009], А. В. Зорин [Зорин 2014], Р. Н. Крапивина[Крапивина 2020], Н. В. Цыремпилов [Цыремпилов 2013], Л. Я. Янгутов [Янгутов 1995] и др. Следует отметить, что в монографических работах и многочисленных статьях российских исследователей рассматриваются преимущественно философские, исторические и источниковедческие аспекты буддизма в Монголии, они мало касаются современности, тема разрабатывается в отрыве от главных направлений российской истории и истории стран Азии, современных теорий социологии и социальной антропологии.

Проблеме отношений буддизма и политики, государства и церкви посвящены работы Ц. П. Ванчиковой [Ванчикова 2019], С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2016], Р. Т. Сабирова [Сабиров 2020] и др.

В КНР буддологические исследования в целом занимают важное место. Однако изучение буддизма в Китае преимущественно подвержено негласной цензуре, которая соответствует официальной линии Коммунистической партии Китая (далее — КПК). Поэтому можно утверждать, что гуманитарные исследования отличаются высокой степенью идеологизированности, ученые КНР — представители тибетской и монгольской национальностей избегают заниматься политической историей и современными проблемами, буддизм чаще всего рассматривается либо в историческом, либо в сугубо религиозных аспектах. Проблема буддизма и модернизма в китайской науке исследуется в основном с точки зрения соответствия буддийской религии социалистическому строю, в то время как вопросы национализма, секуляризма, взаимоотношений государства и церкви и т. д. вне исторического контекста пока не находят в ней отражения.

Можно сказать, что важной предметной областью этих работ является и развитие тибето-монгольского буддизма. Вместе с тем можно отметить относительно слабое знакомство мировой, в том числе российской, науки с этим большим сегментом в силу, прежде всего, языковых и институциональных факторов. Поэтому целью данной статьи является изучение работ китайских исследователей первой четверти XXI в., посвященных изучению тибето-монгольского буддизма, на материалах научной электронной библиотеки Wanfang Data.

2. Материалы и методы

Как в китайском, так и международном научном сообществе широко известны две онлайн-базы данных китайского происхождения. Wanfang Data (кит. 万方数据) представляет собой онлайн-базу научных журналов, диссертаций, тезисов научных конференций, патентов и т. д. База предоставляет исследования разных наук: история Китая, социология, юриспруденция, китайская традиционная медицина и т. д. Несмотря на очевидные достоинства настоящей платформы, она имеет и недостатки, одним из которых является сплошная публикация, что приводит к повторным ссылкам. Кроме того, датирование статей не всегда одинаково с публикацией на сайте, поэтому анализ данных требует дополнительного

времени. Имеется и другая онлайн-база данных Zhiwang (кит. 知网), которая также является одной из ведущих онлайн-платформ с огромным количеством публикаций китайских научных исследований.

Принимая во внимание то, что тема тибетского буддизма в китайском научном сообществе имеет своего рода табуированный характер из-за проводимой политики руководством КНР в отношении Тибета, отметим, что проведенный нами анализ материалов показал, что многие современные китайские исследователи занимаются изучением вопроса тибетского буддизма в различных его аспектах.

Сбор материалов предполагал поиск по ключевому слову «тибетский буддизм (кит. 藏出佛教) в базе данных Wanfang Data, что позволило рассмотреть различные направления в изучении тибетского буддизма современными китайскими исследователями.

Количественный анализ материалов имеет небольшие трудности в связи с дублированием некоторых статей или диссертаций на платформе. Но, если обратиться к полным количественным данным материалов, а именно по нахождению в основном поиске ключевым словам, аннотациям, то можно обнаружить, что с начала 2000-х гг. на данной платформе было опубликовано более 9 000 различных публикаций: статьи, диссертации, материалы конференций, законодательные акты и др. Исходя из анализа, также наблюдается увеличение публикационной активности с начала 2010-х гг., можно сказать, что тема тибетского буддизма продолжает оставаться актуальной на современном этапе.

3. Тибетский буддизм в работах китайских исследователей

В ходе анализа материалов базы данных были выявлены такие направления исследований тибетского буддизма в КНР, как отношения государства и представителей тибетского буддизма, изучение истории и философии тибетского буддизма, его влияние в Монголии и Автономном районе Внутренняя Монголия (далее — АРВМ) КНР. Кроме того, значительное внимание уделяется роли горы Утайшань для представителей тибетского буддизма и отношениям государства и институтов китайского буддизма.

Значимость результатов исследования заключается во введении в научный оборот современных источников на китайском языке по теме тибетского буддизма, что позволяет расширить поле для дальнейших исследований по поставленной проблеме.

В проанализированных работах условно можно выделить на несколько тем. В первую очередь это тема взаимоотношений власти и представителей тибетского буддизма, которой посвящены работы китайских исследователей. Пристальное внимание уделяется периодам правления династий Мин, Юань и Цин, когда тибетский буддизм играл важную роль в жизни государства.

Следующим большим пластом является изучение определенных основ, понятий и канонов тибетского буддизма. Кроме того, исследователи предпринимают попытки сравнительного анализа элементов тибетского буддизма и китайского буддизма. Особое внимание уделяется анализу феномена горы Утайшань как значимого объекта тибетского буддизма, который гармонирует с китайским буддизмом.

Китайские исследователи также изучают вопросы проникновения и распространения тибетского буддизма на территорию Монголии, его влияния на социокультурные процессы, его роли и места в АРВМ КНР.

Следует отметить работы, касающиеся как развития тибетского буддизма и его влияния в определенные периоды правления китайских династий, так и сравнительного анализа феномена тибетского буддизма в определенные периоды правления между династиями. Так, в работе исследователя Бай Янь «Сравнительный анализ политики династий Цинь и Юань в отношении тибетского буддизма» освещаются не только сходства, но и различия политических режимов, которые прибегали к тибетскому буддизму. Эти различия заключались во власти религиозных лидеров, храмовой экономике, управлении ламами и т. д. [Bai 2004: 39–43].

Позднее Бай Янь была защищена магистерская диссертация на тему «Политика тибетского буддизма и ее преемственность в династиях Юань, Мин и Цин». Цель этой работы заключалась в комплексном анализе характеристик преемственности политики с точки зрения поддержки тибетского буддизма центральным правительством, управлением внутренними делами. Кроме того, в работе отражаются особенности тибетского буддизма при каждой из династий и причины, по которым правительства трех династий использовали тибетский буддизм во времена своего правления [Bai 2005].

Работа Чжао Суйчжэня «Различие в политических курсах династий Юань, Мин и Цин» показывает не только основные сходства, но и различия политики трех династий, которые отражались в назначении религиозных лидеров, ведении храмовой экономики и даже в традициях [Zhao 2008: 124–125].

В период династии Цин (1644–1912 гг.) на территории Китая правители придавали огромное значение буддизму, который существовал наряду с традиционным маньчжурским шаманизмом. Можно считать, что многие императоры склонялись к распространению тибетского буддизма на территории страны и прилагали достаточные усилия к интеграции религии в политику. Однако не каждый император следовал этому. В связи с этим исследовательский интерес к указанному периоду прослеживается и в работах современных авторов.

Так, например, статья Ли Сяогуана «Управление в соответствии с местными обычаями и сочетание доброты и власти: о формировании политики тибетского буддизма в эпоху династии Цин» раскрывает основные направления политики государства в отношении религии. Автором представлен анализ перехода от разделения власти и религии к консолидации связей между ними [Li 2001: 112–117]. Похожие идеи разделяются в статье Цуй Инь «Исследование взаимосвязи императоров династии Цин на ранних этапах тибетского буддизма». В ней раскрывается то, каким образом императорам удалось проникнуться основными идеями тибетского буддизма, что позволило гармонично сосуществовать власти и религии [Cui 2019: 29–34].

Магистерская работа Сун Сяоляна «Исследование системы ставленной грамоты для тибетских монахов периода династии Цин» представляет собой законченное исследование, в котором раскрывается не только значение использования указанного документа, но и процесс развития тибетского буддизма в период правления династии Цин [Song 2014]. В работе Лю Бинтао «Законы и особенности Цинской династии в отношении тибетского буддизма» отражены основные регулирующие законы в отношении тибетских лам, которые помогали не только ими управлять, но и развивать их деятельность [Liu 2019: 47–51].

В исследовании Бай Вэньгу «Запрет и исправление тибетского буддизма в эпоху династии Цин» анализируется политика императоров Канси и Цяньлуня,

которая была направлена на «исправление» тибетского буддизма, укрепление монашеской дисциплины и содействие его развитию [Bai 2005:169–175].

Статья Инь Хайянь «Развитие и трансформация политики династии Мин в отношении тибетского буддизма» отражает основные направления политики, проводимой династией Мин в отношении тибетского буддизма. Так, они сохраняли преемственность от династии Юань, которая также проявлялась в выдаче льгот для лам высшего ранга, но в связи с проводимой окраинной национальной политикой, общественной жизнью и другими факторами политика имела свои корректировки [Yin 2019: 58–69].

Магистерская работа Инь Хан (Центральный университет национальностей, г. Пекин) «Исследование распространения тибетского буддизма в эпоху династии Мин» раскрывает на своих страницах предпосылки и процесс распространения тибетского буддизма на территории Китая. Также на основе очерков, романов и других письменных источников в работе изучается мнение ученых и простых людей о распространении тибетского буддизма. Автор в своей работе приходит к выводу, что непосредственное общение между тибетцами и ханьцами сыграло важную роль в продвижении тибетского буддизма [Yin 2011].

События XX в. также коснулись положения тибетского буддизма в Китае. Смена политических режимов в Китае, образование КНР, а также тибетский вопрос с начала 1950-х гг. становятся актуальными. Однако тибетский вопрос 50-х гг. XX в. остается вне поля китайских исследований, что обусловлено политикой государства.

В статье Ван Чуаня (Сычуаньский педагогический университет) «Распространение тибетского буддизма в стране в период республики» анализируются причины его распространения и на основе этого анализа выявляется то, каким образом представители китайского и тибетского буддизма взаимодействовали между собой [Wang 2008: 34–40].

Работа Шэнь Гуйпиня (Центральный институт социализма, г. Пекин) «Историческое исследование адаптации тибетского буддизма к социалистическому обществу» представляет особый интерес, в ней раскрываются основные направления деятельности КПК в отношении представителей тибетского буддизма в целях адаптации буддизма к новым реалиям. Среди таких направлений выделяются демократическая реформа храмов, патриотическое воспитание, попытка стандартизировать и институционализировать построение реинкарнационной модели буддизма и т. д. [Shen 2008: 74–77].

В 2019 г. КНР отметила 70-летие со дня своего образования. В рамках этого события исследователями Чэнь Вэем и Э Чонжунем (Цинхайская академия общественных наук) была опубликована статья «Опыт и практическое исследование политики партии в регулировании тибетского буддизма со дня образования КНР», в которой отражены основные успехи партийной политики [Chen, E 2019: 1–7]. Похожая работа Кань Бэнцзя, Чжасичжома «Ретроспективное исследование тибетского буддизма с начала реформ политики и открытости (на материалах периодических изданий на тибетском)» посвящена значению изучения различных тибетских буддийских документов, необходимости углубленного изучения трансформаций тибетского буддизма, а также пропаганде вопросов китаизации буддизма и его адаптации к социалистическому обществу [Kan, Zhasizhouma 2019: 171–173].

Тема китаизации тибетского буддизма прослеживается в работах китайских исследователей: «Содействие китаизации тибетского буддизма в новую эпоху» (Цэриндэчжи) [Cierdeji 2020: 81–86], «Китаизация тибетского буддизма: эстетическое сходство китайского и тибетского буддизма» (Ван Сысы) [Wang 2023: 138–145], «О факторах центральной династии в процессе китаизации тибетского буддизма» (Баньмагэнчжу) [Banmagengzhu 2024: 22–31].

Так, статья Сунь Уху «Китаизация тибетского буддизма и современное состояние» заслуживает пристального внимания, так как автор предпринимает попытку изучить политические, культурные и другие предпосылки современного состояния тибетского буддизма в КНР и тенденции к китаизации тибетского буддизма [Sun 2019: 10–15].

Эти же идеи разделяет Лю Пэн в своей работе «Размышления о развитии тибетского буддизма в направлении китаизации», в которой подчеркивает важность исследования тибетского буддизма в направлении китаизации, что должно, по мнению исследователя, защитить его от попыток вестернизации, дифференциации и экстремизма [Liu 2019: 48–51]. В работе Ли Дэчэна «Развитие китаизации современного тибетского буддизма» раскрываются современные реалии этого процесса [Li 2024: 1–10].

Огромное внимание в китайской историографии уделяется изучению, анализу и сравнению сакральных элементов, канонов тибетского буддизма. Также китайскими исследователями пристально изучается тема тибетского искусства. Так, например, в статье Чжу Лися «Анализ и сравнение тибетских буддийских мыслей о суждениях» дается краткий анализ двух направлений: первое — система учений, объединенная под «трехкратным судом», а второе — система учений Сакья [Zhu 2005: 20–24].

В магистерской работе Ли Лин «Исследование изображений тибетского буддизма» анализируются происхождение, стили и вариации изображений [Li 2002]. Цзун Жуйбинь в работе «Тибетский буддизм и каллиграфия» исследует взаимосвязь религии и письменности [Zong 2001: 48–55].

Гора Утайшань является одной из четырех священных гор буддизма. Примечательно, что она представляет собой ряд вершин, соединенных между собой, а сама гора Утайшань объединяет Зеленый храм (кит. 青庙 qīng miào), относящийся к китайскому буддизму, и Желтый храм (кит. 黄庙 huáng miào), представляющий тибетский буддизм. Очевиден интерес со стороны китайских исследователей к изучению феномена горы Утайшань. Так, например, статья Дуань Цзинцзин «Гора Утайшань и священное место тибетского буддизма» описывает развитие тибетского буддизма в данном месте и его тесную связь святыни с последователями тибетского буддизма [Duan 2008: 75–78, 95].

В работе Чжао Гайпина «Краткий анализ особенностей тибетского буддизма на горе Утайшань» раскрываются значимые черты того, как сосуществуют ханьцы и тибетцы в одном месте [Zhao 2004: 11–15]. «Анализ распространения тибетского буддизма на горе Утайшань в период династии Юань» Лу Сяньли отражает глубокие социальные и исторические причины для распространения буддизма на горе Утайшань [Lu 2016: 211–213].

Особое внимание уделяется теме распространения тибетского буддизма в Монголии, а также его влиянию в АРВМ КНР. Несмотря на то, что данный процесс вызывает дискуссии среди ученых, нельзя не отрицать того, что результатом является изменение религиозных феноменов. В статье Ван Сяоина

«Изучение культурных и идеологических причин проникновения тибетского буддизма в Монголию» предпринимается попытка анализа первостепенных причин проникновения тибетского буддизма, а также переосмысления данного культурного феномена [Wang 2005: 133–136].

В статье Чэнь Наня «Исследования исторических фактов проникновения тибетского буддизма в Монголию и становление отношений» раскрывается то, каким образом тибетский буддизм распространился на территории Монголии в XIII в. [Chen 2008: 92–99].

В исследовании Тан Цзиси «Влияние тибетского буддизма на народную религию в Монголии» анализируется степень влияния тибетского буддизма на такие церемонии, как поклонение Тэнгри, поклонения предкам и т. д. [Tang 2002: 94–101].

В работе Ван Кандуя «Исследование истории монгольского буддизма с новой точки зрения — Комментарий к статье о распространении тибетского буддизма во времена династий Мин и Цин» анализируется влияние тибетского буддизма на политическую, культурную и социальную жизнь Монголии того периода [Wang K. 2008].

В совместной статье Ду Цзюань, Лю Дапин, Лю Чун «Новая культурно-географическая интерпретация тибетского буддизма на территории Монголии» исследуются типичные культурные характеристики парадигмы пробуждения тибетского буддизма в Монголии, а также описывается история формирования и развития конкретных буддийских архитектурных объектов, реализованных в определенных географических условиях [Du et al. 2020: 99–104].

Статья Ду Цзюань, Лю Дапин и Ли Цзя на тему «Смешение и сосуществование: анализ многообразия буддийской архитектуры на территории Монголии» также привлекает внимание своим глубоким анализом сходств и различий трех преобладающих типов буддийской архитектуры на территории Монголии, их развития и сосуществования [Du et al. 2019: 89–93].

Необходимо также упомянуть работу Гон Сюэнин «Исследование храма Уданчжао (Гелугпа) на территории АРВМ», раскрывающую роль и значимость храма Уданчжао, который является крупнейшим существующим тибетским буддийским сооружением в АРВМ [Gong 2003].

4. Заключение

Подводя итоги анализа публикаций современных китайских исследователей в электронной библиотеке Wanfang Data, можно сделать следующие выводы. Несмотря на «табуированность» поставленной темы исследования, китайские ученые проявляют значительный научный интерес к феномену тибетского буддизма. Это проявляется не только в количественных показателях публикационной активности по поставленной проблеме, но и в разнообразии работ, которые не ограничиваются лишь изучением канонов тибетского буддизма, а рассматривают его развитие, распространение и дальнейшие перспективы гармоничного сосуществования с китайским буддизмом.

Литература

Андреев 2006 — *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ. Нартанг, 2006. 465 с.

References

Andreev A. I. Tibet in the Policy of Tsar, Soviet and Post-Soviet Russia. St. Petersburg: St. Petersburg University, Nartang, 2006. 465 p. (In Russ.).

Андросов 2018а — *Андросов В. П.* Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды. В 2 тт. Т. 1. М.: ИВ РАН; Наука, Вост. лит., 2018. 663 с.

Androsov V. P. The Founder of Mahayana Nagarjuna and his works. In 2 vols. M.: Institute of Oriental Studies (RAS), Nauka, Vostochnaya Literatura. 2018. Vol. 1. 663 p. Vol. 2. 638 p.(In Russ.).

Андросов 2018б — *Андросов В. П.* Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды. В 2 тт. Т. 2. М.: ИВ РАН; Наука, Вост. лит., 2018. 638 с.

Androsov V. P. The Founder of Mahayana Nagarjuna and his works. In 2 vols. M.: Institute of Oriental Studies (RAS), Nauka, Vostochnaya Literatura. 2018. Vol. 1. 663 p. Vol. 2. 638 p.(In Russ.).

Аюшеева 2000 — *Аюшеева Д. В.* Тибетский буддизм и другие конфессии // Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2016. С. 400–407.

Ayusheeva D. V. Tibetan Buddhism and other Confessions // Buddhism in Sociocultural and Political Processes of Russia, Inner and Eastern Asia: transformations and perspectives. Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), 2016. Pp. 400–407. (In Russ.).

Богословский 1978 — *Богословский В. П.* Тибетский район КНР (1949–1976). М.: Наука, 1978. 200 с.

Bogoslovsky V. P. Tibetan Region of the CPR (1949–1976). M.: Nauka, 1978. 200 p. (In Russ.)

Базаров 2012 — *Базаров А. А.* Буддийский систематический текст как образец абсолютного диктата логики // Гуманитарный вектор. 2012. № 3(31). С. 22–29.

Bazarov A. A. Buddhist Systematic Text as an Example of Absolute Dictate of Logic. *Humanitarian Vector.* 2012. No. 3(31). Pp. 22–29. (In Russ.).

Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.

Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Churches. Irkutsk: Ottisk, 2019. 292 p. (In Russ.)

Гарри 2009 — Гарри И. Р. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX в. – начало XXI в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 320 с.

Garri I. R. Buddhism and politics in the Tibet region of the People's Republic of China (2nd half of the 20th century – beginning of the 21st century). Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), 2009. 320 p. (In Russ.).

Герасимова 1957 — *Герасимова К. М.* Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и в начале XX веков. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры, 1957. 160 с.

Gerasimova K. M. Lamaism and National-colonial Policy of the Tsarism in Transbaikalia in 19th and beg. of 21st Centuries. Ulan-Ude: Buryat-Mongol. Scientific Research Institute of Culture, 1957. 160 p. (In Russ.)

Герасимова 1964 — *Герасимова К. М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1964. 179 с.

Gerasimova K. M. Renovation's Movement of Buryat Lamaist Clergy (1917–1930). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1964. 179 p. (In Russ.)

Жуковская 1977 — *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. 199 с.

Зорин 2014 — *Зорин А. В.* О структуре и содержании сборника «Сунгдуй» // Тибетология в Санкт-Петербурге. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 100–118.

Крапивина 2020 — Буддийская традиция тантр в Тибете / пер. с тиб., предисл., введ., глоссарий Р. Н. Крапивиной. СПб.: Нестор-История, 2020. 384 с.

Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. 496 с.

Сабиров 2020 — *Сабиров Р. Т.* Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 1. С. 86–105.

Цыремпилов 2013 — *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном хэблэл, 2013. 338 с.

Янгутов 1995 — *Янгутов Л. Е.* Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 224 с.

Bai 2005 — *Bai Wengu*. 白文固. 清代对藏传佛教的禁约和整饬. 中国藏学. 2005年3期. 169–175页 (= Бай Вэньгу. Запрет и исправление тибетского буддизма в эпоху династии Цин // Китайская тибетология. 2005. Вып. 3. С. 169–175).

Bai 2004 — 白燕. 元清两朝藏传佛教政策之比较 // 西藏研究. 2004年1期. 39–43 页 (= Бай Янь. Сравнительный анализ политики династий Цинь и Юань в отношении тибетского буддизма // Вестник тибетологии. 2004. Вып. 1. С. 39–43).

Zhukovskaya N. L. Lamaism and Early Years Forms of Religion M.: Nauka, 1977. 199 p. (In Russ.)

Zorin A.V. On the Structure and Content of the Collection “Sungdui” // Tibetology in Saint-Petersburg. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 100–118. (In Russ.).

Krapivina R.N. Buddhist Tradition of Tantras in Tibet / transl. from Tibetan, preface, introd., glossary by R. N. Krapivina. St. Petersburg: Nestor-History, 2020. 384 p. (In Russ.).

Kuz’min S.L. Theocratic nationalism and Buddhist Church of Mongolia in the Beginning of 20th Century. M.: Partnership of Scientific Works KMK, 2016. 496 p. (In Russ.)

Sabirov R.T. Mongolian Buddhism in 21st: in the pProcess of Structuring. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2020. Vol. 38. No. 1. Pp. 86–105. (In Russ.)

Tsyrempilov N.V. Buddhism and Empire. The Buryat Buddhist community in Russia (18th – early 20th Centuries). Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nom, 2013. 338 p. (In Russ.).

Yangutov L. E. Unity, Identity and Harmony in the Philosophy of Chinese Buddhism. Novosibirsk: Nauka, Siberian Publishing Firm of the RAS, 1995. 224 p. (In Russ.).

Bai Wengu. The Prohibition and Rectification of the Tibetan Buddhism in Qing Dynasty. *Zhongguo Zangxue.* 2005. Vol. 3. Pp. 169–175. (In Chin.)

Bai Yan. Contemporary Analysis of the Policy of Dynasties Qing and Yuan towards Tibetan Buddhism. *Xizang Yanjiu*. 2004. Vol. 1. Pp. 39–43. (In Chin.)

Bai 2005 — 白燕. 元明清三朝的藏传佛教政策及其延续性. 甘肃: 西北民族大学. 兰州: 西北民族大学. 2005. 34页 (= Бай Янь. Политика тибетского буддизма и ее преемственность в династиях Юань, Мин и Цин. Сучжоу: Северо-западный университет национальностей. 2005. 34 с.).

Bai Yan. Policy of Tibetan Buddhism and its Tradition in the Dynasties Yuan, Ming and Qing. Lanzhou: Northwest University for Nationalities, 2005. (In Chin.)

Banmagengzhu 2024 — 班玛更珠. 论藏传佛教中国化进程中的中央王朝因素 // 中国藏学. 2024年1期. 22–31页 (= Баньмагэчжу. О факторах центральной династии в процессе китаизации тибетского буддизма // Китайская тибетология. 2024. Вып. 1. С. 22–31). .

Banmagengzhu. About Factors of Central Dynasty in the Process of Sinification of Tibetan Buddhism. *Zhongguo Zangxue*. 2024. Vol. 1. Pp. 22–31. (In Chin.)

Chen 2008 — 陈楠. 蒙藏关系确立及藏传佛教传入蒙古地区史事考述 // 古代文明. 2008年4期. 92–99页 (= Чэнь Нань. Исследования исторических фактов проникновения тибетского буддизма в Монголию и становление отношений // Древние цивилизации. Вып. 4. С. 92–99).

Chen Nan. Researches of Historical Facts of Invasion of Tibetan Buddhism into Mongolia and Establishment of Relations. *Gudai Wenming*. 2008. Vol. 4. Pp. 92–99. (In Chin.)

Chen, E 2019 — 陈玮, 鄂崇荣. 新中国70年来我党治理藏传佛教的实践探索与经验启示 // 青海社会科学 . 2019年4期. 1–7页 (= Чэнь Вэй, Э Чонжунь. Опыт и практическое исследование политики партии в регулировании тибетского буддизма со дня образования КНР // Журнал социологических наук университета Цинхай. 2019. Вып. 4. С. 1–7).

Chen Wei, E Chongrong. Experience and Practical Study of the Party's Policy in the Regulation of Tibetan Buddhism since the Formation of the PRC. *Social Science Journal of Quinghai Normal University.* 2019. Vol. 4. Pp. 1–7. (In Chin.)

Cierdeji 2020 — 次仁德吉. 推进新时代藏传佛教中国化 // 西藏研究. 2020年1期. 81–86页 (= Цэриндэжи. Содействие китаизации тибетского буддизма в новую эпоху // Вестник тибетологии. 2020. Вып. 1. С. 81–86).

Cierdeji. Assistance of Sinification of Tibetan Buddhism in the New Epoch. *Bulletin of Tibetology.* 2020. Vol. 1. Pp. 81–86. (In Chin.)

Cui 2019 — 崔欣. 清前期帝王与藏传佛教信仰研究 // 青藏高原论坛. 2019年3期. 29–34页 (= Цуй Инь. Исследование взаимосвязи императоров династии Цин на ранних этапах тибетского буддизма // Форум Циньхай-Тибетского нагорья. 2019. С. 29–34).

Cui Yin. Study of Interrelation of Emperors of Qing Dynasty in the Early Stages of Tibetan Buddhism. *Qingzang gaoyuan luntan.* 2019. Vol. 3. Pp. 29–34. (In Chin.)

Du et al. 2019 — 杜娟, 刘大平, 李佳. 混杂与共存:蒙古地域藏传佛教建筑文化多样性解析 // 新建筑. 2019年6期. 89–93页 (= Ду Цзюань, Лю Дапин, Ли Цзя. Смешение и сосуществование: анализ многообразия буддийской архитектуры на территории Монголии // Новая архитектура. 2019. С. 89–93).

Du Juan, Liu Daping, Li Jia. Mixing and Coexistence: Analysis of Variety of Buddhist Architecture on the Territory of Mongolia. *Xinjianzhu*. 2019. Vol. 6. Pp. 89–93. (In Chin.)

Du et al. 2020 — 杜娟, 刘大平, 刘冲. 蒙古地区藏传佛教大召范式的新文化地理学解读 // 建筑学报. 2020年7期. 99–104页 (= Ду Цзюань, Лю Дапин, Лю Чун. Новая культурно-географическая интерпретация тибетского буддизма на территории Монголии // Вестник архитектуры (Пекин). 2020. С. 99–104).

Du Juan, Liu Daping, Liu Chun. New Cultural and Geographical Interpretation of Tibetan Buddhism on the Territory of Mongolia. *Jianzhu Xuebao*. 2020. Vol. 7. Pp. 99–104. (In Chin.)

Duan 2008 — 段晶晶. 五台山与藏传佛教圣迹 //西藏大学学报. 2008年1期. 75-78, 95页 (= Дуань Цзинцзин «Гора Утайшань и священное место тибетского буддизма» // Журнал Тибетского университета. 2008. Вып. 1. С. 75–78).

Duan Jingjing. Mount Wutai and Sacral Place of the Tibetan Buddhism. *Xizang Daxue Xuebao.* 2008. Vol. 1. Pp. 75–78. (In Chin.)

Gong 2003 — 宫学宁. 内蒙古藏传佛教格鲁派寺庙——五当召研究. 西安. 西安建筑科技大学. 2003. 86页 (= Гон Сюэнин. Исследование храма Уданчжао (Гелугпа) на территории АРВМ. Сиань: Сианьский университет архитектуры и технологий, 2003. 86 с.)

Gong Xuening. The Study of Temple Wudangzhao (Gelugpa) on the Territory of ARIM. Xian: Xian Jianzhu Keji Daxue, 2003. 86 p. (In Chin.)

Kan, Zhaxizhuoma 2019 — 看本加, 扎西卓玛. 改革开放40年来我国藏传佛教研究回顾 — 基于藏文期刊论文为中心的讨论 // 宗教学研究. 2019年4期. 171–173页 (= Кань Бэнцзя, Чжасичжома. Ретроспективное исследование тибетского буддизма с начала реформ политики и открытости (на материалах периодических изданий на тибетском) // Религиоведение. 2019. С. 171–173).

Kan Benjia, Zhaxizhuoma. Retrospective Study of Tibetan Buddhism from the Beginning of the Policy of Reforms and Openness (based on the materials of periodicals in Tibetan). *Zongjiaoxue Yanjiu*. 2019. Vol. 4. Pp. 171–173. (In Chin.)

Li 2001 — 李小光. 因俗而治恩威并举—论清代藏传佛教政策的建设. 宗教学研究. 2001年4期. 112–117 页 (= Ли Сяогуан. Управление в соответствии с местными обычаями и сочетание доброты и власти: о формировании политики тибетского буддизма в эпоху династии Цин // Религиоведение. 2001. Вып. 4. С. 112–117).

Li Xiaoguang. Governing along with Local Customs and Combining Kindness and Authority: on the Construction of the Tibetan Buddhism during the Qing Dynasty. *Zongjiaoxue Yanjiu.* 2001. Vol. 4. Pp. 112–117. (In Chin.)

Li 2002 — 李翎. 藏传佛教图像研究. 北京. 中央美术学院. 2002. 154页 (= Ли Лин. Исследование изображений тибетского буддизма. Пекин: Центральная академия изобразительных искусств, 2002. 154 с.).

Li Lin. Study of Pictures of Tibetan Buddhism. Beijing: Zhongyang Meishu Xueyuan, 2002. 154 p. (In Chin.)

Li 2024 — 李德成. 当代藏传佛教的中国化发展 // 中国藏学. 2024年1期. 1–10页 (= Ли Дэчэн. Развитие китаизации современного тибетского буддизма // Китайская тибетология. 2024. С. 1–10).

Li Decheng. Development of Sinification of Modern Tibetan Buddhism. *Zhongguo Zangxue.* 2024. Vol. 1. Pp. 1–10. (In Chin.)

Liu 2019a — 刘炳涛. 清代藏传佛教立法及其特点 // 西部学刊. 2019年23期. 47–51页 (= Лю Бинтао. Законы и особенности Цинской династии в отношении тибетского буддизма // Журнал западных исследований. 2019. Вып. 23. С. 47–51).

Liu Bintao. Laws and Features of the Qing Dynasty towards Tibetan Buddhism. *Xibu Xuekan.* 2019. Vol. 23. Pp. 47–51. (In Chin.)

Liu 2019б — 刘鹏. 论藏传佛教坚持中国化方向传承发展 // 四川省社会主义学院学报. 2019年1期. 48–51页 (= Лю Пэн. Размышления о развитии тибетского буддизма в направлении китаизации // Журнал социалистических исследований пров. Сычуань. 2019. Вып. 1. С. 48–51).

Liu Peng. Thoughts about Development of Tibetan Buddhism into Direction of Sinification. *Sichuansheng Shehuizhuyi Xueyuan Xuebao.* 2019. Vol. 1. Pp. 48–51. (In Chin.)

Lu 2016 — 鲁显礼. 元代藏传佛教在五台山传播探析 // 黑河学院学报. 2016年6期. 211–213页 (= Лу Сяньли. Анализ распространения тибетского буддизма на горе Утайшань в период династии Юань // Вестник университета Хэйхэ. 2016. Вып. 6. С. 211–213).

Lu Xuanli. Analysis of Expansion of Tibetan Buddhism on the Mountain Wetaishan during the Yuan Dynasty. *Heihe Xueyuan Xuebao*. 2016. Vol. 6. Pp. 211–213. (In Chin.)

Shen 2008 — 沈桂萍. 藏传佛教与社会主义社会相适应的历史考察 // 中央社会主义学院学报. 2008年6期. 74–77页 (= Шэнь Гуйпин. Историческое исследование адаптации тибетского буддизма к социалистическому обществу // Журнал Центральной академии социализма. 2008. С. 74–77).

Shen Guiping. Historical Study of Adaptation of Tibetan Buddhism to Socialistic Society. *Zhongyang Shehui Zhuyi Xueyuan Xuebao*. 2008. Vol. 6. Pp. 74–77. (In Chin.)

Song 2014 — 宋晓亮. 清代藏传佛教度牒制度探究. 拉萨. 西藏大学. 2014. 73页 (= Сун Сяолян. Исследование системы ставленной грамоты для тибетских монахов периода династии Цин. Лхаса: Университет Сицзан, 2014. 73 с.).

Song Shaoliang. Study of System of Certificate of Ordination for Tibetan Monks during the Period of Qing Dynasty. Lhasa: Xizang Daxue, 2014. 73 p. (In Chin.)

Sun 2019 — 孙悟湖. 藏传佛教中国化及其发展趋势 // 青海民族研究. 2019年2期. 10–15页 (= Сунь Уху. Китаизация тибетского буддизма и современное состояние // Журнал университета национальностей Цинхай. 2019. Вып. 2. С. 10–15).

Sun Wuhu. Sinification of Tibetan Buddhism and Contemporary Situation. *Qinghai Minzu Yanjiu*. 2019. Vol. 2. Pp. 10–15 (In Chin.)

Tang 2002 — 唐吉思. 藏传佛教对蒙古族民间宗教的影响 // 西北民族学院学报. 2002年4期. 94–101页 (= Тан Цзиси. Влияние тибетского буддизма на народную религию в Монголии // Журнал Северо-западного университета национальностей. 2002. Вып. 4. С. 94–101).

Tang Jisi. The Influence of the Tibetan Buddhism on Folk Religion in Mongolia. *Xibei Minzu Xueyuan Xuebao.* 2002. Vol. 4. Pp. 94–101. (In Chin.)

Wang 2008a — 王开队. 新视角下的蒙古佛教史研究 — 评《明清之际藏传佛教在蒙古地区的传播》// 内蒙古社会科学. 2008年. № 3. 3页 (= Ван Кандуй. Исследование истории монгольского буддизма с новой точки зрения — Комментарий к статье распространение тибетского буддизма во времена династий Мин и Цин // Журнал общественных наук Внутренней Монголии. 2008. № 3. С. 3).

Wang Kaidui. Study of History of Mongolian Buddhism from the New Point of View — Commentary to the Article “Expansion of Tibetan Buddhism during Ming and Qing Dynasties. Huh-Hoto: Neimenggu Shehui Kexue, 2008. (In Chin.)

Wang 2008б — 王川. 民国时期藏传佛教在内地的流传 // 西南民族大学学报（人文社会科学版）. 2008年6期. 34–40页 (= Ван Чуань. Распространение тибетского буддизма в стране в период республики // Вестник Юго-западного университета национальностей (Социально-гуманитарные науки). 2008. Вып. 6. С. 34–40).

Wang Chuan. Expansion of Tibetan Buddhism in the Country during the Republic of China. *Xinan Minzu Daxue Xuebao (renwen shehui kexuebao)*. 2008. Vol. 6. Pp. 34–40. (In Chin.)

Wang 2005 — 王小英. 藏传佛教传入蒙古的文化思想原因探论 // 青海社会科学. 2005年2期. 133–136页 (= Ван Сяоин. Изучение культурных и идеологических причин проникновения тибетского буддизма в Монголию // Вестник социальных наук (Цинхай). 2005. Вып. 2. С. 133–136).

Wang Xiaoying. Study on the Cultural and Ideological Reasons for the Introduction of the Tibetan Buddhism into Mongolia. *Qinghai Shehui Kexue*. 2005. Vol. 2. Pp. 133–136. (In Chin.)

Wang 2023 — 王四四. 藏传佛教中国化:汉藏寺庙建筑的审美共通性 // 青海民族大学学报（社会科学版）. 2023年2期. 138–145页 (= Ван Сысы. Китаизация тибетского буддизма: эстетическое сходство китайской и тибетской храмовой архитектуры // Журнал университета национальностей (Цинхай, Социологические науки). 2023. Вып. 2. С. 138–145).

Wang Sisi. Sinification of Tibetan Buddhism: Esthetic Similarity of Chinese and Tibetan Temple's Architecture. *Qinghai Minzu Daxue Xuebao (shehui kexueban).* 2023. Vol. 2. Pp. 138–145. (In Chin.)

Yin 2019 — 阴海燕. 明代藏传佛教政策的转换与演进 // 西藏研究. 2019年3期. 58–69页 (= Инь Хайянь. Развитие и трансформация политики династии Мин в отношении тибетского буддизма // Вестник тибетологии. 2019. Вып. 3. С. 58–69).

Yin Haiyan. Development and Transformation of Policy by Ming Dynasty towards Tibetan Buddhism. *Xizang Yanjiu*. 2019. Vol. 3. Pp. 58–69. (In Chin.)

Yin 2011 — 尹航. 明代内地藏传佛教民间流布考述. 北京: 中央民族大学, 2011. 109页 (= Инь Хан. Исследование распространения тибетского буддизма в эпоху династии Мин. Пекин: Центральный университет национальностей, 2011. 109 с.).

Yin Hang. Study of Expansion of Tibetan Buddhism in the Epoch of Ming Dynasty. Beijing: Zhongyang Minzu Daxue, 2011. 109 p. (In Chin.)

Zhao 2004 — 赵改萍. 浅析五台山藏传佛教之特征 // 五台山研究 . 2004年3期. 11–15页 (= Чжао Гайпин. Краткий анализ особенностей тибетского буддизма на горе Утайшань // Исследования горы Утайшань. 2004. Вып. 3. С. 11–15).

Zhao Gaiping. Brief Analysis of Features of Tibetan Buddhism on the Wutaishan Mountain. *Wutaishan Yanjiu*. 2004. Vol. 3. Pp. 11–15. (In Chin.)

Zhao 2008 — 赵荽贞. 元明清藏传佛教政策的区别 // 现代企业文化. 2008年23期. 124–125页 (= Чжао Суйчжэнь. Различие в политических курсах династий Юань, Мин и Цин // Современная корпоративная культура. 2008. Вып. 23. С. 124–125).

Zhao Suizhen. Difference in Policies of Dynasties Ming and Qing. *Xiandai Qiye Wenhua*. 2008. Vol. 23. Pp. 124–125. (In Chin.)

Zhu 2005 — 朱丽霞. 藏传佛教判教思想之分析比较 // 西藏研究. 2005年1期. 20–24页 (= Чжу Лися. Анализ и сравнение тибетских буддийских мыслей о суждениях // Вестник тибетологии. 2005. Вып. 1. С. 20–24).

Zhu Lixia. Analysis and Comparison of Tibetan Buddhist Thoughts about Judgements. *Xizang Yanjiu*. 2005. Vol. 1. Pp. 20–24. (In Chin.)

Zong 2001 — 纵瑞彬. 藏传佛教与藏文书法 // 西藏艺术研究. 2001年1期. 48–55页 (= Цзун Жуйбинь. Тибетский буддизм и каллиграфия // Исследования тибетского искусства. 2001. Вып. 1. С. 48–55).

Zong Ruibin. Tibetan Buddhism and Calligraphy. *Xizang Yishu Yanjiu*. 2001. Vol. 1. Pp. 48–55. (In Chin.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 779–807, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-779-807

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

CC BY NC ND

УДК 811.512.3

Калмыцкий словник в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ согласных

Инна Бембеевна Манджиева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0009-0009-3027-8605. E-mail: mandjievaib[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025
© Манджиева И. Б., , 2025

UDC 811.512.3

Kalmyk Dictionary in the Work of P. S. Pallas: Grapho-Phonetic Analysis of Consonants

Inna B. Mandzhieva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

© KalmSC RAS, 2025
© Mandzhieva I. B., 2025

Аннотация. *Введение.* Основы полевой работы с информантами и со звучащей речью стали закладываться в российском академическом «поле» в XVIII в., и связан этот процесс, несомненно, с именем Петера Симона Палласа, который провел экспедиции по территориям Российской империи по поручению Императорской Академии наук. Его знаменитый труд под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», изданный в 1787–1789 гг., представляет собой уникальный лексикографический источник, создающий широкое поле для научных изысканий, интерпретации фонетики языков того времени, а кроме того, является первым опытом создания этимологического словаря в истории компаративистики. *Целью* исследования является графо-фонетический анализ системы согласных, отраженных в данном лексикографическом источнике, что необходимо для реконструкции фонетической системы калмыцкого языка того периода, которая имеет большое значение для исторической диалектологии калмыцкого языка. *Материалы.* Исследование основывается на списке калмыцких слов и выражений, включающем 531 единицу, некоторые из которых представлены разными вариантами написания. *Результаты.* Описана система графем, обозначающих согласные звуки. Выстроены ряды соответствий согласных графем в словаре П. С. Палласа с современным литературным калмыцким языком, а также с прамонгольскими реконструкциями Х. Нугтерена, что позволило провести графо-фонетический анализ калмыцкого словника П. С. Палласа. Составлена таблица с данными по рефлексам согласных, имеющим регулярный характер (т. е. не менее трех примеров). Отмечается незначительная разница между фонетикой словаря П. С. Палласа, отраженной в графике, протомонгольскими

реконструкциями и современным состоянием калмыцкого языка, те изменения, которые отражены в словнике П. С. Палласа, носят системный характер. Отличия от современного литературного языка состоят в основном в исторических изменениях, произошедших в согласных.
Ключевые слова: П. С. Паллас, калмыцкий язык, словари, согласные, фонема, графо-фонетический анализ, графема, реконструкция
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Манджиева И. Б. Калмыцкий словник в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ согласных // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 779–807. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-779-807

Abstract. *Introduction.* The foundations of fieldwork with informants and with sounding speech began to be laid in the Russian academic "field" in the 18th century, and this process is undoubtedly connected with the name of Peter Simon Pallas, who conducted expeditions through the territories of the Russian Empire on behalf of the Imperial Academy of Sciences. His famous work entitled "Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the most Hight Person", published in 1787–1789, is a unique lexicographic source that creates a wide field for scientific research, interpretation of the phonetics of languages of that time, and besides, is the first experience of creating an etymological dictionary in the history of comparative studies. The *purpose* of the study is a grapho-phonetic analysis of the consonant system reflected in this lexicographic source, which is necessary for the reconstruction of the phonetic system of the Kalmyk language of that period, which is of great importance for the historical dialectology of the Kalmyk language. *Materials.* The study is based on the list of Kalmyk words and expressions, which includes 531 units, some of which are represented by different spelling variants. *Results.* A system of graphemes denoting consonant sounds is described. The series of correspondences of consonant graphemes in the dictionary of P. S. Pallas with the modern literary Kalmyk language, as well as with the Proto-Mongolian reconstructions of H. Nugteren, which allowed for a grapho-phonetic analysis of the Kalmyk dictionary of P. S. Pallas. A table has been compiled with the data on regular consonant reflexes (i. e., at least three examples). There is a slight difference between the phonetics of the Pallas' dictionary. The changes reflected in Pallas' dictionary are systemic in nature, as reflected in the schedule, the pro-Mongolian reconstructions and the current state of the Kalmyk language. The differences from the modern literary language are mainly in the historical changes that have occurred in consonants.
Keywords: P. S. Pallas, Kalmyk language, dictionaries, consonants, phoneme, grapho-phonetic analysis, grapheme, reconstruction
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 "Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China".
For citation: Mandzhieva I. B. Kalmyk Dictionary in the Work of P. S. Pallas: Grapho-Phonetic Analysis of Consonants. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 779–807. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-779-807

1. Введение

Исследование истории фонетического строя языков весьма затруднительно в отличие от настоящего времени, когда существуют различное оборудование для

записи звучащей речи, разработанные системы транскрибирования, в том числе и Международный фонетический алфавит, для передачи на письме большинства особенностей как звуков, так и речи, компьютерные программы для анализа звука (например, Praat). Звучащую речь до создания всего этого было возможным изучать только по письменным памятникам, в которые вкрадывались ошибки системного характера, отражающие особенности произношения того или иного времени. Однако при этом основы как полевой работы с информантами, так и со звучащей речью стали закладываться в российском академическом «поле» в XVIII в., и связан этот процесс, несомненно, с именем Петера Симона Палласа, который провел экспедиции по территориям Российской империи по поручению Императорской Академии наук. Его знаменитый труд под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», изданный в 1787–1789 гг. [Паллас 1787; Паллас 1789], представляет собой уникальный лексикографический источник, создающий широкое поле для научных изысканий, интерпретации фонетики языков того времени [Карпов и др. 2022: 82], а кроме того, является первым опытом создания этимологического словаря в истории компаративистики [Лукин 2024].

В словарь П. С. Палласа включены монгольские языки, в том числе и калмыцкий. Ранее нами были рассмотрены система вокализма и архаические и инновационные процессы на материале калмыцкого словника, опубликованного в данном словаре [Манджиева, Куканова 2023; Манджиева 2024]. Настоящей статьей мы продолжаем серию публикаций, посвященных калмыцкому словнику П. С. Палласа, целью этой работы является проведение графо-фонетического анализа системы согласных, отраженных в данном лексикографическом источнике, что необходимо для реконструкции фонетической системы калмыцкого языка того периода, которая имеет большое значение для исторической диалектологии калмыцкого языка, одной из самых неразработанных направлений в калмыцком языкознании в силу обращения исследователей только к определенным темам, в первую очередь письменность «тодо бичиг» («ясного письма») и структура современного калмыцкого языка. Возможно, необращение ученых к теме исторической диалектологии связано, с одной стороны, с доступностью самих источников, которые бы содержали такой языковой материал, хотя при этом существует большое количество словарей на вертикальной письменности, но которые большей частью содержат классическое написание слов, далекое от реального произношения и лишенное каких-либо диалектных особенностей, с другой — сложностью анализа самого материала, а именно порой невозможностью точного диагностирования языкового материала — наддиалектный процесс, т. е. такой, который характерен для языка в целом, или черта, являющаяся диагностическим маркером того или иного диалекта.

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужил калмыцкий словник, опубликованный под редакцией Петера Симона Палласа (1741–1811) в книге «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», состоящей из двух частей [Паллас 1787; Паллас 1789].

Для изучения материала использованы общепринятые научные подходы, включающие анализ, сравнение, сопоставление. Важнейшим инструментом

исследования стал графо-фонетический метод, позволивший установить состав согласных звуков в калмыцкой речи XVIII в. на материале словника П. С. Палласа. Дополнительно приведены исторические формы слов, отражающие развитие языка. В целях повышения точности реконструкции использован труд Х. Нугтерена [Nugteren 2011], а при недостаточности сведений привлечены данные из «Этимологического словаря монгольских языков» Г. Д. Санжеева, М. Н. Орловской, З. В. Шеверниной [Санжеев 2015; Санжеев 2016; Санжеев 2018]. Образцом для сравнения с написаниями слов на «тодо бичиг» («ясном письме») послужил материал из словаря А. М. Позднеева [Позднеев 1911]. Что касается современного литературного калмыцкого языка, за основу были взяты данные из Калмыцко-русского словаря, изданного в 1977 г. под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977].

Калмыцкий словник словаря П. С. Палласа набран в формате Excel, куда дополнительно включены две графы: первая графа содержит современные литературные формы слов, во второй графе приводится транскрипция современного звучания слов посредством символов Международного фонетического алфавита (МФА). Созданная таблица загружена и обработана на платформе Лингводок.

3. Система консонантизма калмыцкого языка в работах ученых

Изучение фонетики калмыцкого языка началось с середины XIX в. и продолжается по сей день, но при этом четко выделяются в этом изучении несколько этапов: дореволюционный, советский и современный. Поскольку данная статья посвящена анализу системы согласных калмыцкого словника П. С. Палласа, представляется необходимым рассмотреть систему консонантизма, описанную разными исследователями.

Первым значительным вкладом стала работа А. В. Попова, представившего «Грамматику калмыцкого языка», опубликованную в Казани в 1847 г. [Попов 1847]. Ученый еще не дифференцировал буквы и звуки, но при этом он классифицирует согласные звуки в зависимости от места образования (см. табл. 1), а гласные — в зависимости от того, после какого звука гласный звук следует [Попов 1847: 4–5], что в принципе характерно для того периода (см., например: [Гордина 2003: 23]). В ней ученый выделил 18 согласных букв: *н*, *х*, *г*, *б*, *п*, *с*, *ш*, *т*, *д*, *л*, *м*, *ц*, *з*, *я*, *к*, *кг*, *р*, *уа* / *в*. Прокомментируем некоторые из них. Кириллической графемой *я* обозначается звук [j][1], графемой *уа* — [w], который был близок звуку [v]. Однако при классифицировании согласных букв (звуков) в зависимости от места образования приводится всего семнадцать (см. табл. 1). При описании того, как звучат согласные буквы ученый приводит и другие, считая их аллофонами основного звука, очевидно, что А. В. Попов не использует подобный термин, но судя по описанию звучания звука он понимает именно аллофоны. Например, он указывает, что буква *н* произносится после *кг* как |*нкг*|[2], как бы сливаясь в один звук [Попов 1847: 9]. Речь идет о носовом согласном звуке [ŋ]. Буква *х*, если находится в середине или в конце слова, произносится как *к* [Попов 1847: 9]. Буква б произносится в начале слова как |*б*|, в середине в интервокальной позиции — как |*в*|, а перед глухими согласными — как |*п*| [Попов 1847: 9]. Буквы *ц* и *з* произносятся как |*ц*| и |*з*|, а перед гласным и как |*ч*| и || [Попов 1847: 12].

[1] Здесь и далее в квадратных скобках приводятся символы звуков согласно Международному фонетическому алфавиту.

[2] В вертикальных скобках дается произношение согласно источнику.

Таблица 1. Система согласных букв (звуков) по А. В. Попову [Попов 1847: 5]
[*Table 1.* The system of consonant letters (sounds) according to A. V. Popov]

Место образования	Согласные
«Гортанные»	*х* [x] *г* [ʁ] *к* [k] | [kʲ] *кг* [g]
«Поднебные»	*н* [n] | [ŋ] *л* [l] *р* [r]
«Зубные»	*т* [t] *д* [d]
«Язычные»	*с* [c] *ш* [ʂ] *ц* [ʦ] | [ʨ] *з* [z] | [ʣ]
«Губные»	*б* [b] *п* [p] *м* [m] *в* [w] | [v]

Через два года вышла работа А. А. Бобровникова, написавшего «Грамматику монгольско-калмыцкого языка». Автор описал калмыцкий язык как имеющий 7 гласных и 21 согласный звук (|ха|, |га|, |кхе|, |ге|, |ка|, |к|, |нг|, |ц|, |ч|, |з|, |дж|, |j|, |д|, |т|, |н|, |б|, |с|, |ш|, |л|, |м|, |р|), а также |в| или |у| [Бобровников 1849: 2, 11], т. е. 22 согласных звука. Ученый, в отличие от и А. В. Попова, дифференцирует буквы и звуки (см., например: [Бобровников 1849: 7]). Однако во многом его труд весьма схож с работой А. В. Попова. А. А. Бобровников не приводит классификации согласных звуков, только в двух случаях говорит о месте образования (гортанные звуки *кх* и *г*), о носовом способе произношения звука *нг*, о более мягком произношении звука *л* [Бобровников 1849: 7, 10, 11].

Значительный этап в изучении языка представляет труд русского и польского лингвиста, востоковеда В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка», изданный в 1915 и 1929 гг. [Котвич 1929]. Ученый четко проводит дифференциацию между звуками и буквами, что прослеживается на протяжении всей его работы. Его работа соответствует передовым достижениям науки того времени. В. Л. Котвич выделяет 21 согласный звук, проводя при этом достаточно подробное описание способа и места их образования (см. табл. 2). Кроме того, ученым указано наличие в калмыцком разговорном языке 5 мягких согласных – *ń*, *ŕ*, *ĺ*, *v́*, *ḱ*, также особо отмечены два аллофона звука l, ł, кроме того, имеются три буквы, служащие для передачи звуков в словах иностранного происхождения v (w), p, k (придыхательное) [Котвич 1929: 28–54].

Таблица 2. Система согласных звуков по В. Л. Котвичу [Котвич 1929: 35]
[*Table 2.* The system of consonant sounds according to V. L. Kotvich]

по органу произношения / по характеру	Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные

шумные:					
смычные	глухие	—	*t*	—	*k*
(мгновенные)	звонкие	*b*	*d*	—	*g*
сложные:					
(смычно-проточные)					
глухие		—	*c*, *č*	—	—
звонкие		—	*ǰ*	—	—
проточные:					
(длительные)					
глухие		—	*s*, *š*	—	*x*
звонкие		*v*	*z*	*j*	*γ*
плавные:					
боковые		—	*l*, *ɬ*	—	—
дрожащие		—	*r*	—	—
носовые		*m*	*n*	—	*ŋ*

Финский лингвист Г. Й. Рамстедт в 1935 г. в Хельсинки опубликовал «Калмыцко-немецкий словарь» [Ramstedt 1935]. В вводной части словаря представлен краткий обзор звукового состава калмыцкого языка, включающего 31 согласный (см. табл. 3) [Ramstedt 1935: viii]. Напомним, что ученый в своих работах использовал символы финно-угорской транскрипции [Куканова и др. 2014: 244]. В этом небольшом обзоре описана система консонантизма калмыцкого языка на начало XX в.

Таблица 2. Система согласных звуков по Г. Й. Рамстедту [Ramstedt 1935: viii]

[*Table 2*. The system of consonant sounds according to G.J. Ramstedt]

Способ образования		Согласные								
смычные, взрывные	сильный	(k̨)		k			t			p
	звонкий	g̨		g			d			b
	полнозвучный	g̊		g			d			b
аффрикаты	шумные	–		–		tš		ts		–
	звонкие	–		–		dž		–		–
спиранты	шумные	χ		-g̨		š		s		–
	звонкие	γ		j		ž		z		w
плавные							l	l’	r	ŕ
носовые			ŋ		n	ń				m

Позднее ученые используют в своих работах, помимо понятий буквы, звука, термин *фонема*. Так, Г. Д. Санжеев в монографии «Грамматика калмыцкого языка» указывает на наличие 8 гласных и 23 согласных фонем. Отмечено также, что согласные *ж* и *ф* используются преимущественно в заимствованных словах [Санжеев 1940: 16].

В труде А. Ш. Кичикова «Дербетский говор» исследован дербетский диалект калмыцкого языка, в котором, как он считает, имеется 25 согласных фонем [Кичиков 1963: 12], тогда как в торгутском говоре насчитываются 22 согласные фонемы. Кичиков А. Ш. утверждает, что в торгутском говоре отсутствуют

палатальные согласные *н’*, *д’*, *т’* и губно-губной *п* [Кичиков 1963: 20], что не соответствует действительности: указанные мягкие согласные имеются и в торгутском говоре, нужно отметить, что мягких согласных гораздо больше, чем приводят ученые-калмыковеды.

Первопроходцем в применении экспериментального метода стал Д. А. Павлов в своей работе «Состав и классификация фонем калмыцкого языка» [Павлов 1963]. Ученый считает, что в калмыцком языке имеется 28 согласных фонем, которые можно классифицировать по месту и способу образования (см. табл. 3), в числе которых фонемы *ж*, *ф* и *щ*, встречающиеся исключительно в заимствованной лексике. Ученый подчеркивает, что различия между говорами минимальны, в том числе и в области согласных, а мягкие согласные *н*, *д*, и *т* не выступают в торгутском говоре в роли отдельных фонем [Павлов 1963: 9, 57].

Таблица 3. Система согласных звуков по Д. А. Павлову [Павлов 1963: 93]
[*Table 3.* The system of consonant sounds according to D. A. Pavlov]

Способ образования / Место образования					губные		язычные				увулярные
					губно-губные	губно-зубные	переднеязычные: твердые	переднеязычные: мягкие	среднеязычные	заднеязычные	
смычные	шумные	взрывные	глухие		п		т	т’		к	
			звонкие		б		д	д’		г	
		аффрикаты	однофокусные	глухие			ц				
			двухфокусные	глухие				ч			
				звонкие				ж			
	сонанты				м		н	н’		ң	
щелевые	шумные	глухие	однофокусные			(ф)	с				х
			двухфокусные				ш				
		звонкие			в	(в)	з (ж)				h
	сонанты	срединные							й		
		боковые					л	л’			
дрожащие (сонанты)							р				

* Звуки, заключенные в скобки, встречаются в заимствованных словах.

Следующим этапом стало исследование П. Ц. Биткеева «Согласные фонемы калмыцкого языка» [Биткеев 1965], которое сосредоточено исключительно на анализе согласных фонем калмыцкого языка и основано на результатах эксперимента. Ученый предложил классификацию, согласно которой число согласных фонем достигает 26 единиц [Биткеев 1965: 30]. Признаками согласных фонем калмыцкого языка П. Ц. Биткеев назвал: глухость – звонкость, огубленность – неогубленность, палатализованность –непалатализованность твердых согласных,

вибрантность – невибрантность увулярных согласных, смычность-щелинность фонемы *х*, заднеязычность – увулярность фонемы *ӈ* [Биткеев 1965: 29].

Статья Д. А. Сусеевой и М. У. Монраева «О согласных фонемах современного калмыцкого языка» [Сусеева, Монраев 2024: 105–128] посвящена исследованию согласных звуков современного калмыцкого языка. Для анализа использовался материал из калмыцко-русского словаря 1977 г. издания, подготовленного под редакцией Муниева Б. Д., что вызывает сомнения, поскольку, на наш взгляд, необходимо использовать прежде всего образцы речи, так как орфографическая запись не отражает произношение как таковое. Но, тем не менее, описанные подходы к выделению фонемного состава теоретически обоснованы. В результате анализа авторы определили количество согласных фонем — 25 единиц. Мягкие согласные *л*, *н*, *д*, и *т*, по их мнению, это самостоятельные фонемы, подобно выводам ранее проведенных исследований такими учеными, как А. Ш. Кичиков, Д. А. Павлов. Данные согласные, также как и согласная *п*, отнесены авторами к категории слабых фонем, поскольку они появились сравнительно недавно и отсутствовали в калмыцком языке XVIII в.

Краткий обзор литературы, затрагивающей проблемы фонетической системы калмыцкого языка, показывает, что на текущий момент отсутствует единое мнение относительно точного числа и состава согласных фонем, и, конечно, требует отдельного исследования.

4. Графо-фонетический анализ

Практически все согласные, представленные в калмыцком словнике словаря П. С. Палласа, сохраняются неизменными в современном калмыцком языке. В представленном словнике буква *п* встречается лишь в одном слове *кептекю́* «лечь» [Паллас 1789: 331]: ПМонг. **kebte*-‘лечь’ [Nugteren 2011: 407]; сткалм. *kebtekü* ‘ложиться, лежать’ [Позднеев 1911: 280] и перешла в современный язык в этом слове в *в: кевтх* ‘лежать’ [КРС 1977: 288]. Калмыцкие слова исконного происхождения практически не начинаются с согласных *р*, *л*, *п*, *в*. Все имеющиеся в языке слова с такими начальными согласными преимущественно заимствованы из других языков [Павлов 1963: 57]. Данный факт наглядно демонстрируется материалом исследуемого словника, в котором отсутствуют слова, начинающиеся на указанные звуки.

4.1. Глухие согласные

4.1.1. Случаи употребления графемы к *в словаре П. С. Палласа*

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
к	[*к*]	+	+	+	*Калгасан*	[kilʏʁsʏ́n]
					Китунь	[kí:tə́n]
					Кю́мю́н	[kümə́n]
					Салкинь	[sal’kʏ́n]
					Нюкю́нь	[nükə́n]
					Така́	[taká]
					Зубук	[zofkʏ́]
					Окчинь	[ogtɕʏ́m]

к	[*г*]	–	+	+	*Закикчи́*	[zakʏkʧʏ́]
					Кю́кши́нь	[kökʂín]
					Балчи́кь	[bal’ʧík]
					Могулцык	[moʁʏltsʏ́k]
					Юдмю́к	[ödmɔ́k]
	[*х*]	–	+	–	*Гюбдю́кю́*	[güvɔ́txʏ́]
					Зю́юку	[zö:xʏ]
					Идеку́	[itxʏ́]

Анлаут:

– *келен* «язык» [Паллас 1787: 31]: ПМонг. **kelen* ‘язык; речь, формулировка’ [Nugteren 2011: 409]; сткалм. *kele*, *kelen* ‘язык’ [Позднеев 1911: 281]; совр. лит. *келн* ‘язык’ [КРС 1977: 291];

– *кыдылмишь* «труд» [Паллас 1787: 195]: ПМонг. **ködel-* ‘переместиться’ [Nugteren 2011: 423]; сткалм. *ködölmöš* ‘работа’ [Позднеев 1911: 289]; совр. лит. *көдлмш* ‘работа, труд’ [КРС 1977: 312];

– *кюбэн* «мальчик» [Паллас 1787: 38]: ПМонг. **köbeün* ‘мальчик, ребенок’ [Nugteren 2011: 422]; сткалм. *küböün* ‘сын, мальчик, юноша, молодой человек’ [Позднеев 1911: 294]; совр. лит. *көвүн* ‘сын, мальчик, парень, юноша, молодой человек ’ [КРС 1977: 309].

Инлаут:

– *нюкюр* «муж» [Паллас 1787: 28]: ПМонг. **nöker* ‘друг; супруг’ [Nugteren 2011: 463]; сткалм. *nökör* ‘друг, муж’ [Позднеев 1911: 70]; совр. лит. *нөкр* ‘друг, муж’ [КРС 1977: 383];

– *окин* «дева» [Паллас 1787: 35]: ПМонг. **ökin / okïn* ‘дочь, девочка’ [Nugteren 2011: 467, 472]; сткалм. *oǩon*, *okin* ‘барышня, дочь, девушка, молодая женщина’ [Позднеев 1911: 32]; совр. лит. *окн* ‘девушка, девочка’ [КРС 1977: 394];

– *чикин* «ухо» [Паллас 1787: 73]: ПМонг. **čïkïn* ‘ухо’ [Nugteren 2011: 302]; сткалм. *čikin* ‘ухо’ [Позднеев 1911: 249]; совр. лит. *чикн* ‘ухо’ [КРС 1977: 649].

Ауслаут:

– *зубук* «ресницы» [Паллас 1787: 70]: ПМонг. **ǰob-ki* ‘веко, веки’ [Санжеев 2016: 82]; сткалм. *zubki* ‘веко’ [Позднеев 1911: 271]; совр. лит. *зовк* ‘веко’ [КРС 1977: 249].

Слова, внутри которых согласный звук *к* трансформировался в звук *г*:

– *окчинь* «долина» [Паллас 1787: 345]: сткалм. *oqčim* ‘долина, впадина’ [Позднеев 1911: 33]; совр. лит. *огчм* ‘долина, впадина’ [КРС 1977: 392];

– *кю́кши́нь* «стар» [Паллас 1789: 229]: ПМонг. **kögsin* ‘старый’ [Nugteren 2011: 424]; сткалм. *köqšin* ‘старый’ [Позднеев 1911: 249]; совр. лит. *көгшн* ‘старый’ [КРС 1977: 311];

– *зоксо́* «стой» [Паллас 1789: 375]: ПМонг. **ǰoγsu-* ‘остановиться’ [Санжеев 2016: 83]; сткалм. *zoqsoxu* ‘остановиться’ [Позднеев 1911: 268]; совр. лит. *зогс* ‘стой’ [КРС 1977: 250].

Всего имеется одиннадцать случаев использования согласного *к* в конце слова, причем в девяти из них произошло преобразование звука *к* в звук *г*:

– *ибыдык* «колено» [Паллас 1787: 128]: ПМонг. **ebüdüg* ‘колено’ [Nugteren 2011: 323]; сткалм. *öbödöq* ‘колено’ [Позднеев 1911: 37]; совр. лит. *өвдг* ‘колено’ [КРС 1977: 408];

– *инныk* «любовь» [Паллас 1787: 188]: ПМонг. **ïna-γ* ‘любимый, возлюбленный, милый; дружеский’ [Санжеев 2016: 103]; сткалм. *inaq* ‘друг, любимец, любимый’ [Позднеев 1911: 23]; совр. лит. *иньг* ‘любимый, друг, подруга’ [КРС 1977: 271];

– *тю́гю́рык* «имя» [Паллас 1787: 169]: ПМонг. **tögerig* ‘круг, круглый’ [Nugteren 2011: 524]; сткалм. *tögöriq* ‘круг, окружность’ [Позднеев 1911: 199]; совр. лит. *төгрг* ‘круг, круглый’ [КРС 1977: 512].

В следующих примерах наблюдаем переход согласной *к*, зафиксированной в ряде лексем, в согласную *х*. Данный процесс затрагивает 11 конкретных случаев, при этом переход осуществляется исключительно в абсолютном конце слова в форме глагола. При этом конечные вокалические элементы, отмеченные в исходных формах рассматриваемых единиц, утрачены:

– *осюкю* «рост» [Паллас 1787: 217]: ПМонг. **ös-* ‘расти’ [Nugteren 2011: 477]; сткалм. *öskü* ‘возрастать, расти, увеличиваться’ [Позднеев 1911: 38]; совр. лит. *өсх* ‘расти, подрастать’ [КРС 1977: 427];

– *иодуку* «зрение» [Паллас 1787: 153]: ПМонг. **üje-* ‘видеть’ [Nugteren 2011: 540]; сткалм. *üzekü* ‘видеть’ [Позднеев 1911: 59]; совр. лит. *үзгдх* ‘видеть’ [КРС 1977: 547];

– *тюрукю́* «родины» [Паллас 1789: 200]: ПМонг. **töre-* ‘родиться или дать жизнь’ [Nugteren 2011: 524]; сткалм. *törökü* ‘рождаться’ [Позднеев 1911: 200]; совр. лит. *үзгдх* ‘видеть’ [КРС 1977: 547].

Согласная *к* фиксируется в абсолютном начале слов (53 употребления), неизменно сохраняется в современном языке, во всех случаях восходит к *k. Внутри словоформы данная согласная отмечена в 62 употреблениях, среди которых в 50 примерах сохраняется как *к*, в 12 случаях демонстрируют регрессивную ассимиляцию перед глухим согласным. Восходит к *k, *γ, причем в последнем случае, видимо, ранее произошел переход из *γ > g, который впоследствии стал оглушаться перед глухим согласным. 11 преобразуются в *х*, как правило, это происходит в аффиксе причастия будущего времени, который восходит *ku (kü) [Санжеев 1963: 130]. В конечной позиции слова зафиксировано всего 11 примеров употребления *к*, только один из которых сохраняется в качестве *к* и восходит к *k, девять трансформировались в *г*, при этом изначально восходят к *g или * γ, в старописьменном на «тодо бичиг» сохранется написание *q* на конце слова. Такая фиксация слов показывает реальное произношение слов, так как на конце слова в слабой позиции происходит оглушение согласных. Случаи регрессивной ассимиляции и оглушения на конце слова доказывают, что собиратели фиксировали реальное произношение слов. Кроме того, согласный *к* проявляет абсолютную устойчивость в анлауте, относительную устойчивость в инлауте, учитывая переход от протомонгольского *k, *γ > k в период создания Словаря П. С. Палласа и в современный период.

4.1.2. Случаи употребления графемы с *в словаре П. С. Палласа*

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
с	[*с*]	+	+	+	*Сарáй*	[sarʏ́]
					Сормисун	[sorʏmsʏ́n]

с	[*с*]	+	+	+	*Сю́кя*	[sükə́]
					Асагань	[asxɤ́n]
					Мюсю̂нь	[mösə́n]
					Халисунь	[xal’sɤ́n]
					Алмыс	[almɤ́s]
					Улус	[ulɤ́s]
					Халхас	[xalxɤ́s]

Анлаут:

– *сарал* «свет» [Паллас 1789: 220]: стпсм. *sara-yul* ‘светлый, ясный; обширный’ [Санжеев 2018: 90]; стклм. *saruul* ‘светлый, ясный (*о ночи*)’ [Позднеев 1911: 149]; совр. лит. *сарул* ‘светлый, ясный; свет’ [КРС 1977: 443];

– *серринь* «воздух» [Паллас 1787: 348]: ПМонг. **seriün* ‘прохладный’ [Nugteren 2011: 487]; стклм. *seriün* ‘прохлада || прохладный; свежий’ [Позднеев 1911: 152]; совр. лит. *серүн* ‘прохлада, свежесть’ [КРС 1977: 451];

– *со* «ночь» [Паллас 1787: 278]: ПМонг. **söni* ‘ночь’ [Nugteren 2011: 504]; стклм. *söni, sō̄* ‘ночь’ [Позднеев 1911: 156]; совр. лит. *сө* ‘ночь’ [КРС 1977: 457].

Инлаут:

– *комэска* «брови» [Паллас 1787: 66]: ПМонг. **kömeske* ‘бровь’ [Nugteren 2011: 426]; стклм. *kömöskö* ‘бровь’ [Позднеев 1911: 289]; совр. лит. *күмсг* ‘бровь’ [КРС 1977: 324].

– *усен* «волос» [Паллас 1787: 79]: ПМонг. **hüsün* ‘волосы’ [Nugteren 2011: 371]; стклм. *üsü*n ‘волосы, молоко’ [Позднеев 1911: 57]; совр. лит. *үсн* ‘волосы, молоко’ [КРС 1977: 555];

– *элесен* «песок» [Паллас 1787: 322]: ПМонг. **elesün* ‘песок’ [Nugteren 2011: 327]; стклм. *elesün* ‘песок’ [Позднеев 1911: 18]; совр. лит. *элсн* ‘песок || песочный, песчаный ’ [КРС 1977: 697].

Ауслаут:

– *алмс* «чудо» [Паллас 1787: 394]: стпсм. *almas* ‘ведьма, колдунья, чародейка’ [Санжеев 2015: 46]; совр. лит. *алмс* ‘чудовище, ведьма’ [КРС 1977: 36];

– *улус* «люди» [Паллас 1787: 48]: ПМонг. **ulus* ‘народ; государство, страна’ [Nugteren 2011: 531]; стклм. *ulus* ‘народ, государство’ [Позднеев 1911: 50]; совр. лит. *улс* ‘народ, люди, население’ [КРС 1977: 532];

– *халхас* «лицо» [Паллас 1787: 54]: стклм. *xalxa* ‘щека, страница’ [Позднеев 1911: 81]; совр. лит. *халх* ‘щека, страница’ [КРС 1977: 571].

Данная графема встречается во всех позициях, восходит к *s, перешла в современный язык практически без изменений. Согласный *k проявляет полную устойчивость в период создания Словаря П. С. Палласа и в современный период.

4.1.3. Случаи употребления графемы* т *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
т	[*т*]	+	+	–	*Танар*	[tanɤ́r]
					Темесе́нь	[temsə́n]
					Тоосань	[to:sɤ́n]

т	[*m*]	+	+	–	*Батырь*	[bá:tɤ̀r]
					Дуртá	[durtá]
					Утáнь	[után]

Анлаут:

– *тана* «ноздри» [Паллас 1787: 60]: сткалм. *tana* ‘мясо ноздрей’ [Позднеев 1911: 179]; совр. лит. *тана* ‘углубление, впадина; переносица’ [КРС 1977: 476];

– *таран* «жито» [Паллас 1789: 31]: ПМонг. **tarian* ‘урожай; зерно, злаковые; сельскохозяйственное поле’ [Nugteren 2011: 513]; сткалм. *taran* ‘нива, пашня, зерновой хлеб’ [Позднеев 1911: 185]; совр. лит. *тәрән* ‘хлеб, хлеба; зерно; посев’ [КРС 1977: 486];

– *толгó* «голова» [Паллас 1789: 51]: ПМонг. **tolagaï* ‘голова’ [Nugteren 2011: 522]; сткалм. *tolγoi* ‘голова, бугор, пригорок, булава (*у атамана казаков*)’ [Позднеев 1911: 196]; совр. лит. *толһа* ‘голова; глава, хозяин; руководитель’ [КРС 1977: 502].

Инлаут:

– *алтан* «золото» [Паллас 1787: 385]: ПМонг. **altan* ‘золото’ [Nugteren 2011: 269]; сткалм. *altan* ‘золото’ [Позднеев 1911: 7]; совр. лит. *алтн* ‘золото’ [КРС 1977: 37];

– *саин заяту* «благо» [Паллас 1789: 286]: сткалм. *zayātai* ‘определенный судьбою’ [Позднеев 1911: 260]; совр. лит. *заята* ‘счастливый, удачный’ [КРС 1977: 243];

– *утáнь* «пыль» [Паллас 1789: 328]: ПМонг. **hutua* ‘дым’ [Nugteren 2011: 366]; сткалм. *utān* ‘дым’ [Позднеев 1911: 48]; совр. лит. *утан* ‘дым’ [КРС 1977: 539].

Согласная *т* встречается (всего в 69 лексемах) только в начальной и серединной позициях и перешла в современный язык практически без изменений. Согласный *t проявляет полную устойчивость в период создания Словаря П. С. Палласа и в современный период.

4.1.4. Случаи употребления графемы х *в словаре П. С. Палласа*

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
х	[*x*]	+	+	–	*Хáмур*	[xamɤ̀r]
					Хоинь	[xŏn]
					Хургýн	[xurʁɤ́n]
					Бухá	[buxɤ́]
					Сахáл	[saxɤ́l]
					Тохóй	[toxá]

Анлаут:

– *харáн* «зрение» [Паллас 1787: 153]: стпсм. *qaraγan* ‘зрение’ [Санжеев 2018: 33]; сткалм. *xaran* ‘зрение; видимость, видимое пространство; то, что может видеть глаз на ровном месте’ [Позднеев 1911: 86]; совр. лит. *харан* ‘поле зрения, видимое пространство; зрение; силуэт, очертание’ [КРС 1977: 577];

– *халун* «жар» [Паллас 1787: 48]: ПМонг. **kalaun* ‘горячий’ [Nugteren 2011: 402]; сткалм. *xaluun, xaluu* ‘горячий, жаркий’ [Позднеев 1911: 81]; совр. лит. *халун* ‘жара, зной’ [КРС 1977: 570];

– *хол* «горло» [Паллас 1787: 89]: ПМонг. **koala(ï)* ‘горло’ [Nugteren 2011: 416]; сткалм. *хōл* ‘горло’ [Позднеев 1911: 30]; совр. лит. *хол* ‘далекий; горло, глотка’ [КРС 1977: 592].

Инлаут:

– *бурхан* «бог» [Паллас 1787: 357]: ПМонг. **burkan* ‘Будда; божество’ [Nugteren 2011: 291]; сткалм. *burxan* ‘Будда, божество’ [Позднеев 1911: 138]; совр. лит. *бурхн* ‘бурхан, божество’ [КРС 1977: 532];

– *залхан* «лень» [Паллас 1789: 193]: ПМонг. **ǰalkaï* ‘ленивый’ [Nugteren 2011: 381]; сткалм. *zaliraxu* ‘уклоняться, отлынивать от дела’ [Позднеев 1911: 259]; совр. лит. *залху* ‘ленивый, нерадивый’ [КРС 1977: 239];

– *сахы́л* «борода» [Паллас 1787: 98]: ПМонг. **sakal* ‘борода’ [Nugteren 2011: 481]; сткалм. *saxal* ‘борода’ [Позднеев 1911: 144]; совр. лит. *сахл* ‘борода, усы’ [КРС 1977: 443].

Согласная *х* используется исключительно в начальных и срединных позициях в 86 словах и сохранилась с периода словаря П. С. Палласа до настоящего времени неизменной. Восходит к *k, данный согласный относится ко вторичным, что говорит о том, что в калмыцком языке произошла спирантизация *k > х еще до составления калмыцкого словника П. С. Палласа, причем этот процесс произошел независимо от позиции согласного в слове.

4.1.5. Случаи употребления графемы* ц *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
ц	[ц]	+	+	–	*Цакь*	[tsakʏ́]
					Ца́рь	[tsarʏ́]
					Цокоху́	[tsokxʏ́]
					Гууцакь	[ʁú:tsàk]
					Киця́учи	[kütsäʁätɛʏ́]
					Могулцык	[moʁʏltsʏ́k]

Анлаут:

– *цаасунь* «снег» [Паллас 1787: 268]: ПМонг. **časun* ‘снег’ [Nugteren 2011: 299]; сткалм. *casun* ‘снег’ [Позднеев 1911: 241]; совр. лит. *цасн* ‘снег’ [КРС 1977: 626];

– *цакилгань* «молния» [Паллас 1787: 265]: ПМонг. **čakïur* ‘молния’ [Nugteren 2011: 299]; сткалм. *cakilγan* ‘молния’ [Позднеев 1911: 242]; совр. лит. *цəкллһн* ‘молния’ [КРС 1977: 629]; – *цусу́н* «кровь» [Паллас 1787: 140]: ПМонг. **čïsun* ‘кровь’ [Nugteren 2011: 304]; сткалм. *čisun*

‘кровь’ [Позднеев 1911: 247]; совр. лит. *цусн* ‘кровь’ [КРС 1977: 641].

Инлаут:

– *ацан* «воз» [Паллас 1789: 149]: ПМонг. **ačïan* ‘бремя, нагрузка’ [Nugteren 2011: 264]; сткалм. *ačīn* ‘обуза, бремя, вьюк, тягость’ [Позднеев 1911: 10]; совр. лит. *ацан* ‘груз, поклажа’ [КРС 1977: 57];

– *кэцү* «труд» [Паллас 1787: 195]: ПМонг. **keče-güü* ‘трудный, затруднительный’ [Санжеев 2016: 110]; сткалм. *кесӧӥ* ‘трудность, трудный, затруднительный’ [Позднеев 1911: 282]; совр. лит. *кецү* ‘трудный, затруднительный ’ [КРС 1977: 297];

– *онгоцо́* «судно» [Паллас 1789: 213]: ПМонг. **oŋgača* ‘лодка, корыто’ [Nugteren 2011: 468]; сткалм. *ongγoco* ‘лодка || корыто, колода для пойла, или корма скота’ [Позднеев 1911: 93]; совр. лит. *оӈһц* ‘лодка; челнок; кормушка, корыто’ [КРС 1977: 399].

Согласная *ц* встречается лишь в начальной и серединной части 32-х слов словника и практически не изменилась до наших дней. Согласный носит вторичный характер, так как на пратомонгольском уровне реконструируется **č*. По произношению данных слов можно утверждать, что запись слов была однозначно проведена не у носителей цатанского говора, диагностическим признаком которого является сохранение архаичного **č* на месте литературного *ц* [Убушаев 2006: 86].

4.1.6. Случаи употребления графемы* ч *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
ч	[ч]	+	+	–	*Чо́дурь*	[ʧʊ̋dər]
					Чисте	[ʧisə́]
					Чингардун	[ʧaŋʁа́r dún]
					Балчи́кь	[bal’ʧíg]
					Би́чхну-Ула	[biʧkɤ́n úːlɤ́]
					Орчило́нг	[orʧílɤ́ŋ]

Анлаут:

– *чиря* «лицо» [Паллас 1787: 54]: ПМонг. **čïraï* ‘лицо; выражение лица’ [Nugteren 2011: 303]; сткалм. *čirai* ‘лицо’ [Позднеев 1911: 250]; совр. лит. *чирэ* ‘лицо, физиономия, облик’ [КРС 1977: 652];

– *чулу* «камень» [Паллас 1787: 382]: ПМонг. **čïlaun* ‘камень’ [Nugteren 2011: 302]; сткалм. *čiluun* ‘камень’ [Позднеев 1911: 248]; совр. лит. *чолун* ‘камень, каменный’ [КРС 1977: 654];

– *чикн* «ухо» [Паллас 1787: 73]: ПМонг. **čïkïn* ‘ухо’ [Nugteren 2011: 302]; сткалм. *čikin* ‘ухо’ [Позднеев 1911: 249]; совр. лит. *чикн* ‘ухо’ [КРС 1977: 649].

Инлаут:

– *окчин* «долина» [Паллас 1787: 345]: сткалм. *oqčim* ‘долина, впадина, углубление, ров’ [Позднеев 1911: 33]; совр. лит. *огчм* ‘долина, впадина’ [КРС 1977: 392];

– *кучилве́* «труд» [Паллас 1787: 195]: ПМонг. **küčün ~ küčin* ‘сила, напор’ [Nugteren 2011: 430]; сткалм. *küčin* ‘сила’ [Позднеев 1911: 296]; совр. лит. *кучн* ‘сила, энергия, мощь’ [КРС 1977: 331], *кучлх* ‘проявлять усилие, напрягать силы, стараться’ [КРС 1977: 331];

– *эбэчи́нь* «боль» [Паллас 1787: 191]: ПМонг. **ebečin* ‘болезнь, недуг’ [Nugteren 2011: 322]; сткалм. *öböčin* ‘болезнь’ [Позднеев 1911: 37]; совр. лит. *өвчн* ‘болезнь, недуг’ [КРС 1977: 410].

Согласная *ч* встречается в абсолютном начале слова (в 13 лексемах) и в середине слов (в 19 лексемах), в современном языке сохранилась. Восходит к **č*.

4.1.7. Случаи употребления графемы* ш *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
ш	[ш]	+	+	–	*Шууга́н*	[ʂú:gàn]
					Шилу́	[ʂilí]
					Шю́ден	[shüdə́n]
					Идиши	[idéʂ]
					Амшху	[amtɤʂítxɤ́]

Анлаут:

– *шабу́рь* «глина» [Паллас 1787: 325]: ПМонг. **šabar* ‘грязь, глина’ [Nugteren 2011: 470]; сткалм. *шавр* ‘глина’ [Позднеев 1911: 162]; совр. лит. *шавр* ‘глина’ [КРС 1977: 659];

– *шобуунь* «птица» [Паллас 1789: 84]: ПМонг. **sïbaun* ‘птица’ [Nugteren 2011: 488]; сткалм. *šibuun* ‘птица’ [Позднеев 1911: 169]; совр. лит. *шовун* ‘птица’ [КРС 1977: 678];

– *шюдю́н* «зуб» [Паллас 1787: 54]: ПМонг. **sidün* ‘зуб’ [Nugteren 2011: 494]; сткалм. *šüdün* ‘зуб’ [Позднеев 1911: 178]; совр. лит. *шүдн* ‘зубы’ [КРС 1977: 685].

Инлаут:

– *уршикь* «беда» [Паллас 1789: 179]: сткалм. *uršiq* ‘несчастье; беда’ [Позднеев 1911: 54]; совр. лит. *ургш* ‘неприятность, несчастье, беда’ [КРС 1977: 538];

– *кю́кши́нь* «стар» [Паллас 1789: 229]: ПМонг. **kögsin* ‘старый’ [Nugteren 2011: 424]; сткалм. *küqšin* ‘старый, ветхий’ [Позднеев 1911: 291]; совр. лит. *көгшн* ‘старый’ [КРС 1977: 311];

– *хашинь* «лень» [Паллас 1789: 193]: ПМонг. * *kašaŋ* ‘ленивый’ [Nugteren 2011: 405]; сткалм. *xašing* ‘ленивый’ [Позднеев 1911: 78]; совр. лит. *хашң* ‘ленивый’ [КРС 1977: 585].

Помимо этого, отмечены случаи, когда после конечной согласной *ш* следует *ь*, который не обозначает мягкости согласного, а писался по традиции после согласного *ш*:

– *кыдылмишь* «труд» [Паллас 1787: 195]: ПМонг. **ködel-* ‘переместиться’ [Nugteren 2011: 423]; сткалм. *ködölmöš* ‘работа’ [Позднеев 1911: 289]; совр. лит. *көдлмш* ‘работа, труд’ [КРС 1977: 312];

– *земышь* «плоды» [Паллас 1789: 12]: сткалм. *zemes* ‘плоды, фрукты’ [Позднеев 1911: 262]; совр. лит. *земш* ‘плоды, фрукты’ [КРС 1977: 247].

Анализ распределения буквы *ш* в лексемах демонстрирует ее использование во всех позициях слова и ее переход в современный калмыцкий язык без изменений: восходит к **š* > *ш* и представляет одну из устойчивых согласных в калмыцком языке.

4.2. Звонкие согласные

4.2.1. Случаи употребления графемы* б *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		

б	[б]	+	+	-	*Бурха́н*	[burxʏ́n]
					Муболху	[mú bolxʏ́]
					Юмбе	[iumbə́]
	[в]	–	+	-	*Эбдыʏ́к*	[övdʏ́k]
					Кюбюʏ́н	[kövʏ́n]
					Абу	[á:vʏ̀]
					Ябу́	[jovʏ́]

Графема *б* соответствует совр. лит. [б] только в абсолютном начале слова:

– *бухá* «бык» [Паллас 1787: 239]: ПМонг. **buka* ‘бык’ [Nugteren 2011: 290]; сткалм. *buxa* ‘бык’ [Позднеев 1911: 134]; совр. лит. *бух* ‘бык’ [КРС 1977: 124];

– *багá* «мало» [Паллас 1787: 147]: ПМонг. **baga* ‘маленький’ [Nugteren 2011: 277]; сткалм. *baγa* ‘малый, мало, малолетство’ [Позднеев 1911: 117]; совр. лит. *бах* ‘малый, небольшой’ [КРС 1977: 74];

– *баи́рь* «рад» [Паллас 1787: 151]: ПМонг. **bayar* ‘радость, счастье’ [Nugteren 2011: 279]; сткалм. *bayar* ‘радость, отрада’ [Позднеев 1911: 102]; совр. лит. *байр* ‘радость, веселье’ [КРС 1977: 77].

В остальных случаях в калмыцком словнике словаря П. С. Палласа согласная *б* соответствует современной [в] <Пмонг. **b* и демонстрирует известный переход в калмыцком языке:

– *гюбдю́кю́* «бить (ударить)» [Паллас 1787: 451]: ПМонг. **gübi-* ‘бить’ [Nugteren 2011: 488]; сткалм. *gübdekü* ‘бить’ [Позднеев 1911: 303]; совр. лит. *гүвдх* ‘колотить, бить’ [КРС 1977: 148];

– *зубук* «ресницы» [Паллас 1789: 193]: стпсм. **ǰobki* ‘веко’ [Санжеев 2016: 82]; сткалм. *zubki* ‘веко’ [Позднеев 1911: 271]; совр. лит. *зовк* ‘веко’ [КРС 1977: 249];

– *арбáй* «овес» [Паллас 1787: 98]: ПМонг. **arbai*ʻ ячмень’ [Nugteren 2011: 272]; сткалм. *arbai* ‘ячмень || овес’ [Позднеев 1911: 13]; совр. лит. *арва* ‘овёс’ [КРС 1977: 47].

Исключение составляет слово «*юмбе*» «что» [Паллас 1789: 406], где [*б*] в сочетании с [*м*] сохраняется: совр. лит. *юмб* ‘что такое’ [КРС 1977: 707].

Буква *б* фактически встречается в 68 лексемах в начальной и срединной позициях, на конце слова практически не встречается в словнике П. С. Палласа. Восходит к *b во всех случаях. В калмыцком языке в середине слова произошел переход в согласную *в*, который носит наддиалектный характер, т. е. встречается во всех диалектах. Тем не менее материал словника П. С. Палласа показывает, что в этот период этот переход уже происходил, так как зафиксированы слова и с согласным *б*, и с согласным *в*, о чем будет сказано ниже [Манджиева 2024: 1362].

4.2.2. Случаи употребления графемы* в *в словаре П. С. Палласа

Буква *в* фактически встречается только в следующих шести словах: *Кувынду*, *Кэвя́*, *Со́носв*, *ЮЗивя*, *Кучилве́* и *Вирь*.

«Кувынду» предствляет собой два слова «кувын» и «ду», совр. калм. ‘мальчик’ + ‘младший брат’: – *кувынду* «брат» [Паллас 1787: 21]: ПМонг. **köbeün* ‘мальчик, ребенок’ [Nugteren 2011: 422]; ПМонг. **deü* ‘младший брат или сестра’ [Nugteren 2011: 316]; сткалм. *küböün*ʻ сын, мальчик, юноша, молодой человек’ [Позднеев 1911: 294]; сткалм. *döü* ‘младший брат, младший’ [Позднеев 1911: 225]; совр. лит. *көвүн*ʻ сын, мальчик’ [КРС 1977: 40]; совр. лит. *дү* ‘младший’ [КРС 1977: 40]. Запись слова в словаре П. С. Палласа осуществлена через букву *в*. Между тем в словаре имеются примеры записи этого слова – через графему

б – кю́бэнъ «мальчик», *кю́бю́н* «сын». Такой же пример демонстрирует слово со значением «берег», который имеет два эквивалента *кэвя́* и *кю́бю́*: *– кэвя́ / кю́бю́* «берег» [Паллас 1787: 338]: ПМонг. **kirbei* ‘край’ [Nugteren 2011: 415]; сткалм. *köbō̄* ‘берег, край, борт, кайма, оторочка’ [Позднеев 1911: 287]; совр. лит. *көвә* ‘берег, кант, опушка’ [КРС 1977: 308]. Таким образом, наличие обоих вариантов написания в одном материале позволяет предположить, что язык в это время находился в процессе перехода *б – в*.

Слова *Со́носв* и *IОзивя* демонстрируют переход согласной *в* в глагольном аффиксе единственного числа первого лица: совр. лит. *соңсв*, *узв* и *кучилвé*. Данные слова переведены как отглагольные имена в словаре П. С. Палласа: «слух», «зрение», «труд». Первоначально мы посчитали подобный перевод ошибочным, однако, возможно, что это утерянные в калмыцком языке формы отглагольных имен существительных, о которых писал в свое время Г. Й. Рамстедт [Рамстедт 1957: 124] и Г. Д. Санжеев [Санжеев 1963: 130]. Данные отглагольные формы, как считают ученые, тем не менее, восходят к глагольному аффиксу прошедшего времени *ba / *be:

– со́носв «слух» [Паллас 1787: 150]: ПМонг. **sonas*-‘слышать’ [Nugteren 2011: 500]; сткалм. *sonosobur*, *sonosburi* ‘слух’ [Позднеев 1911: 153]; сткалм. *sonosxu* ‘слышать, слушать, внимать’ [Позднеев 1911: 154]; совр. лит. *соңсх* ‘слушать, слышать’ [КРС 1977: 455];

– IОзивя «зрение» [Паллас 1787: 153]: ПМонг. **üǰe*- ‘видеть’ [Nugteren 2011: 540]; сткалм. *üzekü* ‘видеть’ [Позднеев 1911: 59]; совр. лит. *узх* ‘смотреть, видеть, увидеть’ [КРС 1977: 547].

– кучилвé «труд» [Паллас 1787: 195]: ПМонг. **küčün ~ küčin* ‘сила, напор’ [Nugteren 2011: 430]; сткалм. *küčin* ‘сила’ [Позднеев 1911: 296]; совр. лит. *кучн* ‘сила, энергия, мощь’ [КРС 1977: 331], *кучлх* ‘проявлять усилие, напрягать силы, стараться’ [КРС 1977: 331].

Слово, имеющее перевод «после», на калмыцком языке имеет форму «вирь», соответствие которому в современном калмыцком языке на данный момент не выявлено.

Исконные слова, начинающиеся на букву *в* в калмыцком языке отсутствуют [Павлов 1963: 94], что также подтверждается материалами современного калмыцкого словаря [КРС 1977].

4.2.3. Случаи употребления графемы г *в словаре П. С. Палласа*

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
г	[г]	+	+	+	*Гесюн*	[gesə́n]
					Юндыгынь	[öndəgɤ́n]
					Эрг	[erɤ́g]
г	[h]	+	+	–	*Гар*	[ʁarɤ́]
					Загассунь	[zaʁsɤ́n]
					Агáрь	[aʁár]
					Экесуулгá	[ikə́ súlʁɤ̀]
					Багá	[baʁɤ́]

Рассмотрим примеры, в которых согласная *г* сохраняет свое изначальное звучание.

Анлаут:

– *гер* «дом» [Паллас 1789: 118]: ПМонг. **ger* ‘жилище, дом; монгольская юрта’ [Nugteren 2011: 461]; сткалм. *ger* ‘войлочная кибитка, юрта, дом, жилище’ [Позднеев 1911: 260]; совр. лит. *гер* ‘дом, здание, изба, юрта’ [КРС 1977: 138];

– *гесю́н* «брюхо» [Паллас 1789: 119]: ПМонг. **gedesün* ‘кишечник, недра; живот’ [Nugteren 2011: 338]; сткалм. *gedesün* ‘чрево, живот’ [Позднеев 1911: 99]; совр. лит. *гесн* ‘живот, брюхо’ [КРС 1977: 140]. Заметим, что данное слово представлено в словаре двумя формами: *гедесу́н* и *гесю́н.* Фонетически здесь проявляется процесс ослабления и последующего выпадения промежуточного слога *де*. Фиксация обеих форм в едином источнике свидетельствует о том, что в этот период язык переживал переход от варианта *гедесу́н* к варианту *гесю́н*, причем одни диалекты сохранили традиционную форму *гедесу́н,* тогда как другой уже перешел к сокращенному варианту *гесю́н*;

– *геррель* «луч» [Паллас 1787: 246]: ПМонг.**gerel* ‘свет, яркость’ [Nugteren 2011: 341]; сткалм. *gerel* ‘свет, луч, сияние’ [Позднеев 1911: 301]; совр. лит. *герл* ‘свет, освещение, луч’ [КРС 1977: 139].

Инлаут:

– *геге́нь* «свет» [Паллас 1789: 220]: ПМонг. **gegeen* ‘светлый, яркий’ [Nugteren 2011: 339]; сткалм. *gegen* ‘свет, светлый, чистый’ [Позднеев 1911: 300]; совр. лит. *гегән* ‘свет дневной, светлый’ [КРС 1977: 134];

– *мю́нгунь* «серебро» [Паллас 1787: 388]: ПМонг. **möŋgün* ‘серебро’ [Nugteren 2011: 448]; сткалм. *mönggön* ‘серебро, деньги, монета’ [Позднеев 1911: 236]; совр. лит. *мөңгн* ‘серебро, деньги’ [КРС 1977: 358];

– *іоргю́нь* «ширина» [Паллас 1787: 366]: ПМонг. **örgen* ‘широкий, широченный, необъятный’ [Nugteren 2011: 476]; сткалм. *örgön* ‘ширина, широкий, обширный’ [Позднеев 1911: 43]; совр. лит. *өргн* ‘широкий’ [КРС 1977: 424];

Ауслаут:

– *эрг* «берег» [Паллас 1787: 338]: ПМонг. **ergi* (?hergi) ‘берег, отмель’ [Nugteren 2011: 332]; сткалм. *ergi* ‘яр’ [Позднеев 1911:22]; совр. лит. *эрг* ‘берег; обрыв, яр’ [КРС 1977: 701];

– *енецагь* «жизнь» [Паллас 1787: 214]: ПМонг. **čag* ‘время’ [Nugteren 2011: 298]; сткалм. *caq* ‘время, пора, погода’ [Позднеев 1911: 243]; совр. лит. *цаг* ‘время, пора’ [КРС 1977: 621].

Рассмотрим случаи перехода согласного *г* в современную калмыцкую фонетику в виде звонкого щелевого *h*.

Анлаут:

– *газа́рь* «земля» [Паллас 1787: 306]: ПМонг. **gaǰar* ‘земля’ [Nugteren 2011: 336]; совр. лит. *назр* ‘земля’ [КРС 1977: 152];

– *гаръ* «рука» [Паллас 1787: 110]: ПМонг. **gar* ‘рука’ [Nugteren 2011: 337]; совр. лит. *нар* ‘рука’ [КРС 1977: 157];

– *горгуль* «курица» [Паллас 1789: 96]: ПМонг. **kïrgaul* ‘фазан’ [Nugteren 2011: 413]; сткалм. *yoryuul* ‘фазан’ [Позднеев 1911: 3]; совр. лит. *нурнул* ‘фазан’ [КРС 1977: 170].

Инлаут:

– *цагань* «бело» [Паллас 1789: 250]: ПМонг. **čagaan* ‘белый’ [Nugteren 2011: 298]; совр. лит. *цаһан* ‘белый’ [КРС 1977: 622];

– *ноган́ь* «зелено» [Паллас 1789: 259]: ПМонг. **nogaan* ‘зеленый’ [Nugteren 2011: 461]; совр. лит. *нохан* ‘зеленый’ [КРС 1977: 380];

– *толго́* «голова» [Паллас 1789: 51]: ПМонг. **tolagaï* ‘голова’ [Nugteren 2011: 522]; сткалм. *tolγoi* ‘голова, бугор, пригорок, булава (*у атамана казаков*)’ [Позднеев 1911: 196]; совр. лит. *толһа* ‘голова; глава, хозяин; руководитель’ [КРС 1977: 502].

Графема *г* в большинстве случаев встречается в середине слова и в абсолютном начале слова, всего в 113 лексемах. Восходит к *g. Среди этих слов примерно половина сохраняет звучание *г*, тогда как вторая половина переходит в современный литературный язык как согласная *h*. Скорее всего, собиратель не слышал разницу в произношении [g] и [ʁ].

4.2.4. Случаи употребления графемы* д *и диграфа* дж (ж) *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
д	[*д*]	+	+	–	*Дуун*	[dún]
					Идеку́	[itxʏ́]
					Эбды́к	[övdʏ́g]
	[ж] в сочетании с *ж*	+	+	–	*Джиль*	[ʤilí]
					Еджи	é:ʤí
					Кемджиль	kemʤíl

Анлаут:

– *дабусунь* «соль» [Паллас 1787: 391]: ПМонг. **dabusun* ‘соль’ [Nugteren 2011: 310]; сткалм. *dabasun* ‘соль’ [Позднеев 1911: 260]; совр. лит. *давсн* ‘соль’ [КРС 1977: 174];

– *дербень* «четыре» [Паллас 1789: 482]: ПМонг. **dörbön* ‘четыре’ [Nugteren 2011: 318]; сткалм. *dörbön* ‘четыре’ [Позднеев 1911: 133]; совр. лит. *дөрвн* ‘четыре’ [КРС 1977: 211];

– *да́йнь* «война» [Паллас 1789: 186]: ПМонг. **dayin* ‘война’ [Nugteren 2011: 311]; сткалм. *dayin* ‘война’ [Позднеев 1911: 207]; совр. лит. *дән* ‘война’ [КРС 1977: 189].

Инлаут:

– *оддон* «звезда» [Паллас 1787: 242]: ПМонг. **hodun* ‘звезда’ [Nugteren 2011: 358]; сткалм. *odon* ‘звезда’ [Позднеев 1911: 31]; совр. лит. *одн* ‘звезда’ [КРС 1977: 393];

– *ходалгань* «луг» [Паллас 1789: 28]: ПМонг. **kadu-* ‘срезать, собирать урожай’ [Nugteren 2011: 399]; сткалм. *xadaxu* ‘жать (*хлеб*), косить’ [Позднеев 1911: 79]; совр. лит. *хадлһн* ‘покос, сенокос’ [КРС 1977: 566];

– *амиду* «живо» [Паллас 1787: 348]: ПМонг. **amidu* ‘живой’ [Nugteren 2011: 38]; сткалм. *amidu* ‘живой’ [Позднеев 1911: 9]; совр. лит. *әмд* ‘живой, одушевленный’ [КРС 1977: 65].

Рассмотрим примеры, где диграф *дж* обозначает современную калмыцкую согласную *җ*:

– *джиль* «год» [Паллас 1787: 95]: ПМонг.*ǰil ‘(*календарный*) год, год двенадцатого животного цикла’ [Nugteren 2011: 388]; стклм. *ǰil* ‘год’ [Позднеев 1911: 265]; совр. лит. *җил* ‘год’ [КРС 1977: 227];

– *еджи* «мать» [Паллас 1787: 12]: стпсм. *eǰi* ‘мать, матушка; мама’ [Санжеев 2015: 210]; стклм. *ēǰi* ‘маменька, матушка’ [Позднеев 1911: 20]; совр. лит. *ээж* ‘мать, мама, бабушка’ [КРС 1977: 706];

– *ко́гольджиргыня́* «голубь» [Паллас 1789: 106]: стпсм. *kegürǰegene* ‘голубь’ [Санжеев 2016: 113]; стклм. *kögöljirgene* ‘голубь’ [Позднеев 1911: 292]; совр. лит. *көглҗрһн* ‘голубь’ [КРС 1977: 310].

Единственным словом в калмыцком словнике, где графема *ж* встречается, является слово «Еёжи» и переходит в современный калмыцкий язык в качестве *ж*, аналогично другим словам с сочетанием *дж*.

Графема *д* сохраняет свое качество преимущественно в начальных и срединных позициях слова (всего в 117 лексемах). Согласные *д* и *дж* восходит к *d и *ǰ.

4.2.5. Случаи употребления графемы з в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
з	[*з*]	+	+	–	*Зоболонг*	[zovlḱŋ]
					Зубук	[zofkḱ]
					Зю́ркен	[zürkə́n]
					Газа́рь	[ʁazḱr]
					Саиньзаяту	[sa̋n zajáta]
					Узю́скюлы́нгъ	[üzű̋skələŋ]

Анлаут:

– *залоу* «молод» [Паллас 1789: 226]: ПМонг. *ǰalau ‘молодой (*человек*)’ [Nugteren 2011: 381]; стклм. *zaluu* ‘молодой, юноша’ [Позднеев 1911: 259]; совр. лит. *залу* ‘мужчина’ [КРС 1977: 238];

– *залхан* «лень» [Паллас 1789: 193]: ПМонг. *ǰalkaï ‘ленивый’ [Nugteren 2011: 381]; стклм. *zaliraxu* ‘уклоняться, отлынивать от дела’ [Позднеев 1911: 259]; совр. лит. *залху* ‘ленивый, нерадивый’ [КРС 1977: 443];

– *зоонь* «зун» [Паллас 1789: 483]: ПМонг. *ǰaun ‘сто’ [Nugteren 2011: 384]; стклм. *zuun*‘сто’ [Позднеев 1911: 270]; совр. лит. *зун* ‘сто’ [КРС 1977: 255].

Инлаут:

– *кузюн* «шея» [Паллас 1787: 101]: ПМонг. *küǰüün ‘шея’ [Nugteren 2011: 435]; стклм. *küzöün* ‘шея’ [Позднеев 1911: 296]; совр. лит. *кузүн* ‘шея, шейные позвонки’ [КРС 1977: 323];

– *кезе* «когда» [Паллас 1789: 446]: ПМонг. *keǰee ‘когда’ [Nugteren 2011: 409]; стклм. *kezē* ‘когда’ [Позднеев 1911: 282]; совр. лит. *кезэ* ‘когда’ [КРС 1977: 290];

– *Іозивя* «зрение» [Паллас 1787: 153]: ПМонг. *üǰe- ‘видеть’ [Nugteren 2011: 540]; стклм. *üzekü* ‘видеть’ [Позднеев 1911: 59]; совр. лит. *үзх* ‘видеть’ [КРС 1977: 547].

Звонкая согласная *з* при переходе в современный литературный язык сохранилась без изменений. Согласный *з* встречается как в начале слов, так и внутри них, не претерпевая изменений. Восходит к *z.

4.2.6. Случаи употребления графемы й в словаре П. С. Палласа

Инлаут:

– *Ӣйке* «велико» [Паллас 1789: 243]: ПМонг. **yeke* ‘большой, огроменный, великолепный’ [Nugteren 2011: 545]; сткалм. *yeke* ‘большой, великий’ [Позднеев 1911: 277]; совр. лит. *ик* ‘большой, крупный’ [КРС 1977: 266];

– *нáймань* «восемь» [Паллас 1789: 483]: ПМонг. **naïman* ‘восемь’ [Nugteren 2011: 451]; сткалм. *nayiman* ‘восемь’ [Позднеев 1911: 63]; совр. лит. *нәәмн* ‘восемь’ [КРС 1977: 371];

– *хуллухáйчи́* «тать» [Паллас 1789: 162]: ПМонг. **kulagaï* ‘вор, кража’ [Nugteren 2011: 432]; сткалм. *xulaxayiči* ‘вор’ [Позднеев 1911: 98]; совр. лит. *хулхач* ‘вор’ [КРС 1977: 609].

Ауслаут:

– *гахай* «свинья» [Паллас 1789: 71]: ПМонг. **gakaï* ‘свинья’ [Nugteren 2011: 336]; сткалм. *γaxai* ‘свинья’ [Позднеев 1911: 107]; совр. лит. *haxa* ‘свинья’ [КРС 1977: 161];

– *угей* «нет» [Паллас 1789: 420]: ПМонг. **ügei (?ügüi)* ‘нет’ [Nugteren 2011: 539]; сткалм. *ügei* ‘нет, не, без’ [Позднеев 1911: 61]; совр. лит. *уга* ‘отсутствие, нет’ [КРС 1977: 526];

– *нохой* «собака» [Паллас 1789: 74]: ПМонг. **nokaï* ‘собака’ [Nugteren 2011: 462]; сткалм. *noxoi* ‘собака’ [Позднеев 1911: 69]; совр. лит. *ноха* ‘собака’ [КРС 1977: 382].

Наличие буквы *й* отмечается как внутри корня отдельных лексем (зафиксировано в 9 случаях), так и в конечной позиции ряда словоформ (зарегистрировано 17 примеров). Однако впоследствии данная особенность была утрачена, и в современной языковой норме калмыцкого языка указанные формы представлены исключительно без *й*.

4.3. Сонанты

4.3.1. Случаи употребления графемы л в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
л	[*л*]	–	+	+	*Долдо*	[doldá]
					Салкинь	[sal’kʲn]
					Хáлха	[xalxʲ]
					Кю́л	[kölə́]
					Сахы́л	[saxʲl]
					Хол	[xólʲ]

Данная буква встречается исключительно в середине и в конце слова;

– *алтан* «золото» [Паллас 1787: 385]: ПМонг. **altan* ‘золото’ [Nugteren 2011: 269]; сткалм. *altan* ‘золото’ [Позднеев 1911: 7]; совр. лит. *алтн* ‘золото’ [КРС 1977: 37];

– *долон* «семь» [Паллас 1789: 483]: ПМонг. **dolaan* ‘семь’ [Nugteren 2011: 318]; сткалм. *dolōn* ‘семь’ [Позднеев 1911: 219]; совр. лит. *долан* ‘семь’[КРС 1977: 204];

– *толгó* «голова» [Паллас 1789: 51]: ПМонг. **tolagaï* ‘голова’ [Nugteren 2011: 522]; сткалм. *tolγoi* ‘голова, бугор, пригорок’ [Позднеев 1911: 196]; совр. лит. *толһа* ‘голова; глава, хозяин; руководитель’ [КРС 1977: 502].

Лишь в четырех лексемах согласная *л* фиксируется в абсолютном конце слова, сохраняя свою позицию и в современном калмыцком языке. Помимо этого, отмечены случаи, когда после конечной согласной *л* следовала гласная *а*, которая впоследствии исчезла, оставив *л* в абсолютном конце слова:

– *уула* «гора» [Паллас 1787: 223]: ПМонг. **aula* ‘гора’ [Nugteren 2011: 75]; сткалм. *uula* ‘гора’ [Позднеев 1911: 45]; совр. лит. *уул* ‘гора’ [КРС 1977: 541];

– *зула* «звезда» [Паллас 1787: 242]: ПМонг. **ǰula* ‘(масляная) лампа’ [Nugteren 2011: 393]; сткалм. *zula* ‘лампада, светильник’ [Позднеев 1911: 271]; совр. лит. *зул* ‘лампадка’ [КРС 1977: 255];

– *укю́ль* «смерть» [Паллас 1787: 223]: ПМонг. **ükü-* ‘умереть’ [Nugteren 2011: 540]; сткалм. *ükülkü* ‘убить’ [Позднеев 1911: 60]; совр. лит. *үкл* ‘смерть’ [КРС 1977: 548];

– *геррель* «луч» [Паллас 1787: 246]: ПМонг. **gerel* ‘свет, яркость’ [Nugteren 2011: 341]; сткалм. *gerel* ‘свет, луч, сияние’ [Позднеев 1911: 301]; совр. лит. *гэрл* ‘свет, освещение, луч’ [КРС 1977: 139].

Согласный *л* проявляет высокую степень устойчивости, восходя к *l.

4.3.2. Случаи употребления графемы* м *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
м	[*м*]	+	+	–	*Маха́н*	[maxɤ́n]
					Модунь	[modɤ́n]
					Мюсю́нь	[mösə́n]
					Гулумту́	[hулмт]
					Зарма	[zarɤ́m]
					Ха́мур	[xamɤ́r]

Абсолютное начало зафиксировано в 23 лексемах, каждая из которых успешно перешла в современный калмыцкий язык, сохранив начальное положение буквы *м*:

– *мангна́* «лоб» [Паллас 1787: 76]: ПМонг. **maŋlaï* ‘лоб’ [Nugteren 2011: 441]; сткалм. *mangnai* ‘лоб, чело’ [Позднеев 1911: 229]; совр. лит. *маңна* ‘лоб’ [КРС 1977: 342];

– *мендырь* «град» [Паллас 1787: 262]: ПМонг. **möndür* ‘град’ [Nugteren 2011: 448]; сткалм. *möndör* ‘град’ [Позднеев 1911: 235]; совр. лит. *мөндр* ‘град’ [КРС 1977: 357];

– *мю́нгунь* «серебро» [Паллас 1787: 388]: ПМонг. **möŋgün* ‘серебро’ [Nugteren 2011: 448]; сткалм. *mönggön* ‘серебро, деньги, монета’ [Позднеев 1911: 236]; совр. лит. *мөңгн*‘серебро, деньги’ [КРС 1977: 358].

Наибольшее количество слов с буквой *м* наблюдается в инлауте, в 43 лексемах, что также характерно для современного состояния языка:

– *аман* «рот» [Паллас 1787: 85]: ПМонг. **aman* ‘рот’ [Nugteren 2011: 269]; сткалм. *aman* ‘рот, уста, слово; отверстие, жерло’ [Позднеев 1911: 8]; совр. лит. *амн* ‘рот, уста; пасть, зев (*у животных*); клюв (*у птиц*); *перен.* слово; язык, речь; *перен.* едок, иждивенец; устье; сторона’ [КРС 1977: 40];

– *алмы́н* «плоды» [Паллас 1789: 12]: ПМонг. **alima* ‘яблоко’ [Nugteren 2011: 268]; сткалм. *alima* ‘яблоко’ [Позднеев 1911: 7]; совр. лит. *альмн* ‘яблоко’ [КРС 1977: 39];

– *кюмюн* «человек» [Паллас 1787: 41]: стпсм. **kömün* ‘человек’ [Санжеев 2016: 140]; сткалм. *küün, kümün* ‘человек, муж, мужчина’ [Позднеев 1911: 293]; совр. лит. *күмн* ‘человек’ [КРС 1977: 324].

В конечной позиции отмечаются четыре лексемы, заканчивающиеся сочетанием *мь*, где ь писался по русской традиции, не обозначая мягкость согласного звука:

– *хурюмь* «брак» [Паллас 1787: 211]: ПМонг. **kurïm* ‘свадьба’ [Nugteren 2011: 433]; сткалм. *xurim* ‘свадьба’ [Позднеев 1911: 104]; совр. лит. *хүрм* ‘свадьба’ [КРС 1977: 618];

– *джисюмь* «виноград» [Паллас 1789: 40]: стпсм. **üjüm* ‘виноград, изюм’ [Санжеев 2018: 209]; сткалм. *üzüm* ‘изюм’ [Позднеев 1911: 59]; совр. лит. *үзм* ‘изюм’ [КРС 1977: 546];

– *керемь* «судно» [Паллас 1789: 213]: сткалм. *kerem*‘судно, барка’ [Позднеев 1911: 283]; совр. лит. *керм* ‘пароход, судно’ [КРС 1977: 295].

Согласный *м* проявляет высокую степень устойчивости, восходя к *m.

4.3.3. Случаи употребления графемы* н *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
н	[*н*]	+	+	+	*Насунь*	[nasʏ́n]
					Негень	[negə́n]
					Нюур	[nʊ́r]
					Энник	[in’ék]
					Ындырь	[öndʏ́r]
					Улинэ	[ú:l’ná]
					Арсáн	[arsʏ́n]
					Нарáн	[narʏ́n]
					Харáн	[xarán]

Анлаут:

– *нор* «сон» [Паллас 1787: 185]: ПМонг. **noïr* ‘сон’ [Nugteren 2011: 461]; сткалм. *noyir* ‘сон’ [Позднеев 1911: 68]; совр. лит. *нөр* ‘сон’ [КРС 1977: 427];

– *нидун* «глаз» [Паллас 1787: 20]: ПМонг. **nidün* ‘глаз’ [Nugteren 2011: 459]; сткалм. *nidün, nüdün* ‘глаз’ [Позднеев 1911: 67]; совр. лит. *нүдн* ‘глаз, глаза’ [КРС 1977: 388];

– *нэкэт* «муж» [Паллас 1787: 28]: ПМонг. **nöker* ‘друг; супруг’ [Nugteren 2011: 463]; сткалм. *nökör* ‘друг, приятель, товарищ, приверженец, муж, супруг’ [Позднеев 1911: 70]; совр. лит. *нөкр* ‘товарищ, друг, приятель, муж, супруг’ [КРС 1977: 412].

Инлаут:

– *есне* «рост» [Паллас 1787: 217]: ПМонг. **ös-* ‘расти’ [Nugteren 2011: 477]; сткалм. *öskü* ‘возрастать, расти, увеличиваться’ [Позднеев 1911: 38]; совр. лит. *өсх* ‘расти, подрастать’ [КРС 1977: 427];

– *онгоцо́* «судно» [Паллас 1789: 213]: ПМонг. **oŋgača* ‘лодка, корыто’ [Nugteren 2011: 468]; сткалм. *ongγoco*‘лодка || корыто, колода для пойла, или корма скота’ [Позднеев 1911: 93]; совр. лит. *оңһц*‘лодка; челнок; кормушка, корыто’ [КРС 1977: 399];

– *тириню* «пашня» [Паллас 1789: 206]: ПМонг. **tarïan* ‘урожай; зерно, злаковые; сельскохозяйственное поле’ [Nugteren 2011: 513]; сткалм. *tarān* ‘нива, пашня, зерновой хлеб’ [Позднеев 1911: 185]; совр. лит. тәрән ‘хлеб, хлеба, зерно, посев’ [КРС 1977: 486];

Ауслаут:

– *бурхан* «бог» [Паллас 1787: 357]: ПМонг. **burkan* ‘Будда; божество’ [Nugteren 2011: 291]; сткалм. *burxan* ‘Будда, божество’ [Позднеев 1911: 138]; совр. лит. *бурхн* ‘бурхан, божество’ [КРС 1977: 532];

– *окин* «дева» [Паллас 1787: 35]: ПМонг. **ökin /okïn* ‘дочь, девочка’ [Nugteren 2011: 467, 472]; сткалм. *oḳon, okin* ‘барышня, дочь, девушка, молодая женщина’ [Позднеев 1911: 32]; совр. лит. *окн* ‘девушка, девочка’ [КРС 1977: 394];

– *серрин* «воздух» [Паллас 1787: 348]: ПМонг. **seriün* ‘прохладный’ [Nugteren 2011: 487]; сткалм. *seriün* ‘прохлада || прохладный; свежий’ [Позднеев 1911: 152]; совр. лит. *серүн* ‘прохлада, свежесть’ [КРС 1977: 451].

Около 123 лексем, оканчивающихся на *нь* претерпели изменения и в современном калмыцком языке представлены в виде простого согласного *н*:

– *ясынь* «кость» [Паллас 1787: 138]: ПМонг. **yasun* ‘кость’ [Nugteren 2011: 544]; сткалм. *yasun* ‘кость, род’ [Позднеев 1911: 275]; совр. лит. *ясн* ‘кость, род’ [КРС 1977: 711];

– *салкинь* «ветер» [Паллас 1787: 249]: ПМонг. **salkïn* ‘ветер’ [Nugteren 2011: 481]; сткалм. *salkin* ‘ветер’ [Позднеев 1911: 146]; совр. лит. *салькн* ‘ветер’ [КРС 1977: 438];

– *цаасунь* «снег» [Паллас 1787: 268]: ПМонг. **časun* ‘снег’ [Nugteren 2011: 299]; сткалм. *casun* ‘снег’ [Позднеев 1911: 241]; совр. лит. *цасн* ‘снег’ [КРС 1977: 626].

Согласный *н* проявляет устойчивость, восходя к *n.

4.3.4. Случаи употребления графемы* р *в словаре П. С. Палласа

Графема по словарю П. С. Палласа	Соответствие звуку в современном языке				Примеры по словарю П. С. Палласа	Транскрипция современного произношения слов
	Звук	Анлаут	Инлаут	Ауслаут		
р	[*р*]	–	+	+	*Арса́н*	[arsʏ́n]
					Зю́ркен	[zürkə́n]
					Хургу́н	[xurʁʏ́n]
					Наиднар	[nə̆́:dʒnʏr]
					Нюкюр	[nökə́r]
					Танар	[tanʏ́r]

Инлаут:

– *дара́ца* «победа» [Паллас 1789: 183]: ПМонг. **daru-* ‘давить, давить вниз, подавлять’ [Nugteren 2011: 416]; сткалм. *daruxu* ‘давить, гнести, пригнетать чем-либо; скрывать; печатать’ [Позднеев 1911: 212]; совр. лит. *дарх* ‘давить, жать, придавливать, приминать; ставить (*печать*); побеждать; подавлять; высиживать (яйца)’ [КРС 1977: 185];

– *хара́н* «зрение» [Паллас 1787: 153]: стпсм. *qarayan* ‘зрение’ [Санжеев 2018: 33]; сткалм. *xaran* ‘зрение; видимость, видимое пространство; то, что может видеть глаз на ровном месте’ [Позднеев 1911: 86]; совр. лит. *харан* ‘поле зрения, видимое пространство; зрение; силуэт, очертание’ [КРС 1977: 577];

– *чиря* «лицо» [Паллас 1787: 54]: ПМонг. **čïraï* ‘лицо; выражение лица’ [Nugteren 2011: 303]; сткалм. *čirai*‘лицо’ [Позднеев 1911: 250]; совр. лит. *чирə* ‘лицо, физиономия, облик’ [КРС 1977: 652].

Ауслаут:

– *гар* «рука» [Паллас 1789: 110]: ПМонг. **gar* ‘рука’ [Nugteren 2011: 337]; сткалм. γar ‘рука’ [Позднеев 1911: 110]; совр. лит. *нар* ‘рука’ [КРС 1977: 157];

– *ха́мур* «нос» [Паллас 1787: 57]: ПМонг. **kamar* ‘нос’ [Nugteren 2011: 396]; сткалм. *xamar* ‘нос’ [Позднеев 1911: 83]; совр. лит. *хамр* ‘нос’ [КРС 1977: 573];

– *нӳур* «лицо» [Паллас 1787: 54]: ПМонг. **nïur* ‘лицо’ [Nugteren 2011: 459]; сткалм. *нӱӱr* ‘лицо’ [Позднеев 1911: 67]; совр. лит. *нүр* ‘лицо’ [КРС 1977: 389].

В 37 лексемах, заканчивающихся на мягкий согласный звук *рь*, где ь писался по русской традиции, не обозначая мягкость согласного звука:

– *ахарь* «воздух» [Паллас 1787: 348]: ПМонг. **aγar* ‘воздух, атмосфера; погода’ [Санжеев 2015: 38]; сткалм. *aγar* ‘атмосфера, воздух’ [Позднеев 1911: 3]; совр. лит. *ахар* ‘воздух, атмосфера’ [КРС 1977: 26];

– *ыбюрь* «рог» [Паллас 1789: 65]: ПМонг. **eber* ‘рог’ [Nugteren 2011: 322]; сткалм. *öbör* ‘лоно, пазуха, грудь || рог’ [Позднеев 1911: 38]; совр. лит. *өвр* ‘рог’ [КРС 1977: 555];

– *эдюрь* «день» [Паллас 1787: 275]: ПМонг. **edür* ‘день’ [Nugteren 2011: 325]; сткалм. *ödör* ‘день’ [Позднеев 1911: 39]; совр. лит. *өдр* ‘день, число ’ [КРС 1977: 412].

Согласный *р* проявляет высокую степень устойчивости, восходя к *r.

5. Рефлексы графем, используемых в словаре П. С. Палласа

Ниже представлена таблица с рефлексами согласных графем, использованных для передачи калмыцких слов в словаре П. С. Палласа. Рефлексации, носящие регулярный характер (т. е. не менее трех примеров) в словаре, выделены жирным начертанием.

Графема(ы) по словарю П. С. Палласа	Пмонг.		
	Анлаут	Инлаут	Ауслаут
б	***b**	***b**	
п		*b	
в		*b	
т	***t**	***t**	
д	***d**	***d**	
с	***s**	***s**	*s
з	***ǰ**	***ǰ**	
ш	***s**	*s *š	
ч	***č**	***č**	
ц	***č**	***č**	
к	***k**	***k** *g *γ	*k *g
г	***g**	***g**	*g
х	*k	***k**	

л		***l**	*l
р		***r**	***r**
м	***m**	***m**	*m
н	***n**	***n** *ŋ	***n**
й		***ï** *e	***ï**

6. Выводы

В «палласовском» словнике калмыцкого языка реконструируется следующая система согласных (см. табл. 4).

Таблица 4. Реконструкция системы согласных в калмыцком словнике П. С. Палласа [*Table 4*. Reconstruction of the consonant system in the Kalmyk dictionary by P. S. Pallas]

По характеру артикуляции		По месту артикуляции					
		Губные	Губо-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные
Смычные	глухие	p*		t		k	
	звонкие	b	v	d		g	
Щелевый	глухие			s, ş			x
	звонкие			z			
Аффрикаты	глухие			tɕ, ʦ	j		
	звонкие			dž			
Сонанты	боковые			l			
	дрожащие			r			
	плавные	m		n			

В результате исследования были выстроены ряды соответствий согласных графем в словаре П. С. Палласа с современным литературным калмыцким языком, а также с прамонгольскими реконструкциями Х. Нугтерена, что позволило провести графо-фонетический анализ калмыцкого словника П. С. Палласа. В результате графо-фонетического анализа была составлена таблица с данными по рефлексам согласных, имеющим регулярный характер (т. е. не менее трех примеров). Отмечается незначительная разница между фонетикой словаря П. С. Палласа, отраженной в графике, протомонгольскими реконструкциями и современным состоянием калмыцкого языка, те изменения, которые отражены в словнике П. С. Палласа, носят системный характер. Отличия от современного литературного языка состоят в основном в исторических изменениях, произошедших в согласных.

Сокращения

Пмонг. — протомонгольский
совр. лит. — современный литературный
сткалм. — старокалмыцкий
стпсм. — старописьменный

Литература

Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

Биткеев 1965 — *Биткеев П. Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ. 1965. 67 с.

Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 413 с.

Гордина 2003 — *Гордина М. В.* История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории): автореф. дисс. … д-ра филол. наук. СПб., 2003. 31 с.

Карпов и др. 2022 — *Карпов В. И., Сенатор С. А., Воронцов Д. О., Беленов Н. В.* Петер Симон Паллас и становление академической полевой лексикографии в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 82–99. DOI: 10.31857/S160578800022748-8

Кичиков 1963 — *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 88 с.

Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Издание калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, 1929. 418 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь под ред. Б. Д. Муниева / М.: Русский язык, 1977., 768 с.

Куканова и др. 2014 — *Куканова В. В., Бутаева А. О., Каджиев А. Ю.* Фольклорный корпус калмыцкого языка как материал для анализа диалектов калмыцкого языка (на материале сказок, записанных Г. И. Рамстедтом) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы

References

Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)

Bitkeev P. C. Consonant Phonemes of the Kalmyk Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1965. 67 p. (In Russ.)

Bobrovnikov A. A. Grammar of the Mongolian-Kalmyk Language. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1849. 413 p. (In Russ.)

Gordina M. V. The History of Phonetic Research (from Antiquity to the Emergence of Phonological Theory). Dr. Sc. (Philology) thesis abstract. St. Petersburg, 2003. 31 p. (In Russ.)

Karpov V. I., Senator S. A., Vorontsov D. O., Belenov N. V. Peter Simon Pallas and the Formation of Academic Field Lexicography in Russia. *Izvestiya RAN. Seriya Literatury I Yazyka (The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language)*. 2022. Vol. 81. No. 5. Pp. 82–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022748-8

Kichikov A. Sh. Dorbet Kalmyk: A Study in Phonetics and Morphology. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 88 p. (In Russ.)

Kotwicz W. L. A Grammar of Colloquial Kalmyk. 2nd ed. Řevnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers in the Czechoslovak Republic, 1929. 418 p. (In Russ.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Russ.)

Kukanova V. V., Butaeva A. O., Kadzhiev A. Yu. Folklore Corpus of the Kalmyk Language as a Material for the Analysis of Dialects of the Kalmyk Language (Based on the Material of Fairy Tales Written by G. J. Ramstedt). In: Actual Problems of Dialectology of the Languages of the Peoples of

XIV Всероссийской конференции (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 276–283.

Лукин 2024 — Лукин О. В. Словарь палласа как первое лексикографическое произведение в истории компаративистики // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4(39). С. 174–184. DOI: 10-20323|2499-9679-2024-4-39-174

Манджиева 2024 — *Манджиева И. Б.* Словарь П. С. Палласа: архаичные и инновационные черты // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1357–1368. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1357-1368

Манджиева, Куканова 2023 — *Манджиева И. Б., Куканова В. В.* Калмыцкий словник в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ гласных // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1637–1661. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661

Павлов 1963 — *Павлов Д. А.* Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста. 1963. 107 с.

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб.: Типография Шнора, 1787, 418 с.

Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2. СПб.: Типография Шнора, 1789, 493 с.

Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.

Попов 1847 — *Попов А. В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. 392 с.

Russia: Proceedings of the 14th All-Russian Conference (Ufa, November 20–22, 2014). Ufa, 2014. Pp. 276–283. (In Russ.)

Lukin O. V. Pallas Dictionary as the First Lexicographic Studies. *Verhnevolzhskij Filologicheskij Vestnik.* 2024. No. 4(39). Pp. 174–184. (In Russ.) DOI: 10-20323|2499-9679-2024-4-39-174

Mandzhieva I. B. Dictionary of P. S. Pallas: Archaic and Innovative Features. *Oriental Studies.* 2024. Vol. 17. Is. 6. Pp. 1357–1368. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-76-6-1357-1368

Mandzhieva I. B., Kukanova V. V. Kalmyk Word List in Linguarum Totius Orbis Vocabularia Comparativa by P. S. Pallas: A Grapho-phonetic Analysis of Vowels. *Oriental Studies.* 2023. Vol. 16. Is. 6. Pp. 1637–1661. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661

Pavlov D. A. Composition and Classification of Phonemes of the Kalmyk Language. Elista: Kalmykia Book Publ., 1963. 107 p. (In Russ.)

Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty. Vol. 1: European and Asiatic Languages. Pt. 1. St. Petersburg: Schnor, 1787. 418 p. (In Lat., Fr., Germ., etc.)

Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty. Vol. 2: European and Asiatic Languages. Pt. 2. St. Petersburg: Schnor, 1789. 493 p. (In Lat., Fr., Germ., etc.)

Pozdneev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)

Popov A.V. Grammar of the Kalmyk Language. Kazan: Kazansky University, 1847. 392 p. (In Russ.)

Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 267 с.

Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.

Санжеев 1940 — *Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.; Л.: АН СССР, 1940. 160 с.

Санжеев 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. I. 2015. М., 224 с.

Санжеев 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. II. 2015. М., 232 с.

Санжеев 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. III. 2018. М., 240 с.

Сусеева, Монраев 2024 — *Сусеева Д. А., Монраев М. У.* О согласных фонемах современного калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 3. С. 105–128. DOI: 10.53315/1995-0713-2024-63-3-105-128

Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка.Элиста: Джангар, 2006. 255 с.

Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolian Languages. Glagol. Moscow: Vostochnaya Literatura., 1963. 267 p. (In Russ.)

Ramstedt G.Y. Introduction to Altai linguistics. Morphology. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1957. 254 p.

Sanzheev G. D. Grammar of the Kalmyk Language. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 160 p. (In Russ.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., Bur., Kalm., etc.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., Bur., Kalm., etc.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., Bur., Kalm., etc.)

Suseeva D. A., Monraev M. U. On Consonant Phonemes of the Modern Kalmyk Language. *Bulletin of the Kalmyk University.* 2024. No. 3. Pp. 105–128. (In Russ.) DOI: 10.53315/1995-0713-2024-63-3-105-128

Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Dzhangar, 2006. 255 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 808–821, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-808-821

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

CC BY NC ND

УДК 811.512.3

UDC 811.512.3

О диалектном соответствии *э → ө* в калмыцком языке (по данным исторической лексикографии)

Саглара Викторовна Бабаева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

The Dialectal Correspondence *e → ö* in Kalmyk: Evidence from Historical Lexicography

Saglara V. Babaeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025
© Бабаева С. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Babaeva S. V., 2025

Аннотация. *Введение*. Диалектное соответствие э → *ө*, являющееся архаичной чертой, восходящей к прамонгольскому состоянию, сохранилось в современных говорах калмыцкого языка, прежде всего в бузавском, и представляет значительный интерес для реконструкции исторической фонетики и понимания путей диалектной дифференциации. *Цель* статьи заключается в выявлении, систематизации и диахроническом анализе примеров реализации этого соответствия на обширном материале лексикографических источников второй половины XVIII – начала XX в. *Материалы*. В работе проводится детальный анализ десяти ключевых словарей старокалмыцкого языка, включая анонимный русско-калмыцкий словарь второй половины XVIII в., калмыцко-шведский словарь К. Рамна, словари В. М. Дилигенского, Г. А. Цвика, К. Ф. Голстунского, Н. В. Львовского, А. М. Позднеева и др. Особое внимание уделяется словарям, содержащим фонетическую транскрипцию, что позволяет судить о реальном произношении, а не только об орфографической норме. *Результаты*. Установлено, что соответствие э → *ө* носило широко распространенный, но диалектно обусловленный характер. Наиболее последовательно оно представлено в материалах, отражающих дербетский и бузавский говоры (словари К. Рамна, В. М. Дилигенского, Н. В. Львовского, анонимный словарь из «Донских епархиальных ведомостей»), в то время как в торгутских источниках его следы минимальны. Анализ выявил как архаичные случаи соответствия, восходящие к прамонгольскому *e, так и инновационные, где [ө] соответствует прамонгольскому *ö. Показано, что на рубеже XIX–XX в. происходила постепенная унификация орфографической нормы в пользу написания через [ө] для наиболее частотной

лексемы. Проведенное исследование вносит существенный вклад в историческую диалектологию калмыцкого языка, демонстрируя ценность лексикографических памятников для реконструкции языковой истории и подтверждая тесные связи между западными диалектами калмыцкого и бурятского языков.
Ключевые слова: калмыцкий язык, «ясное письмо» («тодо бичиг»), историческая лексикография, диалектология, историческая фонетика, соответствие э → *ө*, прамонгольский язык, бузавский говор
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычнх народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Бабаева С. В. О диалектном соответствии э → *ө* в калмыцком языке (по данным исторической лексикографии) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 808–821. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-808-821

Abstract. *Introduction.* The dialectal correspondence *e* → *ö*, an archaic feature tracing back to the Proto-Mongolic state, has been preserved in modern Kalmyk dialects, primarily in the Buzava dialect, and is of significant interest for reconstructing historical phonetics and understanding the paths of dialectal differentiation. This paper *aims* to identify, systematize, and conduct a diachronic analysis of examples of this correspondence's realization using extensive material from lexicographical sources from the second half of the 18th to the early 20th century. *Materials*. The study provides a detailed analysis of ten lexicographical sources of Old Kalmyk, including an anonymous Russian-Kalmyk dictionary from the second half of the 18th century, Cornelius Rahmn's Kalmyk-Swedish dictionary, and the dictionaries of V. Diligensky, H. Zwick, K. Golstunsky, N. Lyvovsky, A. Pozdneev, etc. Particular attention is paid to the dictionaries containing phonetic transcription, which allows insights into the actual pronunciation, not just the orthographic norm.
Results. It has been established that the *e* → *ö* correspondence was widespread but dialectally conditioned. It is most consistently represented in the materials reflecting the Derbet and Buzava dialects (the dictionaries of C. Rahmn, V. Diligensky, N. Lyvovsky, and the anonymous dictionary from the "Don Diocesan Gazette"), while its traces are minimal in Torgout sources. The analysis revealed both archaic instances of the correspondence, descending from Proto-Mongolic *e, and innovative ones, where [ö] corresponds to Proto-Mongolic *ö. It is shown that at the turn of the 20th century, a gradual unification of the orthographic norm occurred in favor of the spelling with [ö] for the most frequent lexemes. The conducted research makes a substantial contribution to the historical dialectology of the Kalmyk language, demonstrating the value of lexicographical sources for reconstructing history of the language and confirming the close connections between the western dialects of Kalmyk and Buryat.
Keywords: Kalmyk language, Clear Script (*Todo Bichig*), historical lexicography, dialectology, historical phonetics, *e* → *ö* correspondence, Proto-Mongolic language, Buzava dialect
Acknowledgment. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 "Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China".
For citation: Babaeva S. V. The Dialectal Correspondence *e* → *ö* in Kalmyk: Evidence from Historical Lexicography. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 808–821. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-808-821

1. Введение

Исследования в области исторической грамматики калмыцкого языка имеют большое значение в контексте изучения монгольских языков, выступая одним из инструментов для реконструкции общего прамонгольского языкового состояния и понимания путей последующей дифференциации монгольских языков. Калмыцкий язык является единственным на территории европейской части России живым представителем западной (ойратской) ветви монгольской языковой семьи. Его формирование и обособление в результате миграции части ойратских этнических групп в конце XVI – начале XVII в., развитие в условиях изоляции от основного монгольского ареала и интенсивных контактов с тюркскими языками обусловили сложное переплетение архаичных и инновационных черт.

Главным исследователем в области исторической фонетики калмыцкого языка можно назвать Д. А. Павлова, который с привлечением словарей и других письменных источников выявил и описал основные фонетические процессы, произошедшие в калмыцком языке с середины XVII в. до настоящего времени [Павлов 2000]. Следует назвать работы Д. А. Сусеевой [Сусеева 2003; Сусеева 2011], Н. О. Кокшаевой [Кокшаева 2011], Д. Б. Гедеевой [Гедеева 2002; Гедеева 2009; Гедеева 2021] и публикации последних лет [Долеева, Куканова 2024; Манджиева, Куканова 2023; Манджиева 2024; Мирзаева 2024а; Мирзаева 2024б], посвященные словарным материалам по калмыцкому языку, записанным немецкими исследователями XVII–XIX вв. и опубликованным Г. Дёрфером [Doerfer 1965].

2. Материалы

Целью данной статьи является анализ соответствия э[1]→*ө*, установленного в указанных выше словарных материалах немецких ученых [Долеева, Куканова 2024; Манджиева, Куканова 2023; Манджиева 2024; Мирзаева 2024а], а также в латинско-русско-калмыцком словаре А. Соколова второй половины XVIII в. [Мирзаева 2024б], на материале сохранившихся до нашего времени словарей старокалмыцкого языка. Данное соответствие привлекло наше внимание, поскольку, по нашему предположению, оно было характерно еще для ойратского языка (послужившего основой для калмыцкого языка)[2] и дошло до нашего времени как диалектный архаизм в бузавском говоре калмыцкого языка [Убушаев 2006: 16]. Поскольку в современном калмыцком языке это соответствие носит диалектный характер, при рассмотрении словарей мы будем указывать их диалектную принадлежность, в случае наличия такой информации[3]. Также следует

[1] Здесь следует оговориться, что в русской орфографии буква э была введена в алфавит только в конце XVIII в., поэтому в кириллической транскипции в рассматриваемых словарях для обозначения данного звука используются две буквы — *е* и э. Поскольку бóльшая часть привлекаемых словарей в калмыцкой части содержит написания на старокалмыцком «ясном письме» («тодо бичиг»), которые традиционно в монголоведении при транслитерировании перекладываются на латиницу, в примерах также вместо кириллического гласного э будет встречается латинское *е*.

[2] Согласно мнению Д. А. Павлова, до конца XIV в. ойратский язык представлял собой один из диалектов общемонгольского языка, после чего выделился в отдельный язык [Павлов 2000: 18].

[3] Анализ данного соответствия представляется интересным как в контексте современной калмыцкой диалектологии, так и в контексте других монгольских языков, в частности бурятского. Так, В. И. Рассадин в «Очерках по исторической фонетике бу-

оговориться, что в данном исследовании гласный звук [э], соответствующий современному литературному [ө], будет рассмотрен только в позиции анлаута или инлаута (гласный первого слога), поскольку гласные непервых слогов в монгольских языках в общем и в особенности в калмыцком относятся, как правило, к «неясным» гласным, анализ исторических изменений которых требует дополнительного исследования.

В качестве материала для исследования привлечены следующие лексикографические источники: 1) анонимный русско-калмыцкий словарь второй половины XVIII в. [Русско-калмыцкий словарь 2014]; 2) калмыцко-шведский словарь К. Рамна (приблизит. 1819–1823 гг.) [Kalmuck Dictionary 2012]; 3) «Словарь калмыцко-русский» В. М. Дилигенского [Дилигенский 1852]; 4) калмыцко-немецкий словарь Г. А. Цвика [Zwick 1853]; 5) «Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный священником П. Смирновым» [Смирнов 1857]; 6) русско-калмыцкий словарь К. Ф. Голстунского [Русско-калмыцкий словарь 1860]; 7) анонимный калмыцко-русский словарь, отпечатанный в «Донских епархиальных ведомостях» в 1871 г. и 1875 г. [Куканова, Михалева 2018]; 8) «Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской Духовной Академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским)» [Львовский 1893]; 9) калмыцко-русский словарь А. М. Позднеева [Позднеев 1911]; 10) «Краткий русско-калмыцкий словарь» П. Коржевой и др. [Краткий русско-калмыцкий словарь 1916][1]. В отдельных словарях (анонимный русско-калмыцкий словарь, словарь Н. Львовского и словарь из «Донских епархиальных ведомостей») имеется фонетическая транскрипция калмыцких слов, которая, в отличие от написания на «тодо бичиг», представляющего, как правило, орфографическую норму написания слова, более точно должна отражать реальное произношение носителей языка того времени.

3. Соответствие *э → ө* в словарях XVIII – начала XX вв.

3.1. Соответствие э → ө в анонимном русско-калмыцком словаре второй половины XVIII в.

В словаре обнаружен один пример данного соответствия: *öbdeq — ебди́к* — лит. калм. *өвдг* ‘колено’ [Русско-калмыцкий словарь 2014: 152]. Здесь стоит отметить разницу между написанием слова на «тодо бичиг» (***öbdeq***) и кириллической транскрипцией (***ебди́к***), которая, на наш взгляд, может отражать различие между орфографической нормой и реальным произношением. Тот факт, что в словаре зафиксирован фонетический облик слов, а не литературная форма, подтверждает и пример написания калмыцкого эквивалента для слова ‘болезнь’ как *ю̂бю̂чю́н* (*öböčin*), в то время как во всех остальных словарях встречается классический

рятского языка» приводит примеры с соответствием э → ө, характерным для западных говоров бурятского языка (тункинского, эхирит-булагатского, баргузинского и качугского), причем, как и в случае с материалами старокалмыцкого языка (см. публикации [Мирзаева 2024а; Мирзаева 2024б]), не во всех случаях фонема <е> совпадает с исконным прамонгольским *е [Рассадин 1982: 17–18]. Интересно, что автор в своей книге не раз подчеркивает близость западных говоров бурятского языка к материалам ойратского языка и, соответственно, калмыцкого.

[1] В русско-калмыцком словаре Н. Бадмаева [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899] примеры с данным соответствием не обнаружены, поэтому словарь не был включен в материалы исследования.

вариант *ebečin*, совпадающий с прамонгольской формой и написанием на классическом монгольском языке. Так же, с помощью диграфа *ıô*, передан калмыцкий звук [ө] в слове *ıôндıóр* (*öndör*) ‘высокий’ [Русско-калмыцкий словарь 2014: 92], которое в словаре А. Соколова, датируемом тем же периодом, записано как *ендур* ‘высокий, глубокий’ [Kalmükisch Vocabularium 1769–1771: 22]. Разница в написании одного и того же словаря позволяет предположить, что словарь А. Соколова и анонимный словарь были записаны в разных местах и зафиксировали разные диалекты, в одном из которых имелось данное соответствие, а в другом уже практически исчезло (учитывая единичный пример *ебдúк*). По мнению Е. В. Бембеева и В. В. Кукановой, опубликовавших данный словарь в 2014 г., одним из составителей анонимного словаря мог быть носителем торгутского говора [Русско-калмыцкий словарь 2014: 39]; таким образом, методом исключения можно предположить, что в словаре А. Соколова зафиксированы либо дербетский, либо бузавский говоры, если исходить из современного диалектного членения калмыцкого языка.

3.2. Соответствие э → ө в шведско-калмыцком словаре Корнелиуса Рамна (1819–1823 гг.)

Словарь католического проповедника К. Рамна, составленный в 1820-х гг., располагает бóльшим количеством примеров с соответствием э → *ө*, причем в ряде случаев мы встречаем дублетные формы с написанием и через [э] (у К. Рамна транскрибировано через латинское [e]), и через [ө] (у К. Рамна транскрибировано через [ø]): *bøške* / *beške* ‘губка’, *ebør* / *øbør* ‘рог’, *emyne* / *ømønø* ‘перед, впереди’, *mølše-ky* / *melše-ky* ‘выследить, находить’, *ønøcin* / *enezin* ‘сирота’, что говорит о регулярности этого соответствия в дербетском говоре, который, вероятно, и был зафиксирован К. Рамном, если исходить из того факта, что автор словаря жил по соседству с калмыками в Сарепте [Kalmuck Dictionary 2012: 2]. Кроме того, к некоторым заголовочным словам в словаре указана перекрестная ссылка, содержащая альтернативное написание либо через [e], либо через [ø]: см. ***e***berēn(i) > ***ø***bør[2], ***e***rēlčil > ***ø***rølzil, m***e***lše > m***ø***lše. В словаре также встречаются написания через [e] следующих слов: *ebecin* ‘болезнь’ — лит. калм. *өвчн* ‘тж.[1]’, *ebeci-tei* ‘больной’ — лит. калм. *өвчтэ* ‘тж.’, *ebed-ky* ‘болеть’ — лит. калм. *өвдх* ‘тж.’; *bekeciud* ‘борцы, силачи, отбираемые для боев’ — лит. калм. *бөкчүд* ‘тж.’, *bekele-ky* ‘утвердить, укрепить’ — лит. калм. *бөклх* (?)[2] [Kalmuck Dictionary 2012: 45, 70, 73, 74, 109, 111, 127].

3.3. Соответствие э→ө в калмыцко-русском словаре В. М. Дилигенского (1852 г.)

В словаре В. М. Дилигенского (1852 г.), который также был составлен в Сарепте, установлены следующие слова с данным соответствием: *ebör* ‘рог, роговой, мозоль’ — лит. калм. *өвр* ‘тж.’, *ebürtei* ‘рогатый, снабженный рогами’ — лит. калм. *өвртэ* ‘тж.’, *ebedkü* ‘быть больным, чувствовать боль’ — лит. калм. *өвдх* ‘тж.’, *ebedkekü* ‘сделать больным, причинять боль’ — лит. калм. *өвдкэх* ‘тж.’, *ebečin* ‘болезнь’ — лит. калм. *өвчн* ‘тж.’, *ebečin kürtekü* ‘сделаться больным, заболеть, занемочь’ — лит. калм. *өвчн күртх* ‘тж.’, *ebečitei* ‘больной’ — лит. калм. *өвчтэ* ‘тж.’, *emüne* ‘перед, впереди’ — лит. калм. *өмн* ‘тж.’, *emüskü* ‘оде-

[1] То же.

[2] Здесь и далее вопросительный знак в круглых скобках ставится после лексем, отсутствующих в словарях современного калмыцкого языка.

вать, надевать’ — лит. калм. *өмсх* ‘тж.’, *emkükü* ‘жевать’ — лит. калм. *өмкх* ‘тж.’, *emküqdekü* ‘быть жевану’ — лит. калм. *өмкгдх* ‘тж.’, *ergün* ‘подбородок’ — лит. калм. *өргн* ‘челюсть’, *ergüni saxal* ‘борода на подбородке’ — лит. калм. *өргнә сахл* ‘тж.’, *beki* ‘крепкий, прочный’ — лит. калм. *бөк* ‘тж.’, *bekilekü* ‘укрепить, укрепиться’ — лит. калм. *бөклх* (?), *bekilöülkü* ‘велеть укрепить’ — лит. калм. *бөклүлх* (?), *bekileqdekü* ‘быть укрепленным’ — лит. калм. *бөклгдх* (?), *bekiliq* ‘сильный, окреплый человек, силач’ — лит. калм. *бөклг* (?) [Дилигенский 1852: 14, 16, 18, 82].

3.4. Соответствие э → ө в калмыцко-русском словаре Г. А. Цвика (1853 г.)

В словаре Г. А. Цвика (1853 г.) с рассматриваемым соответствием установлены следующие слова: *ebečin* ‘болезнь’, *ebečitei* ‘больной’, *eberen* ‘сам, себя’, *ebör* ‘рог’, *emüne* ‘перед, до, впереди’, *emüneki* ‘передний’, *emüne züq* ‘восток’, *bekelöülkü*, *bekelüqdekü* ‘дать укрепить, быть укрепленным’, *bekečiüd* ‘борцы’, *kelberikü*, *kelberöülkü* ‘наклонить в сторону’, *kelberil* ‘наклон, непостоянство, изменчивость’, *kelberil ügei* ‘непоколебимый; неизменный’, *kelberilcekü* ‘качаться, колебаться’ [Zwick 1853: 41, 46, 144, 233]. Диалектную принадлежность лексики словаря определить трудно, поскольку, согласно труду Г. А. Цвика «Calmuc Tartary, or a Journey from Sarepta to Several Calmuc Hordes of the Astracan Government» [Calmuc Tartary 1831], он посещал несколько улусов Калмыцкой степи и мог зафиксировать разные диалекты [Calmuc Tartary 1831: 40–247].

3.5. Соответствие э → ө в русско-калмыцком словаре П. Смирнова (1857 г.)

В словаре П. Смирнова (1857 г.), служившего преподавателем калмыцкого языка в Астраханской духовной семинарии, как можно предположить, отразился торгутский говор калмыцкого языка. В словаре обнаружены несколько слов с соответствием э → *ө*: *ebečin* ‘болезнь’ — лит. калм. *өвчн* ‘тж.’; *ebedekü* ‘болеть’ — лит. калм. *өвдх* ‘тж.’; *ebečitei* ‘больной’ — лит. калм. *өвчтә* ‘тж.’; *elgükü* ‘вешать’ — лит. калм. *өлгх* ‘тж.’; *eber* ‘рог’ — лит. калм. *өвр* ‘тж.’; *emüne züq* ‘юг’ — лит. калм. *өмн үзг* ‘тж.’; *emüne zügüyin* ‘южный’ — лит. калм. *өмн үзгин* ‘тж.’ [Смирнов 1857: 12, 13, 22, 89, 126]. Можно предположить, что при составлении словаря автор опирался больше на письменные тексты, возможно, на переводы христианских сочинений, чем на устную речь, что обусловило присутствие книжных форм данных слов в словаре.

3.6. Соответствие э → ө в русско-калмыцком словаре К. Ф. Голстунского (1861 г.)

Русско-калмыцкий словарь К. Ф. Голстунского, вышедший в 1861 г., демонстрирует нам появление вариативности в орфографировании слов ‘болезнь’ и ‘сам, собственный’, которые встречаются в словаре как в написании с [e], так и с [ö]: *eberēni* ‘свой’ (см. также *eberēn xādaq* ‘самопал’, *eberēn uryuqsan* ‘самородный’) — *öbörön* ‘сам’; *γam ebečin* ‘сап’, *örō ebečin* ‘сожаление’ — *šara öböčin* ‘желтуха’ и производные от слова основы *öbdöte* ‘больно’, *öböčitei* ‘больной’, *öbdökü* ‘болеть’, *örō ebedkü* ‘соболезновать’ / *örō öbödkü* ‘сожалеть’. Гласный [e], сохраняющий прамонгольское *e, установлен в словах *mečin sara* ‘июнь’, *ebür* ‘мозоль’, *ebčiübči* ‘нагрудник’. В словах с семантикой различных видов трав и передней (южной) стороны уже отмечен единственный вариант орфографической нормы написания через [ö], отражающий реальное произношение: *mančin öbösün* ‘маун тр.’, *üsün öbösün* ‘молочайник’, *ömönö* ‘перед; юг’, *ömönöki* ‘пе-

редний; южный’ [Русско-калмыцкий словарь 1860: 8, 34, 43, 56, 58, 61, 77, 102, 103, 109, 110, 134]. Диалектную принадлежность словаря установить довольно сложно, поскольку автор словаря не раз находился в научных командировках в Калмыцкой степи в разных улусах [Решетов 2001: 7–8].

3.7. Соответствие э → ө в словаре, опубликованном в «Донских епархиальных ведомостях» (1871, 1875 гг.)

В словаре, публиковавшемся в 1871 г. и 1875 г. в «Донских епархиальных ведомостях» и, вероятно, отразившем бузавский говор калмыцкого языка, данное соответствие представлено в нескольких словах, причем особая ценность этого материала в том, что он содержит не традиционное написание слова на «ясном письме», а кириллическую транскрипцию, которая, скорее всего, передает звучание слова. Ниже перечислим слова: *беки́*, *беклиќ* ‘крепкий’ — лит. калм. *бөк*, *белдюкюн* ‘женские детородные части’— лит. калм. *бөлдгн*, *дегед* ‘деготь’ — лит. калм. *дөгд*, *емюне*, *ом(о)но* ‘перед’ — лит. калм. *өмн*, *емюскю* ‘одевать; обувать’ — лит. калм. *өмсх*, *ебэдкю* ‘болеть’ — лит. калм. *өвдх*, *ебэчин* ‘болезнь’ — лит. калм. *өвчн*, *ебэчитя* ‘больной’ — лит. калм. *өвчтә*, *ебэр* ‘рог’ — лит. калм. *өвр*, *еб(в)юр* ‘мозоль’ — лит. калм. *өвр* [Куканова, Михалева 2018: 244, 257, 259, 267]. Поскольку именно в современном бузавском говоре это соответствие сохранилось как диалектный архаизм, вполне очевидно, что наиболее широко оно будет представлено в словарях, которые территориально могут быть отнесены к ареалу проживания донских калмыков.

3.8. Соответствие э → ө в калмыцко-русском словаре Н. В. Львовского (1893 г.)

С этой точки зрения интересен и словарь Н. В. Львовского, который, как следует даже из названия словаря, был составлен недалеко от территории проживания донских калмыков, в Большедербетовском улусе, в то время входившем в состав Ставропольской губернии (ныне — Городовиковский и Яшалтинский районы Республики Калмыкия). Словарь Н. В. Львовского также располагает авторской транслитерацией на кириллице, вероятно, отражающей звучание слова в живой речи. В этом словаре, датируемом последним десятилетием XIX в., установлено наибольшее (по сравнению с другими словарями) количество примеров с данным соответствием, среди которых фиксируются два варианта написания отдельных слов (через [ö] и через [э] / [е]): *эбедкекӱ* ‘сделать больным, причинить боль’ — лит. калм. *өвдкәх*, *эбедкӱ* ‘быть больным, чувствовать боль — лит. калм. *өвдх*, *эбечин* / *öбöчин* ‘болезнь’ — лит. калм. *өвчн*, *эбечин кӱртекӱ* ‘сделаться больным, заболеть, изнемочь, занемочь’ — лит. калм. *өвчн күртх*, *эбечитэй* ‘больной’ — лит. калм. *өвчтә*, *эбöр* ‘рог, мозоль; роговой’ — лит. калм. *өвр*, *эбöртэй* ‘рогатый’ — лит. калм. *өвртә*, *эмӱне* / *öмöнö* ‘перед, впереди, передняя сторона, южная, восточная’ — лит. калм. *өмн*, *эмӱскӱ* ‘одеваться, надевать’ — лит. калм. *өмсх*, *эмкӱкӱ* ‘жевать, держать во рту’ — лит. калм. *өмгх*, *эмкӱкдекӱ* ‘быть жеванным’ — лит. калм. *өмгүгдх*, *элгӧ̄лкӱ* / *öлгӱ̄лкӱ* ‘велеть повесить, велеть привесить’ — лит. калм. *өлглх*, *элгӱкӱ* / *öлгӱкӱ* ‘висеть, повесить’ — лит. калм. *өлгх*, *элгӱ̄лкӱ* ‘велеть повесить, велеть привесить’ — лит. калм. *өлглүүлх*, *элгӱкдекӱ* / *öлгӱкдекӱ* ‘быть привешенным или повешенным’ — лит. калм. *өлгүгдх*, *элгӱр* / *öлгӱр* ‘крючок или гвоздь для вешания’ — лит. калм. *өлгур*, *эрӧ̄* ‘мучение, мука, терпение’ — лит. калм. *өр*, *эрӧ̄ эдлекӱ* ‘претерпевать мучения, быть терзаемым, пытаемым’ — лит. калм. *өр эдлх*, *эргӱн* ‘подбородок’ — лит. калм. *өргн*, *эргӱ̄ни*

сахал ‘борода на подбородке’ — лит. калм. *өргин сахл*, *эртэгер урул* ‘толстогубый, выдавшиеся, оттопырившиеся губы’ — лит. калм. *өртһр урл*, *эдӣлкӱ* ‘велеть приступить к чему-л., велеть заняться, велеть сделать, велеть исполнить, велеть исправить, велеть воздвигнуть’ — лит. калм. *өөдлх*, *эдӣкӱ* ‘велеть приступить к чему-л., велеть заняться, велеть сделать, велеть исполнить, велеть исправить, велеть’ — лит. калм. *өөдх*, *бекилик* ‘крепкий, сильный, солидный; силач’ — лит. калм. *бөклг* (?), *бекилӣлкӱ* ‘велеть укрепить, велеть утвердить и пр.’ — лит. калм. *бөклх* (?), бэчин ‘обезьяна’ — лит. калм. *мөчн*, *келберил* ‘наклонение, наклон; непостоянство’ — лит. калм. *көлврл*, *келберил ӱгей* ‘неподвижно, непреклонно, постоянно, твердо’ — лит. калм. *көлврл уга*, *келберилцекӱ* ‘наклоняться на одну сторону, качаться, колебаться’ — лит. калм. *көлврлцх*, *келберӧӱ* ‘кривобокий, кривой; переменчивый, обманчивый, лукавый’ — лит. калм. *көлврӱ*, *келберӣлкӱ* ‘наклонить в сторону; метаф.: совращать с прямого пути, развращать’ — лит. калм. *көлврүлх*, *келбӧӱ* ‘наклоненный в сторону’ — лит. калм. *көлвӱ* [Львовский 1893: 24, 27, 29, 31, 32, 33, 66, 67, 68, 102, 185].

3.9. Соответствие э → ө в словарях А. М. Позднеева (1911 г.) и П. Коржевой и др. (1916 г.)

Наконец, в последних словарях, датируемых уже началом XX в., — в словаре А. М. Позднеева (1911 г.) и П. Н. Коржевой и др. (1916) — зафиксировано не так много примеров с данным соответствием (10 в словаре А. М. Позднеева и 2 в словаре П. Н. Коржевой): у А. М. Позднеева — *ebesün / öbösün* ‘трава, растение’ — лит. калм. *өвсн*, *ebedkü / öbödkü* ‘болеть, хворать’ — лит. калм. *өвдх*, *ebečin / öböčin* ‘болезнь, недуг’ — лит. калм. *өвчн*, *ebür* ‘мозоль’ — лит. калм. *өвр*, *öböčitei* ‘больной, хворый’ — лит. калм. *өвчтә*, *ebčiün / öbčiün* ‘грудь’ — лит. калм. *өвцүн*, *beldükün* ‘женский детородный уд’ — лит. калм. *бөлдгн*, *bečin / mečin* ‘обезьяна’ — лит. калм. *мөчн*, *beki* ‘крепкий’ — лит. калм. *бөк* [Позднеев 1911: 15, 16, 37, 125, 126, 233]; у П. Н. Коржевой — *mečin* ‘обезьяна’ — лит. калм. *мөчн*, *öbčitei* ‘больной’ — лит. калм. *өвчтә* [Краткий русско-калмыцкий словарь 1916: 60, 85]. Относительно диалектной принадлежности словаря А. М. Позднеева сложно что-то утверждать, вероятнее всего предположить, что автор, будучи профессором Санкт-Петербургского университета и владельцем коллекции рукописей, которая впоследствии отложилась в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, опирался большей частью на письменные тексты при составлении словаря. Определить географическую локализацию составления последнего словаря также не представляется возможным, поскольку какая-либо вводная часть в словаре отсутствует, из полного названия книги лишь известно, что составители словаря П. Н. Коржева, Т. Д. Юркова. Л. Н. Нормаев и А. Ч. Чапчаев, как указано в полном названии ее книги, были учителями начальных школ Калмыцкой степи.

4. Заключение

Анализ соответствия *э* → *ө* на материале десяти словарей старокалмыцкого языка (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) в диахронии позволяет сделать следующие выводы: соответствие *э* → *ө* в большинстве случаев носит архаичный характер, восходя к ПМонг. *е, но в отдельных случаях относится к инновационным явлениям, поскольку соответствует ПМонг. *ö. Обнаружение примеров с данным соответствием во всех словарях старокалмыцкого языка,

за исключением «Краткого русско-калмыцкого словаря» Н. Бадмаева (1898 г.), позволяет сделать вывод о том, что данное соответствие было характерно для калмыцкого языка рассматриваемого периода в целом. Однако проведенное исследование показывает, что оно представлено в разных диалектах в различной степени: меньше всего в торгутском говоре, вероятно, отраженном в анонимном словаре и словаре П. Смирнова, и более широко в дербетском (словари К. Рамна, В. Дилигенского, Н. Львовского) и бузавском (словарь из «Донских епархиальных ведомостей») говорах.

Диалектный характер этого соответствия подтверждается и ранними источниками по старокалмыцкому языку, а именно калмыцкими словниками П. С. Палласа, датируемыми 1787 г. и 1789 г., в которых встречаются дублетные формы слов, несколько различающиеся по написанию[1]. Материалы П. С. Палласа подтверждают наличие соответствия фонемы [э] лабиальным гласным твердого и мягкого рядов, которые записаны П. С. Палласом по-разному, с использованием букв *у*, *ю*, *и*. Звук [э] представлен тремя вариантами написания — э, *е*, *ы*: последний, как мы считаем, используется П. С. Палласом для обозначения среднеязычного гласного [ɛ][2]. Так, у П. С. Палласа встречаем написания: *нюкюръ* / *нэкэтъ* ‘муж’; *эбдыкъ* / *ибыдыкъ* ‘колено’; *кюдылмишь* ‘труд’ / *кыдылмишь* ‘работа’; *мюндырь* / *мендырь* ‘град’; *кюекэнъ* ‘дева’ / *кээкенъ* ‘дитя’; *ыссынъ* / *усенъ* ‘волос’; *усюнъ* / *ыссынъ* ‘молоко’). Написания слов с гласным *е*, восходящие к аналогичным прамонгольским формам, можно считать литературной нормой до 1860-х гг., после чего, начиная со словаря К. Ф. Голстунского, в источниках отмечается появление вариативности в орфографировании данных слов как через *е*, так и через *ö* (*ebečin / öböčin*, *emüne / ömönö*, *ebesün / öbösün* и пр.), причем в последнем словаре, составленном учителями П. Н. Коржевой, Т. Д. Юрковой. Л. Н. Нормаевым и А. Ч. Чапчаевым (1916 г.), приводится уже только вариант написания через *ö* — *öbčitei*. Архаичное *е в начале слова или в первом слоге сохраняется во всех словарях в словах *bečin / mečin* ‘обезьяна’, *beki* ‘крепкий’, *ebür* ‘мозоль’, что, на наш взгляд, можно объяснить частотностью употребления слов. Другими словами, изменения в орфографировании и переход *е* → *ö* произошли в словах, употребляемых в речи часто (*ebesün / öbösün* ‘трава, растение’, *ebečin / öböčin* ‘болезнь, недуг’, *ebčiün / öbčiün* ‘грудь’ и т. д.), а менее употребительных слов эти изменения не коснулись.

---

[1] Это позволяет предположить, что П. С. Паллас фиксировал диалектные формы слов: так, в «Предисловии» к первому изданию «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы» указано, что его составлению предшествовала определенная работа, в частности, предварительно, в 1785 г. из столицы были разосланы распоряжения о сборе эквивалентов для отобранных русских слов на местных языках и диалектах (подчеркивание наше. — *С. Б.*) [Паллас 1787: II]. Об этом же пишет А. В. Савельев, рассматривающий чувашскую лексику на материале словаря П. С. Палласа и подчеркивающий его разнодиалектность [Савельев 2014: 14].

[2] Аналогом этого гласного звука можно считать смешаннорядную фонему <е> бурятского языка, которая акустически близка к русскому [ɨ] или к тюркскому смешанному [ɨ] и отличается от них только своим более открытым характером [Рассадин 1982: 15]. Особенно закрытый характер, как отмечает В. И. Рассадин, данная фонема носит в говорах западных бурят, почти приближаясь к [i], что актуально в контексте мнения исследователя о близости западных говоров бурятского языка к ойратскому и калмыцкому.

Источники

Дилигенский 1852 — *Дилигенский В.* Русско-калмыцкий словарь // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. 350 л.

Львовский 1893 — *Львовский Н. В.* Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса, Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским) в 1893 г. // Книжный фонд Восточного отдела библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 13, инв. № 2157.

Краткий русско-калмыцкий словарь 1899 — Краткий русско-калмыцкий словарь / сост. Н. Бадмаев. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. 95 с.

Краткий русско-калмыцкий словарь 1916 — Краткий русско-калмыцкий словарь / сост. по поручению Управления калмыцким народом учительницами и учителями начальных школ Калмыцкой степи П. Коржевой, Т. Юрковой, Л. Нормаевым и А. Чапчаевым. Астрахань: Тип. Управления калмыцким народом, 1916. 108 с.

Куканова, Михалева 2018 — *Куканова В. В., Михалева Т. А.* О еще одном «анонимном» калмыцко-русском словаре (1871, 1875 гг.) // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 1. С. 219–284. DOI:10.22162/2500-1523-2018-12-219-284

Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1911. 306 с.

Sources

Diligensky V. Russian-Kalmyk Dictionary. At: State Archive of the Republic of Tatarstan. Coll. 10. Cat. 7. File 20. (In Russ. and Kalm.)

Lvovsky N. V. Kalmyk-Russian Dictionary Compiled by [Rev.] Hieromonk Methodius (Lvovsky), Student of Kazan Theological Seminary to Have Served as Anti-Buddhist Missionary among Kalmyks of Bolshederbetovsky Ulus, Stavropol Eparchy and Governorate (1893). At: St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Library, Book Stock (Collection). Shelf mark Calm D 13. Call no. 2157. (In Kalm. and Russ.)

Concise Russian-Kalmyk Dictionary. N. Badmaev (comp.) St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1899. 95 p. (In Russ. and Kalm.)

Concise Russian-Kalmyk Dictionary / P. Korzheva, T. Yurkova, L. Normaev, A. Chapchaev (compl.). Astrakhan: Tip. Upravleniya Kalmy`czkim Narodom, 1916. 108 p. (In Russ. and Kalm.)

Kukanova V. V., Mikhaleva T. A. Another “Anonymous” Kalmyk–Russian Dictionary (1871, 1875) Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2018. Vol. 10. Is. 1. Pp. 219–284. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2018-12-219-284

Pozdneev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary:a Supplement to the Russian Language Textbook for Kalmyk Primary Schools. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)

Русско-калмыцкий словарь 1860 — Русско-калмыцкий словарь, составленный исправляющего должность экстраординарного профессора монгольского и калмыцкого языков в императорском С. Петербургском университете Константином Голстунским. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1860. 140 с.

Русско-калмыцкий словарь 2014 — Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в.: / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.

Смирнов 1857 — *Смирнов П.* Краткий русско-калмыцкий словарь. Казань: Тип. ун-та, 1857. 127 с.

Kalmuck Dictionary 2012 — Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary / transl. and ed. by J.-O. Svantesson (Turcologica. Band 93). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 199 p.

Zwick 1853 — *Zwick H. A.* Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen (Schwarzwald): Ferdinand Förderer, 1853. 479 s.

Литература

Гедеева 2002 — *Гедеева Д. Б.* Сведения о калмыцкой одежде XVIII в. (по материалам архивных документов) // Монголоведение. 2002. № 1. С. 131–135.

Гедеева 2009 — *Гедеева Д. Б.* О наименованиях судебных наказаний в калмыцком языке XVII–XVIII вв. // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина (г. Элиста, 11–13 ноября 2009 г.). Элиста: КГУ, 2009. С. 58–60.

Russian-Kalmyk Dictionary K. Golstunsky (comp.), an Associate Professor of Mongolian and Kalmyk Languages at the Imperial St. Petersburg University. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1860. 140 p. (In Russ. and Kalm.)

An Anonymous 18th-Century Russian-Kalmyk Dictionary. N. Mulaeva, N. Ochirova (translit.); V. Kukanova, N. Mulaeva (comps.); E. Bembeev, V. Kukanova (eds.). Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2014. 570 p. (In Kalm. and Russ.)

Smirnov P. A Concise Russian-Kalmyk Dictionary. Kazan: Tip. Universiteta, 1857. 127 p. (In Russ. and Kalm.)

Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary J.-O. Svantesson (transl. and ed.). Turcologica. Band 93. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 199 p. (In Eng.)

Zwick H. A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen (Schwarzwald): Ferdinand Förderer, 1853. 479 p. (In Germ.)

References

Gedeeva D. B. Information on the Kalmyk Clothing of the 18th Century (Based on Archival Documents). *Mongolian Studies.* 2002. Is. 1. Pp. 131–135. (In Russ.)

Gedeeva D. B. On the Terms of Judicial Punishments in Kalmyk Language of the 17th–18th Centuries. In: Problems of Mongol and Altaic Studies. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V. I. Rassadin (Elista, November 11–13, 2009). Elista: Kalmyk University, 2009. Pp. 58–60. (In Russ.)

Гедеева 2021 — *Гедеева Д. Б.* Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1303–1312. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Gedeeva D. B. Graphophonic Features of Khan Ayuka's Name: A Case Study of 17th–18th Century Kalmyk Official Letters. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. Is. 6. Pp. 1303–1312. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Долеева, Куканова 2024 — *Долеева А. О., Куканова В. В.* Калмыцкий словник Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем *а* и *ä* // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 644–663. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

Doleeva A. O., Kukanova V. V. Kalmyk Wordbook by J. H. Klaproth: A Grapho-Phonetic Analysis of the Graphemes a and ä. *Oriental Studies.* 2024. Vol. 17. Is. 3. Pp. 644–663. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-644-663

Кокшаева 2011 — *Кокшаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Герел, 2011. 190 с.

Kokshaeva N. O. Linguistic Features of the Epistolary Heritage of the Kalmyk Khan Donduk-Dashi (Mid-18th Century). Elista: Gerel, 2011. 190 p. (In Russ.)

Манджиева 2024 — *Манджиева И. Б.* Словарь П. С. Палласа: архаичные и инновационные черты // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1357–1368. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1357-1368

Mandzhieva I. B. Dictionary of P. S. Pallas: Archaic and Innovative Features. *Oriental Studies*. 2024. Vol 17. Is. 6. Pp. 1357–1368. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-76-6-1357-1368

Манджиева, Куканова 2023 — *Манджиева И. Б., Куканова В. В.* Калмыцкий словник в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ гласных // Oriental Studies. 2023. № 6. С. 1637–1661. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661

Mandzhieva I. B., Kukanova V. V. Kalmyk Word List in Linguarum Totius Orbis Vocabularia Comparativa by P. S. Pallas: A Graphophonetic Analysis of Vowels. *Oriental Studies*. 2023. Is. 6. Pp. 1637–1661. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661

Мирзаева 2024а — *Мирзаева С. В.* Особенности графо-фонетики калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. (на материале словников Г. Ф. Миллера (1760–1762) и Б. Бергмана (1804–1805)) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1343–1356. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

Mirzaeva S. V. Some Special Graphophonetic Features of Old Kalmyk in the Second Half of the 18th – early 19th Centuries (based on Kalmyk wordlists by G. F. Müller (1760–1762) and B. Bergman (1804–1805)). *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. Is. 6. Pp. 1343–1356. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

Мирзаева 2024б — *Мирзаева С. В.* Латинско-русско-калмыцкий словарь А. Соколова (1769–1771): общая характеристика и несколько замечаний о графо-фонетических особенностях // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 849–863. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-849-863

Mirzaeva S. V. Latin-Russian-Kalmyk Dictionary by Adrian Sokolov (1769–1771): General Description and Some Grapho-phonetic Features. *Mongolian Studies (Elista).* 2024. Vol. 16. Is. 4. Pp. 849–863. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-849-863

Павлов 2000 — *Павлов Д. А.* Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. 2-е изд. Элиста: КалмГУ, 2000. 285 с.

Pavlov D. A. Issues on the History and Structure of Kalmyk Literary Language. 2nd ed. Elista: Kalmyk State University, 2000. 285 p. (In Russ.)

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 418 с.

Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty. Vol. 1: European and Asiatic Languages. P. 1. St. Petersburg: Schnor, 1787. 418 p. (In Lat., Fr., Germ., etc.)

Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Rassadin V. I. Essays on the Historical Phonetics of Buryat. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.).

Решетов 2001 — *Решетов А. М.* К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа // Mongolica–V: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 6–14.

Reshetov A. M. K. F. Golstunsky: Life and Activity of the Eminent Mongolist. In: Mongolica–V. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. Pp. 6–14. (In Russ.).

Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII в.: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 445 с.

Savelyev A. V. Tracing Dialectal Features in Old Written Chuvash-Language Texts, 18th Century. Cand. Sc. (Philology) thesis. Moscow, 2014. 445 p. (In Russ.)

Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.

Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries (1714–1724): an Experience of Linguo-Sociological Research. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.).

Сусеева 2011 — *Сусеева Д. А.* Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 200 с.

Suseeva D. A. Grammatical Structure of the Kalmyk Language of the 18th Century: Morphonology and Morphology (Based on the Correspondence of Kalmyk Khans and their Contemporaries). Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2011. 200 p. (In Russ.)

Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

Ubushayev N. N. Dialectal System of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)

Calmuc Tartary 1831 — Calmuc Tartary; or a Journey from Sarepta to several Calmuc Hordes of the Astracan Government; from May 26 to August 21, 1823 / undertaken on behalf of the Russian Bible Society, by Henry Augustus Zwick and John Golfried Schill, and described by the former. London: Holdsworth and Ball, 1831. 262 p.

Calmuc Tartary; or a Journey from Sarepta to Several Calmuc Hordes of the Astracan Government; from May 26 to August 21, 1823. H. Zwick and J. Schill (undertaken on behalf of the Russian Bible Society and described by the former). London: Holdsworth and Ball, 1831. 262 p.(In Eng.)

Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Altere Westeuropaische Quellen zur Kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) // Asiatische Forschungen. B. 18. Bonn, Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p.

Doerfer G. Altere Westeuropaische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) Asiatische Forschungen. Vol. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p. (In Germ.)

Kalmükisch Vocabularium 1769–1771 — Kalmükisch Vocabularium von Studenten Adrian Sokolov in den Jahren 1769–1770 und 1771 // Отдел рукописных и редких книг Российской национальной библиотеки. Шифр: Эрм. нем. 57.

Kalmyk Vocabulary by Student Adrian Sokolov in the Years 1769–1770 and 1771. Department of Manuscripts and Rare Books of the National Library of Russia. (In Germ. and Kalm.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 822–833, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-822-833

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

CC BY NC ND

УДК 81’27

UDC 81’27

Языковые установки и межпоколенческая динамика кодового смешения в условиях билингвальной среды среди носителей калмыцкого языка

Language Attitudes and Intergenerational Dynamics of Code Mixing in a Bilingual Environment among Native Speakers of the Kalmyk Language

Светлана Владимировна Кириленко[1]

Svetlana V. Kirilenko[1]

[1] Институт языкознания РАН (д. 1/1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник

[1] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Research Associate

0000-0001-7902-6032. E-mail: svetlanavk[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2025
© Кириленко С. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Kirilenko S. V., 2025

Аннотация. *Введение*. В условиях современной полилингвальной среды Российской Федерации, где наряду с русским языком функционируют другие коренные языки, особую актуальность для исследования представляет калмыцкий язык. Нарушение межпоколенной передачи и асимметричное владение калмыцким и русским языками приводят к явлениям кодового переключения и смешения, что влияет на жизнеспособность калмыцкого языка, а также отражается в языковых установках носителей. *Цель* работы — выявление особенностей восприятия и использования калмыцкого языка представителями разных возрастных групп, а также анализ межпоколенческой динамики кодового смешения и его связи с процессами аттриции языка. *Материалы*. Эмпирическая база исследования сформирована на основе анкетного опроса 108 носителей калмыцкого языка в Республике Калмыкия (ноябрь 2024 года), разделенных на три возрастные группы. *Результаты*. Исследование выявило межпоколенческие различия: старшее поколение активно использует калмыцкий язык в быту и дружеском общении, проявляет терпимость к языковым ошибкам и поддерживает молодых носителей; средняя группа демонстрирует нерегулярное использование калмыцкого; отмечаются языковые конфликты по вопросу «чистоты речи»; молодежь использует язык ограниченно, занимая нейтральную позицию. Кодовое смешение присутствует во всех возрастных группах, но мотивы различаются: у старших — билингвальная привычка и стремление к выразительности, у среднего поколения — стратегия сохранения

языка, у молодежи — привычка и некоторая степень осознанности в отношении включений из калмыцкого. Большинство респондентов оценивают калмыцкий язык как престижный, несмотря на сокращение сферы его функционирования. *Выводы*. Кодовое смешение является устойчивой коммуникативной стратегией среди носителей калмыцкого языка, выполняющей как прагматические, так и символические функции. Калмыцкий язык сохраняет роль маркера идентичности, а различия в межпоколенческих языковых установках отражают продолжающиеся процессы аттриции.
Ключевые слова: калмыцкий язык, русский язык, языковые установки, кодовые переключения, кодовые смешения, языковой сдвиг, языковая аттриция
Для цитирования: Кириленко С. В. Языковые установки и межпоколенческая динамика кодового смешения в условиях билингвальной среды среди носителей калмыцкого языка // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 822–833. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-822-833

Abstract. *Introduction*. In the contemporary multilingual context of the Russian Federation, where Russian coexists with other indigenous languages, the Kalmyk language is of particular research interest. Disruptions in intergenerational transmission and asymmetric proficiency in Kalmyk and Russian contribute to code-switching and mixing, affecting the language's vitality and speakers' linguistic attitudes. *Objectives.* This study examines the attitudes and use of Kalmyk across age groups and explores intergenerational dynamics of code-mixing in relation to language attrition. *Materials.* Data were collected through a survey of 108 Kalmyk speakers in the Republic of Kalmykia (November 2024), categorized into three age groups. *Results.* Significant intergenerational differences were observed. The older generation actively uses Kalmyk in daily life, demonstrates tolerance toward linguistic errors, and supports younger speakers. The middle generation exhibits irregular use of Kalmyk language and concerns over "language purity," while youth use Kalmyk minimally, adopting a neutral stance. Code-mixing occurs across all groups but for different reasons: older speakers – bilingual habits and expressive purposes; middle generation – language preservation; youth – habitual use with some conscious efforts on Kalmyk language inclusion. Most respondents consider Kalmyk prestigious despite its reduced functional domains. *Conclusions.* Code-mixing constitutes a stable communicative strategy with both pragmatic and symbolic functions. Kalmyk continues to serve as a marker of identity, and intergenerational differences in language attitudes reflect ongoing language attrition.
Keywords: Kalmyk language, Russian language, language settings, code switching, code mixing, language shift, language attrition
For citation: Kirilenko S. V. Language Attitudes and Intergenerational Dynamics of Code Mixing in a Bilingual Environment among Native Speakers of the Kalmyk Language. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 822–833. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-822-833

1. Введение

Современная языковая ситуация в России характеризуется высокой степенью полилингвальности, при которой наряду с русским языком функционируют коренные языки. В условиях билингвального и полилингвального сосуществования усиливаются процессы асимметричного владения языками, что проявляется, в частности, в феноменах кодового переключения, кодового смешения и заимствований. Эти процессы, являясь естественной адаптацией

говорящих в многоязычной среде, одновременно могут оказывать влияние на развитие коренных языков.

Особую актуальность исследование подобных процессов приобретает в отношении калмыцкого языка. Несмотря на оказываемую языку институциональную поддержку, «*ее нельзя назвать сильной*» [Биткеева 2022: 45], и к тому же в последнее время она ограничивается преимущественно образовательной сферой [Волгин 2022: 35]. Нарушение межпоколенной передачи калмыцкого языка [SIL International 2025] ставит под вопрос перспективы его устойчивого функционирования.

В центре внимания работы — языковые установки кодового смешения среди носителей калмыцкого языка. Цель исследования состоит в выявлении особенностей восприятия и использования калмыцкого языка представителями разных возрастных групп, а также в анализе того, как кодовые переключения и смешения соотносятся с процессами аттриции калмыцкого языка.

2. Материалы и методы

2.1. Теоретические основания и научный контекст

Билингвизм традиционно понимается как «*владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе*» [ССТ 2006: 31]. Одним из ключевых явлений в билингвальной среде общения является кодовое переключение, т. е. «*переход говорящего с одного языка на другой в пределах высказывания*» [ССТ 2006: 163–164].

Подходы к изучению кодовых переключений, как социально обусловленной практики, изначально рассматривались в работах Дж. Гамперца и А. Белла [Gumperz 1982; Bell 1984] и получили дальнейшее развитие в работе Дж. А. Майерс-Скоттон с точки зрения их функционального применения, связи с идентичностью говорящего и стратегий коммуникации [Myers-Scotton 1993]. Родственным, но не идентичным переключениям феноменом является кодовое смешение, при котором элементы двух языков комбинируются в пределах одной фразы [ССТ 2006: 196]. С социолингвистической точки зрения кодовые переключения и смешения используются не только для восполнения лексических пробелов или для коммуникации в условиях асимметричного владения языками, но прежде всего для выражения идентичности говорящего, т. е. обозначения принадлежности к определенному языковому сообществу в отношении функционально второго языка [DS 2012: 40–41]. В отечественной социолингвистике проблема кодовых переключений активно разрабатывается с начала 2000-х гг. как в теоретическом аспекте [Головко 2001; Исаева 2009; Чиршева 2004; Хилханова 2018], так и на материале эмпирических исследований, посвященных языкам народов России: эвенкийскому [Мамонтова 2019], коми [Некрасова 2023], башкирскому [Бускунбаева и др. 2023] и многим другим.

Анализ кодовых переключений и кодовых смешений важен для изучения языков, находящихся в процессе языкового сдвига, таких как калмыцкий язык [Калмыцкий язык ИЯз РАН], так как он позволяет исследовать механизмы функционирования билингвальной практики. Важным фактором, влияющим

на сохранение или утрату языка, являются языковые установки, то есть совокупность оценок и представлений о «ценности» языка в сообществе, а также понятие престижа языка, отражающего его социальную значимость в глазах носителей и окружающего сообщества.

2.2. Краткий обзор современного уровня витальности калмыцкого языка

Калмыцкий язык относится к группе ойратских языков и является государственным языком в Республике Калмыкия РФ. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность этнических калмыков составила около 180 тыс. человек, из которых владение калмыцким языком указали около 108 тыс. человек (около 60 %) [ВПН 2020].

Российские и международные организации относят калмыцкий язык к числу находящихся под угрозой исчезновения [Список языков 2023; UNESCO 2010].

Современные научные исследования фиксируют сокращение функций калмыцкого языка в большинстве сфер коммуникации [Калмыцкий язык ИЯз РАН], в связи с этим в последнее время внимание исследователей сосредоточено на проблемах сохранения и возрождения калмыцкого языка [Баранова 2009], стратегиях его развития [Адучиева 2014; Кожемякина 2008], а также на анализе деятельности языковых активистов [Волгин 2022]. Отмечается, что для современной языковой ситуации в Калмыкии характерен русско-национальный билингвизм, при котором русский используется в институциональных сферах, а калмыцкий сохраняется преимущественно в культурной и семейно-бытовой коммуникации в основном среди старших поколений калмыков [Баранова 2020: 131–146].

2.3. Методология

Эмпирическая база исследования, которая носит качественно-аналитический характер, была сформирована на основе анкетного опроса, проведенного среди носителей калмыцкого языка в Республике Калмыкия в ноябре 2024 г. сотрудниками Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН совместно с сотрудниками Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. В опросе приняли участие 108 респондентов, которые были далее разделены на три возрастные группы: 18–30 лет, 31–50 лет и 51 год и старше (по 36 человек в каждой). Объем выборки не позволяет делать строгие статистически репрезентативные выводы, но вместе с тем равномерное распределение респондентов по возрастным группам обеспечивает достаточную основу для выявления межпоколенных различий и тенденций в языковых установках.

Анкета включала 20 вопросов, среди которых использовались закрытые (по шкале Лайкерта и формата «да / нет / затрудняюсь»), полуоткрытые и открытые. В анализ вошли следующие тематические блоки:

– частота использования калмыцкого языка в семейной и дружеской сферах;

– формы межпоколенной передачи языка;

– оценка престижности калмыцкого языка и открытые ответы респондентов;

– отношение к ошибкам в речи и конфликтным ситуациям, связанным с владением языком;

– восприятие и практика кодового смешения.

3. Социолингвистические параметры языкового поведения

3.1. Использование родного языка в быту и неформальном общении, языковой престиж

Анализ анкетных данных подтверждает сохраняющуюся межпоколенную дифференциацию в частоте использования калмыцкого языка (см. табл. 1). Наиболее активно язык используется в старшей возрастной группе (51 год и старше): 52,8 % респондентов говорят дома по-калмыцки всегда или большую часть времени, а 44,4 % используют его в общении с друзьями с такой же регулярностью. Средняя возрастная группа (31–50 лет) демонстрирует промежуточные значения, преимущественно выбирая ответ «иногда» по обеим сферам общения. Тенденция к снижению частоты использования калмыцкого языка в быту и в неформальном дружеском общении проявляется у молодежи — около половины представителей младшей группы признали, что они «редко» или «никогда» не используют калмыцкий.

Таблица 1. Калмыцкий язык в сфере семейного и дружеского общения
[*Table 1*. Kalmyk Language in the Sphere of Family and Friendly Communication]

Вопрос	Варианты ответов	18–30 лет	31–50 лет	51 и старше
Как часто Вы разговариваете по-калмыцки дома?	всегда	8,3 %	2,8 %	16,7 %
	большую часть времени	13,9 %	33,3 %	36,1 %
	иногда	27,8 %	50,0 %	33,3 %
	редко	36,1 %	11,1 %	13,9 %
	никогда	13,9 %	2,8 %	0,0 %
Как часто Вы разговариваете по-калмыцки с друзьями?	всегда	5,6 %	2,8 %	19,4 %
	большую часть времени	2,8 %	8,3 %	25,0 %
	иногда	38,9 %	55,6 %	44,4 %
	редко	30,6 %	25,0 %	11,1 %
	никогда	22,2 %	8,3 %	0,0 %

Вместе с тем при анализе ответов выделенной группы представителей младшего поколения (18–30 лет) отмечены формы целенаправленной поддержки языка со стороны старших членов семьи — разговоры на калмыцком в быту (19 %), исправление ошибок (16 %), рассказывание сказок и историй детям (8 %). Однако эти усилия носят эпизодический характер и не формируют устойчивого механизма языкового воспитания.

Несмотря на объективное сокращение функций калмыцкого языка, его престиж в глазах носителей остается высоким: около 70 % респондентов оценили родной язык как социально значимый и престижный. В открытых ответах часто встречались высказывания эмоционально-позитивного характера: «*В республике Калмыкия я считаю, что престижно разговаривать на калмыцком языке*», «*Калмыцкий язык престижен, он красив*», «*Свой родной язык нельзя забывать*». При этом часть респондентов связывала его престижность с институциональными усилиями: «*Благодаря работе Калмыцкого государственного университета и Института калмыцкой филологии молодежь и старшее поколение считают*

престижным знать свой родной язык и историю своего народа». Респондентами акцентировалась важность институциональной поддержки и образовательных инициатив, так как престиж языка формируется не только в семье: «*Я думаю, что необходимо увеличить количество часов для изучения родного языка и литературы в школе», «Два государственных языка должны быть престижны одинаково*».

3.2. Кодовые включения и смешения и «чистота» речи

Данные опроса фиксируют широкое распространение кодовых смешений в калмыцкой речи (см. табл. 2). Около 40 % респондентов старшей группы и около трети — из средней группы указали, что часто смешивают русский и калмыцкий языки; среди молодежи этот показатель ниже (22,2 %), однако именно в младшей группе выше доля тех, кто вообще не прибегает к смешению (25 % против 5,6 % у старших). Такая динамика позволяет предположить, что для старших поколений кодовое смешение выступает как адаптационный ресурс в условиях ограниченного словарного запаса и дефицита языковой среды, тогда как часть молодежи предпочитает полностью переходить на русский язык, избегая смешанных форм.

Таблица 2. Кодовые смешения в калмыцком языке
[*Table 2*. Code confusion in Kalmyk Language]

Вопрос	Варианты ответов	18–30 лет	31–50 лет	51 и старше
1. Как часто вы или другие люди смешиваете русские и калмыцкие слова, общаясь на калмыцком языке?	всегда	11,1 %	8,3 %	8,3 %
	часто	22,2 %	27,8 %	36,1 %
	иногда	27,8 %	33,3 %	33,3 %
	редко	13,9 %	22,2 %	16,7 %
	никогда	25,0 %	8,3 %	5,6 %
2. Как вы воспринимаете, когда разговаривающие на калмыцком языке, вставляют в речь русские (или английские) слова?	резко положительно	2,8 %	0,0 %	0,0 %
	скорее положительно	19,4 %	5,6 %	16,7 %
	нейтрально	63,9 %	63,9 %	55,6 %
	скорее отрицательно	11,1 %	19,4 %	25,0 %
	резко отрицательно	2,8 %	5,6 %	0,0 %
	свой ответ	0 %	2,8 %	2,8 %

К включениям русских или английских слов в калмыцкую речь большинство респондентов относятся нейтрально (55–64 %) (см. табл. 2). На основании анализа открытых ответов респондентов на вопрос о восприятии кодовых включений русских слов в калмыцкую речь, можно выделить несколько позиций:

- прагматичное отношение к заимствованиям, особенно из русского языка: «*Потому как современные названия не меняются. Например, слово „телефон“. На калмыцком языке так же и будет произноситься*», «*Терминология родного языка не разработана. В связи с этим обычным людям приходится вставлять иноязычные термины (слова)*»;
- критическая оценка ситуации с позиций сохранения коренного языка: «*Нет активно функционирующей системы развития калмыцкого языка в социальной среде*»;

- тенденция к принятию языкового смешения как нормы: «*Это неизбежно станет нормой, поскольку большинство мыслят на русском*»;
- существование коммуникативных стратегий, основанных на социальной чувствительности: «*Я скорее с малознакомым человеком перейду на русский язык. Просто не хочется его обидеть*».

В процессе изучения причин смешения коренного и русского языков в устной речи выявились следующие факторы:

- недостаточное знание коренного языка — респонденты указывали на бедный словарный запас, забывание слов, неуверенное владение и общее ослабление языковой компетенции: «*Слабое знание языка*», «*Плохо знают калмыцкий язык — забывают некоторые слова на калмыцком*», «*Слабый словарный запас*», «*Не знают, как переводится слово на калмыцкий язык, поэтому и употребляют русские слова*», «*Мы не уверены в своих знаниях, потому и не используем калмыцкий*»;
- ограниченность доступной языковой среды в повседневной коммуникации: «*Мы живем в России, даже в Калмыкии почти все люди русскоговорящие, внедрение русского языка в наш язык неизбежно*», «*Потому что все общество говорит в основном на русском языке уже более 80 лет*», «*Редко говорят на калмыцком*»;
- устоявшийся русско-национальный билингвизм, вследствие чего произошла адаптация языка общения под более удобный когнитивный шаблон: «*Потому что мыслим по-русски*», «*Человек знает два языка, потому и в потоке речи может смешивать слова*», «*Потому что дело привычки говорить постоянно на русском языке*»;
- ограниченность лексической базы коренного языка, особенно в сфере новых технологий и понятий: «*Калмыцкий язык не всегда успевает за развитием науки, и многие новинки остаются без названия. Например, „интернет“, „компьютер“ приходится называть словами, заимствованными из английского, потому что в русском и калмыцком языке нет аналогов*».

Опрошенные респонденты отмечают, что в повседневной жизни говорят преимущественно на русском, однако часто вставляют в речь отдельные калмыцкие слова по следующим причинам:

- лексика коренного языка точнее передает смысл, т. е. определенные реалии или оттенки смысла проще и точнее выразить именно на коренном языке: «*Иногда слова русского языка не могут полностью передать смысл задуманного*», «*Калмыцкое слово четче, яснее передает мою мысль*»;
- устоявшаяся билингвальная привычка использовать кодовые вкрапления: «*Привычка с детства, так говорили родители*», «*Происходит непроизвольно, когда общаешься в семейном кругу*»;
- культурные и эмоциональные причины: «*Чтобы все же не забывать свой язык*», «*Тем самым молодое поколение будет слышать калмыцкие слова», «Хочется овладеть языком в разговорной речи*»;
- усиление выразительности речи: «*Да, для усиления эмоциональности*», «*Более красочно звучит*».

3.3. Отношение к языковым ошибкам в коренном языке, конфликтные ситуации

Распределение ответов показывает различия в восприятии ошибок при использовании калмыцкого языка (см. табл. 3). Старшее поколение чаще выражало

положительное отношение: 25 % выбрали вариант «скорее положительно» и 5,6 % — «резко положительно». Молодежь, напротив, в большинстве случаев занимает нейтральную позицию (61,1 %), что можно интерпретировать как дистанцированность от языковой проблемы.

Таблица 3. Отношение к языковым ошибкам
[*Table 3*. Attitude to language errors]

Вопрос	Варианты ответов	18–30 лет	31–50 лет	51 и старше
Как вы относитесь к ситуациям, когда на калмыцком языке разговаривают с ошибками, вследствие слабого владения калмыцким языком?	резко положительно	2,8 %	2,8 %	5,6 %
	скорее положительно	8,3 %	13,9 %	25,0 %
	нейтрально	61,1 %	52,8 %	30,6 %
	скорее отрицательно	22,2 %	22,2 %	25,0 %
	резко отрицательно	2,8 %	0,0 %	2,8 %
	свой ответ	2,80 %	8,30 %	11,00 %

Конфликты по поводу грамотности речи на калмыцком языке отмечаются респондентами. Данные опроса показывают, что хотя большинство не сталкивались с подобными конфликтами, однако в среднем возрасте (31–50 лет) фиксируется наибольшая доля участников, вовлеченных в языковые конфликты (41,7 %), вероятно, это связано с их более активным использованием языка в профессиональной и общественной сфере.

Открытые ответы на вопрос об отношении к ошибкам в речи на коренном языке свидетельствуют в целом о нейтральном отношении: наиболее часто встречающейся реакцией стало утверждение, что ошибки допустимы, и важно поддерживать стремление к использованию языка: «*Резко положительно. С чего-то надо начинать, без ошибок никуда... И вообще, лучше говорить с ошибками на калмыцком, чем вообще не говорить*»; «*Отношусь абсолютно нормально. мы учимся на ошибках. Главное не порицать таких людей, лучше поддерживать и помогать*»; «*Разговаривают, и то хорошо, сейчас и правильно, и неправильно не разговаривают на калмыцком*». Некоторые носители языка не только терпимо относятся к ошибкам, но и стараются их корректировать: «*Поправляю, исправляю, обучаю, как правильно говорить*». Часть респондентов признает значимость любого проявления языковой активности на калмыцком, так как это способствует формированию эмоционально комфортной среды: «*Нейтрально, иначе как тренировать речь*»; «*Стараюсь понять человека*»; «*Пусть учится*»; «*Снисходительно, главное, чтобы люди старались говорить, постепенно научатся говорить правильно*».

4. Дискуссия

Полученные данные подтверждают наличие у калмыцкого языка межпоколенческих тенденций, присущих языкам, находящимся в состоянии сокращения сфер функционирования: в семейном и дружеском общении активность использования калмыцкого снижается от старшей группы к младшей. При этом, хотя старшее поколение и выступает основным носителем языковой практики, усилия по межпоколенной передаче носят скорее спорадический характер. Вместе с тем на материале проведенного опроса были выявлены различия в межпоколенческих языковых установках носителей. Старшее поколение де-

монстрирует наибольшую приверженность к использованию калмыцкого языка в семье и дружеском кругу, одновременно проявляя терпимость к ошибкам в речи и поддерживая молодых носителей. Средняя возрастная группа занимает промежуточную позицию: язык употребляется нерегулярно, и именно в этой группе чаще фиксируются конфликты по поводу языковой грамотности. В младшей группе наблюдается нейтральное отношение к ошибкам и к «чистоте речи», одновременно сочетаясь с низкими показателями практического применения языка. Таким образом, этот разрыв между престижем и практическим использованием соответствует модели языкового сдвига, когда язык сохраняет символическую функцию, но утрачивает позиции в бытовой коммуникации и может быть объяснен феноменом *символической этничности* [Баранова 2010: 27].

Анализ кодовых включений и смешений выявил, что они распространены во всех возрастных группах, однако их механизмы различны. У старшей группы они обусловлены привычкой билингвального общения; также выразительной функцией «*для усиления эмоциональности*»; наблюдались ответы, связанные с забыванием калмыцких слов и с тем, что «*русские слова быстрее идут на ум*». В средней группе наблюдается двойственность: осознанная стратегия сохранения языка, путем включений из калмыцкого в разговор на русском: «*мягко навязывать [окружающим] наш родной язык*», «*всегда стараюсь использовать обиходные [калмыцкие] слова*», но также и отказ от смешений или стремление свести их к минимуму. В этой же группе отмечено сильное стремление сохранения языкового стандарта калмыцкого языка. У молодежи в отношении кодовых включений часто встречаются объяснения привычкой: «*привычка*», «*привычка с детства*», «*так говорили родители*», сознательные установки в отношении смешений минимальны. Сами респонденты оценивают включения прагматически, а в ряде случаев — даже положительно, как средство выразительности и культурного самовыражения, что дает основания предполагать, что кодовое смешение можно рассматривать как маркер идентичности и социального позиционирования, своего рода стратегию коммуникации, а не исключительно как признак языкового сдвига.

Отношение к ошибкам в речи также отражает социолингвистическую специфику. Терпимость старшего поколения и нейтралитет молодежи можно интерпретировать как адаптивную стратегию, направленную на поддержание языковой активности. Наличие конфликтов в языковой среде среднего поколения, вероятно, объясняется их активной вовлеченностью в профессиональную и общественную коммуникацию, где требования к «чистоте речи» выше. Этот вывод согласуется с представлением о языке как о «социальном ресурсе», использование которого регулируется коммуникативным контекстом [DS 2012: 51].

5. Заключение

Исследование языковых установок и межпоколенческой динамики кодового смешения среди носителей калмыцкого языка позволяет сделать вывод о том, что оно является устойчивой стратегией коммуникации, характерной для всех возрастных групп, но мотивы его применения различаются. Языковые процессы, в которые вовлечен калмыцкий язык, — это не только процесс аттриции; калмыцкий язык сегодня выполняет прежде всего символическую функцию, являясь маркером идентичности, что отражается в мотивациях говорящих по культурным и эмоциональным причинам использовать кодовые включения на калмыцком в русской речи.

Литература

Адучиева 2014 — *Адучиева А. Б.* Калмыцкий язык: проблемы и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12(42): в 3 ч. Ч. II. Тамбов: Грамота, 2014. С. 13–15.

Баранова 2009 — *Баранова В. В.* Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. V. Ч. II: Исследования по грамматике калмыцкого языка / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2009. С. 22–41.

Баранова 2010 — *Баранова В. В.* Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М.: ВШЭ, 2010. 285 с.

Баранова 2020 — *Баранова В. В.* Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4(26). С. 131–146. DOI: 10.31912/pvrli-2020.4.7

Биткеева 2022 — *Биткеева А. Н.* Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 38–52. DOI: 10.25178/nit.2022.4.3

Бускунбаева и др. 2023 — *Бускунбаева Л. А., Рахматуллина З. Я., Ягафарова Г. Н.* Особенности функционирования дискурсива *ну* в башкирской монологической речи // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 166–178. DOI: 10.25178/nit.2023.2.12

Волгин 2022 — *Волгин В. Л.* Особенности гражданских инициатив поддержки калмыцкого языка в ситуации его кризиса // Социолингвистика. 2022. № 4(12). С. 29–44. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-29-44

References

Aduchieva A. B. Kalmyk Language: Problems and Prospects. *Philology. Theory and Practice.* No. 12(42). Tambov: Gramota, 2014. Pp. 13–15. (In Russ.)

Baranova V. V. The Linguistic Situation in Kalmykia: a Sociolinguistic Essay. In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. Vol. 5. Part 2: Studies on the Grammar of the Kalmyk Language. N. Kazansky (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 22-41. (In Russ.)

Baranova V. V. Language and Ethnic Identity. Urums and Rumeys of the Azov Region. Moscow: Higher School of Economics, 2010. 285 p. (In Russ.)

Baranova V. V. Language Contacts in Kalmykia and the Emerging of a New Local Russian Variety. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2020. No. 4(26). Pp. 131–146. DOI: 10.31912/pvrli-2020.4.7 (In Russ.)

Bitkeeva A. N. A Model of Sociolinguistic Forecasting and Current Trends in Language Policy in the Regions of Russia. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 4. Pp. 38–52. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2022.4.3

Buskunbaeva L. A., Rakhmatullina Z. Ya., Yagafarova G. N. Features of the Functioning of Discursive Marker Nu in Bashkir Monologue Speech. *The New Research of Tuva.* 2023. No. 2. Pp. 166–178. (In Russ.)

Volgin V. L. Features of Civic Initiatives Supporting the Kalmyk Language in its Crisis. *Sotsiolingvistika*. 2022. No. 4(12). Pp. 29–44. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-29-44

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года [электронный ресурс] // Федеральная служба госстатистики. URL: https://77.rosstat.gov.ru/folder/210976 (дата обращения: 7.09.2025).

Russian Population Census 2020. Moscow: Rosstat, 2020. Available at: https://77.rosstat.gov.ru/folder/210976 (accessed: 7 September 2025). (In Russ.)

Головко 2001 — *Головко Е. В.* Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии: сборник статей. Вып. 1. СПб.: Европейск. ун-т в СПб., 2001. С. 298–316.

Golovko E. V. Switching Codes or a New Code? Proceedings of the Faculty of Ethnology: Collection of Articles. No. 1. St. Petersburg: European University, 2001. Pp. 298-316. St. Petersburg: European University, 2001. Pp. 298–316. (In Russ.)

Исаева 2009 — *Исаева М. Г.* Кодовые переключения в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов): дисс. … канд. филол. наук. Череповец: Черепов. гос. ун-т, 2009. 262 с.

Isaeva M. G. Code-switching in Written Media Texts (based on Russian-Language Journals). Cand. Sc. (Philology) thesis. Cherepovets: Cherepovets State University, 2009. 262 p. (In Russ.)

Калмыцкий язык ИЯз РАН — Калмыцкий язык [электронный ресурс] // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/kalmyckiy-yazyk (дата обращения: 7.09.2025).

Kalmyk Language. Minority Languages of Russia. Project of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Available at: https://minlang.iling-ran.ru/lang/kalmyckiy-yazyk (accessed: 7 September 2025). (In Russ.)

Кожемякина 2008 — *Кожемякина В. А.* Особенности языковой ситуации и языкового законодательства в Республике Калмыкия // Альманах современной науки и образования. № 2(9): в 3 ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2008. С. 16–120.

Kozhemyakina V. A. Features of the Language Situation and Language Legislation in the Republic of Kalmykia. *Almanac of Modern Science and Education*. Tambov: Gramota, 2008. No. 2(9). In 3 parts. Pt 1. Pp. 116–120. (In Russ.)

Мамонтова 2019 — *Мамонтова Н. А.* «Приехали бы вы в прошлом веке»: отношение к языку и кодовые переключения среди эвенков в урбанизированном пространстве п. г. т. Тура // Антропологический форум. 2019. № 2. С. 109–134. DOI: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-109-134

Mamontova N. A. “You Should Have Come in the Last Century”: Language Attitude and Code-Switching among the Evenk People in the Urban Space of Tura Settlement. *Forum for Anthropology and Culture*. 2019. No. 42. Pp. 109–134. (In Russ.)

Некрасова 2023 — *Некрасова Г. А.* Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3. С. 452–460. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-452-460

Nekrasova G. A. Self-corrections in Spontaneous Speech of Komi Speakers. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023. Vol. 13. No. 3. Pp. 452–460. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-452-460. (In Russ.)

Список языков 2023 — Список языков РФ (v2023) // Проект «Языки России». Институт языкознания РАН. 2022. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (дата обращения: 07.09.2025).

Languages of Russia: Institute of Linguistics of the RAS. 2023. Available at: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (accessed: 07 September 2025). (In Russ.)

ССТ 2006 — Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: ИЯ РАН, 2006. 312 с.

Dictionary of Sociolinguistic Terms. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2006. 312 p. (In Russ.)

Хилханова 2018 — *Хилханова Э. В.* К вопросу о терминах «переключение кодов», «смешение кодов», «вкрапления» и критериях их разграничения // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 2(69). С. 668–671.

Khilkhanova E. V. On the Terms "code-switching", "code-mixing", "insertions" and the Criteria for their Distinction. *The World of Science, Culture and Education.* 2018. No. 2(69). Pp. 668–671. (In Russ.)

Чиршева 2004 — *Чиршева Г. Н.* Двуязычная коммуникация. Череповец: Черепов. гос. ун-т, 2004. 189 с.

Chirsheva G. N. Bilingual Communication. Cherepovets: Cherepovets State University, 2004. 189 p. (In Russ.)

Bell 1984 — *Bell A.* Language Style as Audience Design // Language in Society. 1984. Vol. 13. № 2. Pp. 145–204. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/S004740450001037X

Bell A. Language Style as Audience Design. *Language in Society*. 1984. Vol. 13, No. 2. Pp. 145–204. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.) DOI: 10.1017/S004740450001037X

DS 2012 — A Dictionary of Sociolinguistics / J. Swann, A. Deumert T. Lillis, R. Mesthrie. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. 368 p.

Swann J., Deumert A., Lillis T., Mesthrie R. A Dictionary of Sociolinguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. 368 p. (In Eng.)

Gumperz 1982 — *Gumperz J. J.* Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 240 p.

Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. (In Eng.)

Myers-Scotton 1993 — *Myers-Scotton J. A.* Social motivations for code-switching: Evidence from Africa. Oxford: Clarendon Press, 1993. 177 p.

Myers-Scotton J. A. Social Motivations for Code-switching: Evidence from Africa. Oxford: Clarendon Press, 1993. (In Eng).

SIL International 2025 — *Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D.* (eds.) Kalmyk-Oirat (Xal) // Ethnologue: Languages of the World. 28th edn. Dallas, Texas: SIL International, 2025. URL: https://www.ethnologue.com/language/xal/ (дата обращения: 06.09.2025).

Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.). Kalmyk-Oirat (XAL). In: Ethnologue: Languages of the World. 28th ed. Dallas, Texas: SIL International, 2025. Available at: https://www.ethnologue.com/language/xal/ (accessed: 06 September 2025). (In Eng.)

UNESCO 2010 — Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd ed. / ed. by Ch. Moseley. Paris: UNESCO Publishing, 2010. 222 p.

Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd ed. Christopher Moseley (ed.). Paris: UNESCO Publishing, 2010. 222 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 834–846, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-834-846

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22:821.512.36

UDC 398.22:821.512.36

Главный герой и событийный охват в ойратских эпопеях (на примере эпопей «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени»)

The Main Character and Event Coverage in Oirat Epics (using the Example of the Epics “Kigiyin-Kiytyun-Keke-Temur-Zewe” and “Bum Erdeni”)

Евдокия Эрендженовна Хабунова[1], *Виктор Янжиндулам*[2]

Evdokia E. Khabunova[1], *Victor Yanjindulam*[2]

[1] Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

[1] B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор филологических наук, профессор

Dr. Sc. (Philology), Professor

0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

[2] Западный филиал Монгольского государственного университета (Ш/х 16/4300, 213500 Ховд, Монголия)

[2] Western branch of National University of Mongolia (P/a 16/4300, 213500 Khovd, Mongolia)

доктор филологических наук, доцент

Ph. D, Associate Professor

0000-0003-3373-3414. E-mail: yanjinvictor[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Хабунова Е. Э., Виктор Янжиндулам, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Khabunova E. E., Victor Yanjindulam, 2025

Аннотация. *Введение*. В сокровищнице эпического наследия монгольских народов достойное место занимают героические эпопеи ойратов Северо-Западной Монголии. Каждая эпопея является высокохудожественным поэтическим произведением, в котором излагается «история одного героя», сюжет развивается гармонично и насыщен событийностью. К таковым относится и эпопея «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», которая до сих пор не была предметом специального анализа, что актуализирует исследуемую нами проблему. *Цель* статьи — анализ изображаемых в эпопеях «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдэни» событий с участием главного героя. Основным *материалом* для исследования послужил текст ойратской эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» сказите-

ля М. Парчина, для сравнительного анализа привлекался эпос «Бум Эрдени» из репертуара этого же туульчи. В работе применялись такие *методы* как сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, структурно-семантический, описательный, важные для сравнительного изучения эпических памятников, выявления особенностей формирования сюжета ойратского героического эпоса в рамках локальной традиции и репертуара сказителя. *Результаты*. События (рождение героя, обретение коня и оружия, брачная поездка, борьба с противниками-мангусами, побратимство, возвращение с невестой и добычей), формирующие движение сюжета эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», базируются на коллизиях матримониального характера и связаны с пространственным перемещением главного героя. Главный герой эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» характеризуется качествами, свойственными богатырям других ойратских эпосов: он «лучший из мужей», решителен и отважен, обладает сверхъестественной силой и магическими способностями, побеждает противников, приходит на помощь богатырям-побратимам. Появление в разных эпосах («Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени») героя с одинаковым именем (Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве), набором схожих черт и достоинств (непревзойденный стрелок, благородный жених, могущественный противник, надежный побратим и др.) допускает возможность выпадения (синкопы) или перемещения какого-либо эпизода в эпическом сюжете в рамках локальной сказительской традиции. *Выводы*. Эпопею «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», в которой воспевается подвиг богатыря, победившего врагов — зловредных мангусов, оказавшего помощь богатырям-побратимам, добывшего невесту с богатым приданым и обеспечившего своим подданным мирную и привольную жизнь, можно отнести ко второй группе ойратских героических эпопей по классификации Б. Я. Владимирцова.

Ключевые слова: ойратский эпос, Б. Я. Владимирцов, «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», главный герой, событийность, сюжет, богатырское сражение, синкопа

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (№ 24-48-03026, https://rscf.ru/project/24-48-03026/).

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Виктор Янжиндулам. Главный герой и событийный охват в ойратских эпопеях (на примере эпопей «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени») // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 834–846. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-834-846

Abstract. *Introduction.* In the treasury of the epic heritage of the Mongolian peoples, the heroic epics of the Oirats of North-Western Mongolia occupy a worthy place. Each epic is a highly artistic poetic work that tells the "story of a single hero," with a harmonious and eventful plot. This includes the epic "Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe," which has not yet been the subject of a special analysis, which makes the problem we are studying relevant. *The purpose* of this article is to analyze the events depicted in the epic "Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe" involving the main character. *The main material* for the study was the text of the Oirat epic "Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe" by the storyteller M. Parchin, and the epic "Bum Erdeni" from the same tuuulchi's repertoire was used for comparative analysis. The study used *methodological approach*es that are important for the comparative study of epic monuments and the identification of the features of the formation of the plot of the Oirat heroic epic within the framework of the local tradition and the repertoire of the storyteller. *Results.* The events (the birth of the hero, the acquisition of a horse and weapons, the marriage

trip, the fight against the Mangus enemies, the brotherhood, and the return with the bride and the loot), which form the plot of the epic “Kigiyin-Kyityun-Kekke-Temur-Zewe,” are based on matrimonial conflicts and are related to the spatial movement of the main character. The main character of the epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe” is characterized by the qualities of other Oirat epic heroes: he is “the best of men”, determined and courageous, possesses supernatural strength and magical abilities, defeats his enemies, and comes to the aid of his fellow heroes. The appearance of a hero with the same name (Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe) and a set of similar traits and virtues (an unrivaled archer, a noble suitor, a powerful adversary, a reliable brother-in-arms, etc.) in different epics (Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe and Boom Erdeni) allows for the possibility of a drop-out (syncope) or the movement of an episode in the epic plot within the local storytelling tradition. *Conclusions*. The epic “Kigiyin-Kyityun-Kekke-Temur-Zewe”, which glorifies the feat of a hero who defeated his enemies, the evil Mangus, helped his fellow heroes, obtained a bride with a rich dowry, and ensured a peaceful and prosperous life for his subjects, can be classified as the second group of Oirat heroic epics according to B. Ya. Vladimirtsov’s classification.
Keywords: Oirat epic, B. Ya. Vladimirtsov, “Kigiyin-Kiytyun-Keké-Temür-Zewe”, main character, events, plot, heroic battle, syncope
Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-48-03026, https://rscf.ru/project/24-48-03026/ “The Epic Landscape of the Oirats of Russia, Mongolia, and China (from Archaic Epic to Book Text)”.
For citation: Khabunova E. E., Victor Yanjindulam. The Main Character and Event Coverage in Oirat Epics (using the Example of the Epics “Kigiyin-Kiytyun-Keke-Temur-Zewe” and “Bum Erdeni”). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 834–846. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-834-846

1. Введение

Характеризуя состояние монгольского эпоса на начало XX столетия, крупнейший российский монголовед Б. Я. Владимирцов отметил, что «*нигде в Монголии эпос не достигает такой завершенности, такого развития, как среди ойратских племен Северо-Западной Монголии*» [Владимирцов 2003: 339].

Ойратские героические эпопеи *туули*, являясь одним из самобытных проявлений эпической традиции монгольских народов, обладают общностью идейно-тематического диапазона, композиционно-стилистических признаков и эстетических установок, выделяющей их из общемонгольской эпической среды, на что обращалось внимание исследователей, изучавших отдельные аспекты эпического творчества ойратов Западной Монголии [Борджанова 1978; Бичеев 2024; Кичиков 1976; Кичиков 1985; Манджиева 2004; Неклюдов 1984; Неклюдов 2019; Садалова, Паштакова 2025; Хабунова, Аюушжавийин 2025; Хабунова 2025; и др.].

Преемственность сказительской традиции и популярность эпических произведений в среде ойратов на протяжении многих столетий обеспечили сохранность стадиальной многослойности ойратских эпопей: в них осталась архаическая основа, отражающая мифологические воззрения о могуществе небесной силы, отразился процесс героизации эпических персонажей — земных богатырей и адаптации эпических сюжетов в новых условиях. С учетом этих особенностей Б. Я. Владимирцов, наблюдавший эпическое творчество изнутри во время своих длительных командировок (1908, 1911–1912, 1913–1915 гг.), вы-

делил три группы ойратских эпопей Северо-Западной Монголии» [Владимирцов 2003: 357]. К первой группе отнесены эпопеи, в которых важными персонажами являются небесные силы, духи, с помощью которых эпические герои ведут борьбу со своими противниками, иногда они сами являются сыновьями этого неба и небесных духов или перевоплотившимися духами [Владимирцов 2003: 357]. Ко второй группе — былины, воспевающие славных богатырей-аристократов, их подвиги, приключения, борьбу для того, чтобы «*добыть себе славное имя богатыря, добыть себе красавицу, чудесную жену, чтобы захватить тучные пастбища, стада и народ, поразить и уничтожить врагов в округе и водворить мир и благоденствие*» [Владимирцов 2003: 358]. Былины-новеллы, отличающиеся «*большой стройностью и красотой*», изображающие в большей степени картину мирной жизни, чем богатырские баталии, выделены в последнюю группу [Владимирцов 2003: 359].

Эпические произведения ойратов («Бум Эрдени», «Дайни Кюрюль», «Хан Харангуй», «Кигийн Кийтюн Кэкэ Тэмюр Зеве» «Эргэл Тюргэл», «Бюргэд хар», «Хан Чингэл», «Шар бодонг», «Эгэл Мергэн» и др.), бытовавшие в Северо-Западной Монголии, характеризуются схожими признаками, главный из которых — «*совершенство структуры, выраженное в том, что сюжет эпоса развивается гармонично и все его части построены по одной общей схеме*» [Владимирцов 2003: 346], при этом в них, как отмечает Б. Я. Владимирцов, «*сильно разнятся детали, отличаются описания тех или других эпизодов жизни героев, отличаются и сами богатыри*» [Владимирцов 2003: 346].

Наличие или отсутствие развернутого описания богатырского сражения в эпическом сюжете послужило для Б. Я. Владимирцова основным критерием дифференциации ойратских эпопей на группы. Так, выделяя «эпопею-новеллу» в отдельную группу, ученый отмечает ряд характеризующих ее признаков: отсутствие описаний битв, сражений и борьбы героя с противниками и чудовищами, манифестация исключительности героя через восхваление его богатырских достоинств, его обширных владений, тучных стад, его боевого коня, а также наличие подробного, патетического и поэтического описания свадьбы и всех перипетий свадебного действа [Владимирцов 2003: 359].

К числу эпопей, популярных среди ойратов и известных в репертуаре баитского сказителя Маньтханы Парчина (1855–1926), относится произведение «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве»[1], усвоенное им от баита Жалсан-тайджи [Бальчигигийн 2006: 9–12].

В данной статье попытаемся рассмотреть ойратские эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени» с позиций событийного охвата действий, в которых важная роль отводится главному герою. Исходя из этого, определим его позицию в классификации Б. Я. Владимирцова. В статье используется оригинальный текст «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», опубликованный в книге «Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия)» [Владимирцов 1926: 133–150].

2. Событийность эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве»

Центральное событие, изображаемое в произведении, составляет основу сюжета. Сюжетное ядро эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» представляет

[1] Название эпической песни в данной статье приводится в соответствии с источником [Владимирцов 2003: 483].

собой историю богатырской поездки главного героя к своей суженой в дальнюю страну. Предполагается, что событие такого плана должно найти отражение в описании приключений, брачных испытаний героя и других действий, нарушающих привычный ход повседневности.

Совокупность действий, формирующая событийность ойратской эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», на первый взгляд типична для эпоса в целом и связана с коллизиями матримониального характера. В рассматриваемом произведении подробно описаны рождение, богатырское детство, обретение коня, оружия и доспехов, предшествующие главному событию — женитьбе Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве.

В истории рождения героя отмечаются факты, подробно описываемые и в других эпосах монгольских народов. Появление героя на свет связано с временем мифологического первотворения: *Эрт урд өнгргсн цагт, / Девенгр бурхна сүүл негн сән цагт, / Эрк Домб Шагӂ тив бурхна / экн турүн негн сан цагт,/ тогтгсн төр шажӈн хойр гилә уй. / Төр шажӈн, нутг усна эзн болад төргсн, сән эр гилә уй* ‘В давнее прошлое время, в конце славного века Будды Дипанкара, в самом начале славного века Будды Шакьямуни утвердились, говорят, держава и вера. Рожден владыкой державы, веры и кочевий, говорят, лучший из мужей’ [Владимирцов 1926: 133][1].

Рождение и богатырское детство Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве указывают на его избранность и исключительные качества: он рожден повелителем богатого Алтая-Хангая, не знает недостатка в наслаждениях и увеселениях, он лучший из славных богатырей, уверен в своем особом предназначении и, не нуждаясь в советчиках, сам определяет свою цель и задачи: *Би чидлтә төргсн сән эр болвл, / атн темән ацата Әләр улс олзта / Хотор мал туухад, / Хошуухар күм нүүлһәд, / Аавинин бахыг хаӈһад / Ээӂинин аӈгр шар ууһин / Ачиг харүләд ирсв!* ‘Коль я родился могучим и славным богатырем, то возвращусь я с добычей, с покоренными народами, с тучными стадами. Прогоню их через мои владения и кочевья, ублажая отца, воздавая заслуги матери за ее серо-желтое молозиво!’ [Владимирцов 1926: 134].

Событием, побудившим героя к незамедлительному действию, становится весть о девушке, которая оживляет мертвых, восстанавливает погибшее: на сухом дереве заставляет листья вырасти, по сухому руслу воду побежать и находится на расстоянии «*девяноста девяти лет пути*» [Владимирцов 1926: 135]. Подробное описание многокомпонентного процесса снаряжения богатыря (кольчуга, шлем, лук со стрелами, меч с копьем) и его коня предполагает, что дальний путь будет сопряжен с трудностями и опасными происшествиями, но этого не случается, и Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве без препятствий, приключений и столкновений преодолевает огромное расстояние и прибывает во дворец хана-тестя.

3. Главный герой в череде событий

Событийная очередность эпического повествования определяется хронологической последовательностью действий, в которые вовлечен герой. В рассматриваемой эпопее первоначальную мотивацию его брачной поездки (забрать невесту, при этом убив ее семерых братьев-батыров) нарушает реакция героя на хитроумный ход родителей невесты, пытающихся уберечь своих сыновей от

[1] Здесь и далее приводится перевод Е. Э. Хабуновой.

грозного богатыря. Супруга предлагает хану усыпить приближающегося гостя заговоренным снадобьем, но хан находит другое решение — встречает гостя подношением в виде материнского молока, испив которое, герой становится побратимом для их сыновей, сражающихся с чудовищами-мангусами.

Статус побратима определяет ход дальнейших событий: герой отправляется на помощь братьям невесты и сражается с черными мангусами. Однако в эпической песне отсутствует подробное описание батальных сцен, оно заменено констатацией лишь результата схватки, которая в эпическом тексте вылилась в десять стихотворных строк: *Тер далн тавн толһата / Даю хар маңһсиг / Дархн һалзн мөртәһинь / долан әңг шу чавчад, / нәәмн тал болһад унһав. / Түүни дару, / уда тоша иргсн маңһсудиг / тав тав әңг, / таср-таср чавчж унһаһад йовхд / тере мангсуд <...> / алтн делкә дүүрәд кевтнә*. ‘Того семидесятипятиголового Даю Хара мангаса вместе с его конем Дархан Галзаном разрубил на семьдесят частей, разбросал по восьми сторонам. Затем порубил на пять частей оставшихся мангусов <...> те мангусы полегли, заполнив землю’ [Владимирцов 1926: 141].

Лаконичность описания борьбы героя с мангусами указывает на то, что выделяются не воинские качества богатыря, а его родственные отношения с семерыми братьями невесты, ради которых он сразился, чтобы стать для них надежной защитой — «*стременем, ребром*». Описание сражения Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве и его побратима Догшин-Чингиль с чудищем — матерью мангусов и ее детенышем также не отличается детализацией*: Гинт хар болд үлдәрн / тер эмән бөкс чеежәр тас чавчад оркхла, / <...> тер көвүг бөкс чеежәрнь / тас чавчад оркхла, / <...> уулын чинен һал түләд, / улхн чинен цог шилгәд, / авр һ хар эм маңһс көвүтәһинь / түүмрдәд, уга кеж оркад* ‘Своим острым черным булатным мечом перерубил пополам ту дьяволицу, отделив грудь от живота <...> ударил того черного мангусенка, перерубил его пополам, <...> разожгли костер величиной с гору, подгребли угли величиной с пригорок и сожгли дотла огромную черную дьяволицу вместе с ее дьяволенком’ [Владимирцов 1926: 144].

Поэтической выразительностью и конкретизацией отличается эпизод, передающий перипетии обнаружения и искоренения души зловредных существ и тонкости владения героем луком и стрелой: насадил быструю белую стрелу на свой крепкий желто-пестрый лук; стал натягивать его с утренним желтым солнцем, а спускать стал стрелу с полдневным желтым солнышком <...> нашептав волшебной стреле: «*Пробей ты насквозь черный шалаш, превратись в черно-пеструю осу величиной с трехлетнего барана и начинай жалить толстые бедра трехлетней черной коровы, гнать ее вон!*» [Владимирцов 2003: 489].

Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве, обладатель девяносто девяти чудесных достоинств, «убирает» небесное солнце и на луке своего седла устанавливает солнце величиной с коленную чашку, к которой устремились все пернатые, включая трех птенчиков — обиталищ души мангусов, раздавив которых, герой продолжает путь благодеяния. С помощью своей волшебной стрелы герою удается преодолеть труднопроходимую чащу, добраться до восьми красавиц, превращенных мангусами в пауков, освободить их и очистить благодатным нектарным дождем.

Магическими действиями герой из конских волосков создает темно-рыжих коней с седлами и уздами, на которых отправляет небесных красавиц к себе домой. Возвращение Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве к хану-тестю с его

сыновьями-батырами и красавицами, спасенными им, с добычей и новыми подданными дает право забрать невесту с необычным приданым — золотыми Ганджуром и Данджуром, навьюченными на тысячу пятьсот верблюдов.

Свадебный пир знаменует благополучное завершение брачной поездки героя, а подтверждением его богатырских деяний в рассматриваемой эпопее является лишь упоминание о том, что «*не стало над ним врагов-недругов, с которыми надо было бы сражаться*» [Владимирцов 2003: 492].

4. «Сказительская синкопа»

Б. Я. Владимирцовым была отмечена способность ойратских туульчи нести в себе «*запасы ... „общих мест“*», которые талантливый *туульчи* мог искусно комбинировать по-разному, «*схемы различных описаний*» при каждом исполнении эпопеи, то удлиняя или растягивая разные эпизоды, то делая его сухим и обрывистым, в зависимости от настроения и от состава слушателей [Владимирцов 2003: 353].

Факты опущения или выпадения отдельных частей текста эпоса, которые не нарушают логику повествования и даже оправданы смыслом, были определены В. М. Гацаком как «сказительская синкопа» [Гацак 1971: 21]. Такое явление он связывает не столько «*с фактором памяти, сколько с темпом и инерцией повествования, с причинами чисто художественного порядка*» [Гацак 1971: 18–19].

В эпической традиции монгольских народов сказитель, сокращая текст при его воспроизведении за счет пропуска отдельных фрагментов (например, из серии типовых описаний богатырского сражения), обязан завершить повествование констатацией возвращения героя в свою страну: *туульч замдаа илгээсэн баатраа гэртээ авчрах естой* ‘сказитель должен вернуть домой богатыря, которого он отправил в путь’ [ПМА 2019].

Сказитель мог расширить событийность эпоса в целом за счет включения понравившегося эпизода из репертуара другого сказителя в текст «своего» эпоса. Удлинение и «разбухание» текста как одну из «*самых ярких черт эпической стилистики*» эпоса отмечены С. Ю. Неклюдовым [Неклюдов 2019: 44–45]. Известно, что туульчи легко запоминали тексты полюбившихся сказаний, так, М. Парчин усвоил героические эпопеи, услышанные им от баитских туульчи: «Бум Эрдени» — от Бурул-Сесрина, «Дайни-Кюрюль» — от Шериба, «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» — от Жалсана и др. [Бальчигигийн 2006: 9–12].

Герои ойратских эпопей, усвоенных М. Парчином от разных сказителей, также могли переходить из одного произведения в другое. Например, в эпосе «Бум Эрдени» появляется богатырь Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве. Таким же именем наделен главный герой эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» [Владимирцов 2003: 369–407].

Наличие эпизода о богатырском сражении Бум Эрдени и Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве в эпосе «Бум Эрдени» наводит на мысль о возможной творческой комбинации сюжетных схем, скорее всего по этой причине лишившей эпопею «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» батальных сцен (описания поединка богатырей), и напротив, украсившей им эпос «Бум Эрдени».

«*Всякий сюжет — не только специфическая реальность эпического памятника, извлекаемая из совокупности его текстов, но и некая возможность, вероятность развертывания этой реальности в разных направлениях; равным*

образом сюжет может нести в себе следы неосуществившихся реализаций или реализаций, некогда осуществившихся и утраченных затем традицией» [Путилов 1988: 137]. Повествование многих ойратских эпических сказаний состоит из двух, а иногда и более сюжетных ходов, в которых описывается очередная победа богатыря над противником, оказавшимся могущественнее предыдущего. Как правило, в эпосах подобного типа параллельно реализуются как воинская, так и матримониальная коллизии. При исполнении ойратского эпоса две сюжетные линии о борьбе эпического героя-богатыря с врагами и о состязании-столкновении с соперниками, в зависимости от обстоятельств и настроения слушателя, могли развиваться по-разному: они могли стать как дополнением друг другу, так и исключением одной из них, не выходя за рамки одной традиции (локальной, сказительской), так как «*любой эпический сюжет оказывается результатом выбора из ограниченных (хотя и довольно широких) возможностей*» [Путилов 1988: 145]. Не воспроизведенный эпизод эпоса, оставаясь в «запасе» ойратского туульчи, мог «всплыть» в сюжете другого произведения из его репертуара. Здесь важно учесть привязанность изображаемых событий к определенным персонажам, так как именно их действия образуют сюжетную линию эпического повествования. Во время экспедиций в Западной Монголии и бесед с исполнителями ойратского эпоса (2007, 2012, 2019 гг.) одному из авторов данной статьи не раз приходилось слышать о подобных фактах.

Рассмотрим сюжетную линию, иллюстрирующую историю богатыря Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве — героя ойратского эпоса «*Бум Эрдени, лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурам-ханши*» из репертуара туульчи М. Парчина [Владимирцов 2003: 369–407].

«Бум Эрдени» может быть отнесен к «большим формам» эпоса по своему событийному охвату, включающему несколько эпизодов о богатырских сражениях главного героя с разными противниками во время брачной поездки. Столкновение Бум Эрдени с соперником-богатырем Хаджир-Хара, начавшись со взаимных угроз, по настоянию хана, отца невесты, перерастает в совместную поездку навстречу его врагам. Состязание на быстроту бега коней и крепость мужских тел, которое устраивают два богатыря в пути, скорее носят дружеский характер, чем сопернический. Подробное описание всех этапов длительного сражения богатырей с мангусами, с их матерью-бесовкой и победы над ними, побуждает героев к повторному состязанию друг с другом ради определения первенства. Проверка силы «*плеч и лопаток*», подтвердившая превосходство главного героя Бум Эрдени, завершается клятвой побратимства. В качестве брата Хаджир-Хара сватает красавицу Тюмен-Солонго за Бум Эрдени, свадебное пиршество завершается обретением невесты с приданым — золотыми Ганджуром и Данджуром [Владимирцов 2003: 406].

Напряженная и продолжительная схватка с врагами, захватившими владения и подданных побратима Хаджир-Хара во время его длительного отсутствия, передает накал воинских столкновений, но матримониальная направленность событий проявляется в финальной части конфликта. Очередную победу побратимов над противниками — братьями-силачами Хада и Харгай — венчают возвращение невесты Хаджир-Хара из полона, пиршество, обретение новых подданных и стойбищ. Мирная жизнь и пиршества время от времени прерываются битвами богатырей с новыми врагами и устранением всевозможных препятствий на пути [Владимирцов 2003: 392–407].

Событийностью в эпосе «Бум Эрдени» отмечается и эпизод о столкновении главного героя с богатырем Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве — потенциальном «*враге-неприятеле*», соседство с которым вызывает опасение у старшего табунщика Ак-сахала. О неординарности соседствующего противника и его скрытых достоинствах свидетельствует назидание проницательного Ак-сахала Бум Эрдени — отправляться в поход без сопровождения побратима и верных помощников — собаки и беркута, что может нейтрализовать враждебность Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве и создать благоприятную обстановку для побратимства.

Проявлением физической мощи Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве в эпосе «Бум Эрдени» служит его внешний облик: красный богатырь, правым плечом закрывает лучи солнца, левым — свет луны, макушка шлема упирается в небо [Владимирцов 2003: 403]; крепче всех людей шеей, крепче всех витязей плечами [Владимирцов 2003: 406]. Этими же качествами обладает и главный герой «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», «*сияющий как солнце*», родившийся с «*совершенным телом, с мясом, кровью, костями*», при приближении которого «*сотрясается Вечное небо, дрожит земля*» [Владимирцов 2003: 484–495].

Проявление воинских качеств Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве в эпосе «Бум Эрдени» проиллюстрировано в подробном описании богатырского сражения с равным противником — богатырем, а не только с демоническими существами — мангасами, как в «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве»: два богатыря рубятся до тех пор, пока лезвия их мечей не обломились; кололись пиками, пока пики не притупились; стреляли в друг друга из лука, пока стрелы не сломались [Владимирцов 2003: 404].

Особого внимания в эпосе «Бум Эрдени» заслуживает эпизод поединка, характеризующий Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве как воина, искусно владеющего луком и стрелой. Эта особенность богатыря отражена в его имени (Воздушно-холодно-сине-железное оружие), в подробном описании стрельбы стрелами, заговоренными самим богатырем, как и в эпопее «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве». Детализация заключительного этапа сражения в виде стрельбы из лука передает накал противоборства, неуязвимость и равенство богатырей, «*рожденных в один день и в один час*» [Владимирцов 2003: 403–405].

Сюжет о столкновении Бум Эрдени с Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве замыкает историю его побед с последующим братанием с достойным противником и визитом в его ставку, где совместное пиршество завершается откочевкой Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве к брату для продолжения увеселений и мирного существования. Вместе с ним откочевывают его подданные и жена, владеющая чудесным даром (оживляет умерших, поднимает павших, на сухом дереве заставит листья распуститься, по сухому руслу заставит воду бежать) и каноническим собранием буддийских текстов — священными Ганджуром и Данджуром, которые увозит с собой в качестве приданого [Владимирцов 2003: 373]. Такими же качествами и богатством обладает невеста главного героя эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» [Владимирцов 2003: 491].

Отпечаток буддизма в ойратских эпопеях проявляется не только в упоминаниях буддийских культов, в описаниях буддийских монастырей и храмов, но и вовлеченности персонажей буддийского пантеона в орбиту эпических коллизий. Так, в эпопее «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» развитие сюжета строится на

событиях, связанных с борьбой главного героя и его побратима с семьюдесятью пятью черными мангусами и их воплощениями, которых не убил в свое время красный богатырь Нагарджуна с восемьюдесятью восемью косичками [Владимирцов 2003: 488]. В данном персонаже можно усмотреть трансформацию образа буддийского монаха, учителя Нагарджуны, изображаемого в буддийской иконографии в одеяниях красного цвета и со змеями над головой (= косички в художественном преломлении эпоса).

Эпизод о финальном сражении из эпоса «Бум Эрдени» мог быть ярким дополнением к богатырской биографии главного героя эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», мог расширить событийный диапазон произведения, тем самым приравнять его к нарративам, отнесенным Б. Я. Владимирцовым ко второй группе былин, воспевающих «*славных богатырей-аристократов, их подвиги, приключения, борьбу*» [Владимирцов 2003: 358–359].

Можно предположить, что на позднейшей стадии бытования ойратского эпоса синкопа стала допустимой и даже органичной в рамках локальной и сказительской традиций, а сжатие эпического сюжета в эпосе «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» за счет «*урезания промежуточных, повторяющихся слагаемых*» [Гацак 1971: 21], возможно, компенсировалось расширением других эпизодов, повествующих, например, об истории побратимства главного героя с братьями его суженой, которых он намеревался убить, отправляясь в брачное путешествие, а впоследствии защитил их от врагов [Владимирцов 2003: 487–488].

Возможно, сокращение ойратским сказителем М. Парчином сюжета эпоса за счет опущения эпизода о богатырском сражении для приглушения воинской тематики могло быть оправданным в условиях спада политической активности ойратов в конце XIX – начале XX в. и связанной с этим деактуализацией темы героических подвигов в эпической традиции ойратов.

5. Заключение

Анализ показал, что наличие персонажа с одинаковым именем Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве, схожими качествами и ролью в развитии событий, изображаемых в разных эпопеях, указывает на размытость жанровых границ эпических произведений в рамках репертуара одного сказителя, в данном случае ойратского туульчи М. Парчина.

События (рождение, обретение коня и оружия, поездка за невестой, борьба с противниками-мангусами, возвращение с невестой и добычей), типичные для ойратского эпоса в целом, нашли отражение и в сюжете эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве». С учетом того, что произведение «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» воспевает подвиг богатыря — главного героя, победившего врагов — зловредных мангусов и обеспечившего своим подданным мирную и привольную жизнь, его следует отнести ко второй группе ойратских героических эпопей — «*былины, воспевающие славных богатырей-аристократов*» (по классификации Б. Я. Владимирцова) [Владимирцов 2003: 358–359].

Главный герой эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» обладает качествами, свойственными богатырям других ойратских эпосов: сверхъестественной силой, решительностью и отвагой, магическими способностями, позволяющими добиваться намеченной цели, вступать в борьбу с могущественными противниками для спасения богатырей-побратимов, оказания помощи тем, кто

нуждается в ней. Богатырство и воинские особенности героя отражены в его имени Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве (Воздушно-холодно-сине-железное оружие), оно указывает на то, что герой является не только метким стрелком (этим качеством обладают и другие эпические персонажи), но и стремительным, непреклонным, твердым и рассудительным воином.

Источники

Владимирцов 1926 — *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л.: Гос. академич. тип., 1926. 200 с.

Sources

Vladimirtsov B. Ya. Samples of Mongolian Folk Literature (North-Western Mongolia). Leningrad: Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya, 1926. 200 p. (In Russ.)

Полевые материалы авторов

ПМА 2019 — Нимэн Анхбайр (Монголия, Увснурский аймак, сомон Наранбулаг). Записано Е. Э. Хабуновой в 2019 г.

Authors Field Data

Nimyan Anxbair (Mongolia, Uvs aymag. Naranbulag somon). E. Khabunova (written in 2019). (In Mong.)

Литература

Бальчигигийн 2006 — *Бальчигигийн К.* Алдарт туульч М. Парчины туульс (= Эпические сказания великого туульчи М. Парчина). Улаанбаатаар: Бемби сан, 2006. 629 с.

Борджанова 1978 — *Борджанова Т. Г.* О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. С. 15–24.

Бичеев 2024 — *Бичеев Б. А.* Структура и композиция архаического эпоса «Лучший из мужей трехлетний Мекеле» // Эпосоведение. 2024. № 4 (36). С. 5–17. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-4-5-17

Владимирцов 2003 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по литературе монгольских народов / сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.

Гацак 1971 — *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса: сб. ст. / отв. ред.: В. М. Гацак, А. А. Петросян. М: Наука, 1971. С. 7–46.

References

Bal`chigigijn 2006 — Bal`chigigijn K. Famous Storyteller M. Parchin's Epic. Ulaanbataar: Bembi San, 2006. 629 p. (In Mong.)

Bordzhanova T. G. About Genre Specifics of the Oirat-Mongolian Heroic Epic. In: Typological and Creative Features of Dzhangar. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1978. Pp. 15–24. (In Russ.)

Bicheev B. A. The Structure and Composition of the Archaic Epic The Best of Men, Three-Year-Old Mekele. *Epic Studies.* 2024. No. 4(36). Pp. 5–17. (In Russ.). DOI: 10.25587/2782-4861-2024-4-5-17

Vladimirtsov B. Ya. Writings on Mongolic Literatures. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 608 p. (In Russ.)

Gaczak V. M. The Epic Singer and his Text. In: Textual Study of the Epic. M.: Nauka, 1971. Pp. 7–46. (In Russ.)

Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.

Кичиков 1985 — *Кичиков А. Ш.* Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара» // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vorträge des 4. Epensymposiums der Sonderforschungsbereichs 12 (Bonn, 1983) / ed. by W. Heissig. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. Pp. 301–372.

Манджиева 2004 — *Манджиева Б. Б.* Конструктивные элементы «тууль-улигера» в ойратском эпосе «Бум-Эрдени» // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 913–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-913-925

Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 309 с.

Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Путилов 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 224 с.

Садалова, Паштакова 2025 — *Садалова Т. М., Паштакова Т. Н.* Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3(55). С. 43–50. DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50

Хабунова, Аюушжавийин 2025 — *Хабунова Е. Э., Аюушжавийин Алимаа.* Универсальные черты героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3(55). С. 33–42. DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42

Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Dzhangar: a Study in Historical Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 156 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Origins of a Hero in [different] Versions of Dzhangar: Archaic Motifs and their Transformations. In: Heissig W. (ed.) Fragen der Mongolischen Heldendichtung. Pt. 3. Symposium Proceedings (Bonn, 1983). Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. Pp. 301–372. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. The Oirat Epic of Bum-Erdeni: Structural Elements of a '*Tuul-Uliger*'. *Oriental Studies*. 2023. Vol 17. Is. 4. Pp. 913–925. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-913-925

Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols: Oral and Written Traditions. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. The Folklore Landscape of Mongolia: Written and Oral Epics. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)

Putilov B. N. Heroic Epic and Reality. Leningrad: Nauka, 1988. 224 p. (In Russ.)

Sadalova T. M., Pashtakova T. N. On Common Plot Aspects of Altai and Mongol-Oirat Epic. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia.* 2025. No. 3(55). Pp. 43–50. (In Russ.). DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50

Khabunova E. E., Ayuushzhavijin Alimaa. Universal Traits of the "Helper Hero" in National Versions of the "Dzhangar" Epic. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2025. No. 3(55). Pp. 33–42. (In Russ.). DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42

Хабунова 2025 — *Хабунова Е. Э.* Богатырь Хонгор калмыцкого эпоса «Джангар» и богатырка Янгарчы алтайского «Янгара» — герои одного ряда // Эпосоведение. 2025. № 2(38). С. 16–25. DOI: 10.25587/2782- 4861-2025-2-16–25

Khabunova E. E. The Hero Khongor of the Kalmyk Epic “Dzhangar” and the the Hero Yangarchy of the Altai “Yangar” are Heroes of the Same Row. *Epic Studies*. 2025. No. 2(38). Pp. 16–25. (In Russ.). DOI: 10.25587/2782-4861-2025-2-16–25

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 17, Is. 4, pp. 847–859, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-847-859

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

CC BY NC ND

УДК 398.22

UDC 398.22

Ойратский джангарчи Перлян Рампиль и его репертуар

Байрта Барбаевна Манджиева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

Oirat Dzhangarchi Perlyan Rampil and his Repertoire

Bayrta B. Mandzhieva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025
© Манджиева Б. Б., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Mandzhieva B. B., 2025

Аннотация. *Введение*. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения сказительской традиции ойратов Синьцзяна с применением результатов исследований китайских джангароведов, изданных на ойратской и старомонгольской письменности, которые представляют собой ценные, но пока малодоступные для отечественных ученых сведения. *Целью* статьи является изучение биографии и эпического наследия выдающегося рапсода синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара» Перлян Рампиля. Новизна работы состоит в характеристике сказительской традиции синьцзян-ойратской версии «Джангара», анализе биографических сведений и эпического репертуара ойратского джангарчи Рампиля. *Материалом* исследования являются научные труды китайских джангароведов и отечественных исследователей, а также опубликованные тексты синьцзян-ойратской версии «Джангара» на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). *Результаты*. Одним из ярких представителей хобуксарской сказительской традиции является талантливый джангарчи Перлян Рампиль, усвоивший эпические песни от разных учителей — Хулбар Баира, Кёке Гюнзяна и Икрин Аля. Впервые эпические песни Рампиля были записаны в 1977–1978 гг. учеными из Университета Внутренней Монголии. Следующие записи песен были проведены разными исследователями в период с 1980 г. по 1982 г. Наиболее полный репертуар джангарчи в 1991 г. записал Д. Тая, зафиксировавший семнадцать глав «Джангара». Эпическое наследие выдающегося ойратского джангарчи Перлян Рампиля представляет собой ценный образец художественного творения и свидетельствует о высокой степени сохранности и значимости эпоса «Джангар» в культуре ойратов Синьцзяна. Си-

стема передачи знаний и мастерства обеспечивала преемственность традиции, а разнообразие репертуаров и выдающиеся исполнители свидетельствуют о богатстве и жизнеспособности эпического наследия ойратов. Хобуксар-Монгольский Автономный район, как центр сказительского искусства, играл ключевую роль в сохранении и развитии эпоса, демонстрируя его культурную ценность и значимость для всего ойратского народа.
Ключевые слова: синьцзян-ойратская версия, «Джангар», традиция, сказитель, глава, запись, джангарчи, сказитель, репертуар, наследие
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Манджиева Б. Б. Ойратский джангарчи Перлян Рампиль и его репертуар // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 847–859. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-847-859

Abstract. *Introduction*. The relevance of this study stems from the need to examine the storytelling tradition of the Oirat people of Xinjiang using the results of the research by Chinese Dzhangar scholars published in the Oirat and Old Mongolian scripts, which represent valuable information, but is currently inaccessible to Russian scholars. The *aim* of this article is to examine the biography and epic legacy of Perlian Rampil, an outstanding rhapsodist of the Xinjiang Oirat epic tradition, "Dzhangar." The novelty of this work lies in its characterization of the storytelling tradition of the Xinjiang Oirat version of "Dzhangar," and the analysis of the biographical information and the epic repertoire of Oirat Dzhangarchi Rampil. The research *material* includes the scholarly works of the Chinese and Russian researchers on the Dzhangar, as well as the published texts of the Xinjiang Oirat version of the Dzhangar in the Oirat script called "todo bichig" ("clear writing"). *Results*. One of the prominent representatives of the Khobuksar storytelling tradition is the talented Dzhangarchi Perlian Rampil, who learned epic songs from various teachers—Khulbar Bair, Köke Günzyan, and Ikrin Al. Rampil's epic songs were first recorded in 1977–1978 by scholars from Inner Mongolia University. Subsequent recordings of the songs were conducted by various researchers between 1980 and 1982. The most complete repertoire of the Dzhangarchi was recorded in 1991 by D. Taia, who recorded seventeen chapters of the "Dzhangar." The epic legacy of the outstanding Oirat Dzhangarchi, Perlin Rampil, represents a valuable example of artistic creation and testifies to the high degree of preservation and significance of the "Dzhangar" epic in the culture of the Oirat people of Xinjiang. A system of knowledge and skill transmission ensured the continuity of the tradition, and the diversity of repertoires and outstanding performers testify to the richness and vitality of the Oirat epic heritage. The Khobuksar Mongol Autonomous Region, as a center of storytelling, played a key role in the preservation and development of the epic, demonstrating its cultural value and significance for the entire Oirat people.
Keywords: Xinjiang Oirat version, "Dzhangar", tradition, storyteller, chapter, recording, dzhangarchi, storyteller, repertoire, heritage
Acknowledgment. The reported study was funded by government subsidy project no. 123021300198-4 "Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of cross-cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China".
For citation: Mandzhieva B. B. Oirat Dzhangarchi Perlyan Rampil and his Repertoire.*Mongolian Studies (Elista).* 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 847–859. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-847-859

1. Введение

Собирательская работа и дальнейшее изучение эпических текстов синьцзян-ойратской версии «Джангара» начались в Китае в последней четверти XX в. Начальный этап изучения синьцзянской эпической традиции «Джангара» был направлен на сбор полевых материалов. Первостепенной задачей исследователей было выявить и зафиксировать репертуары эпических рапсодов-джангарчи в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Основными направлениями научных исследований китайских ученых были вопросы бытования эпоса «Джангар», поиск и выявление сказителей, фиксация эпических песен на технические средства записи, анализ сказительской традиции, бытующей в Синьцзяне.

В исследовании Б. Амрдалы содержатся биографические данные о ряде известных ойратских джангарчи, включая Перлян Рампиля, Джавин Джуну, Шаркугин Пюрвжава, Лиджан Пюрве, Батнасни Дарму, Цедня Харцху и других [Амрдала 2008: 334–340]. Профессором Даваан Тая было проведено всестороннее изучение сказительской традиции синьцзянских джангарчи и рассмотрены особенности исполнения героического эпоса «Джангар» [Тая 2010].

Изучение сказительской традиции ойратов Синьцзяна с использованием результатов исследований китайских джангароведов, изданных на ойратской и старомонгольской письменности и представляющих собой ценные, но пока малодоступные для российских ученых сведения, является весьма актуальным. Цель статьи состоит в изучении биографии и эпического наследия выдающегося рапсода синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара» Перлян Рампиля. Новизна работы состоит в характеристике сказительской традиции синьцзян-ойратской версии «Джангара», анализе биографических сведений и эпического репертуара ойратского джангарчи Рампиля. Материалом исследования являются научные труды китайских джангароведов [Амрдала 2008; Джамцо 1991; Джамцо 2008; Батнасан 2008; Тая 2002; Тая 2010; Тая 2013; Тая 2018; Тая 2023] и отечественных исследователей [Кичиков 1981; Кичиков 1992; Церенов 2008; Босхомджиев 2024], а также опубликованные тексты синьцзян-ойратской версии «Джангара» на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») [Жангар 1986; Жангар 1987; Жангар 2000] и переложенные на современный калмыцкий язык Б. Х. Тодаевой [Джангар 2005; Джангар 2006; Джангар 2008].

Обширная экспедиция китайских исследователей по сбору фольклорного материала в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в конце 1970-х гг. привела к открытию множества сказителей эпоса «Джангар». Благодаря исследовательской работе удалось зафиксировать эпические репертуары синьцзянских джангарчи и собрать сведения о жизни сказителей. Изучение полученных данных подтверждает то, что в XX в. традиция исполнения «Джангара» бытовала среди всех ойратских народов Синьцзяна: торгутов, олетов, цахаров, хошутов, захчинов, а также урянхайцев. Наибольшее число джангарчи было зафиксировано в пяти провинциях Синьцзян-Уйгурского автономного района: Хобуксар, Рашаан, Нилх, Хеджин и Хошуд.

Хобуксар-Монгольский Автономный район Китая славится своими джангарчи, чьи репертуары являются одними из обширных и отличающимися полнотой и разнообразием сюжета. Такие известные хобуксарские сказители, как Хулбар Баир и Шарин Насун, знали и исполняли до двадцати и более песен героического

эпоса «Джангар». Сказительская традиция синьцзян-ойратского эпоса передавалась из поколения в поколение внутри семьи и шире — субэтнической группы.

2. Жизненный и творческий путь джангарчи Перлян Рампиля

Среди талантливых учеников джангарчи Хулбар Баира выделяется сказитель Перлян Рампиль (1923−1994), также известный как Аримпиль. Наиболее подробные сведения о жизни и творчестве известного джангарчи Рампиля содержатся в научных исследованиях китайского джангароведа Даваан Тая [Тая 2013: 775–781; Тая 2023: 5–11], являющегося племянником сказителя по материнской линии [Босхомджиев 2024: 4]. По сведениям исследователя Д. Тая, Рампиль родился в 1923 г. в сомоне Мёткя (*Мөткә*) в семье скотовода Перли, выходца из Северного сейма центрального хошуна (ныне — Хобуксар-Монгольский автономный уезд Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР). Джангарчи Рампиль принадлежал к хобуксарским торгутам, которые являются потомками подданных нойона Цебек Дорджи (откочевавших в 1771 г. вместе с ханом Убаши и большей частью калмыцкого народа из российского Поволжья в Центральную Азию).

Известный джангарчи Хулбар Баир поддерживал дружеские отношения с отцом Рампиля и часто посещал их жилище, где исполнял эпос «Джангар» по вечерам. Рампиль с юных лет слышал эпические сказания Хулбар Баира. Заметив у мальчика интерес к эпосу, джангарчи всячески поощрял его стремление и помогал осваивать искусство сказителя. Рампиль перенял от Хулбар Баира десять песен [Батнасан 2008: 396].

Хулбар Баир был не просто сказителем эпоса «Джангар», а человеком высокого статуса, носившим почетное звание *ваңгин җаңһрч* (‘джангарчи вана[1]’) [Тая 2015: 385]. У синьцзянских ойратов существовала четкая иерархия сказителей, отраженная в их титулах. Например, в XVII в. джангарчи Тербаир носил титул *далн товч*, что означало рапсода, знающего семьдесят песен-поэм эпоса. Выдающийся рапсод Шишиня Буурал, чья слава простиралась на четырнадцать сомонов Хобуксара, носил титул *ясна җаңһрч* (букв. ‘джангарчи кости’). Существовали и другие титулы, указывающие на положение сказителя: *хаана җаңһрч* ‘ханский джангарчи’, *хошуна җаңһрч* ‘джангарчи хошуна’, с*умна җаңһрч* ‘джангарчи сомона’ [Босхомджиев 2024: 5]. Эти титулы демонстрируют, что сказители занимали разное положение в обществе в зависимости от того, кому они служили.

Эпические песни «Джангара» Хулбар Баир выучил у Шишиня Буурала и прославился исполнением высоким тембром двадцати глав [Тая 2013: 775]. Влияние эпического репертуара сказителя Шишиня Буурала прослеживается среди западно-монгольских сказителей. Одним из ярких примеров является Магсарин Пюрэвджал из Булган-сомона, который перенял песнь «Хан Сиирин бөлг»[2] («Глава о Хане Сиире») эпоса «Джангар». Эту же главу усвоил Хулбар Баир, от которого в свою очередь перенял его ученик Рампиль [Тая 2023: 11].

Юный Рампиль, сын глубоко религиозного отца, был отдан в буддийский монастырь в Хобуксаре. Его детство омрачилось смертью матери от внезапной эпидемии. В стенах монастыря он освоил тибетскую грамоту и научился читать, но занятия буддийским учением не вызывали у Рампиля интереса, его сердце

[1] Ван — титул князя-нойона.

[2] Названия песен эпоса здесь и далее приводятся в соответствии с правилами калмыцкой орфографии.

принадлежало эпосу «Джангар». Когда ему было шестнадцать лет, его отец Перля вновь вступил в брак, и новая жена проявила к мальчику теплоту и заботу. В семнадцать лет Перля был отправлен отцом на воспитание к родственнику, ламе Дагве, который был прославленным астрологом нойона и человеком с крутым нравом. Лама Дагва сделал Рампиля своим главным помощником по хозяйству, взвалив на него всю работу. Под бдительным оком ламы юноша вынужден был изучать буддийские тексты. Однако истинным призванием Рампиля было другое. Неподалеку от дома Дагвы жил старый сказитель Кёке Гюнзян, исполнявший песни «Джангара». Несмотря на дефект речи, который мешал ему стать известным сказителем, Кёке Гюнзян обладал уникальным стилем исполнения эпоса — речитативом на низких тонах, отличным от манеры других джангарчи. Все свободное от изнурительной работы время Рампиль проводил у Кёке Гюнзяна, увлеченно впитывая каждое слово эпоса [Тая 2023: 7].

От сказителя Кёке Гюнзяна Рампиль усвоил три песни-главы:

1) «Элә Моңхлян бөлг» («Глава об Эля Монхля»);

2) «Күнд Һарта Саврин бөлг» («Глава о Тяжелоруком Савре»);

3) «Догшн Хар Санл Зан Тавг Күдр тәәж хааг Жаңһрт орулж өгсн бөлг» («Глава о том, как Свирепый Хара Санал покорил Зан Таваг Кюдер тайжи и подчинил его Джангару») [Тая 2023: 7].

Одну главу «Хоңһрин гер авлһна бөлг» («Глава о женитьбе Хонгора») Рампиль перенял от известного джангарчи Икрина Аля, который изредка навещал дом Кёке Гюнзяна [Тая 2023: 7].

Тяжелые испытания обрушились на молодого сказителя Перлян Рампиля: страшная эпидемия в 1943 г. унесла жизни многих, в том числе уважаемого учителя-джангарчи Хулбар Баира. 1944-й год принес новые беды: войска казахов разорили оставшихся в живых ойратов. Столкнувшись с безвыходной ситуацией, часть хобуксарских ойратов была вынуждена искать убежище в СССР (ныне Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан). Во время эмиграции Рампиль потерял отца, который скончался от эпидемии «*желтой болезни*» [Босхомджиев 2024: 7]. Вернувшись на родину, Рампиль вновь погрузился в учебу в монастыре «Оватын киид». Однако бремя забот о семье легло на плечи юноши, ему пришлось пасти скот, трудиться в поле. Вскоре от эпидемии скончались мачеха и младшая сестра. Несмотря на все эти невзгоды: эпидемии, военные действия, вынужденную эмиграцию, утрату близких и учителя, — Рампиль смог преодолеть все трудности. Впереди его ждали события, которые стали решающими в его становлении как настоящего джангарчи [Тая 2013: 778].

3. Об эпическом репертуаре джангарчи Перлян Рампиля

В приложении тома «Ойратский героический эпос „Джангар“», подготовленного и изданного М. В. Босхомджиевым, приводится интервью-беседа Д. Тая со сказителем Рампилем, датированное 21 июля 1991 г. В данном интервью джангарчи отмечает, что в основном эпические песни он усвоил от Хулбар Баира, кроме него, сказитель указывает еще двух учителей — Кёке Гюнзяна и Икрин Аля. Рапсод с сожалением отмечает, что в молодые годы знал намного больше песен эпоса, но подобно народной мудрости *Күүг нас дарна — уулыг цас дарна* ‘Человека настигает возраст, а гору придавливает снег’ с возрастом многие сюжеты позабылись им [Ойратский героический 2024: 696].

Одним из первых, кто зафиксировал эпические песни «Джангара» у ойратского джангарчи Перлян Рампиля, является профессор Чойжинжав из Университета Внутренней Монголии, который в 1977 г. во время диалектологической экспедиции в Синьцзян-Уйгурском автономном районе встретился с талантливым рапсодом и записал у него шесть песен-глав:

1) «Күнд һарта Саврин бөлг»[1] («Глава о Тяжелоруком Савре»);

2) «Хоңһрин гер авлһна бөлг» («Глава о женитьбе Хонгора»);

3) «Дуңшүр Герл маңһсиг Хоңһр әмдәр бәрсн бөлг» («Глава о том, как Хонгор живьем поймал Дунгшур Герел мангаса»);

4) «Әәх Догшн Бор Маңната Хоңһр бәәр бәрлдсн бөлг» («Глава о том, как Хонгор сразился с грозным Догшин Боро Мангна»);

5) «Хошун Улан, Баатр Хар Җилһн, Әлә Шоңхр һурвн баатр төрсн Бадмин Уланыг орулҗ ирсн бөлг» («Глава о том, как Хошун Улан, Баатар Хар Джилга и Аля Шонхор втроем привели в подданство богатырем рожденного Бадмин Улана»);

6) «Хан Сиир бодңгин бөлг» («Глава о вепре Хан Сиир») [Тая 2018: 4].

Запись эпических песен «Джангара» в исполнении Рампиля была высоко оценена учеными Университета Внутренней Монголии. Представители кафедры монгольского языка и литературы Университета Внутренней Монголии — профессор Буянхишиг и преподаватель Бюрэнбаяр — летом 1978 г. были направлены в полевую экспедицию с целью записи джангарчи Рампиля, а также выявления новых сказителей «Джангара» и фиксации их репертуаров. По прибытии ученых в Синьцзян к ним присоединился исследователь О. Тайван. За время полугодовой экспедиции ученые встретились с более чем сорока джангарчи и записали свыше шестидесяти песен «Джангара». У хобуксарского джангарчи Перлян Рампиля исследователи записали пять песен-поэм:

1) «Күнд һарта Саврин бөлг» («Глава о Тяжелоруком Савре»);

2) «Хоңһрин гер авлһна бөлг» («Глава о женитьбе Хонгора»);

3) «Дуңшур Герл маңһсиг Хоңһр әмдәр бәрсн бөлг» («Глава о том, как Хонгор живьем поймал Дунгшур Герел мангаса»);

4) «Әәх Догшн Бор Маңната Хоңһр бәәр бәрлдсн бөлг» («Глава о поединке Хонгора с грозным Догшин Боро Мангна»);

5) «Хошун Улан, Баатр Хар Җилһн, Әлә Шоңхр һурвн баатр төрсн Бадмин Уланыг орулҗ ирсн бөлг» («Глава о том, как Хошун Улан, Баатар Хар Джилга и Аля Шонхор втроем привели в подданство рожденного богатырем Бадмин Улана») [Босхомджиев 2024: 10].

Следующие записи известного джангарчи Рампиля были проведены разными исследователями в период с 1980 г. по1982 г. Так, синьцзянский исследователь Т. Бадма записал от сказителя Рампиля четыре новые песни:

– <u>в 1980 г.:</u>

1) «Бөк Мөңгн Шигшрг аавнь, үйин өнчн Җаңһрла учрснь» («Глава о встрече отца Бёке Мёнген Шигширги и одинокого в поколении Джангара»);

2) «Күч иктә Күрклəтин Бор Толһан Алтн Соя хан» («Глава об Алтан Соя хане, [сыне] Могучего хана Кюрклятин Боро Толга»);

– <u>в 1981 г.:</u>

3) «Бөк Мөңгн Шигшрг аавнь үйин өнчн Җаңһрт Эзн Ширкин тавн сай

[1] Названия эпических песен всегда давались самим джангарчи П. Рампилем.

нутгиг тушаж өгснь» («Глава о том, как отец Бёке Мёнген Шигширги передал во владение одинокому в поколении Джангару пятимиллионное кочевье Эзен Ширки»);

– в октябре 1982 г.:

4) «Алдр Җаңһр Догшн Хар Санл хойрин бээр бәрлдсн бөлг» («Глава о сражении Славного Джангара со Свирепым Хара Саналом») [Босхомджиев 2024: 11].

В июле 1981 г. исследователь Ба. Олцу зафиксировал у джангарчи еще две новые главы:

1) «Эргү Мөңгн Тевг хан Үзң Алдр хааг дээлсн ба Үзң Алдр хаана Җаңһр гиҗ нер тәвснь» («Глава о том, как Эргю Мёнген Тевег хан победил Узенг Алдар хана и [осиротевшему его сыну] дал имя Джангар, сын Узенг Алдар хана»);

2) «Җаңһрин Арвс Хар көвүн Эргү Мөңгн Тевг хааг әмдәр бәрснь» («Глава о том, как сын Джангара Арвас Хара живьем пленил Эргю Мёнген Тевег хана») [Босхомджиев 2024: 10–11].

Известный китайский джангаровед Т. Джамцо в 1982 г. в родном сомоне сказителя записал у Рампиля пять глав и два восхваления:

1) «Хөмөстә Догшн Шар Маңһс Үзң Алдр хааг дээлсн ба Бөк Мөңгн Шигшрг Үзң Алдр хаана өнчн хоцрсн көвүнд Җаңһр гиҗ нер тәвсн бөлг» («Глава о том, как двухлетний Свирепый Шара Мангас победил Узенг Алдар хана и Бёки Менген Шигширги осиротевшему сыну Узенг Алдар хана дал имя Джангар»);

2) «Догшн Шар Гүргүһин бөлг» («Глава о Свирепом Шара Гюргю»);

3) «Җаңһр болн Хоңһрин магтал» («Восхваление Джангара и Хонгора»);

4) «Арг Улан Хоңһр Арг Манзин Буурлта Әәх Догшн Маңһсин хаана Догшн Бор Маңната бээр бәрлдсн бөлг» («Глава о битве Араг Улан Хонгора со Свирепым Боро Мангна, [богатырем] свирепого хана мангасов, имеющего коня Араг Манзин Буурал»);

5) «Догшн Хар Кинәсин бөлг» («Глава о Свирепом Хара Кинясе»);

6) «Җаңһр болн Хоңһрин магтал» («Восхваление Джангара и Хонгора»);

7) «Җаңһрахна садн салтрин сүлҗә» («Генеалогия рода Джангара») [Босхомджиев 2024: 12].

Наиболее обширный репертуар джангарчи П. Рампиля в 1991 г. записал его племянник Даваан Тая, который в то время учился на факультете монгольского языка и литературы Университета Внутренней Монголии. Приехав на летние каникулы, Д. Тая узнал о болезни дяди и немедленно отправился к нему. Джангарчи обратился к племяннику с просьбой: *Би ода нас өндр болув. Эн янзарн муудад бәәвл, әл нег өдр үкчкх чиг маһдго. Күн гидг чинь кезә нег өдр үкдг йоста. Мини таанрт үлдәҗ өгмәр эд көрңг гиҗ бәәхш. Мини чеежлсн кедн бөлг „Җаңһриг“ минь ла эд көрңг гиҗ келҗ болх маһдго. Үүнән чамд келҗ үлдәя гиҗ бодж бәәнәв. Учрнь мини садн төрлин дотрас чи ла хол һазр йовҗ олн юм сурч бәәх болхар мини келсн „Җаңһриг“ эркмн хадһлна гиҗ бат иткҗ бәәнәв. Ядхдан эврә үр күүкдтән соңсхҗ, наһцхан дурсхл болһҗ йов! Кервә болдг юм бол әл нег өдр мини келсн тер янзарнь кевлүлҗ өгхиг күсч бәәнәв.* ‘Сейчас я в преклонном возрасте. Если здоровье будет вот так ухудшаться, то, скорее всего, в один из дней скончаюсь. Человек когда-нибудь должен умереть. Из имущества мне нечего оставить вам в наследство. Наверное, пусть несколько глав «Джангара» из моего репертуара станут наследием. Думаю, тебе я исполню и оставлю. Из всех моих родственников ты далеко находишься и многое познаешь, я твердо

верю, что ты с особым трепетом будешь хранить сказанный мной «Джангар». В крайнем случае давай слушать своим детям, и это будет памятью для твоего дяди по материнской линии. Если будет возможность, то когда-нибудь издай его так, как я сказывал, — это мое желание' [Тая 2013: 889; Босхомджиев 2024: 13].

Даваан Тая записал у джангарчи Перлян Рампиля семнадцать эпических песен «Джангара» и одно восхваление Джангара и Хонгора:

1) «Җаңһрин» экн бөлг» («Вступительная глава „Джангара“»);

2) Бөк Мөңгн Шигшрг өнчн хоцрсн Җаңһриг олж авад, Җаңһр гидг нер өгсн бөлг («Глава о том, как Бёке Мёнген Шигширги нашел осиротевшего Джангара и нарек его именем Джангар»);

3) «Бөк Мөңгн Шигшрг Җаңһриг алх санаһан хураж, эзн Ширкин тәвн сай нутгиг тушаж өгхәр тогтсн бөлг» («Глава о том, как Бёке Мёнген Шигширги раздумал уничтожить Джангара и решил передать во владение пятимиллионное кочевье владыки Ширки»);

4) «Күнд Һарта Саврин бөлг» («Глава о Тяжелоруком Саваре»);

5) «Хан көвүн Хаңһлда Өзвин бөлг» («Глава о ханском сыне Хангалда Ёзве»);

6) «Элә Мухлан бөлг» («Глава об Эля Мухла»);

7) «Хоңһрин гер авлһин бөлг» («Глава о женитьбе Хонгора»);

8) «Күч иктә Күрклүт Алтн Соян бөлг» («Глава о Могучем Кюрклют Алтан Соя»);

9) «Догшн Шар Гүргин бөлг» («Глава о Свирепом Шара Гюргю»);

10) «Догшн Хар Кинәсин бөлг» («Глава о Свирепом Хара Кинясе»);

11) «Дуңшур Герл Маңһсиг Хоңһр әмдәр бәрсн бөлг» («Глава о том, как Хонгор живьем поймал Дунгшур Герел Мангаса»);

12) «Әәх Догшн Бор Маңната Хоңһр бәәр бәрлдсн бөлг» («Глава о поединке Хонгора с грозным Догшин Боро Мангна»);

13) «Догшн Хар Санл Зан Тавг Күдр тәәж хааг Җаңһрт орулж өгсн бөлг» («Глава о том, как Свирепый Хара Санал покорил Зан Таваг Кюдер Тайджи хана и подчинил его Джангару»);

14) «Хан Сиир көвүнә бөлг» («Глава о мальчике Хан Сиир»);

15) «Җаңһрин Атхр Хар көвүн Эргү Мөңгн Тевгиг әмдәр бәрсн бөлг» («Глава о том, как сын Джангара Атхар Хара живьем пленил Эргю Мёнген Тевега»);

16) «Хошун Улан, Баатр Хар Җилһн, Әлә Шоңхр һурвн баатр төрсн Бадмин Уланиг орулж ирсн бөлг» («Глава о том, как Хошун Улан, Баатар Хар Джилган и Аля Шонхор втроем подчинили богатырем рожденного Бадмин Улана»);

17) «Җаңһрин төгслтин бөлг» («Заключительная глава „Джангара“»);

18) «Җаңһр Хоңһр хойрин магтмж» («Восхваление Джангара и Хонгора») [Босхомджиев 2024: 14].

Записанный китайскими исследователями эпический репертуар джангарчи Рампиля состоит из двадцати трех оригинальных глав-поэм и двух восхвалений-магталов. «*Названия эпических песен джангарчи Перлян Рампиля отражают основное содержание глав, как видно из приведенного перечня, большинство песен посвящены богатырским подвигам во имя защиты страны Джангар-хана. В репертуаре сказителя прослеживается три поколения героев эпоса: первое — Узюнг Алдар-хан — отец Джангара, второе — Джангар и богатыри Бумбы, третье — сыновья главных героев Хара Джилган, Хошун Улан и Аля Шонхор. В репертуаре Рампиля также присутствует традиционная тема богатыр-*

ского сватовства (Песнь о женитьбе Хонгора), которая является вариантом калмыцкой поэмы о женитьбе Хонгора, исполненной джангарчи Ээлян Овла» [Манджиева 2022: 890]. В число эпических сказаний, исполнявшихся П. Рампилем входят также три поэмы, которые являются песнями из эпического цикла калмыцкого джангарчи Ээлян Овла: «Песнь о том, как Аля Шонхор, Хошун Улан, Хара Джилган втроём взяли в плен Бадмин Улана», «Песнь о Булингира сыне Строгом Хара Санале, владеющем конем Буурал Галзаном» и «Песнь о том, как Строгий Хара Санал подчинил Джангару Могучего Зан Тайджи». Репертуар П. Рампиля включал также две широко распространенные песни «Песнь о свирепом Шара Гюргю» и «Песнь о свирепом Хара Кинесе», публиковавшиеся в 1940 г. вместе с песнями Ээлян Овлы [Джангар 1940].

Неизвестно, как именно джангарчи Перлян Рампиль усвоил сюжеты этих песен. Возможно, он мог почерпнуть их из печатных изданий, которые были распространены в Синьцзяне, или же, что более вероятно, усвоил их в устной форме от своих наставников: Хулбар Баира, Кёке Гюнзяна и Икрин Аля [Босхомджиев 2024: 696]. В зависимости от того, какая из предложенных гипотез окажется верной, будут решаться две проблемы. Первая связана с тем, как трансформируется передача эпического наследия: от учителя к ученику или посредством письменных источников, при этом заменяя в дихотомии «учитель – ученик» первый субъект на книжный источник. Вторая проблема заключается в состоятельности выделения в российском эпосоведении эпических традиций на основе субэтнической принадлежности сказителей. В этом случае вышеизложенное может означать, что у предков калмыков бытовали одни и те же сюжеты, которые в настоящее время, согласно сложившейся в российском джангароведении традиции, связываются с определенными этническими группами, в среде которых были записаны те или иные тексты. Исходя из этого, можно предположить о существовании **единой** эпической традиции среди калмыков вне зависимости от локальных традиций этнических групп. Для решения этой проблемы требуется провести сравнительный анализ текстов синьцзянской традиции с песнями калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Китайским джангароведом Даваан Тая в 2013 г. двадцать три главы выдающегося хобуксарского джангарчи Перлян Рампиля были изданы в академическом томе «Аримпилийн „Жангар“ хорин гурван бүлэг» («Двадцать три главы „Джангара“ Аримпиля») в г. Хух-Хот Внутренней Монголии КНР [Тая 2013].

В 2024 г. впервые в отечественной фольклористике молодым исследователем М. В. Босхомджиевым опубликованы семнадцать оригинальных глав синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» [Босхомджиев 2024], записанные Д. Тая в 1991 г., а также шесть вариантов отдельных глав, зафиксированные в 1970–1980 гг. от хобуксарского джангарчи Перлян Рампиля и переложенные составителем со старомонгольской письменности «худам бичиг» из академического труда «Двадцать три главы „Джангара“ Аримпиля» [Тая 2013] на современный калмыцкий язык [Босхомджиев 2024].

4. Заключение

Изучение сказительской традиции синьцзян-ойратской версии «Джангара» показало, что одним из ярких представителей хобуксарской сказительской традиции является талантливый джангарчи Перлян Рампиль, усвоивший эпи-

ческие песни от разных учителей — Хулбар Баира, Кёке Гюнзяна и Икрин Аля. Одаренный молодой Рампиль, преодолев тяжелые жизненные испытания, вступил на путь, который привел его к славе джангарчи. Впервые эпические песни «Джангара» Перлян Рампиля были записаны в 1977–1978 гг. учеными из Университета Внутренней Монголии. Следующие записи песен были проведены разными исследователями в период с 1980 г. по 1982 г. Наиболее полный репертуар джангарчи П. Рампиля в 1991 г. записал Д. Тая, зафиксировавший семнадцать глав «Джангара». Эпическое наследие выдающегося ойратского джангарчи Перлин Рампиля представляет собой ценный образец художественного творения и свидетельствует о высокой степени сохранности и значимости эпоса «Джангар» в культуре ойратов Синьцзяна. Система передачи знаний и мастерства обеспечивала преемственность традиции, а разнообразие репертуаров и выдающиеся исполнители свидетельствуют о богатстве и жизнеспособности эпического наследия ойратов. Хобуксар-Монгольский Автономный район как центр сказительского искусства играл ключевую роль в сохранении и развитии эпоса, демонстрируя его культурную ценность и значимость для всего ойратского народа.

Источники

Джангар 1940 — Джангар: Калмыцкий народный эпос / пер. С. Липкина. М.: Гослитиздат, 1940. 136 с.

Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойр. на совр. калм. Б. Х. Тодаевой. Т. 1. Элиста: Джангар, 2005. 856 с.

Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойр. на совр. калм. Б. Х. Тодаевой. Т. 2. Элиста: Джангар, 2006. 831 с.

Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойр. на совр. калм. Б. Х. Тодаевой. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. 460 с.

Жангар 1986 — Жангар (= «Джангар»). Т. 1 / Дунд улусийин ардын амн зокал урлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх орни сала ниигмлигэс эмкэгдэлвэ (= Опубликовано отделением Общества исследователей устного народного творчества СУАР Китая). Үрэмч: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1986. 860 х. (На ойр. письм.)

Sources

Dzhangar: Kalmyk Folk Epic. S. Lipkin (trans.). Moscow: Goslitizdat, 1940. 136 p. (In Russ.)

Dzhangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. B. Todaeva (transcript). Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2005. 856 p. (In Kalm.)

Dzhangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. B. Todaeva (transcript). Vol. 2. Elista: Dzhangar, 2006. 831 p. (In Kalm.)

Dzhangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. B. Todaeva (transcript).Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. 460 p. (In Kalm.)

Dzhangar. Vol. 1. Branch of the Society of Researchers of Folklore of the Ethnic Groups from Xinjiang, PRC. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1986. 860 p. (In Oir.)

Жангар 1987 — Жангар (= «Джангар»). Т. 2 / Дунд улусийин ардын амн зокал урлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх орни сала ниигмлигэс эмкэгдэлвэ (= Опубликовано отделением Общества исследователей устного народного творчества СУАР Китая). Үрэмч: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1987. 865 х. (На ойр. письм.)

Dzhangar. Vol. 2. Branch of the Society of Researchers of Folklore of the Ethnic Groups from Xinjiang, PRC. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1987. 865 p. (In Oir.)

Жангар 2000 — Жангар (= «Джангар»). Т. 3 / Дунд улусийин ардын амн зокал урлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх орни сала ниигмлигэс эмкэгдэлвэ (= Опубликовано отделением Общества исследователей устного народного творчества СУАР Китая). Үрэмч: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 2000. 460 х. (На ойр. письм.)

Dzhangar. Vol. 3. Branch of the Society of Researchers of Folklore of the Ethnic Groups from Xinjiang, PRC. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 2000. 460 p. (In Oir.)

Ойратский героический 2024 — Ойратский героический эпос «Джангар». Т. 1. Элиста: Калм. ун-т, 2024. 718 с.

The Oirat Heroic Epic "Dzhangar". Vol. 1. Elista: Kalmyk University, 2024. 718 p.

Тая 2002 — *Тая Д.* Аримпилин «Жангар» — Шинжаан Ойрадын баатарлаг тууль (= Синьцзян-ойратская версия «Джангара» в исполнении Арампиля). Chiba: Японы Чиба их сургууль, 2002. 298 с. (На старописьм. монг. яз.)

Taya D. Xinjiang Oirat Version of the Dzhangar. Recorded from Arimpil. Chiba: Chiba University, 2002. 298 p. (In Mong.)

Тая 2013 — *Тая Д.* Аримпилийн «Жангар» хорин гурван бүлэг (= Двадцать три главы «Джангара» в исполнении Арампиля). Хух-Хот: Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 2013. 899 х. (На ойр. письм.).

Taya D. Twenty-Three Chapters of "Dzhangar" performed by Arampil. Khukh-Khot: Ovor Mongolyn ardyn khevleliyn khoroo, 2013. 899 p. (In Oir.)

Тая 2015 — *Тая Д.* Жангарчийн судлал (= Исследование джангарчи). Хух-Хот: Өвөр монголын ардын хэвлэ лийн хороо, 2015. 438 х. (На монг. яз.)

Taya D. The Study of Dzhangarchi. Khukh-Khot: Ovor mongolyn ardyn khevleliyn khoroo, 2015. 438 p. (In Oir.)

Тая 2023 — *Тая Д.* Аримпилын «Жангар»-ын арван долоон бүлэг (= Семнадцать глав «Джангара» в исполнении Арампиля). Улаанбаатар: Тод номын гэрэл, 2023. 296 х. (На монг. яз.).

Taya D. A. Seventeen Chapters of "Dzhangar" performed by Arampil. Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel, 2023. 296 p. (In Mong.)

Литература

Амрдала 2008 — *Амрдала Б.* Җаңһрчдын товч намтр (= Краткая биография джангарчи) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 334–340. (На калм. яз.)

Батнасан 2008 — *Батнасан Ж.* «Жангар»-ын тууль ба Ховогсайрын жангарчнарын тухай байцаалтын мэдүүлэлт (= О записи и изучении эпоса «Джангар» и джангарчи Ховгсяра) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 391–411. (На калм. яз.)

Босхомджиев 2024 — *Босхомджиев М. В.* Традиционный сказитель хобуксарских ойратов Аримпиль (1923–1994) // Ойратский героический эпос «Джангар». Т. 1. Элиста: Калм. ун-т, 2024. С. 4–17.

Джамцо 1991 — *Джамцо Т.* Алдарт жангарч П. Рампил болон Э. Овлойн Жангарын оршил бүлгийн харьцуулал (= Сравнение текста прологов «Джангара» выдающихся джангарчи П. Рампила и Э. Овлы) // Ойрадын судлал (Үрэмч). 1991. № 2. Х. 31–91. (На ойр. письм.).

Джамцо 2008 — *Джамцо Т.* Шинжәңгин моңһлчудын дотр «Җаңһр»-ин туулин тархҗ хадһлгдгсн тойм бәәдл (= Обзор распространения эпоса «Джангар» среди синьцзянских монголов) // Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 368–390. (На калм. яз.).

Кичиков 1981 — *Кичиков А. Ш.* «Джангар» современных джунгарских ойратов (К вопросу о соотношении традиций) // Этнография и фольклор монгольских народов / отв. ред. А. Г. Митиров. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 41–56.

References

Amrdala B. Brief Biography of Dzhangarchi. In: “Dzhangar”. The Heroic Epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 334–340. (In Kalm.)

Batnasan Zh. About Recording and Studying the Epic “Dzhangar” and Khovgsyar's Dzhangarchi. In: The Heroic Epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 391–411. (In Kalm.)

Boskhomdzhiev M. V. Traditional Storyteller of the Khobuksar Oirats Arimpil (1923–1994). In: The Heroic Epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. Vol. 1. Elista: Kalmyk University, 2024. Pp. 4–17. (In Russ.)

Jamtso T. A Comparison of the Text of the Prologues of “Dzhangar” by the Outstanding Dzhangarchi P. Rampil and E. Ovla. *Oyradyn Sudlal (Urumchi)*. 1991. No. 2. Pp. 31–91. (In Oir.)

Jamtso T. A Review of the Spread of the Dzhangar Epic Among the Xinjiang Mongols. In: Dzhangar Heroic Epic of the Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar 2008. Pp. 368–390. (In Kalm.)

Kichikov A. Sh. “Dzhangar” of Modern Dzungar Oirats (on the Issue of the Relationship of Traditions). In: Ethnography and Folklore of the Mongolian Peoples.Elista: Kalmyk Institute of the History, Philology and Economics, 1981. Pp. 41–56.

Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.

Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Dzhangar: A Study in Comparative Typology. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)

Манджиева 2022 — *Манджиева Б. Б.* Синьцзян-ойратские сказители: хранители эпической традиции «Джангара» // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 882–894. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-882-894

Mandzhieva B. B. Xinjiang Oirat Storytellers: Keepers of the Epic Tradition of "Dzhangar". *Oriental Studies.* 2022. Vol. 15. Is. 4. Pp. 882–894. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-882-894

Тая 2010 — *Тая Д.* Шинжааны жангарчийн уламжлал судлал (= Исследование сказительской традиции синьцзянских джангарчи). Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв (Библиотека Ойратика), 2010. 322 х. (На монг. яз.)

Taya D. Exploring the Taletelling Tradition of Xinjiang Dzhangarchis. Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 322 p. (In Mong.)

Тая 2018 — *Тая Д.* Алдарт жангарч Аримпилийн «Жангар»-ын бүртгэл судлал (= Изучение записей «Джангара» знаменитого джангарчи Аримпиля) // Алдарт жангарч Аримпилийн мэндлэсэн 95 жилийн ойг дурсах жич Монгол тууль судлалын эрдэм шинжилгээний хуралын өгүүллийн түүвэр (= Сборник материалов конференции по исследованию монгольского эпоса, посвященный 95-летию со дня рождения знаменитого джангарчи Аримпиля). Хух-Хот: Өвөр-Монголын их сургууль, 2018. Х. 1–13. (На монг. яз.)

T aya D. Study of the Records of «Dzhangar» by the Famous Dzhangarchi Arimpil). In: A Collection Materials of the Conference on the Study of the Mongolian Epic, Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of the Famous Jangarchi Arimpil. Hohhot: Ovor-Mongol Ikh Surgul, 2018. Pp. 1–13. (In Mong.)

Церенов 2008 — *Церенов В. З.* Эпос «Джангар» у ойратов Синьцзяна // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 437–457.

Tserenov V. Z. Epic of Dzhangar among Xinjiang Oirats. In: Jangar. A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 437–457. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2025. Т. 17. № 4

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 29.12.2025. Формат 70x108/1/16.
Усл. печ. л. 21,35. Тираж 100 экз. Заказ 45-25.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8